
412

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЮЗА ГОРНОРАБОЧИХ СССР

ИСТОРИЯ ГОРНОРАБОЧИХ СССР

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЮЛИЙ ГЕССЕН

ИСТОРИЯ ГОРНОРАБОЧИХ РОССИИ до 60 гг. XIX ВЕКА

МОСКВА
1926 г.

Н. РОМАНСКИЙ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ СОЮЗА ГОРНОРАБОЧИХ С.С.С.Р

ИСТОРИЯ ГОРНОРАБОЧИХ С.С.С.Р.

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЮЛИЙ ГЕССЕН

ИСТОРИЯ ГОРНОРАБОЧИХ РОССИИ до 60 гг. XIX ВЕКА

МОСКВА
ИЗДАНИЕ ЦК СОЮЗА ГОРНОРАБОЧИХ СССР
1926

,,Мосполиграф'', типо-цинкография
,,Мысль Печатника'',
Петровка, 17.
Главлит № 56687. Тираж 5.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Существующая литература по истории горнорабочих нашей страны весьма недостаточна. О некоторых моментах ее или отдельных событиях, — напр., Ленский расстрел, движение бакинских нефтерабочих, — писалось много. Документальные свидетельства об этих событиях — в одном и том же изложении — переходят из книги в книгу. Но и здесь мы часто не имеем заслуживающих доверия данных по тому или иному, порой самому элементарному, вопросу. В то же время ряд других важнейших моментов, даже больших периодов героической истории горнорабочих СССР, до сих пор остается неосвещенным.

Такое отрывочное, эпизодическое освещение горняцкого прошлого с каждой новой статьей либо книгой не только не покрывает растущего к нему интереса, но еще более возбуждает этот интерес, ставя новые и новые вопросы и не давая на них ответов. И все-таки никто еще до сих пор не задавался целью, — а до Октябрьской революции по цензурным и архивным условиям и не мог такой целью задаваться, — написать историю горнорабочих с достаточной полнотой.

История горной промышленности находится в лучших условиях. Один уже „Горный Журнал" за 100 лет своего существования внес серьезный вклад в эту часть истории. Ряд исследований того или иного района и исторических обзоров с одной стороны, с другой — труды, созданные в интересах и на средства правительства и промышленников, а также сохранившаяся в специальной периодической прессе информация о промышленной коньюнктуре, в связи с тем или иным очередным вопросом горного дела (спрос, ввоз-вывоз, таможенный и железнодорожный тариф и т. д., и т. п.), дают нам весьма богатый материал для восстановления картины истории горной промышленности.

В некоторой, очень ограниченной, мере этот материал может быть использован и историком труда горнорабочих. Но одного этого материала недостаточно, чтобы удовлетворительно разрешить отмеченную нами выше задачу.

Где же искать другие источники и имеются ли они? Мы имеем в виду две группы источников.

Одной из них является печать периодическая и непериодическая. Что сохранила нам за времена, более отдаленные, непериодическая пе-

чать, известно почти наперечет [1]). Печать периодическая содержит информационный материал, главным образом, о внешних проявлениях массового рабочего движения, — о стачках, демонстрациях, выступлениях безработных и т. п. О сущности же самого движения, о внутренних причинах и следствиях его, о его связи с экономической жизнью страны и периодическая печать сообщает весьма скудные сведения. Нужно было произойти взрыву в шахте с сотнями человеческих жертв, либо такому бедствию, как августовские 1905 г. пожары в Баку, чтобы в печати появлялось более углубленное освещение рабочего движения и рабочего быта.

Но и в информации о внешних формах рабочего движения мы наталкиваемся на органический недочет. Независимая (левая) печать не имела достаточных материальных средств для удовлетворительной постановки дела и, кроме того, вынуждена была считаться с полицейско-цензурными условиями. Остальная же печать давала событиям тенденциозное освещение, и в каждом отдельном случае мы должны предварительно определять степень достоверности сообщаемых ею фактов.

Другая, несравненно более обширная группа источников — архивы. В этой группе мы находим архивные фонды трех категорий, уцелевшие от учреждений промышленного, общественного и политического типа. Весьма интересны фонды последнего типа. Так, архивное наследие партийных и профессиональных организаций сохранил для нас департамент полиции.

Несмотря на ряд исторических потрясений, архивы сохранили нам колоссальный запас весьма ценных, порою вполне достоверных, материалов. Запас этот настолько достаточен, что дает полную уверенность в разрешимости поставленной нами задачи. Однако, уже самый об'ем материалов делает исследовательскую работу горняка-архивиста неимоверно трудной.

Задачу, которая казалась не по плечу отдельным исследователям, ставит себе ЦК союза горнорабочих СССР. ЦК знает, что задача не облегчится только от того, что за ее разрешение берется коллектив. Но он знает также и то, что советский горняк, вынесший на своих плечах значительную тяжесть гражданской войны, войны за Октябрь, вправе иметь правдивую книгу о его прошлом.

В каком же об'еме ЦК ставит себе цель написать историю горнорабочих? Наша задача — написать не только историю профдвижения горнорабочих, но полную историю труда в горной промышленности страны на фоне развития горной промышленности.

Чем же вызывается такое углубление темы?

Если мы сузим свою задачу до истории профдвижения, то-есть начнем изложение, примерно, с конца XIX века,— мы оставим неосвещенным ряд вопросов, — почему состав горняцкого пролетариата, условия его быта, большая или меньшая устойчивость классовых революционных

---

[1]) Многие из этих источников см. в примечаниях к настоящей книге.

идей в широких массах горнорабочих сложились так, а не иначе? Почему уральского горняка порою трудно отмежевать от металлиста? Почему Донбасс до 1905 года был революционнее Урала?

Если мы сузим свою задачу, всякий, кто встретится с нашими историческими трудами, должен будет сам заполнять пробелы путем сложных экскурсий в литературу. А там он может совсем не найти ответа на многие вопросы, возникающие при изучении истории горнорабочих, либо найти ответы не в такой плоскости, не с такой полнотой, с какой ставятся самые вопросы. Иными словами,— такое ограничение задачи может сделать бесполезной самую ее постановку.

Помимо этого, уже в прежние времена горная промышленность знала наряду с принудительным крепостным трудом и вольнонаемный. Интерес к положению этого труда заставляет нас отходить к истокам темы и, полноты ради, включать в нее историю горнозаводских крестьян.

Мы связываем историю горнорабочих с историей горной промышленности, потому что ее состояние, естественно, обуславливает судьбы и формы рабочего движения, определяя состав горняцкого пролетариата, его быт и материальное положение. В пределах первого тома нашей истории мы должны были уделить горной промышленности еще больше места, чтобы бесспорно провести ту историческую линию, от которой нужно начинать историю труда в горной промышленности.

„История горнорабочих СССР", разрабатываемая истпрофом ЦК союза горнорабочих СССР, издается под редакцией особой комиссии, выделенной президиумом ЦК [1]), в составе тт.: Горбачева, А. М., Егорова, П. А., Абрамова, Я. К., Курасова, Я. А., Гендлера, Е. С., Киржнера, Д. М. и Софьева, В. П. Первый том, составленный тов. Ю. И. Гессеном [2]), посвящен древнейшему периоду горняцкой истории и доводит ее изложение до 60-х годов прошлого века. В нем читатель найдет очень мало сведений о Донецком бассейне и о Кавказе, так как эти два крупнейших района стали быстро развиваться только со второй половины XIX века. В прежние времена доминировали другие горные районы,— некогда Олонец, затем Урал, Алтай и др.

Книга не заканчивается особой заключительной главой. Ее итоги будут даны в конце второго тома, посвященного второй половине XIX века. Редакция рассматривает исторический период, охваченный первым и вторым томами, как вводный ко времени, когда мы уже встречаем профессиональное движение горнорабочих. Это движение в форме чисто классовых выступлений: мотивированных, целевых стачек и демонстраций, либо в форме первичных профессиональных рабочих ячеек,— стачечных комитетов, согласительных комиссий, кружков взаимопомощи и т. п., намечается среди горнорабочих только на рубеже XX века.

---

[1]) Постан. президиума от 22 декабря 1925 г. (прот. № 94, п. 10).

[2]) Редактор „Архива истории труда в России", издав. Ленинградским губпрофсоветом

Поэтому первый и второй тома предпринятого общего исследования выделены как единое целое — введение в историю профессионального движения горнорабочих.

В заключение редакция считает нужным отметить одну особенность данной книги. В ней трактуется о положении труда не исключительно только в горнодобывающей промышленности, а и на — горнозаводских предприятиях. Примеры таких комбинированных предприятий дает нам история Урала. Уральский горный завод — это сложная хозяйственная единица, включающая в сферу своего владения обширные рудосодержащие и лесные участки и другие „угодья“, необходимые как для самого предприятия, так и для обслуживающего его населения. Уральский горный завод создавался таким образом, что должен был иметь в своем распоряжении достаточные источники и сырья, и топлива, и рабочей силы. Поэтому на таком горном заводе не всегда можно было с точностью отмежевать горняка от металлиста. Одна и та же категория трудящихся выполняла на нем функции горнодобывающие, металлообрабатывающие и подсобные.

Предлагаемый труд представляет собой первое, сравнительно полное научное исследование горняцкой истории за определенный период времени. У читателя может сложиться убеждение, что местами отдельные части текста не приведены, пропорционально внутренней схеме, во взаимное равновесие и что не везде главное, существенное четко отделено от второстепенного. Как от первого всестороннего исследования, от нашей книги большего требовать нельзя. Сначала нужно было добыть материал, оценить его под углом достоверности и привести в связный вид. В дальнейшем, на основании этого материала, можно будет углубить разработку внутреннего содержания темы и популяризировать ее. Основной нашей заботой было добросовестно взвесить достоверность предлагаемого материала. Редакция считает, что в этом отношении она отнеслась к содержанию книги с максимальной осторожностью.

Редакционная комиссия.

ОТ АВТОРА.

Экономическое и политическое развитие России за последние два слишком века неразрывно связано с возникновением и постепенным упрочением горнозаводской промышленности. И вот почему надо признать, что горнозаводские рабочие сыграли первенствующую роль в тот чреватый последствиями период, когда наша, дотоле исключительно земледельческая, страна стала медленно, в тяжких потугах, приобщаться к мировой промышленности. Этот исторически неизбежный процесс потребовал от горнозаводских рабочих непомерного напряжения сил, и нельзя даже учесть, какой страшной ценою — ценою множества человеческих жертв — был куплен выход России на путь технического прогресса.

Горнозаводские рабочие, несомненно, дождутся своего историка, который четко изобразит их былую жизнь, полную лишений и гнета, проследит коренные изменения, неоднократно происходившие в их трудовых и бытовых условиях, подведет итог их титаническим усилиям, определит их значение в ходе материально-культурного развития государства.

Но для этого необходимо предварительно выполнить чрезвычайно сложную и трудную подготовительную работу, — изучить возможно подробнее разнообразные события и явления, длинной цепью тянущиеся, во взаимной связи, через всю историю горнозаводских рабочих; выяснить духовный облик руководителей массовых движений; со всей тщательностью критически осветить сохранившийся сырой цифровой материал, части которого, будучи различны по своему происхождению и по своему содержанию, далеко не всегда являются дополнением одна к другой и вовсе не заслуживают одинакового внимания; проследить этапы в техническом развитии горнозаводских предприятий и установить влияние технических достижений на качественный и количественный состав рабочей силы.

Все это и многое другое требует кропотливого изучения по первоисточникам, преимущественно по архивным материалам. Конечно, такая многогранная работа может быть выполнена только совокупными усилиями ряда исследователей и притом — в течение длительного времени. И, пока она не будет завершена, необходимо воздержаться от разнообразных выводов, которые с первого взгляда кажутся простыми и правильными, но в действительности являются недостаточно обоснованными, скороспелыми.

При таких обстоятельствах, само собою разумеется, что и настоящая книга должна быть рассматриваема лишь как одно из весьма скромных начинаний в деле разработки истории горнозаводских рабочих, причем значение книги, быть может, умаляется в известном отношении еще тем, что, даже будучи связан сравнительно небольшими размерами книги, автор поставил себе целью не исследовать один какой-либо строго ограниченный период или вопрос из истории горнозаводских рабочих, а изобразить общий ход их исторической жизни.

Эта задача наложила свою печать на книгу, придала ей в известной мере отрывочный характер. Из первых же строк книги, говорящих о важнейших месторождениях, читатель узнает, что в отдельные периоды центром горнозаводской работы служили различные горные районы (временами, впрочем, действовавшие параллельно и с одинаковой интенсивностью). И так как они во многих отношениях отличны один от другого — по физическим условиям, по роду добычи, по обстановке труда и т. д. — то каждый из них потребовал особого описания [1]). К тому же в одном и том же районе горнозаводские рабочие не представляли собою однородной массы, — они состояли из ряда групп, находившихся в различных правовых и бытовых условиях.

Все это и заставило расчленить книгу как бы на отдельные повествования, причем некоторым из них пришлось уделить сравнительно мало места — или за отсутствием достаточного материала, или потому, что данная тема, наоборот, весьма подробно исследована в исторической литературе, и автор считал в последнем случае целесообразным по возможности сократить пересказ, сделав ссылку на соответствующие исследования, дабы оставить больше места для обработки сырого материала, извлеченного им из архивов или печатных первоисточников.

Трудности, встреченные при составлении этой книги, не могут снять с автора ответственность за допущенные им ошибки и пробелы, но пусть эти трудности, которые автор по мере сил старался преодолеть, хоть несколько смягчат приговор.

Автор считает своим нравственным долгом выразить признательность редакционной комиссии Ц. К. союза горнорабочих, сделавшей автору в процессе ознакомления с рукописью ряд указаний, а также сотрудникам Ленинградского Архивного Управления и Публичной Библиотеки, с полной готовностью предоставлявшим автору нужные архивные дела и книги.

Ю. Гессен.

Ленинград.
Апрель 1926.

---

[1]) Сведения о месторождениях даны в самом начале книги, хотя они не увязаны с дальнейшим текстом, именно с той целью, чтобы об'яснить, почему изложение ведется по горным районам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЗАРОЖДЕНИЕ ГОРНОЗАВОДСКОГО ПРОМЫСЛА[1]).

ДАВНИЕ ИЗВЕСТИЯ И НОВЫЕ ГОРНЫЕ ПОИСКИ.

Важнейшие рудные месторождения на территории СССР. — Чудские копи. — Как работали древние рудокопы. — Старинные копи, как путеводная нить при позднейших изысканиях. — Раннее железное производство в собственно-русских землях. — Вызов рудознатцев из-за рубежа и рудоискательные экспедиции в 15-м и 16-м веках. — Мечты о золоте и серебре и сознание всей важности добычи железа. — 1628-ой год в истории горного дела. — Первый горный завод. — Дальнейшие поиски руды на окраинах. — Экспедиции на дальний север. — Установление горной подати. — Железные промыслы в центральных областях. — Способ добывания железной руды. — Приписка крестьян к заводу. — Условия их труда. — Рост частной горнопромышленности. — Движение в Сибирь. — Нерчинский завод и его рабочая сила. — Передача казенного Невьянского завода с „живым инвентарем" в частное владение.

а территории СССР в изобилии встречаются горные кряжи, изобилующие всевозможными полезными ископаемыми. В начале 20-го века важнейшие отрасли русского горного дела и горнозаводской промышленности шли по своему относительному значению в следующем порядке: каменный уголь — 33% всей ценности производства, чугун — 21%, золото — 14%, медь около $4^1/_2$%; к этому времени и нефть стала играть весьма важную роль.

Иную картину мы наблюдаем в первоначальный период русского горного дела. О добыче каменного угля только помышляли; нефть, можно сказать, не была известна; золото усердно искали, но мало находили его, и, как бы в виде возмещения, весьма ревностно добывалось серебро (в Нерчинске); медь по размерам ее добычи играла видную роль в тогдашней горной промышленности; главную же добычу составляло железо.

---

[1]) Рукописные источники: Дело секретной экспедиции сената, № 1291 (протоколы берг-коллегии). — *В. Крамаренков.* О начале, переменах и умножении в России рудокопного дела и горных заводов (составл. не ранее 1777 г.). Оригинал записки хранится в Государственном архиве, шифр XIX, № 118 (я пользовался копией основного текста,

На территории СССР имеются районы с громадными запасами железа — по приблизительному расчету в миллионах пудов: Кривой Рог — около 9000; Керченское месторождение — ок. 11.000; Урал — ок. 12.000; средняя часть СССР — ок. 20.000; Кавказ — ок. 550 [1]).

Однако, как мы увидим в дальнейшем, разработка железных месторождений началась с Олонецкого края и областей Уральского хребта, где имелись богатые леса, которые были столь необходимы для горного дела, когда еще не умели использовать каменный уголь в качестве топливного материала. И лишь в середине 19-го века приобрели значение южные месторождения железа.

Там же, на Олонце и Урале, первоначально сосредоточена была добыча меди и лишь позже она упрочилась и на Алтае.

Пределами же Урала была ограничена первоначально разработка золотых россыпей, позже более развивавшаяся на Алтае и в Сибири.

Залежи угля имеются в разных районах СССР. Полагают, что наиболее богатой в данном отношении является Иркутская губерния. Но особо важное значение в смысле разработки имеет Донецкий бассейн (до мировой войны производство каменного угля было развито и в губерниях Царства Польского). Еще в самом конце 18-го века были сделаны первые попытки к разработке угля в Донецком бассейне, но безуспешно, и до 60-х годов 19-го века производство развивалось крайне медленно. Положение изменилось лишь с проведением железнодорожной линии.

Позже других отраслей горного дела упрочилась добыча нефти, богатейшим месторождением которой является Баку. Хотя местные нефтяные колодцы поступили во владение России уже в 1813 г., нефтяная промышленность стала развиваться только с 70-х годов [2]).

принадлежащей частному лицу; что касается приложений, то для меня, стараниями союза горнорабочих, были сняты копии с оригинала. — *М. Злобин.* Взгляд на нерчинские заводы в 1820 году.

Печатные источники: Генерал-лейтенантом от артиллерии, Георгием-Вильгельмом *де Генниным* собранная натуралии и минералии камера в сибирских горных и заводских дистриктах, также чрез его о вновь строенных и старых, исправленных горных и заводских строениях и прочих куриозных вещах абрисы (Горный журнал. 1828 г., книги VII—XII) — Жизнеописание генер.-лейтен. *Вил. Ив. Геннина* (Горный журнал, 1826 г., книги I—V; IX—дополнение к жизнеописанию). — *Иван Герман.* Историческое начертание горного производства в Российской империи, ч. I (Екатеринбург, 1810 г.). — Высоч. утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управлении горных заводов, ч. I. (СПБ, 1807 г.) — Здесь помещено „Историческое описание горных дел в России с самых отдаленнейших времен до нынешних“, составленное *Дерябиным* в 1804 г. — *И. Гамель.* Описание тульского оружейного завода в историческ. и технич. отношениях (Москва, 1826 г.). — Географическо-статистический словарь, составленный *П. Семеновым* (СПБург, 1863—85 г.). — *И. Полетика* и *М. Блинов.* История основания русских горных заводов (Памятная книжка для русских горных людей, СПБ., 1862 г.). — *М. Д. Хмыров.* Металлы, металлические изделия и минералы в древней России (СПБ., 1875 г.).

[1]) *Д. Киржнер.* Горная промышленность в цифрах, изд. ЦК СГ СССР, Москва, 1926, стр. 113.

[2]) Ср. *В. Ден.* Курс экономической географии (1925 г.). *Его же.* Каменноугольная и железоделательная промышленность (1907 г.).

Мы, таким образом, видим, что население территории нынешнего СССР могло издавна пользоваться металлическими изделиями из местной руды. Но дошедшие до нас исторические известия о разработке руд в далекие времена весьма скудны. Металлические же предметы, сохранившиеся от давних веков, главным образом в могилах, не всегда могут служить достоверным свидетельством о здешнем горном промысле. Нередко возникает сомнение, была ли данная металлическая вещь действительно изготовлена в месте, где ее обнаружили, а во многих случаях вполне очевидно, что подобные предметы — иноземного происхождения.

Так, по сообщениям древних писателей, у скифов, обитавших к северу от Черного моря, были в ходу металлические предметы. Но о многих изделиях, извлеченных из скифских могил, можно твердо сказать, что они вышли из рук народа, более культурного, чем скифы, которые не умели делать столь искусные вещи; а другие изделия, обнаруженные в скифских могилах, сработаны из металла, который на месте никогда не добывался, — они могли достаться скифам или путем торговли, или как военная добыча.

Иным представляется вопрос о горном деле у финских племен, именуемых на славянском языке Ч у д ь ю, родину которых следует искать в Алтайских горах (в истоках Оби и Енисея), откуда они распространились по Киргизским степям и Уралу, а также Сибири. О существовании горных промыслов у Чуди говорят остатки копей, — они уцелели и на Урале, и в Сибири.

В древности рудные работы производились лишь в верхних пластах, не далее 5—7 сажен, а потому позднейшие рудоискатели, не найдя богатых поверхностных пластов, могли рассчитывать на нижние. Нередко в чудских копях находили деревянные крепи, а обнаруженные в копях скелеты и при них сумки с рудою говорят о случаях, когда выработки, т.-е. пространства после выемки руды, обваливались и рудокопы погибали. Рудокопы работали примитивно, не имея представления об устройстве месторождений. Они шли по направлению металлоносных жил; сократить дорогу через пустые породы было им не под силу. Известный горный деятель петровских времен — Геннин, ознакомившись с Григоровским рудником, к которому мы в дальнейшем вернемся, сообщает в своих записках, что „д р е в н и е р у д о к о п щ и к и токмо вынимали дербеец, которая между шифером лежит на палец и меньше толщиною, и по оной жиле производили штольны знатно в такой надежде, что обрящется оная жила и толще, а шифер, который над тою жилою лежал сверху и снизу, что имеет в себе содержание меди, не признавали, и того ради оный оставляли при его месте, а который и вынимали на верх, то тот бросали на шпирц-плаце, а к плавке не употребляли“. Благодаря этому в древних копях осталась богатая добыча для позднейших рудоискателей.

С другой стороны, по словам того же Геннина, иноземец Петр Дамес, посланный в 1713 г. в Нерчинск, заявил, что надо „с благодарением в честь оставить старинным людям, которые тамо ямы строили крепкою работою, и для крепости и наилучшего той работы укрепления ставили

каменные столбы, ибо тамо не видно того, чтобы они лес к укреплению употребляли, но токмо они шахтами, квершлагами и ортами шли работою до воды".

Сохранились также остатки чудских печей, устраивавшихся для плавки медных, золотых и серебряных руд. Говоря о старинных нерчинских горных работах, Геннин указывал, что о древности их свидетельствуют плавильные горны, которые „остались с золою и стенами старинными, в которых от пустого дикого камня, яко трубы сделаны, шириною в диаметре $2^1/_2$ дюйма, кои находятся в земле или под землею слишком в $1^1/_2$ арш. еще целые, из чего можно знать, что оное строение в давних годах было, что на оных толико толсто земли выросло, или оное в землю осело". Плавильное дело у древних горных людей не было на высоте, судя по сохранившимся шлакам, в которых осталось много металла. Более всего добывалась медь, как можно думать по найденным медным киркам, кайлам и другим орудиям горного дела, а также по сравнительному обилию медных сосудов домашнего обихода[1]).

Чудские копи не раз служили как бы вехами, по которым русские люди отыскивали руду. Геннин поручил ишимскому жителю Дмитриеву „около Уральских гор сыскивать рудные старых чудских копей", и Дмитриев нашел около Иртышских крепостей в Уральских горах „старые рудные копи, которые не на верху горы, но на косине вниз"; эти копи были глубиною в человеческий рост, „а яма от ям саженей 10"[2]). Геннин предписал „искать и проведывать" в старых шахтах, „понеже старинные люди не даром тамо промышляли, но знатно, что руду добывали"[3]).

Известный путешественник Паллас, посетивший Россию в 1768—69 годах, говоря о руднике Сайгаче у речки Бердянки, впадающей в Яик (позже названный Уралом), сообщает, что его стали разрабатывать по находившимся там старинным ширфам (шурфам) и штольням. При этом Паллас отмечает, что при Уральском горном хребте часто встречают такие глубоко вырытые шахты, штольни и ширфы, оставшиеся от неизвестного народа, „весьма прилежно горную работу производившего", и что по этим следам, известным под именем старых или чудских копей, найдены самые лучшие рудники в Оренбургской губернии. И эти остатки старины тем большего заслуживают внимания, по словам Палласа, что они состоят только „в круглых каналах и ходах", которые ни обиты досками, ни подперты столбами. Некоторые из них так узки, что было очень трудно работать в них, потому что в иных местах нельзя прямо встать. При руднике Сайгаче кроме многих шурфов найдена чрезвычайно обширная и во многих местах разработанная штольня еще в хорошем состоянии, при расчистке которой обнаружены не только лепешки сплавленной меди, но и много глиняных горшков, в которых медь плавили, и даже кости засыпанных землею работников. Остатков же плавильных печей нигде не найдено.

---

[1]) *Э. И. Эйхвальд.* О Чудских копях (Записки археологического общества, 1875 г., том IX, выпуск первый).

[2]) Приложения к жизнеописанию Геннина, док. № 9 (от 1724 г.).

[3]) *Герман.* Историческое начертание горного производства в Росс. империи, стр. 81.

Далее, коснувшись двух рудников недалеко от Яика, Паллас говорит, что в одном из рудников и около него видны остатки восьми старых шахт, из коих одна в глубочайшей части штольни вырыта (пройдена) на 20 саженей в глубину и подобна круглому, не многим больше аршина, колодцу, „да и старые места таким же образом разработаны и при том столь низко, что должно было в них только ползать и сидя добывать руду“[1]).

Говоря об известном Гумешевском руднике, Паллас отмечает, что в его время следы старинной работы находили на глубине 10 и более саженей, а прежде встречали еще не совсем засыпавшиеся рвы и копани, а также полуобгорелые лучины, воткнутые в стены[2]).

Одновременно с Палласом путешествовавший по России капитан Рычков также сообщает о чудских работах. Он говорит, что в медных рудниках на берегу реки Ики, впадающей в Каму, рудокопы входили в землю, не делая никаких подстав, — отверстия подкрепляла та же самая земля, верхи которой они выделывали на подобие свода. Таким путем, они проходили в самые глубокие места, и свод, державший на себе громадную тяжесть земли, сохранился во многих местах в хорошем состоянии. Обычай древних рудокопов, — прибавляет Рычков, — был такой, что выбирали самую лучшую жилу, а прочую руду оставляли без использования. И именно эти остатки „служат еще и доныне к пользе и прибытку наших заводчиков“. Действительно, некоторые рудники из чудских разрабатывались русскими в течение пятнадцати и даже двадцати лет[3]).

Путешественник Лепехин, посетивший в 1770 году Кананикольский завод (Оренбургская губерния), сообщает, что в четырех верстах он видел на речке Куртлы старинную или „так называемую Чудскую копь“. Подобные копи, в разных местах встречающиеся, „наибольший подали повод заводчикам помышлять о заведении рудокопных промыслов; да и поныне еще самые богатые руды в таких копях находятся, ибо, как все рудопромышленники единогласно уверяют, жившая здесь некогда Чудь только самолучшую руду отбирала, оставляя все прочее потомству, из чего не без основания заключить можно, что рудные их промыслы только для собственных нужд отправлялись. Самый их род добывания, кажется, явно о сем свидетельствует. Они никогда порядочно руд не добывали, но, лазя под землею на подобие кротов, отковыривали лучшую руду кабаньими клыками“[4]).

В собственно русских землях уже давно выделывалось железо из руд в горнах, сходных с обычными кузнечными горнами, и в домницах или ручных домнах, также мало отличавшихся от кузнечных горнов.

---

[1]) *Паллас.* Путешествие по разным провинциям Росс. империи в 1768—69 г., I (изд. 1809 г.), стр. 60—61, 369—70.

[2]) Книга 1, ч. II (изд. 1786 г.), стр. 189.

[3]) Журнал и дневные записки путешествия капитана *Рычкова* в 1769—70 г. (СПБ., 1770 г.), стр. 67—68 и др.

[4]) Дневные записки путешествия *И. Лепехина* (2-ое издание), ч. II (СПБ., 1802 г.), стр. 97—98.

Уездный город Новгородской губернии — Устюжна назывался в старые времена Железное поле, так как в окрестности из болотной руды, находимой в поле, добывалось железо. И в Череповецком уезде издавна разрабатывалась железная руда. На глубокую древность здешнего металлического производства указывают старые угольные ямы, находимые в глухих местах, поросших вековым лесом[1]). Издавна был известен город Дедилов (в Тульской губернии), где обрабатывалась болотная (глыбовая) руда; — местные мастеровые славились в 16-м веке изготовлением разнообразного оружия: пищалей, самопалов, пик. Разработки велись также в Олонецком крае, Карелии и еще кое-где.

Конечно, кустарная разработка железа в указанных месторождениях велась в столь скромных размерах, что она оказалась совершенно недостаточной, когда Московское государство, расширяясь, вступило в полосу беспрерывных войн с Литвою, татарами и другими соседями, требовавших быстрого развития рудного дела, когда почувствовалась спешная необходимость в большом количестве пушек, снарядов, ружей, якорей и т. п. Свейское (шведское) железо обходилось русскому правительству дорого; к тому же приобретение его и провоз были сопряжены с различными препятствиями, потому что соседние государства, опасаясь усиления Руси, всячески стесняли сношения ее с Европой. Приходилось думать о добывании собственных металлов.

В конце 15-го века на Руси проявляется особое желание добывать золото и серебро. Кое-какая руда вызывала предположение, что в ней имеется благородный металл, а так как никто из русских не знал этого дела, то еще более разгоралась надежда, что руда представляет собою исключительную ценность. И вот, правительство старается заполучить из-за рубежа знатоков рудного дела. Например, в 1488 году московский великий князь, отпуская на родину венгерского посла, поручил ему передать королю просьбу о присылке мастера, который серебряную и золотую руду знает и „который бы руду умел разделити с землею“, потому что „в моей земле, — говорил великий князь без достаточных реальных оснований, — руда золотая и серебряная есть, да не умеют ее разделити с землею“. Год спустя с такой же просьбой великий князь обращается к германскому императору.

Одновременно организуются рудоискательные партии под руководством или при участии приезжих иноземцев, быть может, выступавших в данных случаях в роли инициаторов. И первые экспедиции с каким-то фанатическим упорством устремляются на север и даже на самую северную окраину — и это потому, что в обществе прочно утвердилось некое сказочное представление о богатстве этих далеких горных мест.

В 1491 году правительство послало нескольких человек на Печору с целью разыскать серебряную руду. Экспедиция обнаружила медную руду вместе с серебряной на берегу реки Цыльмы (притока Печоры),

---

[1]) *Ф. Носырин.* Улома и ее металлическое производство (СПБург, 1858 г.), стр. 4.

в 20 верстах от речки Космы и 300 верстах от Печоры[1]). Точных данных о результате экспедиции не сохранилось, но надо полагать, что кое-какие работы по выплавке металла были произведены, потому что память об этом событии, несомненно поразившем воображение современников, продолжала жить, как мы увидим в дальнейшем, более полутора века. Впрочем, сколь бы ни были успешны поиски на Цыльме, они не могли иметь значения для общего развития горного дела, так как оно совершенно парализовалось отсутствием знатоков рудного дела. В Москве это сознавали, и потому правительство продолжает обращаться на Запад в поисках таких специалистов. Напр., в 1547 г. Иван Грозный поручил саксонцу Шлитту нанять за рубежом, среди прочих мастеров, двух рудокопов, плавильщика, пробирщика и плющильщика. Далее, в 1556 г. было велено разыскивать среди пленных таких людей, которые знают серебряную руду. В следующем году из Англии было привезено несколько горных людей. И еще в 1573 г. Иван Грозный просил шведского короля прислать ему рудоискателей.

Однако, как не были заманчивы золотые и серебряные руды, правительство все же сознавало важность и железной руды. Когда в 16-м веке разрабатывались железные руды около Каширы, Тулы, Устюжны-Великой и в других местах, значение этих даров природы было настолько оценено, что при Иоанне III состоялось запрещение вывозить железо за границу. С другой же стороны, из Московского государства стали вывозиться железные изделия,—в русской торговой книге 16-го века в числе отпускных за море товаров из России упоминаются вологодские гвозди, уклады (стальные изделия) новгородские, тихвинские и карельские.

В целях развития железной промышленности была даже сделана попытка привлечь иностранцев к разработке железной руды. В 1569 г. лондонское купеческое общество получило от Москвы право построить завод для добывания железа на Вычегде (Сольвычегодский уезд), причем английские мастеровые должны были не только вести заводские работы, но и обучить русских этому делу. Желание англичан устроить завод на Руси вызывалось особым обстоятельством: к тому времени леса в Англии сильно поредели, а между тем железо выделывалось при помощи древесного угля (каменный уголь вошел в широкое употребление лишь у порога 19-го века), и англичане хотели использовать чужой лес. Впрочем, завод не был устроен, и мы видим, что в 1578 г. русская руда плавилась в Лондоне[2]).

Можно полагать, что первоначально правительство надеялось, что ему удастся развить горное дело собственными силами, без содействия

---

[1]) *Карамзин.* История Государства Российского, т. VI (изд. 3-е, 1830 г.), стр. 264 — 5 (сообщается, что в экспедицию отправлены двое немцев и двое русских). *Герман.* Историческое начертание горного производства, стр. 1.

[2]) Ср. *Инна Любименко.* Труд иноземцев в Московском государстве (Архив истории труда в России, кн. 6 — 7, стр. 67).

частных лиц. В этом отношении характерно, что, предоставив в распоряжение Аники Строганова и его сыновей обширные земли в Перми Великой, правительство грамотами 1558 и 1564 гг. разрешило им заниматься только солеварением, в случаях же нахождения руды они не смели приступить к ее разработке, а должны были уведомить об этом правительство. Однако, грамотой 1574 г., в силу которой Строгановы получили свободу действий в Сибири, им было дозволено заняться также разысканием и разработкой руды.

И в дальнейшие годы Москва продолжала более всего жаждать серебряной и золотой руды. Так, в 1597 г. царь поручил своему послу вывезти из Италии, как бы дорого это не обошлось, мастеров, умеющих добывать серебро и золото. Но опять-таки правящие круги сознавали, что потребность в меди и железе назрела до крайности в виду постоянной военной угрозы со стороны соседей. Надобность же эта сказалась еще с большей силой после Смуты (1613 г.), когда огнестрельное оружие приходилось держать наготове не только против внешних врагов, но и против собственного народа, медленно успокаивавшегося после бурных лет; — так об'ясняет появление горных промыслов историк Миллер[1]). И понятно, что правительство охотно шло навстречу предложениям о разработке руды. В 1617 г. англичанину Меррику было дозволено разрабатывать железо и олово на Сухоне. Имеется даже известие, что в 1624 г. он нанимал рудознатцев за границей, но, как видно, дело не наладилось. На следующий год англичане вновь подняли вопрос о разработке руды[2]).

Правда, все такие попытки не осуществлялись. Но они как бы приближали день, когда, наконец, должно было зародиться горное дело в России.

По словам Миллера, начало рудного дела следует отнести к 1628 г. Действительно, если этот год, быть-может, и не является начальным в горнозаводской истории России, то все же он знаменателен тем, что именно тогда был сделан, повидимому, первый шаг к постройке горного завода.

В 1628 году один татарин, живший у реки Ницы (образуемой из слияния рек Нейвы и Режа), Пермской губ. и отчасти Тобольской, заявил в Туринске, что недалеко от реки, в болотистой местности, имеется железная руда. Тотчас же оттуда были взяты образцы, после чего начались приготовления к постройке завода, и в 1631 году было приступлено к разработке руды. В короткое время здесь скопилось так много рабочих, что образовалась Рудная Слобода (в 40 верстах от Ирбита). Этот Ницинский завод удешевил в Сибири железо, которое раньше с трудом доставлялось туда из России. Но вскоре завод пришел в упадок. Есть указания, что сто лет спустя были видны еще остатки

---

[1]) Герард Фридрих (Федор Иванович) *Миллер* (1705 — 1783 г.) — профессор и член Академии Наук.

[2]) *Любименко*, Труд иноземцев в Москов. государстве, стр. 67. *Ее же*. Московский рынок, как арена борьбы Голландии с Англией (Русское Прошлое, кн. 5, стр. 17).

его. Но берг-коллегия в 70-х годах 18-го века заявила, что никаких следов завода не сохранилось, и ей неизвестно, где именно он находился.

В тридцатых годах 17-го века, или несколько ранее, на реке Яйве притоке Камы, в Соликамском уезде (Пермской губ.), был открыт в горе Кужгур (Кушгур) медный рудник. Дей Андреев Свитейщиков, при содействии иноземца, добывал тамошнюю руду наемными людьми и плавил ее на заводе вблизи Пыскорского монастыря.

Далее, при Алексее Михайловиче (а может быть ранее) был отыскан, вероятно, по древним следам, упомянутый выше рудник в Григоровой горе, в Соликамском уезде, над рекою Камою (в 28 верстах от позднейшего Пыскорского завода). Сохранилось известие, что рудник был открыт шведскими пленными, и пока они были там рудник был наилучшим, с их же от'ездом дело остановилось[1]). Действительно, о Григоровом руднике вскоре забыли. Но должностные лица Пыскорского Преображенского монастыря показали в 1671 г., что на их памяти боярин Василий Стрешнев искал у Соли Камской медную руду и нашел ее в Григоровой горе. После того Свешников (Свитейщиков), разыскав с немецкими мастерами во многих местах медную руду, отправлял ее водою в устроенную иноземцем плавильню под Пыскорским монастырем. Позже, в течение ряда лет, там добывалась руда и плавилась в Пыскорском заводе, пока дело не остановилось к 1657 году. Имеется сообщение, будто это случилось из-за отсутствия необходимого числа рабочих рук[2]); там работы производились вольнонаемными людьми, получавшими: конные—по 12 копеек в день, пешие—по 6 копеек. Но наряду с этим мы находим и то об'яснение, что остановка произошла вследствие истощения руды,—так заявил в 1666 г., арендовавший вместе с отцом в течение двух или больше лет рудники в Григоровой горе и Кужгуре, плавильщик Митька Тумашев (которому вследствие этого дозволили искать руду в Верхотурском и Тобольском уездах), что и подтвердилось при специальном расследовании в 1671 году[3]).

Однако, в действительности рудник не был истощен. Это обнаружилось, когда в 1722 г. его посетил Геннин. Он сообщает, что сохранились следы развалившихся штолен и „печор“ и поясняет, что в старинные годы горные люди не знали, что такое флец (правильный пласт полезной горной породы), „понеже они выбирали только тонкие слои богатой руды, которая толстотою в 1, в 2 и до 3 пальцев, а которые слои под тою богатою рудою, толстотою в ладонь, тоне и толще, также и тот слой, который выше сего на бока той руды толстотою в две, в полтрети и в три четверти аршина, за незнанием бросали, а в об'явлен-

---

[1]) Журнал и дневные записки путешествия капитана *Рычкова* в 1769 — 70 г. стр. 127.

[2]) По словам *Крамаренкова.*

[3]) Дополнения к актам историческим, т. VI, № 24, I.— *Дерябин.* Историческое описание горных дел в России.— *Герман,* стр. 4.

ных обоих слоях, кроме богатой, более прибыли“ [1])... И выстроенный Генниным в 30 верстах от того рудника завод работал впродолжении почти столетия.

В 1646 году верхотурский воевода прислал в Москву образцы медных руд из Невьянской и Ирбитской волостей — но в них, по проверке в Москве, в приказе Большой казны водовзводным мастером Христофором Головою и англичанином-плавильщиком Рыцарем Штилем, меди не оказалось. Поэтому в Верхотурье были посланы образцы настоящей медной руды, и тогда удалось найти на Тагили руду, заключавшую в себе медь (430 золотников в пуде). Эта удача окрылила правительство надеждами. Воеводе было предписано вытребовать, если нужно, кузнецов, плавильщиков и всяких работных людей, а имевшимся в его распоряжении соликамским плавильщикам давать жалованье, пока будут у дела, одному – 4 рубля, другому — $3^1/_2$ рубля, а подплавильщикам — по 25 алтын [2]) в месяц.

Сохранилось известие, что при Алексее Михайловиче была сделана попытка построить серебряный завод в дикой Башкирии в виду найденной там серебряной руды; с этой целью туда отправили мастеров, но дело не осуществилось „за несчастными препятствиями“ [3]).

Вообще, поиски делались в различных направлениях. Дьяка Шпилькина правительство отправило в мае 1661 г. для отыскания серебряной руды на далекий север —„на Двину и в Кевроль, и в Мезень“. Эта экспедиция была предпринята по совету мезенца Машукова, заявившего, что в Мезени и на Канине носу, да и в других местах подле моря на Югорском Шару (пролив в Ледовитом океане, отделяющий остров Вайгач) серебряная руда лежит „каменными матками“— там, где живе самоедь югорская. Шпилькину было велено взять с собою детей умершего Машукова и тех из местных жителей, которые что-нибудь слыхали о руде.

Вместе с тем Шпилькин должен был постараться тем же летом отправиться за Печору на р. Цыльму, т.-е. туда, где 150 лет назад, как мы знаем, была сделана попытка добыть руду.

И вот, вместе с Романом Неплюевым и Фомой Кыркалом, родом из Мезени, Шпилькин отыскивал руду на Новой Земле, Югорском Шаре, на Микулкине и других холодных островах, взяв мореходцев и кормщиков из числа жителей Мезени и Пинеги. Экспедиция эта оказалась безрезультатной. Но она растревожила местных обитателей, и в 1666 г. пустозерский стрелец подал местному воеводе кусок руды, полученный им на Вайгаче от самоеда. Руду поспешили отправить в Москву, а вскоре затем пришло повеление добыть пять-шесть пудов той руды и описать место ее нахождения. Воевода приказал заняться этим делом зимнею стужею пустозерским крестьянам (вблизи устья Печоры). Для них поездка

---

[1]) Приложения к жизнеописанию Геннина, док. № 87.

[2]) Алтын = 3 коп.; деньга = $^1/_2$ коп.

[3]) *Герман*, стр. 141 (§ 12).

на Вайгач представлялась крайне тяжелой, и они обратились (март 1667 г.) к царю с просьбой освободить их от отыскания руды, так как у них нет оленей и к тому же их разорил самоедский набег.

Но именно в те дни, когда пустозерские крестьяне составляли свое прошение, московские дьяки готовили на имя пустозерского воеводы наказ, который опять-таки должен был упасть тяжестью на плечи тех же пустозерских крестьян. Речь шла о фантастической рудной горе в самом Пустозерском уезде, а также о поисках у реки Цыльмы, где, как в ту пору было известно, некогда уже добывалась руда. В наказе говорилось: „В Пустозерском уезде есть гора, а течет из середины той горы руда белая, подобная серебру или олову, и что выжмется, то само и садится, а из той же горы висит той же белой руды в двух местах, а чаять из той руды быть серебру или олову. А на Цыльме реке есть горы великие, и в тех горах руда медная, и в прежних летах из той руды медь делали". И воеводе предписывалось опросить местных жителей о руде и при этом обнадежить их льготами и жалованьем, дабы они сказали правду, а в случае отыскания прииска — послать туда пустозерских крестьян и самоедов, об'яснив им, что их работа будет зачтена при взыскании с них казенных сборов. Вместе с тем предписывалось вызвать из Мезени упомянутого выше Кыркалова, у которого хранилось снаряжение от экспедиции Шпилькина, и плавильщика Иконника, который уже имел опыт в этом деле. О результате поисков воевода должен был уведомить Новгородскую четверть. Но это сообщение до нас не дошло.

Отметим, что в ту пору на Мезень и в Кевроль была отправлена экспедиция двух князей Милорадовых и стрелецкого сотника для сыска серебра и других руд [1]).

В 1663 г. московский стрелец Блинов с четырьмя товарищами ездил из Чердыни с рудознатцем Токаревым из Сарапульского уезда к Ваграну озеру (Крылышково), в Верхотурском уезде, искать серебро, но нашел медь [2]). Однако, нет известий, чтобы и медная руда разрабатывалась там. В 1666 г. полковник фон-Кампен отправился с иноземным мастером на Двину возле Холмогор с поручением отыскать алебастр, руду и соляные рассолы [3]). В том же году новгородский гость (купец) Гаврилов, вместе с иноземцем плавильщиком Денисом Юрьичем, был послан правительством в Олонецкий уезд, в Толвуйскую волость [4]), для отыскания медной руды, и в 1674 г. там уже существовал завод в полутора версте от рудника, выстроенный неким гамбуржцем. В 1671 г. Михайло Селин с немецкими горными людьми, с рудознатцем Дробышем во главе, занялся, по распоряжению правительства, розысками за Уралом. Его партию вскоре присоединили к более значительной экспедиции, но двухлетние поиски на реке Тоболу

---

[1]) Первое собрание законов, № 296 (12 мая 1661 г.), № 392 (21 июля 1666 г.).— Дополнения к актам историческим, т. V, №№ 35 и 36.

[2]) Акты исторические, т. IV, № 175. О Вагран-озере — см. очерк *Чупина* в Горном журнале 1873 г., т. 2.

[3]) Первое собрание законов, № 391.

[4]) Дополнения к актам историческим, т. V, № 13.

и далее вплоть до Кузнецка, Томска и Красноярска, ни к чему не привели — не потому-ли, что иноземец Дробыш, вместе с прикомандированным к нему в качестве переводчика иноземцем капитаном Риманом, снабженные казенным вином, пьянствовали, творили бесчинства, никого не боясь?[1]) В том-же 1671 году из приказа Большого дворца была послана в Новгородский приказ указная грамота о том, чтобы вологодский и холмогорский воеводы содействовали рудознатцам (в случае надобности давали работных людей), отправленным в Холмогорский уезд для сыска серебряной руды[2]).

Когда упомянутому выше Тумашеву было дозволено в 1666 г. ехать в Верхотурский и Тобольский уезды для отыскания руды, то в тамошние города были посланы из Москвы грамоты, которыми местным властям предписывалось оказывать ему содействие подводами и людьми, а в случае отыскания руды — то и деньгами. Тумашеву предоставлялось право строить заводы, причем одну десятую часть добытого металла Тумашев обязывался отдать казне. Вскоре Тумашев сообщил, что им найдена руда выше Красна Поля над рекою Нейвою, в безлюдном месте, что на железный завод доставлены кузнецы и работные люди, но что нужно на случай нападения башкир строить „острог“ и „на ваш, великих государей, денежный оброк крестьян прибирать“. Последняя просьба была удовлетворена — было велено „вольных, охочих, всяких пришлых и нетяглых людей во крестьяне на денежный оброк прибирать и селить на льготные годы, а льготы им давать года на четыре и на пять“. Таким путем должны были быть заселены окрестности завода[3]). На берегу Нейвы позже возник завод, ставший известным под именем Невьянского.

Так как заводчик был обязан сдавать в казну десятую часть выработанного железа, то для надзора за количеством производства и за качеством сдаваемого железа было велено назначить целовальника, „крестьянина, человека добра и душою пряма и животом прожиточна“.

Быть может, пред‘явленное Тумашеву требование о взносе горной подати в виде десятой части выработанного железа является первым по времени. Но оно во всяком случае не составляло какого-либо исключения и, по крайней мере, в ближайшее время получило обязательный характер, как можно заключить из отписки пятидесятника Балаганского острога (Иркутской губернии) воеводе (1675 г.), что он дозволил двум промышленным людям копать отысканную на балаганской стороне железную руду из оброка — „по 10 алтын на год, а железо железом десятая“, но чужие люди, не платящие оброка, насильно копают руду и продают ее[4]).

Добычей руды занялся и Успенско-Далматовский монастырь (Пермская губ., Шадринский уезд) у находившейся в его владении речки Железенки (Железнянки). Монахи устроили завод и добывали прямо железо,

---

[1]) Дополнения к актам историческим, т. VI, № 24 (II—III).

[2]) Акты исторические, т. IV, № 221.

[3]) Дополнения к актам историческим, т. V, № 10 (III, V, VIII, IX).

[4]) Дополнения к актам историческим, т. VII, № 69 (стр. 329).

а не чугун, и проковывали под молотом. В 1682 г. Успенской Исетской Пустыни была дана царская грамота на местную железную руду [1]). Но в 1699 г., в виду хорошего качества руды, р. Железенка, называвшаяся уже Каменкою, была взята вместе с рудниками в ведение казны, и на ней, при впадении ее в Исеть, был построен большой завод (Каменский). Селингенскому воеводе (Забайкалье) было велено расспрашивать иноземцев о разных горных ценностях, а так как от него не поступило ответа, то в 1681 г. ему было вновь предписано постараться добыть сведения о поисках селитры, золотой и серебряной руды,[2]) и если таковые обнаружатся, то подвергнуть руду испытанию.

Одновременно с насаждением горного дела на восточных окраинах шло его упрочение в великороссийских землях, где уже издавна, как мы выше отметили, было известно железное производство.

С 16-го века встречаются известия о разработке железных руд на территории позднейших Боровского и Малоярославского уездов, Калужской губернии. В селе Павлове, Нижегородской губернии, судя по данным 1621 года, кузнечество являлось одним из важных занятий. А в Безводном и Красногорске, той же губернии, изстари приготовляли: в первом — проволочные изделия, во втором — топоры. Погост Улома начал, повидимому, с 17-го века заниматься выделкой металлических изделий. Вообще по всей губернии железный промысел был обычным у крестьян. Он упрочился среди крестьян Макарьевского монастыря и Благовещенского (в с. Рознежье). Боярин Морозов намеревался, отобрав железное дело у крестьян, повести его в широких размерах, но неизвестно, удалась ли ему такая попытка.[3]) В упомянутой выше Устюжне Железнопольской железный промысел быстро развивался. Уже с начала 17-го века тамошние кузнецы изготовляли для правительства фальконеты[4]) и пушечные ядра. [5]) В наказе 1681 г. о сборе таможенных пошлин говорится о деланном и неделанном железе устюжском, коряковском, тихвинском, тульском и др.[6])

В Олонецком крае жители издавна изготовляли железо прямо из руд в сыродутных горнах. А медную руду стали впервые обрабатывать на заводе, построенном при Алексее Михайловиче на казенные средства в Шупском погосте. Впрочем, он не долго действовал: вблизи находившиеся шахты вскоре оказались залитыми водою. Такая же судьба постигла завод, построенный в Тольпувском погосте по распоряжению Рудного приказа. Первые железные заводы основал, как мы сказали выше,

---

[1]) Дополнения к актам историческим, т. IX.

[2]) Акты исторические, т. V, № 72.

[3]) *И. Соколовский.* К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и I-ой половине XVIII века (Ученые записки Казанского унив-та, 1890 г., кн. III, стр. 25—26).—*Гамель.* Описание Тульского оружейного аавода.

[4]) Небольшое огнестрельное орудие на малых судах.

[5]) Ср. у *Гамеля* документы об этом — приложение, стр. 40 и след.

[6]) Первое собрание законов, № 873.

один иноземец: Устререцкий и Лижемский. [1]) Впрочем, они мало вырабатывали, а потому были закрыты Петром I и вместо них (1702—1703 гг.) построены новые. И в Архангельской губернии по деревням издавна занимались добыванием железа[2]).

Особенно широкого развития обработка железных руд достигла в районе Тулы, где в Дедилове уже в шестнадцатом веке изготовлялось, как нам известно, разнообразное оружие.

В 1632 г. голландец Андрей Винниус с братом Авраамом и Елисеем Вилькенсоном при содействии казны построил на р. Тулище в 15 верстах от Тулы Городищенские заводы для литья чугунных пушек и ядер и для переделки чугуна в железо из руд, находившихся в 5 верстах от Дедилова. Этому делу заводчики были обязаны обучать русских людей. Для копания руды они имели 50 человек „ровщиков" из дедиловских казаков и стрельцов. За воз в 25 пудов очищенной от земли и камней (кремней) руды Винниус платил ровщикам два алтына.

В бумагах Пушкарского приказа тамошнее добывание руды описывается следующим образом: „Добывают ту железную руду в земле глубиною сажен по 6 и по 8, и по 12, а сверху те ямы зачинаются вдоль и поперек, всякая яма в аршин с четвертью на четыре угла, и как дойдут до руды и той де руды бывает в яме слоем толщиною в полсажени и в сажень, и больше, и скрозь де тот слой проходят в нем вдоль середкою сажен по 5 и по 10, и по 15, и по 20 в сторону, а из середки того слоя ломают и вон таскают, вперед идучи, а как дошед до конца того слоя и назад идучи тое руду всю выламывают, стороны и верх без остатку; да в тех же де рудных слоях бывает земля, словят мусор и камень всякой, и они де тое землю и камень от руды отчищают прочь. У одной де ямы бывают по четыре человека ровщиков, а из ямы руду вытаскивают они на день по возу на человека, а в ямах бывают всегда с огнем, светят лучину" [3]). Вскоре к заводу Винниуса была приписана Соломенская волость с 347 душами. Нуждаясь в средствах, он взял в компанию голландцев — Петра Марселиса и Филиппа Акему, сыгравших заметную роль в развитии промышленности в России. В 1639 г. им было предоставлено построить железные заводы в Тульском и Каширском уездах, а в 1665 г. — в Малоярославском и Оболенском уездах, причем „для рудного копанья и лесного угодья на заводские строения и для дров на угольесжения" были даны: пустошь "да три оселка, да полсельца, да луг, да Вышегородская волость" [4]).

---

[1]) *Кириллов.* Цветущее состояние Всеросс. государства. — О трех медных рудниках под управлением голландцев — см. *Любименко,* Московский рынок и т. д. (Русское Прошлое, кн. 5, стр. 17).

[2]) Отметим, что киевский Межигорский монастырь получил в 1660 г. грамоту на лежавшие вблизи него железные рудники, а в 1676 г. это право было подтверждено (Акты исторические, т. V, № 2).

[3]) *Гамель.* Описание Тульского завода, 40.

[4]) Дополнения к актам историческим, т. V, № 9. — *Крамаренков,* стр. 7. — *В. И. Семевский.* Крестьяне в царствование Екатерины II, том II (1901 г.), стр. 296.

Любопытно, что Андрей Винниус, принявший православие и ставший русским дворянином, повидимому, из мести донес, что Марселис и Акема не обучают русских своему мастерству; рабочие это подтвердили, и тогда тульские заводы были (1646 г.) отняты у Марселиса и Акемы. Однако, перейдя в казну, заводы быстро захирели, и в 1648 г. их вернули на 20 лет прежним владельцам, но вопрос об их принадлежности еще долгое время считался нерешенным [1]).

Сто лет спустя, по словам современника, часть описанных заводов все еще находилась в руках иностранцев. При заводах состоял лютеранский пастор, так как большинство рабочих были немцы — потомки тех, которые прибыли сюда за сто лет назад [2]).

Когда крестьяне Вышегородской и Соломенской волостей, приписанные к заводам, построенным Акемой и Марселисом, оказали непослушание а от заводчиков поступила жалоба на них, то по указу 1663 г. работа крестьян была определена следующим образом: „...дров сечь на угольное сжение всем вообще по 1000 сажен, мерою сажень в три аршина и 6 вершков; на заводах работать; дрова, руду и уголье и к заводскому делу всякой лес возить; и всякое изделие делать зимою всем с лошадьми, а весною, летом и осенью половине с лошадьми, а другой—пешим, противу прежнего на 48 человек, переменяяся по одной или по две недели“.

Таким образом, если только верно поняты эти, не совсем ясные строки, зимою, когда земледельческой работы не было, все приписные крестьяне должны были нести заводскую повинность, в остальное же время, дабы сельское хозяйство не разрушалось, при заводе работало, сменяясь, лишь установленное число крестьян. За эту работу заводчики вносили в казну (железом) подать, причитавшуюся с крестьян [3]).

В 1678 г. крестьяне указанных волостей вновь пришли в неповиновение; они просили освободить их от горнозаводских работ, жалуясь на то, что они разорились благодаря чрезмерности этой работы. Но их просьба не была удовлетворена. Это привело, как можно думать, к тому, что заводчики вызвали своей эксплоатацией новые волнения среди крестьян, и правительству пришлось в 1683 г. подтвердить приведенный выше указ о норме работы, дабы на крестьян не возлагались большие работы. При этом было велено заводчикам платить в казну все то, что собиралось с крестьян по окладу стрелецких, ямских и полоняничных денег [4]) и всяких дворцовых доходов, считая пуд железа по 45 коп. [5]).

Удачи, выпавшие на долю отдельных рудопромышленников, вернее— рудоискателей, создали, как видно, преувеличенное представление о легкости, с которой будто можно отыскать руду и богатеть на ней, и люди

---

[1]) *Любименко,* стр.—68.—*Гамель,* стр. 44 и сл.—См.: *П. Бранденбургский,* Железные заводы в Тульском, Каширском и Алексинском уездах в XVII столетии (Оружейный сборник, 1875 г. 1—4).

[2]) *Герман,* стр. 5.

[3]) *Крамаренков,* стр. 43 и 135 (то же у *Германа,* стр. 19).—*Семевский,* т. II, стр. 296.

[4]) Полоняничные деньги предназначались для выкупа русских из плена.

[5]) *Крамаренков,* стр. 135—6 и 155.

из различных общественных кругов, заразившись своего рода рудной лихорадкой, обращались к правительству с просьбой снабдить их грамотами на рудоискание. Напр., подобные грамоты (в 1675—6 годах) получают: дворянин Андрей Винниус и вологжанин Галкин, образующие потом одну компанию; далее, боярин Юр. Ив. Ромодановский, который отправляет на поиски стряпчего Меркулова да своих двух крепостных дворовых людей. Затем следуют: московские иноземцы — Петр Марселис и Еремей Фандергартен, а наряду с ними — поп из церкви, что у Гостиного Двора, с детьми, сотник Нарыков с братьями и товарищами [1]) и другие.

Осуществляли ли эти предприниматели свои намерения и насколько успешно — об этом не сохранилось известий. Ведь дело было сложное. Поиски не раз оказывались безуспешными. Так, серебряного дела мастер Ножевников с товарищами в течение нескольких лет искали руду, но ничего не нашли, и вот, узнав, что она имеется в других местах, они вновь испрашивают грамоту, причем обещают еще лучшие условия, чем те, на каких правительство заключило договоры с Винниусом и Марселисом. К тому же рудное дело было не безопасно. Напр., вологжанин Галкин, получив на сыск руды грамоту из приказа Тайных дел, не рискнул ехать один и об'являть руду, он попросил еще грамоту из Посольского приказа за створчатою печатью на красном воску на имя Захарова с товарищами [2]). Во всяком случае, интерес к горному делу сильно разросся, как в правительственных кругах, так и в различных общественных слоях. И территория, на которой русские стали разыскивать руду, все более расширялась. В 1696 году, по поручению Петра, грек Александр Левадиан с девятью товарищами, отправился искать руду по р. Коштаке, в Томской губернии. Местный воевода должен был выдавать им кормовые деньги: Левадиану по 3 алтына и 2 деньги в день, а остальным по 2 алтына и 4 деньги, снабдить их принадлежностями для рудничных работ, а также предоставить в их распоряжение двух кузнецов, с платою по 6 денег, и конвойных казаков. В случае нахождения руды предписывалось строить укрепления и заводы силами людей, которых должен был доставить воевода по 100 и 150 человек, вообще, сколько потребуется, а для выжига угля — 100 опытных углежогов с платою по алтыну в день. Левадиан обязывался обучить русских рудному делу.

И Левадиан и правительство возлагали, как видно, большие надежды на эту экспедицию. Но они не оправдались [3]).

Повидимому, безрезультатными остались распоряжение о постройке завода близ слободы Утки, отданное в 1697 году, и последовавший вслед за тем наказ тобольскому воеводе стараться о разыскании руды [4]).

В самом конце 17-го века русские добрались до отдаленного Нерчинского края и здесь они были вознаграждены за многие прежние неудачи. В 1689 г., находясь в пограничном Нерчинске для заключения дого-

---

[1]) Дополнения к актам историческим, т. VI, № 24, т. VII, № 10.

[2]) Дополнения к актам историческим, том VI, № 24 (V, VII); том VII, № 10 (III).

[3]) Первое собрание законов. № 1561.

[4]) Первое собрание законов, № 1588 (10 июня 1697 г.) и № 1594 (1 сент. 1697 г., § 15)

вора с китайцами, граф Ф. А. Головин узнал, что, по словам двух тунгузов, в Нерчинском крае имеется серебряная руда, причем ему был доставлен кусок руды. По возвращении в Москву он отправил туда четырех русских плавильщиков, но им не удалось выплавить серебра. Однако, первый неуспех в далеком крае не остановил правительства. При назначении Самуила Николаева нерчинским воеводою в 1696 г. Петр поручил ему „на прежних рудокопных серебряных местах, на речках Мунгуче и Алтаче и около тех мест, и иные горы осмотреть прилежно", а если можно без особых убытков, то накопать пару тысяч пудов руды и прислать ее, так как незадолго до того тамошняя руда была за границей испытана греками, и они сказали, что в ней есть серебро и свинец [1]).

В это время, испытав разочарование на Коштаке, знакомый нам Левадиан, присоединившись с греком Яковлевым к китайскому каравану, прибыли в Нерчинский край. Они на свои средства подвергли руду исследованию, и вскоре прислали в Москву выплавленные ими серебро и свинец. Тогда тамошним воеводам было велено осмотреть месторождения и вычислить, во что обойдется серебро с доставкой в Москву, учтя и плату вольнонаемным рабочим. Если не более 12 руб. ассигнациями за фунт, то начать выплавку. Вследствие этого воевода с мастером Левадианом посетил рудник на Серебрянке, открытый греками, но рудник оказался не стоющим разработки. Тогда они отправились на р. Алтачу, где стали расчищать на левом берегу старые китайские и монгольские „ямы". И здесь, в 150 саженях от входа в рудник (Култукский), в 12 верстах от р. Аргуни, граничащей с Китаем, был построен, позже ставший столь известным, Нерчинский завод (1704 г.).

Рудокопные работы первоначально велись силами 19-ти вольнонаемных людей, а в 1705 г. их уже было 51. Вскоре дело разрослось, быть может, благодаря присланным сюда в 1707 г. грекам — Семену Григорьеву и его сыну с большими окладами—в 200 рублей ежегодно каждому. И тогда вопрос о рабочей силе обострился. Приходилось отовсюду набирать рабочие руки. В 1708 году сюда стали переводить из Енисейска государственных крестьян, коих, за исключением умерших и бежавших с пути, прибыло 104 семьи. Их обратили на пашню. В 1709 году на заводе работали поочередно 78 семей, причем им ничего не платили, так как они были свободны от государственных сборов и повинностей. Кроме того, на Нерчинском заводе стали применять труд арестантов: в 1712 г. сюда был прислан на вечное поселение первый преступник; в том же году их было уже 20, а в 1721 г. их насчитывалось 52. Они выполняли всякую работу. За время работы завод снабжал их провиантом. Но наличный состав рабочих уже вскоре оказался недостаточным.

Тогда в работники стали определять рекрутов, набираемых в Сибири. В 1722 г. было велено переселить на завод 300 семейств из тамошних пашенных слобод и посадить их на пашню вблизи завода. А вместе с тем было решено направлять сюда всех осужденных к ссылке

[1]) Акты исторические, т. V, № 258.

в Сибирь [1]). Наряду с рабочими недостаток ощущался и в мастеровых — их стали присылать с уральских заводов. В 1720 г., кроме Семена Григорьева, на Нерчинском заводе находилось: шесть рудоплавных мастеров, из коих главный — шведский пленный, офицер Дамес, вызванный из Тобольска (позже управлявший местным горным и заводским делом) и восемь подмастерий. Тогда же вольнонаемных работных людей было 120 (три года спустя — 180), которым за время с 1 апреля по 1 октября платили по 15 рублей каждому, в счет каковых выдавали авансом 10 рублей. Наемные рабочие, а также переведенцы и ссыльные жили в шести „черных“ избах.

Руду на Нерчинском заводе ломали кирками и ломами; таскали из глубины воротами наемные люди. Ее добывали из нескольких „ям“, т. е. приисков, а именно: из чудских Култукских копей (тут были найдены давние плавильные печи), из Первомонастырского рудника, открытого в 1711 г. в окрестностях завода, из Старозерентуйского, Первотроицкого и других. В первый год добыли, помимо свинца, 1 фунт 24 золотника серебра, а несколько лет спустя получали от 8 до 11 пудов в год, в середине века — от 35 до 200 пудов в год [2]).

На пороге 17-го века рудничное дело продвинулось и в области Урала. Это вызывалось настоятельной необходимостью в железе и меди, чтобы возможно скорее развить военные силы России. Петр остро почувствовал недостаток в металле в 1694 году, когда он завел в Воронеже флотилию для похода на Азов и когда только Романовские заводы (впоследствии — Липецкие в Тамбовской губернии) снабдили его снарядами, коих было недостаточно.

В 1699 г. было повелено основать завод после испытания найденных за два года до того образцов магнитного железняка с реки Тагила и бурого железняка с реки Нейвы и Зыряновки. Никита Антуфьев, знаменитый мастер Тульского железного завода, известный под именем Демидова, удостоверил, что для выделки ружей железо с упомянутых рудников не хуже шведского [3]), и амстердамский бургомистр Витцен одобрил руду. К заводу было приписано около 1700 казенных крестьян (1700 г.). Первоначально завод стали строить на реке Федковке, но затем решили строить на реке Невьянке, где руду добывали уже в 17-м веке. И таким образом возник Невьянский завод, по выражению В. Жуковского, — „дедушка уральских заводов“. Первый чугун на Невьянском заводе был выпущен 12 декабря 1701 г. В документах Невьянский завод порою именуют Федковским. Однако, в действительности Федковский завод существовал наряду с Невьянским, как видно из одного списка 1727 г. [4])

---

[1]) Первое собрание законов, № 3955 (10 апреля 1722 г.).

[2]) Памятники Сибирской истории, т. I, № 64, т. II, № 56.—См. также записки *Геннина*. — См. Горный журнал, 1834 г., ч. I, кн. 2, стр. 249. — *Кириллов*, Цветущее состояние Всероссийского государства. — *М. Злобин*, Взгляд на Нерчинские заводы в 1820 году (рукопись).

[3]) Акты исторические, т. V, № 267. Грамоты 1697 г. верхотурскому воеводе Протасьеву о приисках магнитной жел. руды.

[4]) *И. Рябов*. Былина и временность Нижне-Тагильского завода (Ученые записки Казанского унив-та, 1848 г., кн. 2).

Начавшаяся в 1700 году русско-шведская война еще более обострила необходимость развить отечественную горную промышленность. Россия пользовалась обычно шведским железом, которое всегда было дорого, а теперь стало еще более дорогим, так как его приходилось покупать во время военных действий через посредство голландцев и англичан. Это обстоятельство побудило правительство обратиться к населению, как бы с призывом насаждать горное дело[1]). И, быть может, в связи с этим, сибирский воевода, князь Черкасский, построив железный завод на Каменской, за отсутствием достаточного числа мастеровых, направил на завод наиболее способных из своих вотчинных крестьян. Вслед за этим он построил Алапаевский и Уктусский заводы[2]).

В ту пору пришлось запретить жечь лес в Тульской губернии, сильно пострадавший от развития железного промысла. Это должно было затормозить деятельность Демидова, изготовлявшего оружие для казны, и он упросил в 1702 г. Петра передать ему Невьянский завод. Петр согласился, и тогда в руки Демидова поступило не только недвижимое имущество предприятия, но и „движимое" в лице казенных людей, работавших на нем в момент перехода его к Демидову. Они не стали собственностью Демидова, но он мог пользоваться ими, как рабочей силой, потому что они составляли, можно сказать, живой инвентарь завода. Приняв Невьянский завод, Демидов исходатайствовал, чтобы к заводу были приписаны государственные крестьяне Аяцкой и Краснопольской слобод, а также монастырского села Покровского, которые, продолжая вести свое сельское хозяйство, выполняли ежегодно в определенное время горнозаводские работы, за что заводчик оплачивал причитавшиеся с них подушные подати и сборы.

Таким образом, на первых порах рабочая сила Невьянского завода состояла из двух групп принудительного труда: а) отданных а заводу, постоянно работавших людей (и 22 мастера из Москвы), и б) приписных крестьян, выполнявших временные работы. Затем к ним присоединились вольнонаемные (Демидов стал нанимать иноземцов), и, наконец, собственные Демидова люди, которых он покупал у тульских оружейников, пользовавшихся тогда помещичьим правом, и у дворян[3]).

Наряду с железом, но в значительно меньшем размере, стала добываться и медь. В 1699 г. рудокопный мастер, полковник Лаврентий Нейтор (Нейдгарт), ведавший горное дело в Казани, отправился в местность, расположенную между Осинской Слободой (Осой, находившейся в ведении Казани) и Кунгуром, и по указанию местного крестьянина Попкова стал ломать медную руду у р. Бым (где впоследствии долго действовал Бымовский медноплавильный завод); он повез руду по Каме на Саралинский медный завод (в тогдашнем Казанском уезде), но произошла авария, руда пошла ко дну, и работа на руднике приостановилась[4]).

---

[1]) Первое собрание законов, № 1815 (2 ноября 1700 г.).

[2]) Из речи Татищева в 1734 г. (*Герман*, стр. 151).

[3]) *И. Рябов*. Былина и временность Н.-Тагильского завода.

[4]) *Н. Чупин*. Историч. сведения о бывших Кунгурских медных заводах (Пермские губ. ведомости, 1866 г, №№ 61 и 62). — Записки *Геннина*.—Акты исторические, т. V, № 289.

В 1702 г. была открыта богатая медная руда по р. Уктусу, впадающей в Исеть, в 6 верстах от построенного позже Екатеринбурга, и там был основан завод (позже стал обрабатывать и железо). Тогда же крестьянин Сулеев нашел медную руду вблизи речки Полевой, вверх по р. Чусовой, на месте, называемом Гумешки (впоследствии здесь возникли Сысертские заводы), где издавна происходила разработка меди, как об этом свидетельствовали чудские копи: на глубине 15 сажен от поверхности здесь находили человеческие кости, одежду и инструменты. А в 1710 г. крестьянин Бабин обнаружил там же, вверх по Чусовой, медную руду, которую и стали плавить на Уктусском заводе.

ПО ПУТИ К УПРОЧЕНИЮ ГОРНОГО ДЕЛА.

Горное управление. — Рудный приказ (1700 г.). — Проект реформы горного управления и, в частности, порядка использования крестьянского труда. — Препятствия к насаждению рудного дела со стороны незамиренных соседей, крестьян и начальствующих лиц. — Учреждение берг-коллегии (1719 г.). — Горная свобода. — На исходе первых ста лет. — Промышленники. — Вывоз железа за границу.— Рабочая сила.— Приписные крестьяне в Олонецком крае, на Урале и в Сибири. — Их работа на рудниках. — Осложнение рабочего вопроса.— Недостаток в квалифицированных рабочих.— Разрешение покупать помещичьих крестьян для горнозаводских работ. — Разнообразие в составе рабочей силы. — Заработная плата и рабочий день.— Волнения и побеги.

Как мы видели, правительство неоднократно с горячностью производило через посредство своих агентов или частных лиц поиски руды и устраивало заводы. Но, в сущности, то были стихийные вспышки. В общем, правительственная горнозаводская деятельность была лишена планомерности и постоянства. Хаотическому состоянию горного дела содействовало отсутствие центрального органа управления.

Различные учреждения в разнообразных отношениях соприкасались с отдельными сторонами горного дела, и в действиях этих учреждений не было единства. В горные дела по отдельным вопросам вмешивались: Посольский приказ (приглашение иностранцев), приказ Большой казны, Новгородская четверть, Оружейная палата, Пушечный двор. С 1668 г. горное дело было сосредоточено в приказе Большого дворца, но и другие приказы имели к нему отношение: в одном месте получались деньги для обследования приисков, в другое отдавались медь и железо; в Сибири начавшиеся рудные промыслы находились в ведении местных учреждений и т. д.[1])

Но вот Петр задумал положить прочное основание горнозаводской промышленности. Предварительно приказав (1699 г.) Посольскому приказу вызвать рудокопов из-за рубежа, он именным указом 24 августа 1700 г. велел: „На Москве золотые и серебряные и иных руд дела ведать окольничьему Алексею Тимофеевичу Лихачеву да дьяку Козьме Борину, а сидеть им в Приказе Большой Казны особо и писать приказом Рудокопных дел“ [2]).

---

[1]) *Крамаренков*, стр. 44.

[2]) Первое собрание законов, № 1812.

Таким образом, дело добывания руды было как бы централизовано. Но при этом обработка руды не вошла в компетенцию вновь учрежденного приказа. Напр., Олонецкие заводы находились в ведении Адмиралтейской Коллегии. Благодаря этому, горное дело оказалось расколотым — „ведомство над рудными приисками и заводами, — говорит автор исторического очерка о горном деле в России, В. Крамаренков, — разделено было в месте на разные правительства, из которых одно, слагаясь в горных делах на другое и не имея одно с другим никакого сношения, делало немалые упущения“. А помимо того, даже в отношении руды новый приказ не был хозяином, так как делом ведали фактически воеводы и губернаторы.

Рудному приказу было велено: где сыщется золотая, серебряная и медная руда, там строить заводы и „из руд товары делать“, а прочие руды, в том числе и железную, отдавать на откуп.

Окольничий Рудного приказа со своим дьяком, как видно, ретиво взялись за работу. Сразу же были приобретены „припасы и снасти“ для „опыту всяких руд“, т.-е. приборы для испытания руды, и посланы люди „в разные города к рудокопным делам для взятья руд“. А несколько недель спустя был установлен довольно значительный, штат „приказа рудных дел“ — два старых и десять молодых подьячих, да четыре сторожа. Содержание этого штата поглощало значительную часть бюджета рудного приказа. В распоряжение нового приказа поступили: русский человек Власов (умерший в 1703 г.) и два грека, Симон Григорьев и Белиамин Левадианов, все трое получившие звание мастеров в рудокопном деле. Тогда же последовал указ, чтобы по городам, торгам и ярмаркам в торговые дни кликать бирючам (глашатаям) — всякий, кто знает о существовании руды, пусть сообщит властям, и тот будет вознагражден; местные власти, убедившись в правдивости показания, обязаны уведомить о том приказ рудных дел. В силу этого же указа все дела о рудах, имевшиеся в приказах, приказных и губных избах, должны были быть переданы в приказ рудных дел [1]). Таким путем были собраны образцы руды из 121 места.

К этому времени прибыла из-за рубежа партия дельных горных людей: польский посол привез с собою в Москву (1699 г.) из Саксонии бергмейстера Ейдерлина и опытного рудопробирщика Иоанна Блюера (Блигера), ставшего потом бергмейстером, которого сопровождали шесть лиц: „добрый серебра плавильщик“, „опытчик, гонитель и жгатель серебра“, „всяких горных дел мастер“, „гор рубитель и искатель“ и еще двое. Блюеру с товарищами выдали „кормовых“ в очень значительной по тому времени сумме — 557 руб. 47 $^{1}/_{2}$ коп. А так как эти саксонцы, как и упомянутые выше греки, не знали русского языка, то пришлось взять трех толмачей. Далее, из военного приказа было прислано пять человек в горные ученики, а из приказных двое — их послали для обучения в Оло-

---

[1]) Первое собрание законов, № 1815.

нец, где строился Новопетровский завод. Затем в 1702 и 1704 гг. в Саксонию отправили десять человек для изучения „рудосыскного“ дела, из которых вернулись обученными трое [1]).

Рудный приказ не стремился организовать дела в губерниях силами местной администрации. Напротив, питая, повидимому, недоверие к ней, он хотел централизовать в столице всю горную деятельность. Рудный приказ посылал людей для сыску руды в Пустозерск, в Олонецкий, Новгородский и Переяславский уезды, на Мезень, в Валуйскую степь, в Сибирскую и Казанскую губернии. Он покупал „рудосыскные опытные снасти“, „опытные горшки“, оплачивал русских и иноземных мастеров. Он даже снабдил рудокопное поселение в Пустозерске церковной утварью и оплатил тамошнего священника [2]).

Как кажется, главная работа выпала на долю рудопробирщика Блюера — ему было поручено разыскивать со своими помощниками руду в различных местах. Сперва в Калужской губернии обнаружили кварцевые и серные руды, а также селитру, но Петр мало ими интересовался — ему нужен был металл, и они были переданы на откуп частным лицам. Затем Блюер, успев по поручению Петра с‘ездить за границу и привезти из Саксонии новую партию мастеров, основал (1701 г.) в Олонецком крае, на р. Лососинке, близ ее устья, Петровский железный завод, а, найдя там и медную руду, построил также медноплавильный Ново-Петровский завод. Руда добывалась в тонких прожилках; кроме того, находилась и самородная медь.

После этого Блюер стал разыскивать руду в других местностях В Соликамске и Кунгуре он разведывал старые медные рудники. В подобных поисках принимали участие и другие иностранные мастера, а также русские, обучившиеся за границею рудокопному делу. По испытании упомянутых выше 121 образца руды оказалось, что имеется медь в уездах Олонецком, Кольском, Соликамском, а также в Сибири—в Верхотурском, Кунгурском и Тобольском. Тотчас же велено было строить заводы, но в Сибирь из Москвы никого не послали, так как рудоискатели занимались там продажею пороха кочевникам, а потому в целях ближайшего надзора все дело было поручено Сибирскому приказу [3]).

Отметим, что известное оживление внесли в горное дело шведские пленные. В некоторых местах они стали самостоятельно добывать руду. Но по от‘езде шведов на родину их начинания были заброшены. Капитан Рычков сообщает, что шведские пленные построили завод недалеко от Елабуги, но как только они его покинули, дело тотчас остановилось. В Мензелинске сохранились рудокопные ямы, в которых работали шведы; ямы засыпались, так как никто не продолжал начатого дела.

---

[1]) *Герман*, стр. 10. — *Крамаренков*, стр. 11.

[2]) Приложение к записке *Крамаренкова* „Ведомость, сколько с начала рудного приказа с 700-го апреля по 1-ое число 711-го года для рудного производства денежной казны, отколь в приходе и из того числа в расходе и на что имянно было“.

[3]) В 1711 г. Сибирский приказ сообщил, что в Нерчинском, Верхотурском и Кунгурском уездах действуют новые заводы, но никаких сведений об этих заводах не сохранилось.

Все описанные начинания были далеко недостаточны, чтобы горные промыслы развились в том масштабе, который соответствовал петровским преобразовательным замыслам. В то же время росту горного дела мешали серьезные препятствия извне и внутри.

Много трудов и денежных затрат поглощала охрана рудников и заводов в областях Урала. Все время инородческие племена вооруженною силою противодействовали горнозаводским работам, а потому приходилось строить остроги и содержать военные команды. Например, когда около 1700 г. стольник Калитин приехал в Кунгур для промысла медных руд, кунгурцы, не желая, чтобы в их крае строились заводы, собрались в несколько тысяч душ и вооруженные подошли к городу, чтобы убить Калитина; но ему удалось отбиться пушками, а потом тайком убежать из города и лесами пробраться до Верхотурья. И в дальнейшие годы заводы находились в опасности — башкиры нередко сжигали заводские строения, нападали на водворившихся здесь крестьян и разоряли их, убивали и забирали в плен. Так, в 1718 г. башкиры сожгли все строения Полевского рудника (открытого Бабиным) и не позволили промышлять на Гумешках, благодаря чему этот рудник был заброшен и восстановлен только в 1735 г. В 1721 г. главари башкирских шаек обещали больше не мешать рудным работам. Однако, два года спустя Геннину сообщили, что по другую сторону р. Чусовой стали разрабатываться старые медные копи, но башкиры напали и сожгли начатые строения [1]). Вот почему, основав заводы у Екатеринбурга, Геннин построил вокруг них земляную крепость. И Полевский завод, находившийся в 52 верстах от Екатеринбурга, был защищен — вокруг него „сделана полисадом крепость и ров и на бастионах поставлены пушки“ [2]).

Таким образом, сибирские заводы нуждались в вооруженной силе, а так как в областях, примыкающих к Уралу, трудно было находить людей, перевод же крестьян из далеких мест сопряжен был с большими затратами и неудобствами, к тому же число приписных крестьян на сибирских заводах достигло 25 тысяч (1727 г.), то было решено с приписных слобод не брать рекрутов, а причитавшееся по набору число людей определять на заводы с двоякой целью: обучаться всяким мастерствам и нести охрану на заводах и в пограничных слободах. Отметим, что и на заводах Олонецкого уезда находилась для охраны рота солдат [3]).

Но еще более, быть может, серьезным являлось противодействие горным промыслам, исходившее из среды крестьян, опасавшихся, что их обратят на заводские работы, а также со стороны чиновничьих кругов. Преследования, которым подвергались рудоискатели со стороны местных властей, представлялись угрожающими. И именно, ссылаясь на жалобы, что не только жители, но иногда и самые городовые начальники укры-

---

[1]) Записки *Геннина.*

[2]) *И. Кириллов.* Цветущее состояние Всероссийского государства. — Книга была составлена в 1727 г. на основании свежих ведомственных материалов, напечатана же в 1831 г. (Москва, ч. I и II).

[3]) Там же.

вают руды и препятствуют устройству заводов, Петр особым указом (10 февраля 1710 г.) подтвердил, чтобы горные дела были ведомы только в рудном приказе и чтобы рудоискателям никто на местах не чинил стеснений. Вообще в управлении горным делом царила бестолочь. Дошло до того, что иностранные „горные офицеры", без которых горные работы приостановились бы, не получая жалованья, стали проситься на родину. Между тем рудный приказ [1]) был в 1711 году упразднен сенатским указом — вероятно потому, что он производил большие расходы, не оправдывавшиеся реальными результатами. Рудное дело перешло к местным властям; делопроизводство приказа было разослано по губерниям. Русских учеников, а также мастеров-иноземцев (если последние пожелают) и инструменты было велено послать в Сибирскую губернию, так как „той губернии городах по сыску явились железные и серебряные руды", или в другие губернии, если это представится необходимым.

Таким образом, горное дело вернулось в руки местных администраторов, из которых даже наилучшие не могли содействовать горному делу из-за отсутствия свободы инициативы и денежных средств.

Все это побудило Блюера, хорошо знавшего, сколь богаты металлами недра русской земли, написать Петру о необходимости преобразовать горное дело. Он советовал учредить берг-коллегию, которая ведала бы всеми рудниками, собрала бы всех русских людей, знакомых с рудным делом, и распределила бы их по способностям, выписала бы из-за границы возможно большее число специалистов и нужные инструменты, устроила бы лабораторию для испытания образцов, ввела бы с существующих частных „рудных и минеральных заводов" сбор, в размере одной десятой части добычи, и дозволила бы беспрепятственно нанимать людей для работы, установив определенную плату для пеших и конных работников. Этот проект был передан на рассмотрение сената. А сенат оставил его без движения — быть может, мстя Блюеру за то, что он обратился непосредственно к царю.

Тогда Блюер представил новую записку в сенат. Он рекомендовал: выписать из немецкой земли какого-нибудь большого знатока горного дела для проверки знаний всех поступающих на рудную службу; управление делами поручить лицу, которое не находилось бы в подчинении у губернаторов, а отвечало бы только перед царем или сенатом; впредь до учреждения берг-коллегии сосредоточить управление горными делами при сенате.

Характерно, что Блюер особо остановился на вопросе о рабочей силе. По его словам, работа выполняется большею частью крестьянами, которые не только не получают платы [2]), но часто наряжаются в числе

---

[1]) Первое собрание законов, № 2370 (8 июня 1711 г.).

[2]) Рудоискатель Шамамов жаловался в 1720 г., что на кунгурских медных заводах работникам вовсе не платили, порою же только некоторые получали вознаграждение, а потому при плавильщике Синявине, забиравшем себе деньги, причитавшиеся работникам, тридцать человек убежали (*Н. Чупин.* Историч. сведения о кунгурских медных заводах, (Пермские Губ. Ведомости, 1866 г. №№ 61, 62).

ста человек на работу, для которой было бы достаточно двадцати-тридцати душ. Благодаря этому крестьяне оставляют свои дома и разбегаются; другие же, „будучи посильнее“, приходят в непослушание; и вообще, предвидя для себя зло от горного дела, крестьяне не об‘являют об известных им месторождениях. И вот почему следовало бы не принуждать крестьянское население к горным работам, а отделить только потребное число молодых людей из мужиков или из рекрутов и, назначив им жалованье, оставить их навсегда при горном деле; они, таким образом, основательно ознакомились бы с этим промыслом, и нужда в иноземных мастерах отпала бы [1]).

Эта записка то же была оставлена без внимания. А между тем отсутствие центрального органа управления успело быстро сказаться, как это можно заключить из того, что в 1715 г. Петр без об‘яснения причин восстановил рудный приказ и перевел его из Москвы в Петербург [2]). Однако, рудный приказ фактически не сосредоточил у себя заведывания горными делами. Он долго не получал [3]) из губерний ни сведений о заводах, ни в свое время разосланных по губерниям рудных мастеров, учеников и надзирателей. Попрежнему иностранные „рудокопцы“ и русские рудоискатели принуждены были в одном месте просить об окладном жалованье, в другом — о кормовых дачах, в третьем — об отправке их на работу, в четвертом — докладывать о своих успехах, причем, в течение долгого времени, не получая ответа на запросы, бездействовали. А заводы продолжали находиться в ведении различных учреждений. Так, Каменские заводы (на Урале) были подведомственны (до 1723 г.) сибирскому губернскому начальству, Алапаевские — тобольской губернской и верхотурской воеводской канцеляриям (до 1721 г.), Олонецкие в 1719 г. были вновь переведены в ведомство Адмиралтейской Коллегии [4]).

К тому же центральная власть была бессильна двинуть дело, которое на местах не только не находило сочувствия, но встречало противодействие. В этом отношении все осталось по старому. Если в 1699 году упомянутый выше Нейтор должен был выхлопотать особую царскую грамоту, чтобы кунгурский воевода не запрещал работникам наниматься для копания руды [5]), то спустя пятнадцать лет и позже противодействие местных властей насаждению горного дела принимало еще более резкие формы.

В 1715 г. рудопромышленник Лодыгин, жалуясь Петру, что рудный приказ не заботится о распространении рудного дела, сообщил, что

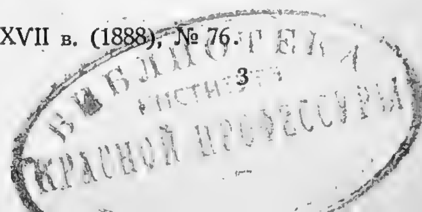
[1]) *Герман*, стр. 11—15.—*Крамаренков*, стр. 17 и след. — У обоих авторов неоднократно сообщения передаются в одних и тех же выражениях; это об‘ясняется тем, что Герман имел в руках сочинение Крамаренкова, как он сам отмечает на стр. 85.

[2]) Первое собрание законов, № 2908 (17 мая 1715 г.), № 2922 (13 июля 1715 г.) Высоч. указы, кн. 6, стр. 288—14 января 1715 г.

[3]) Первое собрание законов, № 2992 (8 февраля 1716 г.)—напоминание о передаче горных дел в рудный приказ и о присылке туда всех сведений.

[4]) Первое собрание законов, № 3379 (29 мая 1719 г.).

[5]) Акты исторические, т. V, № 289. — Кунгурские акты XVII в. (1888), № 76.

в Тобольском уезде был устроен завод для плавки серебра, но тобольский воевода Трегубов „по подкупу от крестьян“ того села, где находились заводы, захватил тех, кто открыл руду, бил их кнутом и отправил в ссылку, а завод „в пусте остался“. Комендант на реке Середа остановил заводы, построенные на приисках между Доном и Хопром, и избил арендатора прииска [1]). И, вероятно, в связи с этим сообщением, в указе 1716 г., напоминавшем о пересылке всего горного делопроизводства из губерний в рудный приказ, было оговорено, что губернаторы и их помощники не только не должны мешать насаждению горной промышленности, но обязаны содействовать ей [2]). Тем не менее, в 1718 г. кунгурский воевода — Воронецкий запретил разрабатывать уже открытые рудники (в 1712 г. у Кунгура был построен медный завод) и искать новые. Он заставил рудоискателей дать показание, что руда вся выработана и новых месторождений они не знают. Так действовал и комендант Усталков — рудоискателей арестовывал, плавильщиков бил плетьми и дубьем, ставил босиком на снег [3]).

Подобные факты столь возмущали и беспокоили правительство, что, учредив, как мы вскоре увидим, берг-коллегию, оно всенародно заявило, что местные власти не смеют вмешиваться в горные дела. А берг-коллегия, предписав (1720 г.) Татищеву (принимавшему в ту пору ближайшее участие в управлении заводами Уральского хребта) развить деятельность Кунгурских заводов, сочла нужным указать, что он не должен доверять заявлениям кунгурских под‘ячих, будто рудники, в которых брали руду для Кунгурского завода, уже исчерпаны, — „оное знатно те под‘ячие сокрывают, чтоб той завод уничтожить, понеже и до сего времени тамошние обыватели, чтоб того заводу не было, чинили многие препятствия“ [4]).

С другой стороны, даже по учреждении берг-коллегии землевладельцы продолжали оказывать противодействие насаждению горного дела, и противодействие было столь значительно, что пришлось издать указ (19 апреля 1722 г.), в котором говорилось, что в прииске руд и металлов помещики и их приказчики чинят обиды тем, кто сообщает властям о руде, найденной на помещичьей земле: бьют и мучают их, а потому жалобы таких потерпевших подлежат рассмотрению не на местах, а в столице, куда и должны быть доставляемы не только староста и приказчик, но и сами помещики [5]).

Но не легко было искоренить отрицательное отношение к рудному делу. В 1724 г. Геннин сообщил царю с Урала, что домовый человек Строгановых бил дубьем и плетьми рудосыщика, строгановского же мужика, и запретил ему искать руду. Это представилось Геннину столь

---

1) *Крамаренков,* стр. 31 и след.

2) Первое собрание законов, № 2992.

3) *Н. Чупин.* Исторические сведения о бывших Кунгурских заводах (Пермские Губернские Ведомости, 1866 г., №№ 61 и 62).

4) *Герман,* стр. 30.

5) *Герман,* стр. 41.

тяжким проступком, что он приказал домового человека наказать на площади, вырезать ему ноздри [1]) и сдать в вечную каторжную работу на Екатеринбургский завод.

Крестьяне в массе боялись, как мы только что сказали, открытия руды, но отдельные крестьяне усердно занимались поисками руды, зная, что их не только не привлекут к работам, но еще вознаградят. Когда Лялинский завод (в Пермской губ.) приостановился в 1727 г. за истощением руды, Геннин об'явил, что тот, кто найдет руду, не только будет освобожден от заводской работы, но и дети его будут свободны от рекрутчины — и тогда был открыт Павдинский рудник [2]).

С восстановлением рудного приказа рудоискатели получили возможность обходить местную власть, и благодаря этому заявки о найденных рудах участились. Но эти сообщения обычно не проверялись, и рудоискатели не находили поддержки, так как рудный приказ, фактически не работал.

И вот, чтобы вдохнуть жизнь в горное дело, указом 10 декабря 1719 г. была учреждена та берг-коллегия [3]), на которую Блюер возлагал лучшие надежды. Ее задачей было: возбудить в населении серьезный интерес к рудному делу и парализовать вредное влияние местной власти. Указ об учреждении берг-коллегии гласил:

„Понеже мы всемилостиво усмотрели, что от рудокопных заводов и прилежного устроения оных земля богатеет и процветает, так же пустые и бесплодные места многолюдством населятся, якоже и искусство в различных землях довольно показует, наше же Российское государство пред многими иными землями преизобилует и потребными металлами, и минералами благословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы; паче же не так употреблены, как принадлежит, тако что многая польза и прибыток, который бы нам и подданным нашим из оного произойти мог, пренебрежен. Мы признаваем, что сему пренебрежению главнейшая причина была частию, что наши подданные рудокопным делам, и как со оную в пользу государственную и всенародною произвести, не разумели, частию же иждивения и трудов к оному приложити отважиться не хотели, опасаясь, дабы некогда те заведенные рудокопные заводы, егда с них добрая прибыль будет, от них, заводчиков, отняты б не были. И дабы ныне сии и иные причины пресещися могли, того ради мы, в пользу государства и всем нашим верным подданным, особливый берг-коллегиум всемилостивейше учредить изволили и по нас оному власть и мочь дали единым судьею быти над всеми к тому принадлежащими делами и особами, чтобы никаким образом губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешалися, разве оный берг-коллегиум, или от оного опреде-

---

[1]) Жизнеописание Геннина, док. № 98.

[2]) Записки *Геннина.*

[3]) Первое собрание законов, № 3464. Вскоре берг-коллегия была соединена с мануфактур-коллегией, но в 1722 г. они были вновь раз'единены.

ленные к тому служители, какие помощи от них требовать будут. Сей берг-коллегиум будет впредь об‘являть указами и учреждениями, каким образом все рудокопные дела наилучше и совершенно произведены быть могут“.

Как видим, берг-коллегия была призвана служить централизующим органом управления. Но так как заводы были разбросаны на большом пространстве, и берг-коллегии было бы затруднительно сноситься с ними непосредственно, то были учреждены, так сказать, районные управления: для внутренних губерний — в 1722 г. берг-контора в Москве, далее — контора при Петровских Олонецких заводах, которые в 1727 г. перешли в ведение берг-коллегии из адмиралтейской коллегии; а для приведения в порядок дел в Сибири туда был отправлен в 1722 г. знакомый нам Геннин, снабженный особой инструкцией, подписанной Петром, и центром районного управления стал вновь построенный Екатеринбург — там был учрежден „бергамт“, переименованный позже в главное правление сибирских и казанских заводов.

При учреждении берг-коллегии были об‘явлены „привилегии“ для „всех охотников рудных дел“. Новые правила знаменовали коренную перемену во взглядах правительства по вопросу о недрах. До того времени рудники составляли регалию, принадлежали „короне“. Теперь же была возвещена горная свобода. Из основных положений (привилегий) мы приводим наиболее для нас важные:

1) „Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства не был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях, искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, также и минералов.., к чему каждый толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому надобное иждивение востребует.

5) Получившему такую привилегию или жалованную грамоту на месте, где руда обретена будет, 250 сажен долготы, 250 сажен ширины отведено быть имеет, и на том отведенном месте он и его товарищи всякую руду и минералию, что обрящет под землею, копать и к тому потребное строение построить волен.

7) Ежели владелец (земли) не имеет охоты сам строить и с другими в товарищество вступать не похочет, или от недостатка своего не возможет, то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать, и переделывать будут, дабы божие благословение под землею втуне не осталось...

8) Кто на своих землях полезные металлы, яко то серебро и медь сыщет и об‘явит в берг-коллегиум, и похощет завод построить, тому дастся из коллегии, по доброте руд смотря, взаймы денег на строение.

9) Ежели кто руду найдет и на том месте завод построить возможно будет, от которого бы впредь прибыль могла быть, тому заплатится за его труд из коллегиум за всякую гривенку или фунт меди, колико из одного опытного пуда руды выйдет, также по четыре рубли,

а за серебро за каждый золотник, который из пуда руды выйдет, также по четыре рубли дастся, однако-ж бы не ниже десяти золотников серебра на пуд было.

10) Мастеровые люди таких заводов, которые подлинно в дело произведутся, не только от поборов денежных и солдатской и матросской службы и всякой накладки освобождаются, но и в определенные времена за их работу исправную заплату получать будут.

16) Доколе оные рудные заводы довольних работников имети, и по уставам... содержатись будут, имеют оные промышленники рудокопных дел... сим обнадежены быть, что у них и у наследников их оные заводы отняты не будут“.

Открывая этим указом простор для частной инициативы, Петр имел в виду вовлечь в горные промыслы не скромные капиталы отдельных лиц, а значительные капиталы компаний. Но он скоро убедился, что русские вообще не склонны составлять товарищества для торговых и промышленных целей, а потому надежды были возложены на иностранцев [1]). Петр даже послал (1721 г.) в Париж уполномоченного для заключения с известной в то время торгово-промышленной Миссисипской компанией договора о разработке руд, но дело не состоялось [2]).

Если признать, что основание горнозаводского дела в России было положено, как мы говорили выше, в 1628 году, когда началась постройка старейшего плавильного завода, то, по данным [3]) о горнозаводских предприятиях, существовавших в 1727 году, собранным Кирилловым по ведомственным материалам, можно отметить в общих чертах те результаты, которых достигло горнозаводское дело на исходе первого столетия своего существования. Эти сведения отрывочны и, вероятно, неполны, но все же они дают известное представление о горнозаводской промышленности в ту эпоху. Нижеприводимый перечень железных и медных заводов составлен на основании указанных сообщений.

Местонахождение.	Железные заводы.	Медные заводы.
Нижегородская губ.	1 частный	—
Казанская губ.	2 частных	2 частных
Архангелогор. губ.	1 Демидова	—
Кунгурский уезд	1 частный	—
Соликамский уезд	—	2 казенных
Пермь	—	1 Строгановых
Екатеринбургск. уезд	2 казенных	3 казенных
Тобольский уезд	1 казенный	—

---

[1]) Первое собрание законов, № 3621 (30 июля 1720 г.).

[2]) *Герман*, стр. 35. Первое собрание законов, № 3701 (1720 г.).

[3]) *Кириллов*. Цветущее состояние Всеросс. государства.

Местонахождение.	Железные заводы.	Медные заводы.
Верхотурский уезд	2 казенных	1 казенный
	2 Демидовых	1 Строгановых
	—	1 Демидовых
	—	3 разных лиц
Новгородская провинция	2 частных	—
Олонецкий уезд	3 казенных	1 казенный
Обженский погост	1 частный	—
	1 казенный	—
Тверская губ.	2 частных	—
Московская губ.	3 частных	—
Переяславская губ.	5 частных	—
Владимирская губ.	2 частных	—
Калужская губ.	1 частный	—
Тульская провинция	4 Демидовых	—
	3 двух лиц	—
Смоленская губ.	1 частный	—
Севская провинция	3 казенных	—
Козловский уезд	1 частный	—
Шацкая провинция	4 частных	—

Отметим, что, по сообщению Крамаренкова [1]), в 1719 году имелось казенных заводов: медных — 5, железных — 26. Но различие в цифре казенных железных заводов: 26 по Крамаренкову и 12 по приведенному выше списку следует об'яснить тем, что такие заводы, как, напр., Екатеринбургские и Алапаевские, фактически состояли из нескольких заводов, и каждый из последних был, как видно, принят Крамаренковым за отдельную единицу, чего Кириллов не сделал; к тому же Крамаренков мог считать казенными те заводы, которые были построены казной, но потом переданы в частные руки.

Не сохранилось перечня рудников, разрабатывавшихся в ту пору. Кириллов упоминает и сообщает кое-какие сведения лишь о нескольких медных рудниках, и из этих кратких сообщений можно заключить, что тот или другой богатый рудник доставлял материал не одному определенному плавильному заводу, а нескольким, причем, в свою очередь, данный крупный плавильный завод обслуживался несколькими рудниками. Напр., с Полевского рудника руда отправлялась на Полевский, Уктусский и Екатеринбургский заводы, но на эти же заводы шла добыча и с Гумешевского рудника. Взаимоотношения между рудниками и заводами определялись текущей хозяйственной кон'юнктурой, т.-е. соотношением, которое существовало в каждый отдельный момент между выработкой данных рудников и плавильной способностью заводов. Это, между прочим, подтверждается соответствующими распоряжениями Геннина, относящимися к 1724 году [2]).

[1]) Стр. 42 (то же у *Германа*, стр. 19).

[2]) *Герман*, стр. 82.

Попутно приведем сведения о составе служащих на нескольких рудниках около 1727 года.

Ивинский рудник (Кунгурский уезд).

Бергауэров иноземцев	2
Под'ячий	1
Горных учеников	46
	49

Бабкинский и Муланский рудники (Уфимский уезд).

Подштейгер	1
Рудоискатель	1
Горных учеников	8
	10

Григоровский рудник (Соликамский уезд).

Шихмейстер	1
Под'ячий	1
Штейгер	1
Горный кузнец (бергшмит)	1
Горных учеников	15
Горных рекрутов, „которые бывают ровно с горными учениками"	86
Грубен-юнгов	6
	111

Семенниковский рудник.

Бергауэр	1
Горных учеников	8
Рекрутов	12
	21

Несмотря на то, что железная промышленность из года в год развивалась, железо продавалось исключительно на внутренних рынках. За границу его не вывозили. Только в 1722 году по указу Петра было впервые отпущено за море железо, которое с этой целью было запродано иностранному купцу по 56 копеек за пуд. Столь низкую цену назначили нарочито, чтобы приохотить иностранных купцов к покупке русского железа. В 1723 году железо было продано для экспорта по 60 копеек, а в 1724 году — по 65 копеек. Из года в год вывоз железа стал увеличиваться. Казенные заводы и Демидов обязаны были поставлять железо в Петербург для отправки его за границу (позже железо вывозилось через Архангельск). В 1725 г. Геннину, управлявшему сибирскими заводами, было предписано: „для продажи и казенного отпуску за моря железо умножать и сколь возможно тщиться, чтоб делать по образцам..., дабы не токмо в Голландии к продаже было годно, но и в другие порты, где которых рук надобно, можно посылать"[1]).

[1]) *Крамаренков*, стр. 66—67; *Герман*, стр. 92.

Уже в своем зародыше, как мы знаем, горное дело направилось двумя путями: с одной стороны, правительство предпринимало за свой счет и риск экспедиции для отыскания руды и строило заводы, а с другой — оно предоставляло в этом отношении известный простор инициативе частных лиц, оказывая им поддержку. Такая же политика проводилась и в дальнейшем. Напр., при учреждении рудного приказа (1700 г.) было велено железные рудники отдавать на откуп, и действительно некоторые заводы были переданы в распоряжение частных лиц. „Привилегии“, изданные в 1719 году, еще более поощрили частную инициативу к разработке руды. В результате, большинство заводов, существовавших в 1727 году, принадлежали, как мы заключаем из приведенного выше списка, частным лицам. При этом среди предпринимателей нередко встречаются люди, которые по своему происхождению вряд ли могли иметь значительные капиталы, и если они все же владели горнозаводскими предприятиями, то, вероятно, благодаря правительственной поддержке.

При сдаче казенных заводов на откуп заключались договоры на известное число льготных лет, по истечении которых заводчики должны были уплачивать казне оброк. Но фактически никто оброка не вносил, и правительство даже не знало о состоянии заводов, отданных на откуп. И лишь по случайному поводу был поставлен на очередь вопрос о привлечении заводчиков к уплате оброка.

В 1716 году поступил донос, что Демидову был неправильно отдан Невьянский завод без оброка. При расследовании обнаружилось, как вообще бесхозяйственно велось горное дело, благодаря чему промышленники богатели за счет казны. Что касается оброка, установленного указом 2 ноября 1700 г. в размере одной десятой части „прибытка“, то под предлогом, что об этом не было особо сказано в контракте, Демидов ничего не вносил в казну. Так поступали и другие заводчики: иноземцы Миллеры с Угодских и Истенских заводов, братья Нарышкины — с Каширских и дьяк Яков Борин—с Романовских заводов. „Пребывая в молчании“, они ничего не платили, а присутственные места, из страха перед влиятельными промышленниками или задаренные ими, и не помышляли о взыскании оброка.

Когда это стало известным, было решено восстановить обязательность сбора с промышленников в размере одной десятой части их добычи, так назыв. десятины. Один из пунктов привилегий 1719 года гласил: „...Токмо нам одним, яко монарху, принадлежащие рудокопные заводы и оных употребление каждому и вообще всем... милостиво соизволяем, только требуем не больше, яко во иных государствах обыкновенно есть, десятую долю от прибытка к заплате. При сем же мы всемилостиво намерены и оную десятую часть на несколько лет отпустить и тем пожаловать, ежели при искании тех руд будет убыток больше прибыли“.

Так как старые заводчики пытались доказать, что этот сбор распространяется не на их предприятия, а лишь на вновь открытые, то было раз‘яснено, что и старые заводы должны с 1720 года вносить деся-

тинный сбор наравне с новыми [1]). При этом было приказано об'явить фискалам [2]), заводским мастерам и прочим служащим, чтобы все они наблюдали за промышленниками, дабы в ведомостях „хозяева писали истину“, а об утайке доносить, за что будет вознаграждение — треть утаенного. От сбора десятины были освобождены только Каширские заводы Нарышкиных, так как заводы были в свое время отданы их отцу в вотчину. Однако, распоряжение о десятине не было исполнено, и пришлось принять новые меры. В виду того, что нельзя было ожидать в близком будущем поступления сведений о количестве вообще изготовленного железа, то последовало распоряжение (3 ноября 1722 г.) брать сбор с наличного чугуна: в Московской и других губерниях по копейке с пуда, а в Сибирской — по три деньги „по лучшему в сей губернии довольству лесов и других принадлежностей“. А в начале 1724 года было введено следующее правило: с железных заводов брать во всех губерниях с наличного чугуна по копейке с пуда, а вместо денег „дельным железом“ не брать [3]).

Судя по отрывочным данным, сохранившимся от периода зарождения горного дела в России, можно полагать, что первоначально существовало намерение повести горное дело силами вольнонаемных рабочих. Мы знаем, что у старейшего, Ницинского, завода (1631 г.) образовалась Рудная слобода, населенная вольными людьми. Далее, известно, что Кужгурский рудник пользовался (1634 г.) наемным трудом. То же было с Пыскорским заводом, причем имеется указание, впрочем, недостаточно убедительное, будто он прекратил действия именно из-за отсутствия наемных рабочих.

Но чрезмерные надежды на вольнонаемный труд поколебались, когда с расширением района, в котором предполагалось ставить горное дело, обнаружилось если не полное отсутствие, то во всяком случае недостаточность свободных рабочих рук. Правда, и в дальнейшем частным лицам обычно предоставлялось разрабатывать и плавить руду с условием ограничиться вольнонаемным трудом. Однако, вместе с тем рано стали намечаться иные способы снабжения горного дела рабочей силой, носящие характер принуждения.

Как было указано выше, уже в 1632 г. заводчику Винниусу были даны для копания руды 50 человек из казаков и стрельцов. А вскоре к его заводу была приписана Соломенская волость, т. е. рабочая сила местных казенных крестьян была предназначена для обслуживания завода. Позже промышленники Марселис и Акема также получили в распоряжение своих заводов живую силу целых селений.

---

[1]) Первое собрание законов, № 3487 (16 января 1720 г.)

[2]) Податной инспектор.

[3]) *Крамаренков*, стр. 38 и след., 80 — 83; *Герман*, стр. 25 и сл., 88. Первое собрание законов. № 4444 (28 янв. 1724 г.). Десять лет спустя вспомнили, что Демидову были даны безвозмездно земли для заводов и рудников, а также угодья, и потому велено было в Сибирской и Казанской губерниях сверх десятой от прибыли брать за земли и прочее по особой расценке (Инструкция Татищеву, § 19 — *Герман*, стр. 143).

Наряду с такой припиской населенных местностей к предприятиям, воеводы, по приказам из Москвы, снабжали промышленников, приступавших к разработке рудников, работными людьми из близких или сравнительно близких казенных деревень, причем эта повинность, носившая, как видно, лишь временный характер, исполнялась крестьянами по известным очередям, по нарядам, подобно тому, как выполнялись другие казенные работы. Впрочем, последний вид трудовой помощи промышленникам исчезает, как кажется, в первые десятилетия 18-го века, и господствующей становится приписка местностей с казенными крестьянами.

А позже перед промышленниками открывается новая возможность использовать трудовую силу — в лице крепостных крестьян.

Что касается казенных горнозаводских предприятий, то, по словам Крамаренкова, основанным на изучении остатков старых архивных материалов, „работа производилась наймом, а частию и по нарядам из близ лежащих деревень с платой пешему по 6, а конному по 12 копеек на день, и первая приписка 40 дворов учинена по именному указу к Новопетровским Олонецким заводам в 1700 г., да в том же году по указам сибирских губернаторов к Невьянскому заводу приписаны 1671 душа“ [1]).

После этого приписка крестьян к казенным заводам уже не прерывалась. Три года спустя к Олонецким заводам были приписаны вотчины Тихвинского (559 дворов) и Хутынского монастырей, а вскоре и крестьяне Юрьевского монастыря (314 дворов). Затем, в 1714 г. к Петровским заводам были приписаны волости и погосты, в которых числилось (по переписи 1707 г.) 4892 двора. В 1705 г. к Повенецким заводам, построенным за два года раньше, были приписаны 911 выгорецких раскольников для приискания и добывания железной руды; позже они ломали известь для завода. В 1714 г. при них состоял 1241 двор, а при Алексеевских заводах — 725 дворов.

В количественном отношении главную роль на горнозаводских предприятиях стали играть приписные крестьяне, работавшие на заводах в известные времена года. В качественном же отношении большую ценность представляла собою группа постоянных рабочих, которые при самой постройке заводов набирались из рекрутов или из крестьян в рекрутский зачет [2]). Позже категория постоянных рабочих стала пополняться, помимо потомков первоначального ядра, также различными элементами — непомнящими родства, беглыми и другими, а вместе с тем и известным числом приписных.

Так как заводские работы были весьма разнообразны, то приписанные крестьяне, как это было на Петровских олонецких заводах, делились на несколько групп, исполнявших определенную работу. Из двенадцати погостов, определенных к Петровским заводам (1714 г.), семь погостов должны были доставлять короткие дрова, причем государственные кре-

---

[1]) *Крамаренков*, стр. 42.—*Герман*, стр. 19.—У Гамеля есть указание, что в 1694 г. был приписан погост к Олонецкому заводу, находившемуся в частных руках (Семевский т. II, стр. 297, подстр. примечание).

[2]) Сборник Руского Исторического Общества, т. 115, стр. 282, 286.

стьяне—по 15 саженей, а монастырские—всего по 14 саженей. И эта работа—вырубить и сложить дрова в кучу, а также вывезти на завод уголь—оценивалась в 6 рублей. Сверх того указанные семь погостов должны были дать рабочих на завод: с государственных крестьян — по одному с каждых 9 дворов, а с монастырских — с каждых 8 дворов. Никаких других работ эти семь погостов не должны были выполнять. Другие же погосты были заняты доставкой руды и извести: государственные крестьяне—по 300 пуд. руды со двора, а монастырские—по 270 пуд., а извести — всякий двор по 30 пудов. Они же высылали людей на завод, подобно вышеописанным семи погостам. Один погост (Олонецкий) должен был только дать людей на заводы, а вместо прочих работ с тамошних крестьян взималось по 6 р. со двора. Некоторые волости для поправления своего положения временно освобождались от работ без взыскания денег, другие ломали и грузили камень к домнам, готовили деготь и т. д. Когда на одних заводах работа уменьшалась, приписанных к ним крестьян переводили на другой завод [1]).

Приписка крестьянских селений к казенным заводам происходила и на Урале, и в Сибири. Уже в самом начале 18-го века, как мы видели выше, была приписана 1671 душа к Невьянскому заводу. Верхотурский воевода доносил (1701 г.), что над постройкой того завода работало 478 крестьян, а потом беспрерывно 200 крестьян находились у ломки и у возки железной руды. Эта работа была такой „несносной“ тягостью, таким „великим разорением“ для местных крестьян, что с них, по словам воеводы, нельзя было взыскать причитавшиеся с них деньги на каменные постройки или взять работных людей, а между тем для постройки требовалось еще большее число людей [2]). И к Каменскому заводу, построенному около 1700 г., было приписано 337 дворов. На Нерчинских горных заводах работа велась специально переселенными сюда крестьянами, а также наемными и ссыльными.

Приписные крестьяне выполняли самые различные функции на горнозаводских предприятиях. Но при этом следует иметь в виду, что они вовсе не ограничивались одними такими подсобными работами, как рубка дров, жжение угля, возка припасов, устройство плотин и т. д. Вовсе нет. Приписные крестьяне участвовали также непосредственно в горной и заводской работах, действуя также в качестве р у д о к о п о в.

Добывание руды приписными крестьянами в сравнении с подсобными работами слабо отразилось в исторических документах. Быт может, потому, что последние захватывали большее число людей, чем рудокопная работа, или потому, что добывание приписными крестьянами руды было часто непосредственно связано с доставкой ее на завод. Возка руды представляла для них особенно много трудностей, как мы увидим в дальнейшем, а потому жалобы, главным образом, были направлены против этой обязанности, и таким образом добывание руды оставалось в тени. Но не подлежит

---

[1]) *Семевский*, т. II, стр. 298. — Жизнеописание *Геннина*, док. № 12.

[2]) Памятники Сибирской истории XVIII века. Книга I (СПБ. 1882 г.,) стр. 105—106.

сомнению, что добывание руды нередко входило в круг обязанностей приписных крестьян. Между тем, в представление о работе приписных крестьян на горнозаводских предприятиях обычно не входит рудокопное дело. Поэтому мы приведем в хронологической последовательности ряд данных, свидетельствующих, что рудокопная работа отнюдь не была чужда приписным крестьянам. Это можно проследить на протяжении ряда десятилетий.

Руду добывали приписные крестьяне для Невьянского завода, как мы выше читали в донесении воеводы. Так было и на Алапаевских заводах, как мы узнаем об этом в дальнейшем из жалоб тамошних приписных крестьян. О том, что приписные крестьяне копали руду, говорит инструкция начальника сибирских заводов Геннина, где сказано: плохую руду не сыпать в домны, а отложить и измерить, и если ту руду „миром ставили за подати" (т. е. доставили крестьяне приписные, всегда работавшие за подать), то не засчитать им руду, чтобы деньги не пропадали. Имеется сообщение от 1727 г., что для добывания руды в Полевском медном руднике туда присылались „годные" люди с завода того же наименования, который обслуживался приписными крестьянами. О таком обыкновении направлять одну и ту же группу рабочих то на завод, то на рудник, свидетельствует и сообщение Геннина, что рудник, открытый в 1729 г., разрабатывался вследствие холодов только с мая по сентябрь, на остальное же время рабочие переводились к работам на Лялинских заводах [1]). Сообщая в 1728 г. о работе приписных крестьян, Геннин указывал, что на некоторую их часть возлагалось копание руды, причем — в целях уравнения — добывание руды, как и другие работы, попеременно выполнялось всеми [2]).

О привлечении крестьян к рудокопной работе говорит и указ 29 октября 1735 г., который потребовал, чтобы при постройке одного сибирского завода всякие работы как в заготовке руды, так и в жжении угля и проч. производились наемными рабочими, а отнюдь не приписными крестьянами, ни крестьянами, присылавшимися по нарядам, как это делалось до тех пор. Наконец, сам президент берг-коллегии Томилов, будучи в Екатеринбурге, специально предписал (9 февраля 1747 г.) „приписных к заводам слобод крестьян к копке и добыче руды не употреблять, но токмо к возке, а определять к тому рудокопщиков". Следует отметить, что речь в данном случае шла только о каменной или, иначе говоря, о твердой руде; что касается мягкой руды, горнового камня и извести, то добыча этих материалов, по раз'яснению Томилова, могла возлагаться на приписных крестьян [3]). О том, что использование приписных крестьян на рудничном деле продолжалось и в дальнейшие годы, свидетельствует и то обстоятельство, что берг-коллегия, детально ознакомившись с вопросом о приписных крестьянах, намере-

---

[1]) *Герман,* стр. 74.—*Кириллов,* Цветущее состояние Всеросс. государства.—Записки *Геннина.*

[2]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 84, стр. 410.

[3]) *Герман,* стр. 166. — Секретная экспедиция сената, № 1291.

валась (1752 г.) установить следующее правило: в страдную пору крестьян на заводские работы не наряжать „и по рудным и следственным делам“ никуда не отправлять, чтобы не отрывать от земледелия. По указу сената в 1757 г. на Каслинский и Кыштымский заводы было приписано более 7500 крестьян „для добывания и вывозки руд“ и других работ [1]). Еще в 1763 г. князь Вяземский, подробно ознакомившийся с положением дел на Урале, заявил по поводу волнений среди приписных крестьян, что в рудокопных ямах очень мало вольнонаемных людей [2]),— главная масса рудокопов состояла из приписных крестьян. Вот почему заводчик Походяшин горько жаловался в 1767 г., что крестьяне, приписанные к его Петропавловскому заводу, бежали с рудников.

О работах приписных крестьян в рудниках говорят нам их наказы депутатам в комиссию для составления нового уложения (1767 г.). Крестьяне Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда, приписанные к Петровскому заводу Шувалова, сообщали, что среди положенных уроков они должны были „наработать железной руды 3330 ящиков, весом в каждом ящике по 125 пудов“, и вывезти руду на завод собственными лошадьми. Для этой работы была предназначена особая партия приписных крестьян, которая и жаловалась, что их отягчает то, что добывается руда „все порохом, ибо велят добывать самую материю, что сливается в горе под один камень“. Часть руды добывалась без пороха — в этом случае крестьяне, по их словам, „из подкопа“ землю носили по неделе и более. И погостные крестьяне семи селений Нагайской дороги, того же Казанского уезда, приписанные к Вознесенскому медноплавильному заводу, отправлялись по наряду заводской конторы „для копания руды“. Государственные (черносошные) крестьяне Кунгурского уезда, приписанные к частным горным заводам, рассказывали, что во время летних месяцев их наряжали „к прииску и разработке руд“ [3]).

Приписные крестьяне добывали руду также и на казенных Екатеринбургских железных и Березовских золотых рудниках [4]). Наконец, в 1770 г. на Гумешовский рудник, по словам Палласа, зимою во время самой сильной горной работы „пригоняли более ста приписных“ на помощь постоянным работникам, число коих доходило до двухсот [5]).

Несмотря на все разнообразие работы приписных крестьян и на все увеличивавшееся число их, не было точного предписания, „как при заводах работать, сколько времени и за какую плату“—лишь в отдельных случаях делались соответствующие указания.

---

[1]) Дневные записки путешествия *Ив. Лепехина*, ч. II (2-ое изд. СПБ. 1795 г.), стр. 181.

[2]) *Крамаренков*, стр. 199.

[3]) Сборник Русского Исторического Общества, том 115, стр. 251, 252, 255, 267.

[4]) *Семевский*, т. II, стр. 441 — 442.

[5]) *Паллас*, кн. I, ч. II. (СПБ. 1786 г.), стр. 189.

Когда Демидов в 1702 г. ходатайствовал о передаче ему железных заводов на Урале, он надеялся, что ему будет разрешено покупать крепостных людей „в русских городах и у вотчинников". Но этого дозволения он не получил [1]). В его распоряжение поступили мастеровые, переведенные казною на заводы из Тулы и Москвы. Ему было также предоставлено пользоваться крестьянами, высылавшимися местной властью на работу по нарядам, причем была установлена плата в том же размере, какую Демидов платил в Туле.

В конце того же 1702 г. Демидов возбудил просьбу о приписке к его заводам крестьянских слобод — Аяцкой и Краснопольской и Покровского села в Верхотурском уезде, а также Мурзинской слободы в Тобольском уезде, с тем, что он будет платить железом все сборы с крестьян, взамен чего крестьяне обязаны будут работать на Демидова в месяц одну неделю. И вследствие этого велено было к заводам „приписать в работу и отдать Верхотурского уезда Аяцкую и Краснопольскую слободы да монастырские — Покровское село с деревнями и со всеми крестьяны", причем все сборы, положенные на крестьян в пользу казны и монастыря, Демидов должен был выплачивать железом по уговоренной цене или деньгами [2]). Если крестьяне выработают больше, чем Демидов заплатил за них, он должен был „платить им, по правому рассмотрению, деньгами, чтобы обиды и жалобы денной от них не было". В следующем году было приказано „отдать к тем железным заводам в работу крестьян, которые написаны в ясаке [3]) вместо умерших ясашных иноземцев, и живут в Чусовской волости, — всех, что есть, с женами и детьми, для умножения того железного завода; а работать им на том заводе с аятскими и краснопольскими крестьянами в ряд" — ясак, который те крестьяне платили в казну, должен был оплачивать Демидов железом.

Но в 1705 г. Демидову было предоставлено строить медные заводы лишь при следующем условии: „работных мастеровых людей нанимать своими протормы", т. е. пользоваться вольнонаемным трудом [4]).

Правительство стало воздерживаться от приписки крестьян к частным заводам из экономических соображений. Крестьянское хозяйство, служившее источником казенных доходов и государственного благосостояния, неминуемо страдало от привлечения крестьян к горно-заводским работам, и уплата заводчиком сборов, причитавшихся с крестьян, не являлась полной компенсацией, тем более, что нередко горные заводы оказывались

---

[1]) Указ об отдаче Демидову заводов приведен *Гамелем* в „Описании Тульского оружейного завода" (М. 1826 г.) — прилож., стр. 52 — 58.

[2]) *Крамаренков* (стр. 38 — 39) сообщает, что за оплату повинностей крестьяне должны были работать на заводе восемь недель в году.

[3]) Вид подати, взимавшейся до 1727 г. натурой (пушниной).

[4]) Пермская летопись с 1263 по 1881 гг. состав. *Шишонко,* Пятый период, ч.III, стр. 2—5, 27 и сл., 33 — 34, 45 (Шишонко говорит, что Демидов мог покупать крестьян у вотчинников), стр. 62, 292 — 94, 335 и 414.— Жалобу ясашных людей на Демидова см. на стр. 39 — 41.— Памятники Сибирской истории, т. I, № 44. В 1706 г. по просьбе монастырских старцев крестьяне Невьянского Богоявленского монастыря были отобраны у Демидова и возвращены монастырю (Памятники Сиб. истории, т. I, № 69).

недолговечными, крестьянские же хозяйства расстраивались из-за заводских работ. Имеется сообщение, будто указом 23 января 1703 г. было дозволено „во всех городах на всяких землях искать всякие руды, но своими однако ж протормы, мастерами и работными людьми, без приписки крестьян“ [1]).

Но по мере роста фабрично-заводской промышленности вообще и, в частности, горнозаводской, становилось все очевиднее, что вопрос о рабочей силе осложняется и обостряется и даже принимает тревожный характер. В этом отношении знаменательно, что в „привилегиях“, изданных в 1719 г. при учреждении берг-коллегии, заводчики предупреждаются, что казна не отберет их предприятий, пока последние „довольных работников имети... будут“,— это свидетельствовало, что задача снабжения предприятий рабочей силою была столь трудна, что успешное разрешение ее вменялось в заслугу.

Было несомненно, что наличность вольнонаемных рабочих не соответствовала потребностям все развивавшейся промышленности в рабочих руках. Однако, даже те кадры вольнонаемных рабочих, которые могли бы пойти на рудники и заводы, вряд ли полностью попадали на горнозаводские предприятия, и это потому, что заводчики не были склонны пользоваться ими, так как вольнонаемные рабочие пред‘являли более строгие требования и дороже обходились, чем остальные две категории рабочих — казенные крестьяне и, так сказать, нелегальный элемент, т. е. беглые люди, не имевшие письменных видов. Среди них, как видно, преобладали раскольники и помещичьи крестьяне, уходившие от своих господ. Находясь по той или другой причине под угрозою кары, последние скрывались от властей и вследствие этого безропотно переносили самую крайнюю эксплоатацию. Так как скопление беглых в далеко не спокойных областях по Уральскому хребту представляло собою известную политическую опасность, правительство неоднократно запрещало заводчикам брать их на работу. Напр., рядом указов Демидову дозволялось принимать „всяких пришлых, но только свободных, не тяглых людей, и с паспортами“, но, несмотря на это, по переписи 1717 г. на заводах Демидова оказалось небольшое число людей, купленных в Нижегородской губернии, и много пришлых без документов — из Устюга, Сольвычегодска, Вятки, Тулы, Каргополя, из Строгановских и Салтыковских вотчин, из под Москвы, Н.-Новгорода, Симбирска, Архангельска, Верхотурья, Чердыни, Уфы, Галича, Костромы, Ветлуги. Одни из этих пришлых говорили, что сошли со своих мест „ради хлебной скудости“, другие — „от пожарного разорения“. Много насчитывалось старообрядцев [2]). В 1720 г. от Демидова было потребовано, чтобы он не брал на свои заводы тех крестьян, которые, чтобы не платить податей, оставляют свои дома и убегают с казенных Уктусских заводов на демидовские заводы. В том же 1720 г., при отводе одной компании земли для рудного дела, было

---

[1]) *Крамаренков,* стр. 115, (полагаем, что тут вкралась ошибка — вряд ли такой указ был издан в 1703 г.).

[2]) *Шишонко,* стр. 45—46.

сказано, что на заводах должно держать „мастеров и мастеровых людей, работников вольных людей заплатою им за труды по договору и записывать имена их в книгах своих с прикладыванием рук их подлинно, и беглых воровских людей отнюдь держать не велено“ [1]).

В 1722—23 годах велено было переписать „пришлых“ людей, осевших на заводах. По переписи, произведенной полковником Солнцевым, на заводах оказалось более 5000 лиц не крепостных или крепостных, но давно ушедших с родины. В связи с этими указами 29 мая и 26 июня 1724 г. было запрещено принимать беглых и беспаспортных на горные заводы и в слободы приписных крестьян; взятых ранее надо было вернуть на прежнее местожительство, но тех из них, которые обучились уже какому-либо заводскому ремеслу, можно было оставить, уплатив помещику пятьдесят рублей за каждого. Это распоряжение было подтверждено указом 14 июня 1725 г. (§ 14). Но Геннин обратился в берг-коллегию за разрешением не отдавать помещикам „пришлых старожилов“ из числа приписных крестьян, потому что их насчитывается 314 семей, и если они уйдут, заводы остановятся [2]). В связи же с переписью было велено некрепостных, непомнящих родства, поселить при казенных заводах, положив их там в подушный оклад [3]), каковой подлежал вычету из их заработной платы. А затем состоялось разрешение [4]) оставить в слободах при Екатеринбургских заводах тех работавших там пришлых дворцовых и монастырских крестьян, которые нигде в другом месте не положены в подушный оклад, причем это мотивировалось тем, что государству все равно, где живут крестьяне, лишь бы с них взимался оклад, а, между тем, если их после довольства в Сибири (т. е. на Урале) вернут на пустые старые места, то они опять разбегутся; с другой же стороны, из-за отсутствия людей горное дело на Урале не развивается. Но если кого успели записать где-либо в подушный оклад, то немедленно выслать туда, чтобы не было расстройства в уплате оклада.

Отметим, что особенно остро чувствовался недостаток в квалифицированных рабочих, благодаря чему заводы, не исключая казенных, друг у друга отбивали людей. Когда Демидову было запрещено (1720 г.) принимать шведских пленных и русских мастеровых, самовольно покидающих казенные Уктусские заводы, то и комиссару этих заводов было велено не брать людей, убегающих с демидовских заводов [5]). Но это не помогло, как видно из того, что, прибыв в 1722 г. на Урал, Геннин потребовал, чтобы Демидов отдал мастеров, которые ушли к нему с казенных заводов. С своей стороны, когда переписчик забрал у Демидова до ста беглых рекрутов и „собой явившихся“, то оказавшихся среди них 17 рекрутов, уже успевших обучиться заводским работам, Геннин определил на строившиеся Исетские заводы, и Демидов стал просить ему

---

[1]) *Герман*, стр. 31, 34.

[2]) Первое собрание законов, № 4518 (29 мая 1724 г.). — *Герман*, стр. 89, 93, 104.

[3]) Первое собрание законов, № 4699 (20 апреля 1725 г.).

[4]) Первое собрание законов, № 4931 (15 июля 1726 г.).

[5]) *Герман*, стр. 31.

вернуть их, основываясь, вероятно, на том, что беглых помещичьих крестьян не возвращали помещику, если они уже были обучены какому-либо заводскому мастерству [1]).

Было вполне очевидно, что если по тем или иным соображениям считалось необходимым быть скупым в приписке казенных крестьян к заводам и фабрикам, то вместо казенных крестьян должна была быть предоставлена в распоряжение промышленников какая-либо иная рабочая сила. И действительно, чтобы пощадить казенных крестьян, было решено не только дворянам, но и купцам (в руках которых сосредоточилась значительная часть фабрично-заводских предприятий), по общему положению не пользовавшимся правом владеть крестьянами, дозволить покупать помещичьи деревни, дабы обращать их крепостное население, в частности, на горнозаводские работы.

Этот указ от 18 января 1721 г. гласил [2]):

„Понеже хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели; а ныне по нашим указам, как всем видно, что многие купецкие люди компаниями, и особо многие возымели к приращению государственной пользы, заводить вновь разные заводы, а именно: серебряные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к тому же и шелковые, и полотняные, и шерстяные фабрики, из которых многие уже и в действо произошли. Того ради позволяется сим нашим указом, для размножения таких заводов, как шляхетству, так и купецким людям, к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения Берг-и Мануфактур-Коллегии, токмо под такой кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно. И для того, как шляхетству, так и купечеству, тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать, и никакими вымыслами ни за кем не крепить, и на выкуп таких деревень никому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни и с теми заводы продать, то таким продавать с дозволения Берг-и Мануфактур-Коллегии. А ежели кто противу сего поступит, то оного всего того лишить бесповоротно. А ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить, и таковых вымышленников до той покупки отнюдь не допускать и смотреть того накрепко в Берг-Мануфактур-Коллегии, а ежели таковые явятся, и их по усмотрению штрафовать отнятием всего движимого и недвижимого имения“.

Итак, в целях развития промышленности, дворянам и лицам других сословий было разрешено покупать помещичьих крестьян с тем, впрочем, важным ограничением, что эти купленные крестьяне принадлежали не лично заводчику, а его предприятию. Вместе с тем и помещики могли переводить своих крестьян на заводскую работу лишь с разрешения правительства в каждом отдельном случае.

---

[1]) Приложения к жизнеописанию Геннина, док. №№ 88 и 90.

[2]) Первое собрание законов, № 3711.

Не всюду заводчики имели возможность снабдить свои предприятия рабочей силой в лице помещичьих крестьян — встречались обширные территории, почти лишенные помещичьих деревень. В этих случаях общая тенденция — не приписывать крестьян к фабрично-заводским предприятиям не выдерживалась. Так, указом, опубликованным 29 мая 1724 г., было разрешено приписывать к сибирским заводам слободы, „без которых обойтись не можно“ [1]), а сибирскими считались в то время также все, сравнительно многочисленные, заводы в области Уральского хребта.

Конечно, на казенных заводах работали преимущественно приписные крестьяне, численность которых продолжала возрастать. Хотя в 1725 г. Геннину было велено не брать к заводам новых слобод, так как на сибирских заводах уже имелось до 25 тысяч приписных, все же в том году к Лялинским заводам было приписано сто дворов [2]), а в следующем к Полевскому заводу до двухсот дворов.

Однако, всей этой рабочей силы не хватало. Повторные запрещения пользования трудом беглых стесняли возможность рассчитывать на эту группу рабочих. А так как беглые, в виду непринятия их на заводы, стали пробираться в незамиренную Башкирию и далее, то Геннину было велено стараться, чтобы на заводы не принимались и вольные работники с паспортами, дабы под тем видом они не уходили прочь с заводов в Башкирию. Конечно, эти распоряжения нарушались. Порою приходилось нанимать на казенные заводы вольнонаемных рабочих, как мы это видим на Лялинских и Алапаевских заводах. Впрочем, в Петербурге были этим недовольны. Лишь по усиленной просьбе влиятельного Геннина ему разрешили в экстренных случаях брать некоторое число вольнонаемных рабочих на Екатеринбургские заводы. Если же их не хватит, то разрешено было потребовать от местных властей присылки крестьян по нарядам, но небольшими партиями — от 10 до 50 человек, которым и платить по плакату 1724 года [3]). И вот мы видим, что на Алапаевские и Лялинские заводы (по сообщению 1727 года) присылалось ежемесячно из Верхотурского уезда по 40, 35 и 22, смотря по надобности, пеших и конных крестьян.

Не находя под рукою нужного числа людей, Геннин стал прибегать к помощи солдат. В 1722 году он велел: „на Полевской работать сильною рукою и добывать медную руду солдатами и давать солдатам и унтер-офицерам, сверх их жалованья, по три деньги на каждый работный день“. В 1727 г. Геннин просил приписать к медным заводам новые слободы, так как руды открывается много, а прежде приписанных крестьян недостаточно, вольных же пришлых работников нет и принимать не велено, а нанять из местных некого, „понеже здешний народ весьма ленив и доброхотно, из воли, без понуждения работать и за плату не хотят“ [4]). Но оказалось, что даже разрешение приписывать слободы не спа-

---

[1]) Первое собрание законов, № 4518.

[2]) Первое собрание законов, № 4742 (30 июня 1725 г.).

[3]) Первое собрание законов, № 4742.

[4]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 84, стр. 395.

сало положения. Дело в том, что приписка крестьян нередко затруднялась отдаленностью приписываемых деревень от заводов. Это обстоятельство рано стало сказываться. Напр., Уткинская слобода, приписанная к Алапаевским заводам, находилась в расстоянии 172 верст от них. С течением времени положение еще более осложнилось, и когда Геннину в 1728 г. было дозволено приписать к Екатеринбургским заводам четыре слободы, то оказалось, что они до крайности отдалены от заводов, и к тому же отлучка крестьян из слобод была небезопасна в виду близости беспокойной казачьей орды. Поэтому было решено, в виде опыта, направить на Екатеринбургские заводы всех колодников, имевшихся в Москве, из числа осужденных на каторгу, с тем, чтобы они получали некоторое вознаграждение за свой труд [1]). А несколько лет спустя заместитель Геннина — Татищев, составляя проект горного устава, предложил всех осужденных в ссылку „на вечное житье", кроме каторжных, расписать по тем заводам, которые расположены в отдалении от слобод.

Отметим, что на Тырпецких заводах (Белозерского уезда) работали крестьяне „особливо купленных у помещиков деревень" [2]).

Так как приписные крестьяне платили подать и несли различные государственные повинности, то их труд, предоставлявшийся в распоряжение горнопромышленников, не мог быть бесплатным, а потому, как те крестьяне, которые работали при рудниках и заводах по нарядам, так и те, которых приписывали к предприятию, должны были получать вознаграждение. И, действительно, мы видели, на каких условиях работали крестьяне волостей, приписанных к горным заводам Марселиуса и Акемы, а позже крестьяне, взятые на заводы Демидова. Однако, хотя к 1719 году числилось 31.383 крестьянина, приписанных к частным и казенным заводам, не был, как мы уже выше сказали, точно установлен размер вознаграждения [3]), и весьма вероятно, что отчасти благодаря этому рабочие нередко были принуждены трудиться бесплатно. Даже в „привилегиях", в 1719 г. только глухо указывалось, что мастеровые будут за свою работу получать денежное вознаграждение и освобождаться от некоторых повинностей. Командируя капитана-поручика Татищева на Кунгур в 1720 г., берг-коллегия велела ему „паче того смотреть, чтобы все заработные деньги работникам даны были с какого-нибудь числа, а именно будет с пудов руды или с воза или каким-нибудь образом, только того смотреть, чтоб в работе не было медления, а в деньгах бы убытку" [4]). Впервые же вопрос о заработной плате был оформлен законодательным актом лишь в 1724 году, да и то не в полной мере, так как не была установлена длина рабочего дня. По указу 13 января 1724 г. во всех

---

[1]) Полное собрание законов, № 5383 (14 марта 1729 г.).

[2]) *Герман,* стр. 94—95, 81, 118—19 (указ 31/III 1729 г. о колодниках). — *Кириллов,* Цветущее состояние Всеросс. государства.— Инструкция Геннину от 14 июня 1725 г., § 14. См. Приложение к жизнеописанию Геннина, докум. № 104.

[3]) *Крамаренков,* стр. 43.

[4]) *Герман,* стр. 29.

местах, — в частности, и при рудном деле, работным людям полагалась единообразная плата: в летние месяцы (с апреля до октября) мужику с лошадью десять копеек, а без лошади — пять копеек, в остальное же, „зимнее“, время — с лошадью шесть, а без лошади четыре копейки в день — а „без платежа денег в работах их не употреблять“ [1]). И эта расценка была распространена плакатом 26 июня 1724 г. на все работы государственных крестьян, причем в тех случаях, когда заранее не оговаривалось, какое именно потребно количество крестьян, последние призывались на работу по очереди [2]).

Заработная плата не выдавалась полностью на руки — она вносилась предприятием в казну в погашение государственных сборов, лежавших на рабочих, и лишь остаток платы передавался им непосредственно. Когда в 1724 г. было разрешено приписать слободы к сибирским заводам, то было оговорено, что крестьяне освобождаются от уплаты подушных денег, каковые им засчитываются (по норме указа 13 января 1724 г.) за производимую ими работу, а причитавшиеся с крестьян деньги на содержание полков (войска) переложили на заводоуправления; когда же рабочие отработают подушные деньги, тогда заработанные деньги выдаются им лично, „а без платежа денег в работы их не употреблять“. На Олонецких заводах крестьяне должны были сообща отрабатывать подушные [3]).

Что касается длительности рабочего дня, то для мастеровых и работных людей она была установлена регламентом 23 февраля 1725 г.: „Как содержать звон при горных и плавильных делах“, из которого приводим более важные пункты:

„1. Подобно тому, как во всех делах содержат добрый порядок, яко душа каждому делу, так и наивящше творить надобно при горном и плавильном деле, ибо оное надобное також полезно и обыкновенно есть.

2. И состоит сей порядок между другими в том, а именно, когда людям приходить на работу, и паки по окончании своих шихтов (смена) с работы, время тому верно знать могли.

3. И того для надлежало б иметь верных часов, которыми поныне еще скудеет, того ради сделать между теми солнечные часы для познания времени и устанавливать по оным и прочие часы.

---

[1]) Указ опубликован 20 янв. 1724 г. (Первое собрание законов, № 4425). См. Выс. повеления, кн. 24, л. 355 — повеление 16 декабря 1723 г. о назначении денежной платы мастеровым (архив сената).

[2]) Первое собрание законов, № 4533.

[3]) Указы 29 мая 1724 г. (№ 4518) и 31 мая 1725 г. (№ 4724). Любопытный инцидент разыгрался на почве отработки четырех- и семигривенных сборов на Липовских и Козьминских заводах, подведомственных Адмиралтейству. Когда в 1725 г., в гор. Доброй и Сокольск были посланы солдаты за местными работными людьми для заготовки лесных припасов и возки руды с рудника и угля, офицеры и драгуны ямбургского полка не допустили солдат, отбили работных людей и посланных побили и проч.; так же поступили и обыватели, и все это потому, что четырех- и семигривенный сбор с крестьян до того времени поступал в пользу ямбургского полка, привлечение же крестьян на заводские работы меняло старое положение вещей. (Первое собрание законов, № 4786).

4. Понеже при шиферном и флейцком деле (т.-е. при горном и плавильном деле) состоит время в 12 часов, того ради надобно учредить звон тако, чтобы работные люди чрез данный им знак в колокол ясно слышать и ведать могли, которое время.

7. По утру рано, когда ударит 4 часа, повседневно звонить и ударить молотком в колокол 50 ударов, который знак будет итти на работу.

8. По полудни, когда ударит 11 часов в точку по солнцу, тогда 25 ударов, и то время значит с работы иттить, чтобы работники могли 1 час отдыхать и обедать.

9. В полдень, когда ударит 12 часов в точку, звонить на работу и бить в колокол 50 раз.

10. В вечеру, когда ударит 4 часа, звонить 50 раз, тогда будет шихта и смена людям, а особливо в плавильных" [1]).

Таким образом, дневная смена работала с 4 часов утра до 11 ч., когда наступал обеденный перерыв, а потом работа возобновлялась с 12 до 4 часов. Следовательно, работа фактически продолжалась 11 часов.

Мы уже говорили, что положение приписных рабочих, а также тех вольнонаемных, у которых прошлое не было безупречно с точки зрения закона (бежавшие от помещиков и преступный элемент), было особенно тяжелым — и одних, и других заводчик самым жестоким образом эксплоатировал в виду их беззащитности. Напр., крестьяне, работавшие у Демидова, неоднократно жаловались на свое невыносимое положение. В 1708 г. 22 крестьянина Невьянской слободы заявили, что, неся всякие казенные повинности, они работали на казенных Алапаевских железных заводах, где руду копали, жгли уголь, возили дрова и т. д., а вместе с тем были обязаны работать у Демидова, заводы которого были расположены за сто верст; Демидов же не только задерживал их у себя на четыре и более недели, но ничего не платил за работу, благодаря чему они разорились [2]).

Естественно, что на почве такого порабощения должны были возникать волнения среди крестьянских масс. Из приведенного выше доклада Блюера мы видим, что крестьяне, „будучи посильнее", приходили в непослушание. Сохранившиеся документы почти не сообщают об отдельных подобных случаях, но кое-какие известия все же имеются. Так, в 1715 г. Геннин, начальствуя над Олонецкими заводами, донес, что назначенный на заводские работы Ребольский погост, ранее никогда к ним не привлекавшийся, отказался исполнить распоряжение — „того погоста жители не послушали и учинились против указа сильны", а потому пришлось выслать роту солдат, чтоб привести их в послушание; впрочем, в данном случае повод к отказу от работы был настолько основательным, что власти пошли навстречу ребольским крестьянам. Дело в том, что погост отстоял от завода на 600 верст, причем дорога шла через болота и горы и, таким

---

[1]) *Герман*, стр. 89—90.

[2]) Пермская летопись, период V, ч. III, стр. 410. — Памятники Сибирской истории, I, № 79.

образом, переход был исключительно тяжелым; поэтому ребольских крестьян освободили от явки на заводскую работу, но взамен они должны были платить по семь рублей со двора [1]).

Паллас сообщает, что гора, возвышавшаяся между реками Чусовою и Полевою, называлась Думною, так как там происходило собрание крестьян, взбунтовавшихся при постройке Полевского завода, т.-е. в 1724 г. [2]).

Крестьяне прибегали и к другому способу борьбы — они оставляли заводскую работу, хотя для этого приходилось покинуть дом и семью. Правительство больше всего боялось бегства крестьян, так как этим затруднялось взыскание подушной подати и подрывалось сельское хозяйство. Бегство рабочих было обычным явлением, между прочим, и на Олонецких заводах, благодаря чему порою приостанавливалась работа. Чтобы положить этому конец, Геннин стал подвергать беглецов битью кнутом. Но это не помогало. И тогда он, по его словам, с успехом использовал другую меру. „Для лучшей... прибыли в работе и чтобы кровопролития больше не чинить“, Геннин стал налагать денежные штрафы за побег и за неявку на работу по 2 рубля в месяц. Штраф налагался на рабочих и за невыполнение урока, „понеже их кнутом содержать было невозможно, а вешать грех“. Эти деньги шли на содержание завода.

Система штрафа, повидимому, достигла широкого развития, судя по тому, что мужики Олонецкого и за-Онежских погостов отправились в Петербург с жалобами на Геннина. Узнав об этом, Геннин поспешил попросить адмирала Апраксина „таким составщикам“ учинить наказание кнутом и вернуть на место — „знатно, что есть в С.-Петербурге в приказных кто таким потатчики“ [3]).

Геннин, как мы видим, был требователен и жесток к рабочим. Тем не менее он признавал, что работа на Олонецких заводах „тягостна“, и так как многие рабочие бежали, покинув дома, то Геннин облегчил их положение, и они стали возвращаться. Щадя силы крестьян, Геннин, напр., просил (1715 г.) приписать к Петровским заводам новый уезд, потому что работа на них „не малая Олонецкого уезда жителей тягость“, и жаловался, что Петр „обещал завтра да завтра будет определение“ о приписке нового уезда, „а сам с‘ехал на море“ [4]).Однако, на заводах Олонецкого уезда работы продолжались „всем Олонецким уездом“ вплоть до 1725 г., когда некоторые погосты были, наконец, освобождены от заводских работ и оставлены на платеже подушных [5]).

Побеги происходили и в других местах. Когда в 1722 г. в распоряжение Геннина, находившегося при построении Екатеринбургских заводов, были присланы сибирским губернатором полк солдат и работники из крестьян ближайших волостей, то все они постепенно бежали с места

[1]) Приложение к жизнеописанию Геннина, док. № 19.

[2]) Книга I, ч. II (1786), стр. 187.

[3]) Жизнеописание Геннина, док. № 10 (1714 г).

[4]) Там же, док. № 17.

[5]) *Кириллов*, Цветущее состояние Всеросс. государства.

работы, и Геннин остался почти в полном одиночестве в необитаемом месте. И хотя для возобновления работы были употреблены „разные снисходительные и строгие средства“, побеги продолжались.

В 1726 г. солдат, посланный за крестьянином, бежавшим с работы в Камышловской слободе (Пермской губ.), сообщил, что приписные крестьяне из Тобольских слобод „с имеющимся у них огненным ружьем и разным орудием“, оставя свой скот и хлеб, бежали целыми семьями и собрались в числе 1500 душ близ башкирских земель, чтобы оттуда бежать. Тогда местное горное начальство об‘явило башкирам, что за поимку бежавших крестьян они могут брать себе их пожитки (за исключением лошадей). Но и в 1727 г. многие приписные крестьяне бежали, руководимые сакмарским казаком Гаревановым. Тогда же многие крестьяне остались в своих домах, насильственно же направить их к заводам было опасно, так как они могли оказать сопротивление или же разбежаться, бросив пашни, — это угрожало им голодом и оскудением, что считалось особенно вредным для горного дела. Так как непослушание рабочих привело к тому, что заводы остались без запаса нужных материалов, то Геннин хотел привлечь крестьян к заводским работам „в деловую (страдную) пору“, но берг-коллегия разрешила нарядить к заводу в деловую пору только из тех, кто „посемейнее“, а если их не хватит, тогда недостающих людей нанять [1]).

Если в указанном случае Геннин обратился в берг-коллегию за разрешением взять крестьян на работу в страдную пору, то лишь потому, что подобная мера находилась в явном противоречии с законом. Вообще же расправа с горнозаводскими рабочими принадлежала заводоуправлениям. Когда в 1702 г. Демидову были переданы казенные заводы с правом пользоваться, как крестьянами, назначаемыми на работу по нарядам, так и находившимися при заводах рабочими, то было оговорено, что если „мужики учнут противиться и покажут свое упрямство, их к возке и сечке дров принудить, чтоб тех заводов не остановить и не привесть в разорение“. Расправа с „наемными и работными людьми“, кроме дел о краже, убийстве и других злодеяниях, была предоставлена самому Демидову — „своим наемным и работным людям чинить ему (Демидову) за вины наказания по рассмотрению“. Такое же право было дано Демидову, когда к его заводам были приписаны Аяцкая слобода и другие селения; он мог „ослушников и ленивых, смотря по вине, смирять батогами и плетьми и железами, только в такой мере, чтоб чрезмерной работы на них не накладывать“, или, как сказано в другом документе, чтобы крестьяне не стали разбегаться. Подобным же полномочием была снабжена одна промышленная кампания в 1720 году: ей дозволили по своему усмотрению „неистовых мастеровых людей и работников за пьянство, и за непослушание, и за кражу смирять, и останавливать и вновь их принимать“ [2]).

---

[1]) *Крамаренков*, стр. 155—158.

[2]) *Герман*, стр. 34.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

НА УРАЛЕ ДО ПУГАЧЕВЩИНЫ.

ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Развитие горнозаводского дела.—Соотношение казенного и частного промысла.—Вопрос о превосходстве частных горнозаводских предприятий над казенными.—Горнопромышленная авантюра высокопоставленных особ.—Передача ряда казенных заводов частным лицам, почти исключительно именитым.—Плачевные последствия этой меры.—Сборы с заводчиков.—Техническое состояние горнозаводской промышленности.—Вывоз железа за границу.

Лучшие рудники были сосредоточены в обширной области Уральского хребта, которая в отношении горнозаводского промысла охватывала губернии: Пермскую, Оренбургскую и Казанскую, причем последняя включала в ту пору территорию будущей Вятской губернии. И не удивительно, что к 20-м годам 18-го века, в связи с падением значения Олонецких заводов [1]), вызванным тем, что лес у тамошних заводов сильно поредел, а железные руды начали истощаться, Уральский край стал привлекать к себе исключительное внимание, как со стороны правительства, так и со стороны промышленников.

Когда с образованием берг-коллегии надо было устроить местные горные управления, на Урал, с целью развития тамошней и сибирской горной промышленности, были отправлены: (1720 г.) артиллерийский капитан-поручик Василий Никитич Татищев (ставший впоследствии известным, как историограф), человек образованный, присмотревшийся за границей к горному делу, а вместе с ним знакомый нам Блюер, два иноземных знатока горного дела и русские ученики. Татищев стал-было проявлять плодотворную деятельность [2]), но столкновения с могущественным Демидовым привели к тому, что на его место был назначен (1722 г.) Вилим Иванович Геннин [3]), успевший выдвинуться по управлению горным делом в Олонецком крае. В его ведение поступили: сибирские, пермские, кунгурские и верхотурские заводы.

---

[1]) Записки Геннина.

[2]) См. Н. Чупин, В. Н. Татищев и первое его управление уральскими заводами (в „Сборнике статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофиц. части Губернских Ведомостей“, выпуск I. Пермь, 1882 г.).

[3]) Родом из Нассау-Зигена, Геннин поступил на русскую службу в 1697 г.

Ко времени приезда Геннина на Урал, Демидов успел построить несколько заводов (Тагильский, Бынговский и др.), пред которыми казенные терялись по своей производительности, организованности, по наличию квалифицированных мастеров. „А на государевы заводы,—писал Геннин по прибытии на Урал,—сожалительно смотреть, что оные здесь заранее в добрый порядок не произведены, понеже удивительно, как здесь бог определил таковые места, что рек, руд, лесов, где быть заводам, довольно, и работники дешевы, также и харчь не дорог, а не так, как на Олонце: 1-ое, заводы построены не в надлежащем месте; 2-ое, припасов мало; 3-е, мастера самые бездельные и необученые“ [1]). Геннин всячески стоял за усиление роли казенных предприятий в горнозаводской промышленности. Он, напр., советовал Петру не отдавать компанейщикам шахты и штольни при Полевой и при реке Яйве — они богаты, пусть компанейщики разрабатывают другие места [2]). Однако, при всем том Геннин не только остерегался вступать в конфликт с Демидовым, но охотно шел навстречу промышленникам с целью развить горнозаводскую промышленность в крае.

Прежде всего Геннин занялся разысканием рудников. По его словам, железная руда лежала „великими обрывными гнездами, из которых бывает в выборе около ста тысяч пудов“; руда находилась почти на поверхности земли и добывалась с небольшим трудом, без бурования и без употребления пороха, одними кирками и ломами „великими штуками“. Из ста пудов руды выходило пятьдесят пудов чугуна, в то время, как в Олонце выходила всего четвертая часть. Несмотря, однако, на эти благоприятные обстоятельства, разыскание рудников попрежнему производилось стараниями не горных специалистов, а рядовых обывателей. Так, укшусский житель Бабин открыл в 1702 г. Шиловский и Решетский рудники, укшусский житель Квашнинский нашел в 1722 г. рудник, названный по его имени, шаршатский житель Беляев в 1728 г. открыл Становский рудник.

Сопутствовавший Геннину Блюер еще много лет назад начал было со штейгером Лангом разрабатывать упоминавшийся нами медный рудник в Григоровой горе, где когда-то работала Чудь. Но Блюер не был искусен „во флецкой работе, а только н а г а н г а х“, а потому покинул рудник. Незадолго до приезда Геннина Блюер рассказал о своем давнем неуспехе находившемуся на Урале берг-советнику Михаэлису, опытному во флецкой работе, который и отправился к руднику. Но в это время прибыл Геннин. Он быстро оценил значение Григоровского рудника, который некогда был брошен, как истощившийся, и решил тотчас же построить медный завод около Пыскорского монастыря, и так как местные власти препятствовали насаждению горного дела, то он явился туда во главе военного отряда в триста человек (1724 г.). Геннин спешно возвел Пыскорский завод, приписав к нему 4070 крестьян.

---

[1]) Приложение к жизнеописанию Геннина, докум. № 88.

[2]) Там же, документ 97 (письмо Геннина от апреля 1724 г.).

Одновременно Геннин начал исправлять старые заводы (Укшусские, Каменские и Алапаевские) и строить ряд новых, пользуясь примером демидовских мероприятий, а иногда „требуя любезно" от Демидова искусных мастеров для временных сложных работ.

В первую голову был устроен Екатеринбург с его заводами [1]). Их обслуживал ряд железных рудников, а именно упомянутые выше: Кашнинский и Решетский в 10 верстах, Становский в 20 верстах и Шиловский в 25 верстах. Далее возникли заводы: на р. Ягошихе, где позже вырос город Пермь, Лялинский [2]) (медный), Синячихинский (медный) и Сысертский (железный).

Значительно развив таким образом работу казенных предприятий, Геннин, повторяем, вместе с тем содействовал росту частных горных промыслов. При нем Демидов завел новые заводы на Урале (начал разрабатывать руду и в Алтайском крае, в Томском и Кузнецком уездах). Под влиянием Геннина занялись горным делом и Строгановы, а за ними и другие.

В виду того, что в Кунгурском уезде, говоря словами Геннина, медная руда „непостоянна", он нашел (1722 г.), что брать для копания руды людей на жалованье не столь выгодно, как если предоставить всем охочим людям копать наемными людьми руду и доставлять ее по известной цене на казенный завод. По расценке, установленной в 1729 г., за каждый пуд выплавленной меди промышленникам платили по 2 р. 40 к. Позже за пуд меди из мягкой руды платили два рубля, а из твердых руд, добываемых порохом, 2 р. 40 к. [3]). При такой системе выработка руды достигла значительных размеров. И это, несмотря на то, что насаждение горного дела попрежнему парализовалось противодействием со стороны местных властей и обывателей, так что Геннину пришлось испросить (1733 г.) особого указа на имя казанского губернатора и воеводы Вятской провинции, чтобы тамошние воеводы по городам и обыватели не чинили препятствий в приискании и копании руды для казенных заводов [4]). Однако, когда соликамский купец Турчанинов и комиссар Каркин стали доставлять на Пыскорский завод большое количество руды, Геннин начал уклоняться от выплавки ее, чтобы таким путем заставить рудопромышленников построить собственные заводы. Но рудопромышленники говорили, что руды непостоянные, а потому рискованно строить для них завод. Пришлось продолжать выплавку частной добычи, но, чтобы все же склонить рудопромышленников к постройке собственных заводов, с них брали десятинный сбор с получавшейся меди, а не с прибыли, как с заводчиков.

---

[1]) Записки *Геннина.* — 12 июня 1723 г. Геннин писал царице, что стал строить при реке Исети завод и крепость, которые и назвал до указа Екатеринбургом. Строятся заводы приписными крестьянами — „им зачитывается за подать по два гроша на день, а доимки на них много, а платить деньгами не могут, то они за тое доимку лучше могут зарабатывать". (Жизнеописание Геннина, приложение, документ № 91).

[2]) Ср. статью *Н. Чупина* (Горный журнал, 1873 г., том 2, стр. 95 и сл.).

[3]) *Дерябин.* Стр. 36. — Приложение к жизнеописанию Геннина, докум. № 87.

[4]) *Герман,* стр. 136.

В результате двенадцатилетней деятельности Геннина [1]) горнозаводский район, который раньше замыкался между Соликамском и Кунгуром на западе, а на востоке — Верхотурьем и Екатеринбургом, раздвинул свои границы: возникли заводы близ Вятки и Казани, были сделаны попытки пройти в башкирские земли.

К 1734 году в управлении екатеринбургского обер-бергамта находилось, помимо 11 казенных заводов, 26 частных [2]), которые мы здесь перечисляем с указанием года возникновения.

В ведении сибирского горного начальства.

1) Федковский [3])	Акинфия Демидова	
2) Шуралинский железный .	его же	(1716 г.)
3) Быньговский „ .	его же	(1718 г.)
4) Нижне-Тагильский жел. .	его же	(1725 г.)
5) Шыйский или Выйский медн.	его же	(1721 г.)
6) Верхне-Тагильский жел.	его же	(1716—7 г.)
7) Черноисточенский жел. . .	его же	(1728 г.)
8) Шайтанский жел.	его же	(1726 г.)
9) Уткинский жел.	его же	(1729 г.)
10) Ревдинский жел.	его же	(1734 г.)
11) Шайтанский жел.	Никиты Демидова	(1727 г.)
12) На речке Баранче	его же	
13) Билимбаевский жел. . . .	Строгановых	(1733 г.)
14) На речке Барагузе . . .	их же	

В ведении пермского горного начальства.

15) Таманский медный . .	Строгановых	(1724 г.)
16) Троицкий медный	Турчаниновой	(1731 г.)
17) Суксунский	Акинфия Демидова	(1729 г.)
18) Бымовский	его же	(1736 г.)
19) Давыдовский медный . .	Никиты Демидова	
20) Иргинский	Осокина, Петра	(1730 г.)
21) На Югу (Юговский) . . .	Осокина, Гаврилы	(1732 г.)

В ведении казанского начальства.

22) Шурминский медный . . .	Хохрякова с комп.	(1732 г.)
23) На речке Кирви жел. . . .	Вяземского с товарищами	
24) Анцубский медный	их же	
25) Саралинский „ (б. казенн.)	Небогатого с компанией	
26) Уфимский	их же	

В 1726 году казенные заводы дали прибыль в сумме около 114 т. рублей, в 1731 г. — немногим более 90 тысяч рублей. Тем не менее, правительство считало казенную эксплоатацию недр неудовлетворительной и потому склонялось на сторону частной деятельности.

---

[1]) См. *Н Чупин*. Полуторастолетие Екатеринбурга в „Сборнике статей, касающихся Пермской губернии и проч." выпуск I (Пермь. 1882 г.).

[2]) *Герман,* стр. 157 — 158.

[3]) Тут разумеется и Невьянский завод.

Вообще развитие горного промысла временно замедлилось. Несмотря на вновь открываемые рудники, казенные заводы не строились из опасения, что строительные издержки и содержание начальствующих лиц превзойдут стоимость добытого металла, а частные лица не всегда могли заняться разработкой руды из-за отсутствия достаточного числа рабочих рук [1]). Между тем, правительство нуждалось в определенном количестве железа для вывоза за границу, так как по особому высочайшему повелению был заключен договор с двумя иностранцами об экспорте железа в течение пяти лет по двести тысяч пудов ежегодно, считая за пуд по шестьдесят копеек. Казенные заводы не давали уверенности, что потребное количество железа будет выработано, а потому Геннин, прежде высказывавшийся против отдачи казенных горнозаводских предприятий в частные руки [2]), поставил (1731 г.) на очередь вопрос о расширении частной горной промышленности за счет казенной [3]). Была образована (1733 г.) особая комиссия, которая должна была ознакомиться с положением всех железных и медных заводов и выяснить, что выгоднее для государства — содержать ли заводы на казенном иждивении или отдать их частным лицам, а в последнем случае — одному лицу или многим и на каких именно условиях? О результатах работы этой комиссии ничего неизвестно. Но, быть может, последствием ее явилось (1734 г.) отозвание Геннина с Урала и назначение на его место упомянутого выше Татищева [4]), который за протекшие годы успел выдвинуться и который всегда высказывался за поддержку частного горнозаводского промысла.

Татищеву предстояло на практике выяснить вопрос, что предпочтительнее: сохранить ли за казною старые заводы и даже строить новые, а в случае надобности отобрать те или иные заводы у частных лиц, или же, напротив, все надежды возложить на частных промышленников. Инструкция за подписью императрицы Анны, данная Татищеву при его от'езде на Урал [5]), указывала на необходимость расширить частную горную промышленность в Вятской губернии, а так как вообще устройство заводов тормозилось затруднениями в приискании рабочих рук, то было разрешено приписывать на частных заводах к каждой домне и к каждому молоту известное число дворов. Вместе с тем, она предостерегала, что оказывать содействие частным промышленникам можно лишь постольку, поскольку это не противоречит интересам казны. Наконец, инструкция совершенно открыто приказывала: если окажется, что казна может с выгодою для себя эксплоатировать демидовские заводы, то надо эти заводы отобрать у владельца и передать казне. Но обилие руды было

---

[1]) *Крамаренков*, стр. 118.

[2]) *Н. Чупин.* В. Татищев: жизнь его с 1722 до 1734 г. (в „Сборнике статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофиц. части Губ. Ведомостей“, вып. I, Пермь, 1882 г.).

[3]) Первое собрание законов, № 6108 (30 июня 1732 г.).

[4]) *Крамаренков*, стр. 67—68.—Первое собрание законов, № 6411.

[5]) Первое собрание законов, № 6559 (23 января 1734 г.).

столь явно и так остро ощущалась потребность в энергии, в живой силе, дабы „такой богатый и полезный государственному интересу капитал в земле втуне не лежал“, что по предложению Татищева было вновь опубликовано о дозволении частным лицам разрабатывать рудники [1]).

Постепенный рост частной горной промышленности и соответственное увеличение горнозаводского населения потребовали усиления правительственного надзора за предприятиями, вмешательства во взаимоотношения между промышленниками и рабочими. Вот почему Татищеву было поручено составить, при участии промышленников, горный устав. При этом он был обязан предварительно выяснить причины уже случившихся и впредь могущих возникнуть столкновений между заводчиками и мастерами „в делах, к заводам принадлежащих“. Татищев созвал всех частных промышленников и их приказчиков. Он им об‘яснил, что пока был только один заводчик Демидов, „законов на распри не требовалось“, но теперь недоразумения умножились. Устав был тем необходимее, что обладатели крупных заводов Демидовы, пользуясь своим многолетним монопольным положением и связями в столице, не признавали ничьей власти над собою, открыто совершали беззакония и этим дезорганизовывали горное дело. Влияние Демидовых и Строгановых в высших бюрократических и придворных кругах было столь значительно, что столкновения Татищева с ними привели к тому, что заводы Демидовых и Строгановых были из‘яты из его ведения [2]).

Татищев разработал проект горного устава (1735 г.), в котором, между прочим, отразился трудовой быт постоянных рабочих и приписных крестьян, так как статьи законопроекта, касавшиеся рабочей силы, были основаны на фактических данных. И поэтому, хотя устав не был утвержден и не получил силы закона, им все же руководствовались на Урале. Поэтому он может служить историческим материалом, и мы им воспользуемся в дальнейшем.

Устав потому не был утвержден, что в центральном управлении произошли перемены, повлекшие за собой новое направление в горнозаводской политике. В 1736 г. вместо берг-коллегии, находившейся в подчинении сената, был учрежден генерал-берг-директориум [3]), глава которого должен был отчитываться только перед императрицей. Этим путем временщик Бирон задумал в личных интересах войти в тесную связь с горным делом. Пост генерал-берг-директора занял вызванный для этой цели из Саксонии обер-берг-гауптман барон Шенберг. Позже была образована из высокопоставленных лиц комиссия для рассмотрения вопроса: быть ли казенным заводам или передать их в руки частных промышленников [4]). Что же решила эта комиссия? Она решила то, что соответствовало денежным интересам „высоких особ“, действовавших сообща с императрицей.

---

[1]) Первое собрание законов, № 6841 (16 декабря 1735 г.).

[2]) Первое собрание законов, №№ 6938 и 6939 (1736 г.).

[3]) Первое собрание законов, №№ 7047 и 7062.

[4]) Первое собрание законов, № 7589 (31 мая 1738 г.).

Комиссия признала необходимым все действующие казенные заводы отдать в содержание отдельным лицам или компаниям, русским или иностранцам, обязав их уплачивать казне определенную сумму в зависимости от богатства руды, удобства расположения и проч. Но главное то, что для некоторых предприятий, наиболее богатых, было сделано особое исключение. Речь шла о железных Гороблагодатских заводах, рудники которых представляли собою исключительную ценность, и о медных рудниках в Лапландии [1]). По об'яснению комиссии эти предприятия еще не были пущены в ход, и хотя можно было ожидать, что „руда в обоих местах богатая и прибыльная“, однако же, нужно было затратить средства, чтобы их оборудовать; к тому же, лапландские рудники лежали открыто на морском берегу, вблизи границ русско-шведской и датской, мимо рудников проходили корабли, направляясь в Архангельск. А потому указанные предприятия следовало отдать особой „пристойной компании“, члены которой должны быть назначены самой императрицей.

Эти предложения были рассмотрены в „Кабинете ее величества“ в присутствии членов комиссии, Шенберга и кабинет-министров и, конечно, одобрены. При этом было решено снабдить Шенберга единолично всей полнотой власти в горном деле, которую имела берг-коллегия, и, вместе с тем, вопреки мнению комиссии, предоставить ему же право отдавать в содержание казенные заводы без испрошения согласия государыни, дабы ее не утруждать. Ему же было поручено распорядиться о постройке медных плавильных заводов для лапландских рудников[2]). Все это разумеется было утверждено императрицей. Вслед затем, 3 марта 1739 года, был издан берг-регламент, в основу которого был положен принцип замены казенной горнозаводской промышленности частной. И в тот же день Шенбергу была дана привилегия на учреждение компании для разработки Лапландских и Гороблагодатских рудников[3]).

Таким образом возникла прославившаяся „берг-компания“, овладевшая значительными казенными горными предприятиями. Шенбергу были отданы железные заводы при горе Благодати и Лапландские прииски медных и серебряных руд. Кроме того, ему запродавалось все казенное железо по 58 коп. пуд, без залога, на неопределенное число лет, так что ведомства были вынуждены покупать у берг-компании железо по вольной цене. Из-за границы были вызваны около 50 горных мастеров-рудокопов, штейгеров и плавильщиков, и хотя многие из них служили в берг-компании, жалованье и другие виды довольствия они получали от казны.

---

[1]) См. ниже главу пятую. (Очерк „На севере“).

[2]) Приложение под литерой *К* к записке *Крамаренкова*. Вопрос рассматривался в Кабинете 9 и 10 февраля 1739 г. В указе сената от 25 июня 1742 г. (Полное собрание законов № 8571) неверно говорится, будто комиссия нашла нежелательным отдать Шенбергу Гороблагодатские заводы, так как он будет думать о своей, а не о государственной пользе. В постановлении комиссии этого нет.

[3]) Первое собрание законов, №№ 7600 (16 июня 1738 г.), 7766 (берг-регламент), и 7767 (3 марта 1739 г.)

С воцарением Елизаветы и падением Бирона, негласно состоявшего главнейшим участником берг-компании, был уничтожен генерал-берг-директориум, и предприятия берг-компании, оказавшейся несостоятельной, перешли в 1742 г. в ведение вновь восстановленной берг-коллегии[1]). Шенберг, а также вызванные им иноземные горные люди были отосланы на родину, так как заводы заявили, что иноземцы им больше не нужны[2]).

Около 1750 г., а, может быть, и раньше, казенные заводы стали заметно падать. На некоторых из них уменьшилась выделка металлов, а на других — расходы чрезвычайно возросли, и металлы обходились чрезмерно дорого. Поэтому вновь была образована комиссия для разрешения старого вопроса — что лучше, содержать ли заводы на казенный счет или передать их частным лицам? Между тем, частные медные заводы уменьшили выработку благодаря тому, что за выплавленную ими медь казна стала выплачивать всего по 1 р. 80 коп. за пуд, вместо прежних 2 руб., и по 2 рубля, вместо прежних 2 р. 40 коп. В 1754 году некоторые медные заводы выплавили всего около 13 тысяч пудов, а в 1756 году — уже немногим менее 10 тысяч, в 1757 году—всего только 7 тысяч с небольшим. Указанные обстоятельства побудили правительство обратить сугубое внимание на поддержание частной горной промышленности. Прежде всего было об'явлено, чтобы в Оренбургской губернии железные и медные заводы строились только частными лицами[3]). А затем было принято решение передать значительную часть казенных заводов в частные руки. В 1754 году граф Шувалов получил Гороблагодатские заводы со всем, что было при них; а в дальнейшие годы Юговские заводы со всем инвентарем, со всей рабочей силой перешли к графу Чернышеву, Сыльвенский и Уткинский—к Гурьеву, Ягошихинские, Пыскорский, Мотовилихинский и Висимский —к графу Воронцову, Верхнеисетские — к его брату, Сысертские, Северский и Полевский—к Турчанинову. Все эти заводы были отданы с уступкой с себестоимости. Паллас говорит, что Турчанинов купил заводы за „весьма умеренную цену". В распоряжении казны остались лишь Екатеринбургские, Каменские и Шидово-Исетские заводы, да Березовские золотые рудники[4]), работа на которых началась в 1753 г.

Правительство рассчитывало, что частные лица, не стесняемые теми формальностями, какие сковывали ведомственное управление, и руководимые хозяйскими целями, поведут дело исправно. Но уже вскоре наступило разочарование. Турчанинов, не принадлежавший к знати, сам следил за работою заводов, и он достиг известных успехов. Но именитые заводчики, например, Шувалов, управляли через приказчиков, и если они не расстроили еще более заводы, то и не улучшили их. А между тем,

---

[1]) Первое собрание законов, №№ 8543 и 8571.

[2]) *В. Рожков.* Материалы к истории горного промысла в царствование Елизаветы Петровны (Горный Журнал, 1890 г., кн. XI).

[3]) Первое собрание законов, № 10141 (13 октября 1753 г.).

[4]) *Н. Колюпанов.* Колонизация Пермской губернии („Вестник Европы", 1871 г., кн. IX).—*Дерябин,* стр. 65 и след.

в связи с переходом казенных заводов к частным лицам начались волнения среди крестьян, требовавших возвращения их в казну, так как их положение ухудшилось при частном управлении.

Описывая печальное состояние империи при своем вступлении на престол, Екатерина II говорила: „Заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей, и к ним начали местами присоединяться и помещичьи. Заводских крестьян непослушание унимали посланные генерал-майоры: Александр Алексеевич Вяземский и Александр Ильич Бибиков, рассмотря на месте жалобы на заводосодержателей; но не однажды принуждены были употребить против них оружие и даже до пушек, и не унялось восстание сих людей, дондеже Гороблагодатские заводы за двухмиллионный казне долг гр. Петра Ив. Шувалова возвращены в казенное управление, также Воронцовские, Чернышовские, Ягужинские и некоторые другие заводы по таковым же причинам паки в казенное поступили ведомство. Весь вред сей произошел от самовластной раздачи сенатом заводов сих с приписными к оным крестьянами“ [1]).

И вот, в 1764 г. от Шувалова были отняты Гороблагодатские заводы в казну [2]), а потом были отобраны заводы и у некоторых других лиц и при том почти все с недоимками и долгами, за что и взяты были в казну.

Помимо получения казенных заводов, частные промышленники самостоятельно развили в эти десятилетия свою деятельность и построили ряд новых заводов, в известной мере благодаря тому, что правительство снабжало их дешевой рабочей силой. Нижеследующие цифры вновь возникших предприятий иллюстрируют развитие частной горной промышленности в ту пору:

1723—33	годы — 19	заводов	1753—63	годы — 68	зав.
1733—43	„ — 11	„	1763—73	„ — 23	„
1743—53	„ — 27	„			

Из означенного числа большинство относится к Уралу. Так, с 1740 по 1760 гг. включительно на Урале [3]) возникло 67 горных заводов.

Приведем еще следующие данные. Из 125 заводов, существовавших по официальным данным в 1769 году на Урале, возникли: до 20-х годов — 6, в 20-х годах — 16, в 30-х — 19, в 40-х — 18, в 50-х — 37, в 60-х—29 [4]).

При таком быстром увеличении числа частных горнозаводских предприятий вопрос о налоге с частной горной промышленности должен был постепенно приобрести для казны важное значение. Мы знаем, что

---

[1]) *Соловьев.* История России с древнейших времен (изд. 3-е), т. V, стр. 1361.

[2]) Первое собрание законов, № 11967 (15 ноября 1763 г.) и 11991 (15 декабря 1763 г.)

[3]) См. *Н. Колюпанов.* Хронологический перечень заводов Европ. России с обозначением перехода к разным владельцам за 1740—1806 гг. (Горный Журнал, 1871 г., ч. II, кн. № 6, стр. 455—475).—*Его же.* Колонизация Пермской губ. и распространение горных промыслов. („Вестник Европы“, 1871 г., кн. 9).

[4]) Приложение под литерою *Л* к записке *Крамаренкова.*

с 1724 г. стали брать с наличного чугуна по копейке с пуда. Но вскоре по просьбе Демидова десятинный сбор с его железных заводов был заменен определенной годовой суммой, в основание которой было положено следующее исчисление: по $1^1/_2$ копейки с пуда — с того наибольшего количества чугуна, которое было выплавлено в наилучшее время, и к этой сумме прибавлялись другие сборы, в их числе пошлины [1]). При таком порядке правительству не было надобности следить за производительностью заводов Демидова и продажею им металла, а потому Демидов был освобожден от всякого контроля — он мог продавать железо беспошлинно по всей России, не об'являя в горное управление. И эта система была в 1739 г. распространена и на другие железные заводы, так как при прежних расчетах возникало много споров. Но с меди, как и раньше, взималась десятина натурою, так как она шла на чеканку монет.

Многие владельцы железных заводов стали жаловаться на обременительность такого сбора: он исчислялся с того количества железа, которое завод мог выработать при благоприятных условиях, т. е. будучи в действии ежегодно в течение 10 месяцев (2 месяца шли на ремонт), а между тем заводчики утверждали, что заводы не работают полностью десять месяцев. Поэтому стали исчислять сбор по времени, когда заводы фактически работают, а в целях контроля обязали заводчиков вести запись, когда домны пускаются в ход и когда их останавливают. Впрочем, в 1750 г. вернулись к старому порядку: в основание исчисления десятины было взято десятимесячное действие заводов. В 1754 г. уплата внутренних пошлин была перенесена в порты и пограничные таможни, и в связи с этим пошлина и десятинный сбор были заменены сбором при отправлении металла за границу: с железа 15 коп. с рубля продажной стоимости, а с меди — по 30 коп. за пуд. В дальнейшем размер этого сбора менялся. Но в 1760 г. вновь заговорили о десятинном сборе, так как значительное количество металла, которое продавалось заводчиками внутри страны, не давало при указанном условии никакой выгоды для казны.

Тогда же был поднят совершенно новый вопрос о том, чтобы количество производимого железа было ограничено, дабы „излишество и неумеренность оного не могли делать подрыва в ценах при продаже за море". В результате было (1762 г.) постановлено: со всех металлов брать натурою десятую часть, а с тех приготовленных вещей, которые не нужны правительству, брать деньгами по расценке. Но с новых заводов в течение 10 лет не взыскивать десятины, ограничиваясь только теми сборами при отправке за границу, которые до того времени существовали [2]). В ближайшие годы сверх десятины был введен сбор с домен и медноплавильных печей, а способ взимания десятины подвергся некоторым изменениям [3]).

---

[1]) Сбор в полторы копейки составил 8.478 рублей, а вместе с другими сборами — 18.352 рубля.

[2]) Первое собрание законов, №№ 11559 и 11642.

[3]) *Крамаренков*, стр. 89—113.—Ср. Первое собрание законов, №№ 11988 (манифест 15 дек. 1763 г., § 9), 12129 (15 апр. 1764 г.).

Горнозаводское дело в отношении техники слабо совершенствовалось. Несколько строк из дневника путешественника Лепехина, посетившего Урал в 1769 г., дают общее представление о постановке дела на большинстве предприятий. По его словам, рудопромышленники, подобно кротам, рылись только на поверхности и „не употребляли горных правил“, вследствие чего глубины земных недр оставались нетронутыми. Конечно, в отдельных случаях работы производились согласно новейшим техническим указаниям, как, напр., в Керебинском руднике (шахты доходили до 10 саж.). Но и при этом рудокопы, по словам Лепехина, только гнались за своею жилою, не следя за ее „наклонением“. Такое пренебрежение проявляли и высшие горные чины, присылавшиеся для обследования рудных мест, на которые указывали рудоискатели. Они судили только по наружному виду и „тем самым рудоискателей приводили в уныние, может быть, с общим уроном“. Добытую руду, сообщает далее Лепехин, „как то везде бывает, очищают от простой горной породы, что разбором называют. Отборные руды, смотря по качеству того камня, в котором они содержатся, или просто плавят, или обжигают. К первой статье принадлежат шиферные, мягкие и глинистые руды; к другой — заключенные в какой-нибудь твердой горной породе, как кварце, гальке [1]) и изобилующие серою и проч., также все железные руды. А обжигание руд бывает у нас просто в кучах и на свободном воздухе, почему желать надобно, чтобы наши заводчики научились и от обжогу руды иметь свою пользу. Сие они получат, когда руды обжигать будут в сделанных на такой конец и в металлургических книгах описываемых особенных печах. Обожженные руды плавят в нарочно сделанных печах, которых описание и изображение можно видеть в металлургии, сочиненной Ломоносовым... Нашим господам заводчикам в пример могу представить медеплавильные печи на Полевском заводе Турчанинова“, которые отличаются меньшим, чем обычно, размером, благодаря чему они более прочны и не нуждаются в лесенках, по которым столь затруднительно рабочим носить руду, флюс и уголь [2]).

На производстве отражались и те технические несовершенства, которые ослабляли рабочих и приводили их к преждевременной смерти. Так, например, на Васильевском руднике, по словам Палласа, ужасным злом было обилие воды, в связи с чем работавшие в нем страдали особенно сильно скорбутом (цынгой); благодаря вредной воде нередко многие умирали, а другие по окончании работы, которую рудничное начальство как можно дольше длило, возвращались домой „бледны и нездоровы“. Описывая Кыштымский завод, Паллас сообщает, что молоты отлиты из чугуна, и нередко случается, что мастеровые и работные люди или жизни лишаются, или получают тяжелые повреждения благодаря отскакивающим „иверьням“ (осколкам). В другом случае Паллас говорит, что „по худому

[1]) Галька — овальные или круглые обломки горных пород, величиною до куриного яйца, в некоторых предгорьях занимающие обширные площади.

[2]) Дневные записки путешествия *Лепехина*, ч. II, стр. 280—81.

понятию ввели было ради какой-то корысти пагубное употребление литых молотов, кои либо при первом ударе, либо в сутки или, по крайней мере, дня в два раскалывались, работников убивали“ [1]).

При отсутствии правильной разработки рудники быстро делались непригодными, и чтобы заводы не останавливались, приходилось привозить руду издалека. Так, на Ревдинский завод она доставлялась из рудника, расположенного в 150 верстах.

В этих условиях чрезмерно росла потребность в рабочих руках. И Лепехин отмечает это явление, говоря о Ревдинском заводе, что „изобилие работных людей действию сего завода много вспомоществует“ [2]). Путешественник, капитан Рычков, сообщает, что на Сералинском медном заводе (вблизи Елабуги), принадлежавшем одному купцу, имелось несколько собственных крестьян, но главный контингент рабочих составляли вольнонаемные крестьяне из соседних деревень. Эти руки были столь дешевы, что, хотя руда, доставлявшаяся из разных мест, давала всего $2^1/_2$ пуда чистой меди из 100 пудов руды, тем не менее предприятие приносило доход. По словам Лепехина, жившие вблизи Оренбургской губернии мордва и чуваши охотно нанимались для добывания руды — они очень дешево брали, особенно при задатках. Правда, далеко не всюду наблюдалось обилие рук. Напротив, весьма часто из-за отсутствия рабочих заводы не имели полной нагрузки и порою останавливали или не могли начать свое действие. Так, напр., на Богословских заводах, по словам Палласа, в виду недостатка в людях приходилось „выдумывать всякие возможные средства и всяких принимать людей“. В других случаях услуги вольнонаемных обходились слишком дорого, чтобы ими можно было пользоваться.

Но в общем, благодаря наличию дешевого труда, на ряде крупных горных заводов технические несовершенства не останавливали количественного роста горнозаводской промышленности. И львиная доля в этом развитии принадлежала Уралу, как можно заключить из нижеследующей таблички, рисующей соотношение (в конце 60-х годов) между техническим оборудованием Урала, с одной стороны, и всех прочих районов — с другой:

	Медеплав. печи.	Домны.	Молоты.	Всего.
Урал	338	64	446	848
Прочие районы.	2	46	159	207
Всего . . .	340	110	605	1055

Таким образом, Урал имел почти все медеплавильные печи, около 58 % всех домен, 73 % всех молотов и 80 % общего числа технических сооружений [3]).

[1]) *Паллас*, кн. I, ч. II, стр. 235.

[2]) Ч. II, стр. 148, 155, 162, 213.

[3]) Приложение под литерою *Л* к записке *Крамаренкова*.

Однако, росту выработки железных заводов внутренний рынок не соответствовал — он слабо развивался, и не все полученное с русских заводов железо находило употребление. Поэтому, как мы видели, возник вопрос о регулировании или уменьшении производства железа с той целью, чтобы цена его не падала при экспорте. Вместе с тем, в связи с увеличением добычи вопрос о вывозе железа за границу приобретал исключительную остроту.

Мы отметили выше, что в 1725 г. начальнику уральских и сибирских заводов было предписано изготовлять железо по иностранным образцам для вывоза его за границу. А из „устава" Татищева мы узнаем о намерении брать с заводчиков железо (и медь), годное „в заморский отпуск", вместо подушной подати, не говоря уже о десятинном сборе, предназначавшемся для той же цели.

Из прилагаемой таблицы [1]) мы видим, как развивался вывоз русского железа (и меди) за границу морским и сухим путем.

Год.	Железо в пудах.	Медь в пудах.	Год.	Железо в пудах.	Медь в пудах.
1731	600	—	1754	693921	5503
1735	2142	—	1755	920785	7231
1741	12709	—	1756	501075	116
1742	15847	—	1757	453993	—
1743	4670	80	1758	653394	3
1744	86	—	1759	937946	90
1745	210115	619	1760	876630	1
1746	316744	—	1761	1082910	3
1747	327697	—	1762	1015799	1
1748	169914	322	1763	1186950	3770
1749	545648	14	1764	1428311	323
1750	1235864	63	1765	1975123	3491
1751	684943	3777	1766	2335000	—
1752	998475	11669	1769	2473000	—
1753	607264	13781	1772	1805000	—

Указанное количество вывезенного железа было доставлено не одним Уралом, но надо думать, что большая часть его была добыта на Уральских заводах, — ведь именно на Урале была сосредоточена наиболь-

[1]) Данные за время с 1731 г. по 1765 г. взяты из приложения под литерою 3 к записке *Крамаренкова.* Цифры за 1766, 69 и 72 годы взяты из книги *В. Покровского,* Сборник сведений по истории и статистике, I (1902 г.), стр. 235.

шая часть горнозаводских технических сооружений. Однако, этот рост экспорта не удовлетворял правительство даже в отношении количества вывозившегося металла, а еще менее в отношении цены, по которой он уходил за границу. И правительство неоднократно возбуждало вопрос о более прибыльной постановке дела.

В 1750 году иностранная коллегия получила от русского посланника в Лондоне копию с постановления английского парламента о сложении пошлины с железа, привозимого в Англию из Америки, причем попутно было указано количество железа, доставляемого в Англию Россией, Швецией и Америкой. Препроводив этот документ в сенат, иностранная коллегия об'яснила, что если бы цена русского железа понизилась и оно изготовлялось по образцам, каковые привез английский посланник, то Россия победила бы Швецию на английском рынке. Пока что, хотя пошлина с русского и шведского железа была одинакова, Россия доставляла в Англию в год от четырех до пяти тысяч бочек (в бочке русского железа 62 пуда и 10 фунтов), а Швеция—от восемнадцати до двадцати тысяч. Шведское железо качеством не превосходило русские товары, но оно выделывалось „прутами разной величины и рук", и поэтому иностранные мастеровые предпочитали его русскому.

Английские купцы говорили, что беспошлинный привоз американского железа не отзовется на покупке русского железа, но для развития ее необходимо, чтобы цена железа в России была не выше 40—45 коп., так как при этих условиях Швеция не сумеет конкурировать с Россией, между тем, русское железо продавалось по $80^1/_6$ и $80^1/_3$ коп. за пуд (бочка стоила от 54 рублей до 58 рублей 50 копеек).

Сенат стал собирать соответствующие данные. Дело, по обыкновению, подвигалось медленно. Тем временем ввоз русского железа в Англию возрос до 15.000 бочек в год, а в 1761 г. — до 20.000, а ввоз — шведского железа остался прежний (железо из Америки почти не шло из-за дороговизны рабочих рук). Но этот рост ввоза русского железа в Англию достигался чрезмерным понижением его цены. Английские купцы говорили, что если бы русское железо выделывалось по шведским образцам, то оно продавалось бы не дешевле шведского. Поэтому начальнику Гороблагодатских казенных заводов было велено изготовлять сортовое железо по моделям, соответствовавшим требованиям английских купцов [1]). Далее, по словам Палласа, Черноисточенский завод выпускал особого образца железо для „аглицких подрядчиков", и почти все производство Нижне-Тагильского завода, выпускавшего ежегодно до 280 тыс. пудов железа, предназначалось для вывоза за рубеж [2]).

Однако, это не отражалось на цене. Англичанам удалось так прочно захватить русский железный рынок, что кроме них никто уже не выступал в качестве покупателя, английские же торговые дома действовали сообща. Поэтому, несмотря на усиливавшуюся потребность в русском железе, англи-

---

1) *Крамаренков*, стр. 70—80.

2) Книга первая, ч. II, стр. 247, 259.

чане не давали большей цены. Они пользовались тем, что Россия, по словам берг-коллегии, не только два-три года, но даже и одного года не могла обойтись без вывоза железа — настолько нужны были ей деньги, вырученные за вывозное железо. Между тем, обстоятельства так сложились, что можно было рассчитывать на повышение цены. Если раньше — об'ясняла берг-коллегия — когда англичане имели еще конкурентов, цена порою бывала невеликой, то потому, вероятно, что опасались повышением цены направить англичан за железом в Швецию и Америку. Но раз выяснилось, что Америка не конкурирует с Россией, а Швеция для сбережения лесов закрыла некоторые заводы, то надо найти возможность дороже продавать железо. Вот почему, когда в 1768 году англичане выразили желание ежегодно брать у казны до 500 тысяч пудов по той наивысшей цене, по какой будут продавать железо частные заводчики (кроме трех Демидовых, продававших, как видно, по более выгодной цене), то берг-коллегия не проявила готовности принять это предложение. Она находила целесообразным отыскать „другой канал" к продаже железа и тем принудить англичан к повышению цены. Для этого следовало бы направить русское железо в те места, где англичане им более всего торгуют, и в первые годы продавать по той цене, по которой покупают англичане, дабы они не могли торговать там впредь русским железом — это заставит англичан не только у казны, но и у частных заводчиков покупать железо по той цене, какую назначат русские. И в этом отношении — заявила берг-коллегия — заманчивым представляется Средиземное море; необходимо только выдержать неудачу первых опытов, пока новые покупатели не привыкнут к русскому железу (надо у англичан учиться приемам торговли). Для вывоза железа могут быть использованы турки, ведущие торговлю не только в своих портах, но и в Италии, где торгуют англичане. Доставить туркам железо легко: по Волге до Царицына, оттуда 60 верст сухим путем до Дона, а оттуда в Черное море, где господствуют турки. Для вывоза, по покрытию внутренних нужд, с казенных заводов осталось в последнем году до 360 тысяч пудов железа, а в будущем ежегодно будет оставаться до 250 тысяч. А пока, чтобы избавить небольших заводчиков от необходимости дешево уступать англичанам свой металл, коего насчитывается до двух миллионов пудов, надо поддержать их ссудою от казны под залог железа, иначе и казне придется отдавать железо по низкой цене. Или же нужно фиксировать цену на железо (72 коп. с пуда), по которой можно было бы продавать и англичанам, и туркам, и русским, — при таких условиях англичане лишатся монопольного положения [1].

Приведенные рассуждения берг-коллегии свидетельствуют, что одной из причин того, что англичане диктовали русским свою цену на железо, служило отсутствие, как у частных заводчиков, так и у берг-коллегии, денежных средств, которые позволили бы не торопиться с продажей

---

[1]) Секретная экспедиция сената. № 1292 (определение берг-коллегии от 12 сентября 1768 г. и 10 апреля 1769 г.).

товара. Но вместе с тем, как видно, стеснения при экспорте об'ясняются неподготовленностью многих заводов к производству тех сортов железа, которые были необходимы на Западе.

ТРУДОВЫЕ СИЛЫ.

Мастеровые и работные люди.— Пополнение их кадров.— Приписные государственные крестьяне.— Различие между этими двумя группами в экономическо-бытовом отношении.— Деление трудовых элементов на постоянно и временно работающих. — Распределение рабочей силы по заводам и ее состав: общее и количественное соотношение между различными категориями рабочих.

Первоначальным ядром постоянной трудовой силы на горных заводах явились, как мы уже знаем, те казенные люди, которые были навсегда к ним определены при самом возникновении заводов или же позже при расширении дела. Эти же казенные мастеровые и работные люди были принуждены трудиться на частных горных заводах, когда они вместе с горнозаводским предприятием переходили в распоряжение частного лица или когда их посылали на вновь строящиеся частные заводы.

Естественная убыль этих людей пополнялась, прежде всего, естественным приростом. Подрастающее поколение было обязано сменить старое, выбывающее из строя. При этом случалось, что вступление детей (начиная с 15-летнего возраста) в ряды рабочих вовсе не совпадало по времени с уходом отцов: родители и дети нередко работали бок о бок в том же мастерстве [1]). Но кадры постоянных рабочих пополнялись и иным путем. Неоднократно часть приписных крестьян включалась в состав постоянных рабочих как на казенных, так и на частных заводах, переводилась с семьями на житье при заводе, иногда на сравнительно короткое время, а чаще всего — навсегда. Например, на Аннинском заводе мастеровые и цеховые работники набирались из приписных крестьян [2]). Графу Шувалову было разрешено из приписных крестьян набирать и поселять на заводе людей для обучения и „укомплектования мастерств“ [3]). Когда владелец Юговских заводов возбудил просьбу о додаче ему мастеровых из числа приписных, ссылаясь на то, что по штату мастеровых полагается 600, а имеется в наличности 376, ему разрешили перевести на завод соответствующее число приписных крестьян с тем, „чтобы вечно им при тех заводах не быть“ [4]), их отдают только на время, и заводчик должен стараться заменить их собственными людьми. Но эти толкования не изменяли существа. В ответ на требование начальника Гороблагодатских казенных заводов (1764 г.) укомплектовать их мастеровыми, так как штаты 1737 г. были недостаточны, ему было велено пополнить недостаток детьми мастеровых, если же их будет мало, то взять из числа

---

[1]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 115, стр. 283.

[2]) *Н. Чупин.* Член Екатеринб. горной канцелярии Башмаков (в „Сборнике статей, касающихся Пермской губернии и т. д.“, вып. I).

[3]) *Крамаренков,* стр. 130.

[4]) Первое собрание законов, № 11087 (27 июля 1760 г.).

приписных. Характерно, что недохватка в „рудоносителях“ пополнялась также приписными, хотя эта работа не требовала никаких специальных знаний или опыта, — приписные крестьяне, назначаемые на выполнение ее, были наравне с мастеровыми поселены при заводе под тем предлогом, что переноска руды производилась ежедневно, и крестьяне теряли бы много времени на хождение к заводу [1]).

Порою указывалось, что крестьяне переводятся для обучения мастерству, и это обрекало переведенных на пожизненное пребывание при заводе. Случалось, что заводчики преднамеренно снабжали приписных крестьян хлебом, одеждою и проч. с тем, чтобы они отрабатывали свой долг заводскими работами, и таким путем заводчики закабаляли приписных крестьян, превращали их в постоянных заводских рабочих, причем никаких расчетов с ними не производилось, — им давали только пропитание и одежду [2]). На вечное время отдавались заводу также, в виде наказания крестьяне, особенно выделившиеся при возмущениях. Перевод на заводы для пожизненной работы служил карою также для так называемых „незаконнорожденных“, т. е. для рожденных вне брака, а равным образом для „непомнящих родства“.

Мы сказали раньше, что в 1722—23 гг. были переписаны все пришлые горнозаводские рабочие, нигде не уплачивавшие подушного сбора, нигде не находившиеся на подушном учете, и многие из них навсегда были прикреплены к заводам: беглых помещичьих крестьян, уже обученных мастерству, заводчик мог оставить у себя, заплатив помещику известную сумму, а те, которые оказались не крепостными, как и непомнящие родства, были поселены при казенных заводах и при них положены в подушный оклад, т. е. прикреплены. В 1732 г. была повторена такая ревизия. Когда по переписи, произведенной полковником Толбузиным на многих заводах Демидова, оказалось более двух с половиною тысяч людей, не плативших подушных, то, хотя первоначально было велено всех пришлых на заводы дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян выслать к месту их прежнего жительства и впредь никого без паспортов не принимать, а с женами и детьми не принимать даже с паспортами [3]), все же из числа этих людей многие навсегда были оставлены при заводах; так, синодальные, монастырские и государственные крестьяне, успевшие научиться мастерству, были приписаны к тем казенным слободам, которые были даны Демидову для заводской работы — им было велено „быть при его заводах вечно“; помещичьих крестьян, работавших на заводах, Демидов мог оставить у себя, отдав помещикам вместо них других из своих собственных [4]). И в дальнейшем не раз следовало запрещение оставлять беглых на заводах, а вместе с тем, люди, некогда пришедшие на заводы

---

[1]) Первое собрание законов, № 12261 (13 октября 1764 г.).

[2]) *Н. Чупин.* О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале (Горный Журнал, 1873 г., т. 2, стр. 321—22).

[3]) Первое собрание законов, № 6107 (30 июня 1732 г.).

[4]) Первое собрание законов, № 7548 (29 марта 1738 г.).

добровольно, прикреплялись к ним навсегда. Так, напр., в 1755 г. за казенными заводами было прикреплено 2357 душ, за Демидовым — 2674 и за остальными заводчиками более — 1600 душ. Все это делалось потому, что заводоуправления жаловались на отсутствие необходимого числа рабочих. Казенные заводы нуждались в добавлении 4000 рабочих [1]). Наряду с мастеровыми и работными людьми правительство уже при самом возникновении горнозаводских предприятий стало приписывать к ним крестьян для выполнения работ в определенное время года.

Проведем в нескольких словах параллель между мастеровыми и работными людьми, с одной стороны, и приписными крестьянами—с другой.

Мастеровые и работные люди, постоянно занимаясь на горнозаводских предприятиях, не имели иных основных источников дохода, но они обладали известного рода техническими знаниями или, по крайней мере, навыками, которыми не могли не дорожить, так как высшая квалификация давала больший заработок. А приписные крестьяне, лишь периодически появляясь на горнозаводских предприятиях, не имели никакой квалификации, так как их обращали на работы, не требовавшие особой подготовки, а вместе с тем их материальное благополучие покоилось на их земледельческом хозяйстве, а не на горнозаводской работе.

Таким образом, эти две важнейшие в горнозаводской жизни рабочие массы находились в различных экономических и бытовых условиях, и их повседневные интересы не всегда могли служить связующим звеном. Как иллюстрацию, можно привести то характерное обстоятельство, что, когда во время волнений в 60-х годах приписные крестьяне выражали желание освободиться от принудительного труда на горных заводах, из среды постоянных работников, прикрепленных к заводам, раздавались просьбы о переводе их на положение приписных крестьян.

В первоначальный период развития горнозаводского дела приписные крестьяне играли преобладающую роль в количественном отношении. Но постепенно приобрели значение, с одной стороны, крепостные крестьяне, принадлежавшие заводчику на праве собственности, как помещику, а с другой — помещичьи крепостные, купленные для данного завода, составлявшие неот‘емлемую принадлежность не заводчика, а предприятия. Эти две последние категории горнозаводских рабочих развились отнюдь не за счет приписных крестьян, а независимо от них — численность приписных крестьян не уменьшалась, но появились новые кадры горнозаводских рабочих, которые, по воле заводчика, частично вступали в число постоянно и временно работающих. Наконец, постепенно в отдельных местах народились кадры вольнонаемных рабочих, среди коих видное место занимают инородцы, а также государственные и помещичьи крестьяне, с согласия своего начальства или помещиков отправлявшиеся на заработки.

Таким образом, за период времени, которому посвящена настоящая глава, развились и оформились на Урале те основные группы горно-

---

[1]) *Семевский*, т. I, стр. 516—521. — См., напр., Первое собрание законов, № 10233 (13 мая 1754 г.), № 10494 (30 декабря 1755 г.).

заводской трудовой массы, которые почти полностью действовали вплоть до шестидесятых годов девятнадцатого столетия, когда, в связи с отменой крепостного права, изменились внешние условия горнозаводского труда.

Рабочая сила на уральских горнозаводских предприятиях состояла из двух основных групп: постоянно и временно работающих. Каждая из них, как мы сейчас увидим, слагалась из различных категорий. Но все эти категории, входя в одну или другую из указанных двух групп, приобретали ту общую черту, что постоянная горнозаводская рабочая сила находила источник пропитания почти исключительно на самом горнозаводском предприятии, группа же временно работающих была по преимуществу земледельческой, лишь определенное время отдававшей горнозаводскому труду.

1) Вольнонаемные рабочие; крестьяне, купленные для данного предприятия, и крепостные, принадлежащие заводчикам-дворянам на праве собственности, — эти три категории могли частично входить в состав как постоянно, так и временно работающих.

2) Мастеровые и работные люди на казенных и частных заводах; различный случайный элемент, переданный правительством на вечные времена заводам — эти две категории входили в состав постоянно работающих.

3) Приписные крестьяне принадлежали к временно работающим; лишь в отдельных случаях они были вынуждены отдавать некоторых своих сочленов для пополнения кадра мастеровых и работных людей.

Казенные заводы одновременно пользовались: 1) мастеровыми и работными людьми, 2) приписными крестьянами. Частные же заводы представляли большее разнообразие в отношении своей рабочей силы— напр., нередко на частных заводах одновременно работали и приписные, и собственные крестьяне, и мастеровые состояли из различных групп.

Мы приводим ниже данные о распределении различных категорий рабочих на казенных и частных железных и медных заводах. Эти сведения, относящиеся к концу 60-х годов 18-го века, несомненно, неполны и заключают в себе погрешности, но все же они дают некоторое представление об общем соотношении между различными категориями рабочих [1]).

ПРИПИСНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Казенные заводы.

Екатеринбургский и Каменские — на обоих 13.765 душ. Вознесенский Уфимской провинции —2.319 душ. Кушвинский[2]), Верхнетуринский [3]), Баранчинский [4]), Серебрянский, Рижнотурский, Воткинский и Ижевский— на всех этих 7 заводах — 42.853 души.

---

[1]) Основной текст составлен по данным, имеющимся в «Историческом описании Российской коммерции» *Чулкова* (том VI, часть II, СПБург. 1786 г.). Примечания извлечены из записок путешественников, посетивших Урал в самом конце 60-х годов.

[2]) По *Палласу* — приписных 7.500 душ, кои ломают руду, рубят дрова и т. д. Число заводских работников малое.

[3]) По *Палласу* — 5.770 приписных.

[4]) По *Палласу* — приписано 2.443 души.

Частные заводы.

Верхне-Исетский - 6.880 душ [1]), Уткинский [2]) и Сильвинский [3]) — на обоих — 2.282 души. Алапаевский, Синячихинский, Верхнесусанский и Нижнесусанский — на них 6.043 души. Сысертский, Полевский [4]) и Северский [5]) — на них 5.615 д. Петропавловский и Нижне-Туринский [6]) — на обоих 4.292 д. Ягошихинский, Мотовилихинский, Висимский и Пыскорский [7]) — на них 10.774 д. Юговский и Аннинский — на них 11.207 д. Иргинский [8]), Визярский, Саранинский — на них 2.373 д. Суксунский [9]), Тисовский — на обоих 4.342 д. Бымовский, Ататский и Шаквинский — см. Суксунский. Юговский и Курашинский (Осокина) — на обоих 1.192 д. Кыштымский и Каслинский — на обоих 7.667 д. [10]). Верхне-и Нижне-Сергинские [11]) — на них 2.340 д. Верхне-и Нижне-Авзяно-Петровские [12]) — на обоих 4.701 д.

КРЕСТЬЯНЕ, ПОЖАЛОВАННЫЕ ПРЕДКАМ.

Билимбаевский (1.193 на самом заводе и 1158 переведенных из вотчины для подсобных работ) и Юго-Камский (Строгановых).

ВОЛЬНОНАЕМНЫЕ, ПО ПАСПОРТАМ.

Николае-Павдинский (Походяшина).

---

[1]) По *Лепехину* — работных и мастер. людей —548, приписных — 6.839 и собственных крепостных — 108.

[2]) По *Лепехину* — мастеровых и работных, отданных по указам, —77; приписных с 1760 г. — 754, из коих 275 из Ачитской крепости отрабатывают *половину* оклада.

[3]) По *Лепехину* — мастеровых и работных людей —168, приписных —944.

[4]) По *Лепехину* — на Полевском заводе: отданных по указам —326 душ (кроме приписных).

[5]) По *Палласу* — на этих трех заводах работали прежние госуд. крестьяне, оставшиеся от казенного управления, да 3.000 приписных.

[6]) По *Палласу* — На Нижне-Туринском — жильцов заводских до 500, меж коими 270 мастеров и подмастерьев; приписных — 5.157.

[7]) По *Рычкову* — к Висимскому и Пыскорскому заводам было приписано 4.000 крестьян.

[8]) По *Лепехину*—мастеровых, работных и прочих служащих—1.220; пришлых, отданных по указу—173; незаконнорожденных—5; собств. покупных—468; новокрещенных—513 (из них переведены на др. заводы 357).

[9]) По *Лепехину* — мастеровых и работных людей —263; по переписи Толбузина отдано 25; отданных по указам —23; собственных —227 и приписных —1627.

[10]) По словам *Лепехина*, кроме приписных, имелось: 727 мастеровых и других заводских людей, из коих —262 пришлых, отданных по указам. По *Палласу*, при Кыштымском —4.000 приписных и 700 крепостных крестьян и здешних обывателей, а при Каслинском до 600 крепостных из Ромодановских деревень.

[11]) По *Лепехину* —на обоих: приписных—2.340, а мастеровых и работных людей, как собственных, так и отданных по указам, —1.476.

[12]) По словам *Лепехина*, на обоих—3.708 приписных; по указу сената 1753 г. отдано для обучения мастерству 1.002 д., по указу Казанской губ. канцелярии 32 д. вечно отданных; собственных и покупных и переведенных из вотчин — 274.

СОБСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Рождественский, Хохловский, Нытвенский, Кусье-Александровский, Добрянский, Очерской, Чермосский, Пожевский (Пошвинский), Кымовский, Таманский, Илдианский, Архангельский (150 дворов), Спасский, Ирлянский, Варзино-Алексеевский, Богословский [1]), Нижне - Троицкий, Усень-Ивановский, Благовещенский, Кананикольский [2]), Троицкий-Саткинский [3]), Покровский, Шермяицкий, Курганский.

ПОКУПНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Катав-Ивановский, Юрезень-Ивановский, Симский [4]), Белозерский (320 дворов), Воскресенский [5]), Преображенский, Преображенский-Богоявленский (200 дворов). Архангелогородский (Архангельский 132 двора). Верхотурский (до 150 дворов), Верхний и Нижний Шайтанский, Назе-Петровский [6]), Златоустовский [7]) Уфалейский.

РАЗЛИЧНЫЙ СОСТАВ РАБОЧИХ.

Верхне-Тагильский, Верхне-Ивенский, Невьянский, Бмиговский, Шуралинский, Шайтанский,— на этих заводах Демидова приписные (259), вечно-отданные и собственные покупные по дворянству.

Пудемский, Лудянский, Беспинский, Климковский и Холуницкий, Кирсинский, Троицкий, Шурминский [8]), Коринский, Шилвинский, Таишевский [9]), Штеряновский, Бельшевский, Берсуцкий, Пыжменский и Мешинский — собственные и покупные, а также крестьяне, нанявшиеся по добровольному найму.

---

[1]) По *Палласу* — Богословский завод работал с перебоями в виду недохватки в людях, так как часть руды приходилось привозить издалека.

[2]) *Лепехин* сообщает: работных и мастеровых по переписи —294 д., приписных по желанию —20 душ, остальные вольнонаемные.

[3]) По *Лепехину*—мастеровых и работных людей —1682; по *Палласу* —1800 д. принадлежали заводу, а 500 приходили с паспортами.

[4]) Эти три завода принадлежали Твердышеву и Мясникову; на них было, по *Лепехину*, собственных 7288, редко работали вольнонаемные, большей частью крестьяне, „поселенные под видом их сродственников“, а *Паллас* говорит, что завод ощущал недостаток в руках, работая крепостными, принадлежащими заводу.

[5]) По *Лепехину* — отдано непомнящих родства 135; покупных около —300 дворов. По *Палласу* — работали одни крепостные.

[6]) Назе-Петровский назывался также Ураимский. По *Лепехину* — мастеровых и работных людей, купленных вместе с заводом,—250; отданных, непомн. родства и незаконнорожденных 106; Уфимская канцелярия причислила 24.

[7]) По *Лепехину*—мастеровых и работных людей—499. По *Палласу* (назывался также Косотурским) — до 200 крепостных и до 1500 наемных (большею частью чуваши), завод страдал от малого числа постоянных работников.

[8]) *Рычков* говорит о Шурминском заводе: обслуживался 161 собственными мастерами, а прочие работы исполнялись вольнонаемными. На руднике было занято летом до 100, а зимою до 300 свободных от земледелия крестьян, которые доставали руду путем штольн и вершлагов

[9]) *Рычков* сообщает о Таишевском заводе: 449 собственных крестьян; вольнонаемные из соседних селений.

Нижне-Тагильский [1]), Выйский, Черноисточенский, Лайский, Висимо-Шайтанский, Салдинский — отданные по жалованным грамотам предкам и собственные покупные.

Уткинский — госуд. мастеровые (68), вечно-отданные, пожалованные предкам, собственные покупные.

Ревдинский [2]), Висерский [3]), — госуд. мастеровые (6), вечно-отданные и собственные.

Уинский — собственные и вольнонаемные [4]).

Повторяем, что приведенные сведения, будучи лишены систематически подобранных цифровых данных, позволяют составить себе некоторое понятие лишь об общем, а не точном цифровом соотношении между различными категориями рабочих. Но этот пробел в известной мере восполняют ниже приводимые цифры [5]), *(см. след. стр.)* относящиеся к железным и медным заводам 60-х годов, рисующие количественное соотношение между двумя группами рабочих — государственными (приписными, вечно-отданными, казенными мастеровыми и др.) и собственными (принадлежащими по дворянскому праву, купленными для завода). Эти цифры не определяют в точности количества рабочих, фактически занятых на горнозаводских предприятиях, так как при подсчете не были приняты во внимание вольнонаемные. Поэтому-то на некоторых предприятиях отмечено совершенно незначительное число рабочих и даже вовсе не отмечено. Но, хотя на отдельных заводах вольнонаемные играли первенствующую роль, в общей горнозаводской трудовой массе их значение не было велико, и потому отсутствие их в таблице не меняет общей картины.

Таким образом, в общей массе горнозаводских рабочих (кроме вольнонаемных) казенные составляли почти три четверти (около 72%), а собственные — немногим более четверти.

Для того же, чтобы выяснить, какую количественную роль играли рабочие Уральского хребта в общей массе горнозаводских рабочих, приведем следующие данные:

	Госуд. кр-не.	Собств. кр-не.	Всего.
На горных заводах всей империи . . .	179815	63637	243452
На горных заводах Урала	142214	57066	199280
Во всех районах кроме Урала	37601	6571	44172

[1]) По *Палласу* — 2579 чел.: из коих — 121 не крепостные.

[2]) По *Лепехину* — мастеровых и работных — 1367, в том числе 5 государственных 66 пришлых, отданных по указам, 9 незаконнорожденных и непомнящих родства; собственных покупных — 1080; приписных — 1820.

[3]) По *Лепехину* — мастеровых и работных людей — 412, в том числе пришлых, отданных по указам — 72; незаконнорожд. и непомнящих родства — 2; отданных по переписи Толбузина — 52, других приписных нет.

[4]) На Пышминских и Березовских золотых рудниках (по сообщению *Палласа)* были, заняты горной работой 500 рабочих, а приписные разбивали и разделяли руду. К этим двум рудникам и к трем другим было приписано 6748 крестьян.

[5]) Таблица составлена по данным, приведенным в приложении под литерой *Л* к записке *Крамаренкова.*

НАЗВАНИЕ ЗАВОДА.	Год возникновения.	Число печей.	Число домен.	Число молотов.	Число мастеровых и работных людей, а также приписных и собственных крестьян.		
					Госуд.	Собств.	Всего.
Сибирская губерния.							
1. Екатеринбургский . . .	1723	—	—	3	14421	—	14421
2. Каменский	1700	—	1	1			
3. Кушвинский	1735	1	4	—	26471[1])	—	26471
4. Верхн.-Туринский . . .	1739	—	3	3			
5. Баранчинский	1749	—	2	4			
6. Нижне-Туринский . . .	1766	—	—	10			
7. Верхнеисетский	1726	—	2	12	5272	108	5380
8. Уткинский	1757	—	1	—	1950	—	1950
9. Сыльвинский	1739	—	—	6			
10. Билимбаевский	1734	—	2	1	—	1198	1198
11. Нижне-Тагильский . . .	1725	—	4	7	1260	2588	3848
12. Выйский	1721	—	—	5	—	701	701
13. Черноисточенский . . .	1729	—	—	7	—	609	609
14. Ланской	1726 и 42	—	—	4	—	170	170
15. Висимошайтанский . . .	1741	—	—	3	—	407	407
16. Сальдинский	1760	—	—	11	—	960	960
17. Алапаевский	1704	—	2	2	214 Маст.	2	6464
18. Нижне-Синячихинский .	1724	—	—	5		92	
19. Нижне-Сусанский . . .	1737	—	—	4	6034 Припис.	71	
20. Верхне-Сусанский . . .	1756	—	—	3		51	
21. Верхне-Синячихинский .	1769	—		2	3643	3679	7322
22. Невьянский	1699	—	2	7			
23. Верхне-Тагильский . . .	1716	—	1	6	745	1130	1875
24. Шуралинский	1716	—	—	4	—	169	169
25. Шайтанский	1727	—	—	2	—	300	300
26. Бынговский	1718	—	—	14	1064	1064	2128

[1]) Частью этого числа крестьян обслуживался и Серебрянский завод в Казанской губернии.

НАЗВАНИЕ ЗАВОДА.	Год возникновения.	Число печей.	Число домен.	Число молотов.	Число мастеровых и работных людей, а также приписных и собственных крестьян.		
					Госуд.	Собств.	Всего.
27. Верхне-Ивенский	1767	—	—	5	—	42	42
28. Сысерский	1738	2	2	7		572	
29. Полевский	1724 и 25	9	1	—	5331	334	6479
30. Северский	1738	—	—	4		242	
31. Уткинский	1729	—	2	5	1138	996	2134
32. Редвинский	1734	—	2	5	1820	1315	3135
33. Бисерский	1761	—	—	5	—	401	401
34. Нижне-Шайтанский	1733	—	1	5	—	466	466
Верхне-Шайтанский	1759						
35. Петропавловский	1758	17	1	2	4404	8	4412
36. Богословский	1768	16	—	4			
37. Николае-Павдинский	1760	2	2	3	—	5	5
38. Езагажский	1758	2	1[1]	2	—	—	—
Оренбургская губерния.							
39. Вознесенский	1755	7	—	—	2347	—	2347
40. Курганский	1763	2	—	—	—	80	80
41. Каслинский	1752	—	1	10	—	727	
42. Кыштымский Верх.	—	—	2	9	7652	—	9128
43. Кыштымский Ниж.	1757	—	—	6	—	749	
44. Нижне-Сергинский	1743	—	2	8	2345	992	3859
45. Верхне-Сергинский	1742	—	—	6	—	522	
46. Назепетровский	1747	—	1	6	—	190	190
47. Уфалеевский	1761	—	1	3	—	242	242
48. Катав-Ивановский	1757	—	1	15			
49. Юрюзень-Ивановский	1762	—	2	6	—	14381	14381[2])
50. Устье-Катавский	1762	—	—	6		*вместе с*	*№№ 52-58*
51. Симский	1759	—	—	11			

[1]) „За неполезностью вечно действовать не будут".

[2]) Заводы Твердышева и Мясникова.

НАЗВАНИЕ ЗАВОДА.	Год возникновения.	Число печей.	Число домен.	Число молотов.	Число мастеровых и работных людей, а также приписных и собственных крестьян. Госуд.	Собств.	Всего.
52. Белорецкий	1762	—	2	14			
53. Воскресенский	1745						
54. Преображенский	1750						
55. Богоявленский	1752				—	14381	14381
56. Архангельский	1753	30	—	—		*вместе с*	*№№ 48-51*
57. Верхотурский	1759						
58. Покровский	1755						
59. Троицко-Саткинский	1758	2	2	9	—	1535	1535
60. Златоустовский	1751	6	2	8	—	1040	1040
61. Архангельский	1754	4	—	—	—	44	44
62. Ильдианский	1766	—	1	2	—	17	17
63. Верхне-Авзянопетровск.	1755		1	12			
64. Нижне-Авзянопетровск.	1756	—			3708	1309	5017
65. Кагинский	1769	—	—	4			
66. Каноникольский	1751	6	—	—	—	392	392
67. Троицкий	1752						
68. Нижне-Троицкий	1760	16	—	—	—	310	310
69. Усень Ивановский	1759 и 60						
70. Благовещенский	1756	8	—	—	—	264	264
71. Варзиноалексеевский	1758	2	—	—	—	266	266
72. Богословский	—	4					
73. Ирнинский	1761	2	—	—	—	8	8
Казанская губерния.							
74. Юговский Верхний	1735	24	—	—	9148	—	9148
75. Юговский Нижний	1740						
76. Аннинский	1760	12	—	—	7020	—	7020
77. Серебрянский *)	1755	—	—	12	—	—	—

*) См. о нем выше, в подстрочном примечании.

НАЗВАНИЕ ЗАВОДА.	Год возникновения.	Число печей.	Число домен.	Число молотов.	Число мастеровых и работных людей, а также приписных и собственных крестьян. Госуд.	Собств.	Всего.
78. Воткинский	1759	—	—	16	18779	—	18779
79. Ижевский	1760	—	—	16			
80. Ягошихинский.	1723	—	—	—	—	—	—
81. Мотовилихинский . . .	1736 и 37						
82. Висимский	1734 и 35	30	—	—	9940	5	9945
83. Пыскорский	1723						
84. Добрянский.	1752	7	—	6	—	1923	1923
85. Очерский	1761	—	—	12	—	2107	2107
86. Уинской	1749	5	—	—	—	86	86
87. Шермянский	1760	6	—	—	—	166	166
88. Климковский и	1762	—	1	2	—	414	414
89. Новотроицкий	—	—					
90. Холуницкий	1764	—	—	9	—	266	266
91. Троицкий	1731	2	—	—	—	178	178
92. Суксунский	1729						
93. Бымовский	1736						
94. Шаквинский	1740	16	—	3	4164	1157	5321
95. Ашапский.	1744 и 45						
96. Тисовский.	1730	—	—	3	—	139	139
97. Камбарский	1767	—	—	4	—	335	335
98. Рождественский	1740	—	—	4	—	519	519
99. Иргинский	1730						
100. Юговский.	1732	27	1	3	3344	2226	5570
101. Курашинский-Визерский	1740						
102. Саранинский	1759	—	—	3	—	193	193
103. Нытвенский.	1756	5	1	9	—	3847	3847
104. Юго-Камский	1746	6	—	2	—	414	414
105. Хохловский	1756	3	—	—	—	245	245

НАЗВАНИЕ ЗАВОДА.	Год возникновения.	Число печей.	Число домен.	Число молотов.	Число мастеровых и работных людей, а также приписных и собственных крестьян.		
					Госуд.	Собств.	Всего.
106. Устье Александровский	1751	1	1	1	—	208	208
107. Чермосский . . . . . ,	1761 и 63	6	1	9	—	272	272
108. Пожевский	1756	3	1	6	—	181	181
109. Томанский	1726	7	—	—	—	80	80
110. Кыновский	1762	—	1	2	—	136	136
111. Лудянский	1766	—	—	1	—	—	—
112. Мешинский	1749	4	—	—	—	18	18
113. Пудемский	1759	—	1	2	—	3	3
114. Троицкий Безненский .	1765	—	1	1	—	10	10
115. Шурминский	1732	10	—	2	—	90	90
116. Буйский.	1758	—	—	3	—	60	60
117. Кирсинский	1729	—	1	4	—	73	73
118. Бемышевский	1756	4	—	—	—	298	298
119. Таишевский	1743	7	—	—	—	435	435
120. Иштеряковский	1751						
121. Пыжманский	1763	4	—	—	—	6	6
122. Шильвинский	1734	4	—	—	—	144	144
123. Гергутский	1744	4	—	—	—	8	18
124. Коринский	1732	4	—	—	—	57	57
	—	338	64	446	142214	57066	199280

МАСТЕРОВЫЕ И РАБОТНЫЕ ЛЮДИ.

Условия оплаты труда,— жалованье и сдельное вознаграждение. — Заработок рудокопов и плавильных рабочих. — Ученичество и детский труд. — Труд женщин. — Продолжительность рабочего дня. — Обеденный час. — Число рабочих дней в году. — Перерывы в работе,— болезни, увечья, остановки в действии предприятия. — Карательная система. — Охрана интересов рабочих. — Борьба с пьянством. — Нужда в квалифицированных рабочих. — Ухудшение в положении рабочих по переходе казенных заводов к частным лицам.— Перевод приписных крестьян в число постоянных рабочих. — Их материальное положение. — Подушный оклад. — Рабочие волнения.

Как уже говорилось, положение рабочих в горнозаводской промышленности слабо регулировалось законодательством. К тому же отдаленность горных заводов от административных центров парализовала надзор высшей власти. А потому установление условий труда фактически принадлежало заводоуправлению. Так было и на Урале в годы управления Геннина

Он „установлял работы, определял задельную плату мастеровым и жалованье, назначал каждому должность, предписывал обязанности“ [1]). Он так поступал на основании указа сената (14 июня 1725 г.), составленного по донесениям Геннина, и, в сущности, представлявшего собой инструкцию, гласившую, что „мастеровым людям и прочим служителям давать, смотря по их имуществам (т.е. по работе), и которые в мастерствах будут превосходить, таким прибавливать, а у других за нерадение и ленивость убавливать, по рассмотрению его (т.е. Геннина), только чтоб таким прибавкам на сделанные материалы в цене отягчения не было и в штат не прибавливалось“ [2]).

Позже (в 60-х годах) мы встречаем указания мастеровых и работных людей Ягушихинских и Мотовилихинских заводов на то, что они получали жалованье „по ремеслам своим“, причем наименьшее жалованье выдавалось в размере 12 рублей в год — такое вознаграждение получали дети. „Денежное жалованье, — говорили мастеровые и работные люди, находившиеся при Юговских медиоплавильных заводах, — произвожено было по чинам и заслугам, по учиненному и опробованному сенатом 1737 года штату. А денежное жалованье по окладам нашим на праздничные дни произвожено было сполна“ [3]).

Иноземцы получали значительно больше, чем русские. Имеется указание, что находившиеся в распоряжении „угорского нижнего начальства“ в Екатеринбурге три шихтмейстера получали по 36 рублей в год, а три штейгера-иноземца по 104 рубля [4]).

Заработная плата была двоякого рода — одни мастера и подмастерья получали жалованье, другие — сдельно, а порой присоединялась выдача провианта. В отношении сдельной платы на производстве „уклада“ Генниным был установлен следующий порядок — мастерам и подмастерьям „платить с пудового числа против Олонецкого с убавкою, для того, что здесь харч и хлеб против Олонецкого дешевле, и того ради давать им за пуд четвертую долю меньше, как на Олонце, с вычетом рабочих“.

Отметим, что в 30-х годах на Урале существовали следующие цены на продукты питания: пуд ржи — 4 и 5 копеек, пуд овса — 3 коп., пуд пшеничной муки — 10 коп.; пуд ячменя — 4 коп., пуд мяса — 20 коп. и 30 коп. [5]).

В 1733 г. горное начальство возбудило вопрос, нельзя ли тем, кто зарабатывает до двух рублей в месяц, выплачивать деньги не по третям года, как остальным, а ежемесячно. Берг-коллегия согласилась на это, причем новый порядок распространила на лиц, получающих до пяти рублей в месяц, дабы они „не претерпевали нужды“ [6]).

---

[1]) *Дерябин*, стр. 36.

[2]) *Герман*, стр. 93 (§ 8 указа).

[3]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 115 (наказы мастеровых).

[4]) *Герман*, стр. 50.

[5]) Записки *Геннина*.

[6]) *Герман*, стр. 136.

По штату, составленному Геннинымь в 1723 году, классификация была крайне разнообразна; мастера, подмастерья и рабочие получали жалованье в зависимости от того отделения, в котором они работали. Такая же система лежит в основе штата, выработанного в 1737 году (Татищевым) для всех казенных заводов Урала. И если некоторые должности стали в 1737 году дороже оплачиваться, чем по штату 1723 года, то другие, напротив, были понижены в оценке.

В течение дальнейших десятилетий цены на жизненные припасы возрастали, удвоившись к концу шестидесятых годов, но заработная плата или совсем не прогрессировала, или в малой степени. Установленный в 1766 году штат для Гороблагодатских и Камских заводов мало чем разнится от двух предыдущих штатов[1]). Путешественник Лепехин именно в конце 60-х годов говорил, что „содержание заводских служителей нашим заводчикам не великого стоит иждивения“. — Для ряда производств на казенных заводах были установлены штаты[2]). И в делах берг-коллегии имелись сведения о персонале некоторых заводов[3]). Но о числе лиц, обслуживающих рудники, сохранились лишь отрывочные сообщения, к тому же относящиеся к немногим квалифицированным группам работников, а потому не дающие представления о рабочей силе, которая применялась на рудниках. Это об‘ясняется в известной мере тем, что нередко одни рудники быстро истощались, на других работы временно прекращались в виду слабой выработки, а потому персонал рудников не мог быть постоянным. Геннин в своей инструкции 1724 г. предписывал переводить горных учеников с рудника на рудник в зависимости от успешности поисков и вообще туда определять работников, „где больше и прибыльнее руды есть“.

По казенной расценке годовой добычи в 200 тысяч пудов железной руды требовались:

1 штейгер с годовым жалованьем в 60 рублей,
2 подштейгера с годовым жалованьем по 48 рублей.

При добывании медной руды соотношение между представителями различных категорий труда и их вознаграждением было таково:

1	штейгер	60	рубл.	в год.
1	подштейгер	48	„	„ „
1	горный писарь	18	„	„ „
10	рудных разборщиков по . . .	24	„	„ „
10	рудокопщиков по	18	„	„ „
20	рудоносчиков по	12	„	„ „
1	кузнец	16	„	„ „
1	ученик	12	„	„ „

[1]) Ср. *К. Пажитнов.* Положение рабочего класса, I (Петрогр. 1923 г.), глава „Заработная плата“.

[2]) *Герман,* стр. 49—70 (Первое собрание законов, № 4736).

[3]) *Кириллов.* Назв. сочинение.

Труд по выплавке определенного количества чугуна оплачивался в год по следующей расценке.

1 мастер . . . . 26 рублей.
2 подмастерья по . . . . 24 „
2 ученика по . . . . . . 16 „
10 работников по . . . . . 16 „
2 засыпок по . . . . 16 „
1 каменщик . . . . 15 „
3 конюха по . . . . 12 „ 96 коп.

Способы расплаты с рабочими, как и в прежнее время, были различны. Напр., при ковке железа была установлена сдельная: мастер с пуда получал по 2 копейки, подмастерье—по 3 денежки, а работники по 3 полушки. Если мастер не выкует определенного количества в указанное время или сожжет больше угля, чем полагается, с него делается вычет: с каждого пуда по копейке, а за уголь — по 30 копеек с короба. За выплавку чугуна — плата месячная: мастер получает 3 рубля, подмастерья—по 2, а работники—от рубля двадцати копеек до полутора рубля.

Вознаграждение при добывании медной руды было весьма разнообразно. Прежде всего на размере заработной платы отражалось число наличных рабочих: при обилии их цена понижалась, при недостатке — повышалась. Но размер платы зависел и от других обстоятельств. Вот что сообщает знаток горного дела, пробывший на сибирских заводах 12 лет, Ив. Герман: „С начала заведения проходной в горы штольни, от первой стойки дается с пустой земли и мягкой 25, 30, 40 и не свыше 60 копеек с сажени; а что далее в гору, то и цена возвышается, смотря по склонности надежной земли и случающихся рудных прожилков, но не более как до 80 копеек возвышалась; напротиву жестокая — не свыше 1 рубля 30 копеек; а на мокрые — как жесткие, так и мягкие — прибавляется противу сухих гривною и двумя свыше, смотря по состоянию мокроты“.

В соответствии с этим в 1762 году рабочие вырабатывали за день самые разнообразные суммы, как это видно из нижеследующей таблицы:

	Число дней.	Цена с сажени.		Выработано в горе.		Всего за работу получено.		На каждого пришлось выработки в день.		Рабочему пришлось в день.
		Р.	К.	Саж.	Арш.	Р.	К.	Арш.	Верш.	Коп.
Два человека . .	8	1	15	2	$\frac{3}{4}$	2	$58\frac{1}{2}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{2}$	$10\frac{3}{4}$
Два человека . .	12	1	15	2	$2\frac{3}{4}$	3	$35\frac{1}{4}$	$\frac{1}{4}$	2	14
Один человек . .	6	1	10	—	$1\frac{1}{4}$	—	$45\frac{3}{4}$	—	$1\frac{1}{4}$	8
„ „ . .	12									
„ „ . .	2	1	15	1	$1\frac{3}{4}$	1	82	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	
„ „ . .	7									
Четыре „ . .	10	1	20	4	$\frac{3}{4}$	5	10	$\frac{1}{4}$	1	12

Особое внимание обращалось на ученичество. Требуя, чтобы во всяком деле у мастеров обучались ученики, дабы в случае болезни или смерти мастера ученик мог продолжать его работу, Геннин предписывал выбирать учеников по способностям, кто к какому делу больше подходит. Действительно, в целом ряде мастерств фигурировали ученики. В частности, в рудниках, наряду с обычными учениками, горному делу обучались также рекруты, взятые с заводского населения. И мастерам вменялось в обязанность обучать учеников „с прилежанием".

Отчасти в связи с необходимостью подготовлять новые кадры мастеровых, для каковой цели были более всего пригодны подростки, а наряду с этим в виду дешевизны труда неполных работников, заводчики, как видно, вообще охотно пользовались детским трудом. Когда Демидову было предложено посылать детей своих людей для обучения в Екатеринбургскую школу,— Татищев заставлял обывательских детей с частных заводов учиться в школе в возрасте от 6 до 12 лет,— заводчик ответил, что дети в эти годы уже отправляют многие работы при добывании железных и медных руд, обучаются мастерству и после отцов заводское мастерство на себя перенимают. И Демидову разрешили не посылать детей в школу.

Дети, стоящие у засыпки угля, руды и извести (здесь они обычно заменяли взрослых), получали в день по 2 и по 3 копейки. Порою на них возлагалась и более тяжелая работа. Паллас с чувством удовольствия сообщает, что на Невьянском заводе дети в возрасте от 10 до 12 лет участвуют в кузнечной работе. По его словам и при Каслинском заводе работали дети местных работников — они добывали и складывали руду, получая сдельно, за урок. На Магнитной горе руда лежала на поверхности, и ее собирали до 400 мальчиков и девочек, которым платили по 3 копейки в день. По сообщению Лепехина, один рудник состоял из беспорядочных перемешанных глыб, почему руда была весьма разбориста, так что малые дети могли исполнять обязанности рудокопателей [1]).

Обычно на заводах ученики вербовались из среды детей мастеровых, но случалось, что для этой цели забирали приписных крестьян.

Так как некоторые заводы и рудники обслуживались крепостными людьми, то естественно было ожидать, что на этих заводах работали и крепостные женщины. И, действительно, специальное расследование, предпринятое значительно позже на основании архивных документов, обнаружило, что уже в первой половине 18-го века заводчики, опираясь на свое помещичье право, заставляли женщин работать на своих горнозаводских предприятиях. И этому примеру последовали и прочие заводчики. Известно, что трудом женщин пользовались с самого своего возникновения Шайтанский (1731 г.) и Каноникольский (1751 г.) заводы. Имеется сообщение, что на малолюдных заводах и у корыстолюбивых промышлен-

---

[1]) *Герман,* Сочинение о сибирских рудниках и заводах, ч. II, стр. 89—90, 105 (СПБ. 1798 г.).—*Паллас,* кн. I, ч. II, стр. 226, 230 и др.—*Лепехин,* ч. II, ст. 282—3, 285, 289 и др.— Первое собрание законов, № 6840 (12 декабря 1735 г.—о посылке детей в школу).

ников женщин ставили к засыпке угля, руды и извести. По словам Палласа, на Каслинском заводе работали, наряду с детьми, жены и дочери местных работников — они добывали и складывали руду, получая сдельно за урок. Судя же по тому, что и в более позднее время женщин ставили также на самые тяжелые работы, обычно возлагавшиеся на мужчин, можно предположить, что и в первую половину 18-го века женщины выполняли самые тяжелые работы. И, как видно, труд женщин на горнозаводских предприятиях стал ко второй половине 18-го века столь обычным явлением, что в 1768 году пермская казенная палата (заведывавшая в ту пору горнозаводским делом) в виду недостаточности рабочих рук предписала начальнику Гороблагодатских заводов, „чтобы работники и в семействах женки, буде они в домеобзаводстве необходимостью не удерживаются, равно подрослые дочери и малолетние сыновья, также отставные их отцы, не менее вдовы и другие их родственники непременно употреблялись в заводские работы“ [1]).

Отметим, что на горнозаводских предприятиях, обслуживаемых собственными крепостными, мастеровые, постоянно находившиеся на работах, получали определенное жалованье, а иногда задельную плату. Крестьяне же лишь в редких случаях получали плату за работу [2]). Паллас сообщает, что крепостные, работавшие на Симском заводе (принадлежавшем Твердышеву), получали „несколько платы, которою они всю свою семью, кажется, изобильно довольствуют и живут не убого“ [3]). На Иргинских заводах Осокина, по словам Лепехина [4]), распорядительность заводчика и „некоторым образом крестьянская свобода, в отменное противу других заводских жителей привели Осокинских крестьян состояние“; многие из заводских крестьян торгуют и более похожи на купцов, чем на заводских работников.

Переходя к продолжительности рабочего дня, следует отметить, что наказом Геннина от 16 октября 1723 г. предписывалось заводским людям работать летом 14 часов, осенью и весной 12, а зимою 10 часов, за исключением праздничных и воскресных дней [5]). Но Регламентом 23 февраля 1725 г., „как содержать звон при горном и плавильном деле“, рабочий день, как мы выше сказали, был ограничен двенадцатью часами, из коих один час предназначался для обеденного отдыха. И эта длина рабочего дня установилась надолго. В конце 60-х годов 18-го века на Урале работа, поскольку можно понять из слов Лепехина, происходила в две смены, каждая по двенадцати часов.

Остановимся на вопросе, отлучались ли рабочие с заводов для еды? Ответ, как нам кажется, должен быть дан положительный. Правда, в из-

---

[1]) Архив общей канцелярии министра финансов, 2 ст л, 1 отд. 1831 г., дело № 21 „Об употреблении в заводские работы женщин“.

[2]) *Семевский*, I, стр. 75.

[3]) Кн. первая, ч. II, стр. 34.

[4]) Часть II, стр. 238.

[5]) Архив горного департамента, 2 отд., 4 стол, 1823 г., дело № 126/2195. Донесение комиссии, ссылающееся на главу шестую, пункт десятый наказа заводскому комиссару.

вестной нам инструкции Геннина (§ 12) имеется фраза о молотовых мастерах („чтоб им, когда работают, то-есть домой не ходить, а есть в фабрике“) которая, будучи вырвана из текста, может быть принята за запрещение молотовым рабочим уходить домой обедать[1]). Но, ведь, приведенные слова тесно связаны с предыдущими — „а о починке, и о деле молотов и снастей и о прочих поделков, и чтоб им, когда работают, то есть домой не ходить, а есть в фабрике“. Следовательно, распоряжение не отпускать мастеров на обед домой имело силу, как надо полагать, лишь в том случае, когда в мастерской происходили починки молотов и др., при обычных же условиях мастера шли домой. Это подтверждается и правилами Регламента о звоне при горных и плавильных делах: утром, когда рабочие призывались из своих домов на работу, в колокол ударяли 50 раз; столько же ударов раздавалось в 4 часа дня, когда призывалась смена, и столько же ударяли в полдень, когда рабочие призывались к возобновлению работы после обеда — значит, и в этом случае рабочие находились в своих домах, иначе, если бы они оставались на заводе, было бы достаточно 25 ударов, каковыми ограничивались в 11 часов, когда рабочих, находившихся на заводе, отпускали на обед.

Что касается количества рабочих дней в году, то об этом наказ Геннина 1723 г. гласил: „Понеже здешний народ безмерным леностям подвержен, который рад не токмо определенными неделями и господскими праздниками довольствоваться, но еще многие от обычая и лености празднования умыслили, того ради, кроме недель господских праздников и государских ангелов, с работы не пущать“. И тогда же был составлен список праздничных дней: январь: 1 — новый год, 6 — богоявление; февраль: 2 — сретение; март: 25 — благовещение: август: 6 — преображение, 15 — успенье богородицы; сентябрь: 8 — рождение богородицы; ноябрь: 21 — введение во храм; декабрь: 25, 26 и 27 — святки; на Пасхальной неделе: понедельник и вторник; вознесенье — один день; троицын день — понедельник: на Сырной неделе — четверг, пятница и суббота; на Страстной неделе — суббота; четыре табельных дня. Всего 23 дня и 52 воскресенья. Таким образом рабочих дней насчитывалось в году до 290. Однако, фактически число рабочих дней было менее указанного, так как работа, вероятно, прерывалась также в те дни отдыха, которые установились обычаем. По крайней мере, в штатах заводов, составленных в 1723 и 1737 гг., упоминается о 250 рабочих днях, как о норме[2]).

Можно полагать, что тяжелые условия горнозаводской работы побуждали рабочих давать себе отдых при малейшем недомогании и даже под предлогом мнимой болезни. И так как медицинского контроля и вообще медицинской помощи в то время почти не было, то борьба с указанным явлением приняла односторонний характер. Следует отметить, что

---

[1]) *К. Пажитнов.* Промышленный труд в крепостную эпоху (Ленинград, 1924 г.), стр 59.

[2]) *К. Пажитнов.* Положение рабочего класса в России, т. I (1923 г.), стр. 63.—*Герман* стр. 59 и др.—Архив министерства внутрен. дел, 1820 г., № 230 „О возмущении мастеровых Березовского золотопр. завода“.

Геннину стоило, как видно, не мало усилий устройство медицинской помощи на заводах. Еще будучи на Олонецких заводах, Геннин столкнулся с этим вопросом. Там получались из Петербурга „на припарку больным вино и уксус“, но эти важнейшие в ту пору медицинские средства доставлялись неаккуратно. Геннину приходилось выпрашивать их, чтобы „бедных во оном не оставить“ [1]). Отправляясь же на Урал, Геннин исхлопотал, чтобы с ним поехал врач, как для него самого, так и для „нужнейших мастеровых людей“, причем в оправдание своей, столь необычной в то время, просьбы он привел тот мотив, что „ежели оные в скорбях внезапно умрут, то будет великая во всех делах остановка“ [2]). И одним из его ранних дел на Урале было устройство больницы. Но численно бедный врачебный персонал не мог обслуживать все заводское население, разбросанное в работе на обширной территории. Заявления мастеровых о болезни не могли быть всегда проверяемы. А потому, добиваясь наибольшей производительности труда каждого мастерового в отдельности, Геннин установил следующее правило: когда мастера, получающие жалованье, „заскорбят“, то им „за больные дни полного жалованья не давать, а давать половинное жалованье против окладу, дабы мастера напрасно притворною болезнью не заскорбели“.

Характерна приписка к этому правилу — „сие учинить Русским“, т. е. за дни болезни вычет делался лишь с русских, иноземцы за время болезни получали полностью свое вознаграждение. Вероятно, такое деление на русских и иноземцев вызывалось тем, что уход иноземца, в случае недовольства, со службы был бы слишком чувствителен для предприятия.

В тех случаях, когда работа на предприятии останавливалась не по вине мастеровых и рабочих, заработная плата выдавалась полностью, но горному начальству предоставлялось право переводить их на другую работу[3]).

В ту пору, когда Ягошихинские и Мотовилихинские заводы принадлежали казне, если рабочий получал повреждение на работе, его отправляли в госпиталь, и жалованье шло полностью; когда же рабочий заболевал, ему выплачивали жалованье в половинном размере, но при этом давалась казенная пища или же (Юговские заводы) выдавалось только жалованье в половинном размере [4]). Подобное правило об увечьях и болезнях существовало только на казенных заводах. Когда Татищев потребовал, чтобы Демидов платил рабочим за дни, пропущенные вследствие увечья или болезни, а также за время, когда завод бездействовал, Демидов послал в Петербург жалобу, в которой об‘яснял, что требование Татищева об уплате рабочим за дни простоя несправедливо, так как заводчики при бездействии завода и без того терпят убытки; что касается дней, когда рабочие не явились на завод вследствие увечья

---

1) Приложение к жизнеописанию Геннина, докум. № 18.

2) Приложение к жизнеописанию Геннина, док. № 84.

3) Указ 18 февраля 1726 г. *Герман*, стр. 101.

4) Сборник Русского Исторического Общества, т. 115 (наказы о мастеровых), стр. 283 и 287,

или болезни, то Демидов привел в свою пользу классическую сентенцию— „болезни и несчастья приключаются по воле божьей", следовательно, заводчик тут не причем. И Татищеву было приказано (1735 г.) не вторгаться в дела рабочих, доколе они не возбуждают жалоб [1]). Когда упомянутые выше Ягошихинский, Мотовилихинский и Юговские заводы перешли от казны в частные руки, за дни, пропущенные вследствие болезни или увечья, ничего не платили.

Горные мастеровые и работные люди (исключая иноземцев) для заготовления сена на свои нужды отпускались ежегодно на одну неделю с тех работ, которые не очень спешны, но с таким расчетом, чтобы освобождалась только половина или треть состава людей [2]).

Мастера, подмастерья и работники карались за лень и неисправность, а вместе с тем отвечали за качество выделки и порчу материала. И в системе наказаний, наряду с физическим воздействием и перемещением на низшую должность, мы встречаем также вычеты из заработной платы и штрафы. Отдавая распоряжения о содержании домен в Екатеринбургских, Уктусских, Каменских и Алапаевских заводах, Геннин предписывал: „мастерам смотреть накрепко, чтобы подмастерья и работники не спали, чрез которое скоро худоба является в домне, и чугун, который после долго не может исправить... того ради подтверждать указами, ежели на других заводах из домен чугуна станет меньше и хуже являться в выпусках, то тех мастеров по розыску ж е с т о к о н а к а з ы в а т ь с у б а в к о ю ж а л о в а н ь я и в р а б о т е б ы т ь с к о в а н н ы м и". А у кого из молотовых мастеров „явится много угару и кто уголья излишне и напрасно жег, тем мастерам меньше давать за пудовое число, как указано, а ежели не выучится прибыльнее делать, тому быть подмастерьем, а его подмастерье, ежели больше его делает и прибыльнее, быть на его месте мастером". Если „мастер не будет из доброго и к тому годного ленивством, нерадением или несмотрением делать доброй жести и станет портить, то надлежит ему из жалованья, также и у подмастерья, вычесть за испорченные доски жестяные по препорции, чтоб на то смотря, лучше делали и старанья имели к учению". Вычет из платы делался и в том случае, если кто „много угля, и чугуну, и обрезков напрасно сожжет, и оттого мало у него и недобрый уклад родится".

В целях охраны подмастерий и рабочих от эксплоатации со стороны мастеровых инструкция Геннина предписывала „мастерам отнюдь за подмастерьев и работников деньги не принимать, но велеть всякому самому принимать". Вместе с тем начальным лицам было запрещено — под угрозой смертной казни — пользоваться для своих нужд услугами горных работников и мастеровых людей [3]).

В интересах мастеровых и крестьян приписных слобод Геннин получил право лично, совместно с асессором, разбирать их жалобы на комиссаров и управителей „в обидах, во взятках и прочих разорениях",

---

[1]) Первое собрание законов, № 6840 (12 декабря 1735 г.).

[2]) *Герман*, стр. 102 (указ берг-коллегии 26 января 1726 г.).

[3]) *Герман*, см. §§ инструкции: 11, 12, 14, 15, 25.

и приводить в исполнение свои приговоры, за исключением тех случаев, когда виновные подлежат вечной каторге и смертной казни — эти более важные дела подлежали рассмотрению в сибирском надворном суде [1]).

Заводоуправление было свободно от непосредственного снабжения заводского населения питательными продуктами, но оно было обязано заботиться о том, чтобы на заводской территории находились запасы продуктов питания, причем было запрещено создавать для кого бы то ни было монополию в торговле предметами питания. Напротив, заводоуправление должно было стараться, чтобы на заводы приезжали маркитанты (кочующие торговцы), никого не стесняя в этом отношении [2]).

Большим злом являлось пьянство среди мастеровых и работных людей. С целью парализовать его Геннин провел через сенат следующее постановление: кабаки могут находиться не ближе, чем на расстоянии 20 верст от заводов и 5—10 верст от рудников; а дабы не дать развиться тайному корчемству, было дозволено привозить водку к заводам и рудникам только по праздничным дням, когда не производится работа, причем продажа могла продолжаться летом лишь до 7 час. вечера, а зимою — до 5 час., да и то — отнюдь не в долг, и при том только в чарках и кружках, а для получения большего количества водки нужно было пред'явить разрешение заводского начальства.

Инструкция Геннина сурово карала за пьянство: „Над всеми надлежит смотреть крепко, чтобы мастеры не пьянствовали, отчего имеет быть пуще вред и убыток в заводских делах, и таких пьяных штрафовать, за о д и н день пьянства вычитать у таких за м е с я ц жалованье, или что он может в месяц задельного выработать, и держать скованных при работе целый месяц и велеть спать в т ю р ь м е, а ежели они того пьянства тем не уймутся, с такими поступать против прежних указов, велеть их держать всегда скованных при работе всякого у своей фабрики, а на пропитание давать им только один х л е б сухой да квас, покаместь уймутся“. Но карательные меры не могли остановить пьянства. Его развитие определялось двумя факторами: с одной стороны, неблагоприятными условиями жизни рабочих, чрезмерностью их труда, а с другой — заинтересованностью правительства в распространении спиртных напитков. Тобольская губернская канцелярия в своей мемории [3]), составленной в 1731 году, сообщала, что в течение 28 лет, то-есть со времени возникновения горных заводов, кабаков в крае не было, когда же с введением откупной системы кабаки проникли на заводскую территорию, „от всегдашнего пьянства мастеровые люди в совершенное безумье приходят и мастерства доброго лишаются и делать железо мягкого, против указанных сортов, пьянство не допускает“. Записка Тобольской канцелярии, как мы видим, представила дело так, словно раньше вовсе не было пьянства. Это, конечно, преувеличение. Но откупная система, вероятно, распростра-

[1]) Указ 14 июня 1725 г. — *Герман*, стр. 91. — У *Крамаренкова* (стр. 213) указ датирован 18 июня.

[2]) Указ берг-коллегии 14 октября 1725 г. (*Герман*, стр. 96).

[3]) Докладная записка.

нила кабаки более густой сетью, и это сказалось на горнозаводских рабочих. В инструкции, данной Татищеву, было сказано, что он должен так разрешить конфликт между казенными интересами, связанными с потреблением водки, и интересами заводов, требовавшими из'ятия водки с их территории, „чтобы заводам не было замешательства и чтобы казенному сбору великого уменьшения не было". Татищев поставил кабаки при Демидовских заводах, мотивируя это тем, что иначе заведутся тайные шинки. Но развившееся пьянство заставило, как видно, Демидова запротестовать, и в конце концов Татищеву было приказано: кабаков не ставить с тем, чтобы заводчик уплачивал соответствующий сбор.

Когда в 1764 году Гороблагодатские заводы вернулись в ведение казны, указанные выше правила, установленные при Геннине, были подтверждены. Сила их была сохранена и указом 1766 года. Но, повидимому, они не вполне удовлетворяли заводчиков. Хотя дворяне не имели права брать на откуп винную продажу — это право принадлежало только купечеству, — некоторые дворяне-заводчики возбудили просьбу о передаче им винного откупа в районе завода, дабы они могли ограничить распространение водки — даже, повидимому, ценою некоторого убытка для них. И именно для того, чтобы заводчики могли „воздержать" мастеровых и работных людей, указ 1766 г. постановил: если винная продажа будет отдаваться на откуп не на всю губернию, а по отдельным местам, и если дворянин-заводчик сделает хотя бы небольшую „наддачу", то ему должно быть дано преимущество в местности его завода, так как казна от этого ничего не потеряет, а заводчик сумеет удержать рабочих от пьянства; если же откуп распространен на целую губернию, то заводчик-дворянин может вступить в соглашение с откупщиком о продаже водки в районе завода [1]).

Нужда в квалифицированных рабочих, сказывавшаяся, как мы видели выше, в 20-х годах, продолжала оставаться неудовлетворенной и в дальнейшие годы. И подобно тому, как в 20-х годах казенные и частные заводы перехватывали друг у друга более искусных мастеров, так и в середине 30-х годов на этой почве возникали конфликты. Например, Татищев отобрал или переманил с демидовского завода двух плавильных и рудоискательных штейгеров; по жалобе Демидова Татищеву было велено (1735 г.) вернуть их Демидову, потому что он нанял их в Петербурге для своих заводов и содержал на своем коште, и впредь не отнимать мастеровых у частных заводчиков. Но, повидимому, Татищев не только не поспешил вернуть названных штейгеров, но и свел от Демидова еще и других людей, как можно заключить из приказания свыше от 15 апреля 1736 г. — взятых с демидовского завода на казенные заводы „мастеров и подмастерьев и работных людей вернуть" [2]).

Не имея достаточного числа мастеровых, казенные заводы не могли, конечно, делиться ими с частными заводчиками. Между тем, случа-

---

[1]) Первое собрание законов, № 6107 (30 июня 1732 г.). — *Попов*, Татищев и его время. — *Герман*, стр. 182. — Первое собрание законов, № 12770 (27 октября 1766 г.).

[2]) *Герман*, стр. 169, 172. — Первое собрание законов, № 6840 (12 декабря 1735 г.).

лось, что последние не имели своих мастеровых, и правительство видело себя вынужденным приходить им на помощь. Так, при отдаче купцу Твердышеву бездействовавшего медного казенного Табынского завода в договоре было сказано, что на первый случай можно мастеровых дать с казенных заводов с тем, чтобы потом Твердышев пользовался только собственными мастеровыми. Но употребленное в договоре выражение „по возможности" дать казенных мастеровых указывало, что правительство сомневалось в возможности осуществить этот пункт договора [1]).

Отметим, что именно в виду ценности мастеровых приписанные к заводам Демидова крестьяне, обученные мастерству, освобождались от рекрутчины [2]). Паллас отмечает, что среди заводских мастеровых, особенно на казенных заводах, были очень искусные работники. Поэтому заводчики пользовались ими не только для горнозаводской работы, но и для посторонних, напр., при судостроении, при кожевенном деле [3]).

Положение мастеровых и работных людей обычно ухудшалось, когда они вместе с предприятиями переходили к частным лицам, хотя заводчики по договору с казною обязывались содержать рабочих на прежних условиях. Выше было сказано, что по переходе казенных заводов в частные руки, рабочим перестали платить за дни, пропущенные вследствие болезни или увечья. Ухудшение произошло и в другом отношении. При казенном управлении, если экстренная надобность требовала работы в воскресные или праздничные дни, то позже мастеровые освобождались от работ на соответствующее число будних дней, „в отгул, без вычета". С переходом же Ягошихинских и Мотовилихинских заводов к гр. Воронцову проработанные воскресные и праздничные дни в отгул не давались, так как подобный порядок не был, мол, в обыкновении при доменных печах, различия же между работой при доменных печах и при плавильных печах, будто, нет никакого; но при этом не было принято во внимание то, что работавшие при доменных печах получали „задельное", а при плавильных — жалованье. На Юговских заводах гр. Чернышев перестал платить за праздничные дни и определил на работу даже тех, кто за старостью и дряхлостью перешел в разряд отставных [4]).

Если на частных заводах столь ухудшалось положение старых мастеровых и работных людей, то в таких же условиях должны были, конечно, очутиться и новые мастеровые, и работные люди из числа приписных крестьян. Целые группы приписных крестьян, как указывалось выше, переводились с женами и детьми на постоянное житье при заводе, и это нередко совершалось без согласия надлежащих властей, путем самоуправства, поддержанного местной администрацией. Из наказов 1767 г. по Казанской губернии [5]) мы узнаем о ряде случаев, когда приписные крестьяне обращались в горнозаводских рабочих. Из числа крестьян Уфим-

---

[1]) Первое собрание законов, № 8921 (16 апреля 1744 г.; § 12 договора).
[2]) Указ 6 ноября 1738 г. (Первое собрание законов, № 7684).
[3]) *Крамаренков*, стр. 185.
[4]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 115, стр. 283 и след.
[5]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 115, стр. 255—303.

ской провинции было переселено на частные заводы немалое число людей (неизвестно точно, в каком году) по сенатскому указу, причем одна деревня была переведена вся целиком „без остатку“, но иные из тех же крестьян были взяты и без всякого указа. На Юговские заводы было однажды переведено из Кунгурского уезда 224 души, а по новой ревизии их числилось уже 316 душ. На Аннинский завод взяли по Соликамскому уезду 158 душ в „ученики“, и крестьяне не знали, в силу чьего распоряжения. Кроме того, как видно, столько же взяли крестьян в „заводские служители“, т. е. в постоянные рабочие на заводские и горные работы [1]), и опять-таки переведенным осталось неизвестным, на основании какого правительственного распоряжения их прикрепили к заводу. К нему же были переведены 274 души из Чердынского уезда в заводские служители для заводских и горных работ. И Каменские заводы гр. Шувалова забрали 350 душ из бывших ясашных крестьян Казанского уезда. На Ягошихинский и Мотовилихинский заводы с самого основания их, т. е. при казенном управлении, когда ощущалась недостача в мастеровых и работных людях, почти ежемесячно находилось из крестьян Кунгурского уезда — на первом 244, на последнем — 53 души при плавильных и других работах. А когда заводы перешли к гр. Воронцову, то „в помощь служителям ради горной работы“ были взяты из первых 30, а из последних 7 человек без „всякого от горной команды повеления и указа“. На Авзяно-Петровские заводы были переселены крестьяне из Уфимской провинции для разного мастерства — человек триста.

Как же оплачивалась эта группа прежних земледельцев, принудительно обращенных в горнозаводские рабочие?

Переведенные на Ягошихинский м Мотовилихинский заводы получали — в соответствии с известным плакатом 1724 года [2]) — летом по 5 коп. в день, зимою по 4 коп., а переведенные туда же 30 и 7 человек, будучи в течение трех лет заняты горными работами, получали всего по 3 коп. в день. Переведенным на Юговские заводы 244 крестьянам платили столь низкую задельную плату, что ее не хватало на одно питание. На Аннинском заводе задельная же плата была ниже той, которая была установлена по плакату 1724 года! На том же заводе на работу забирали даже детей и платили им по 1 или 2 копейки в день. На Березовском заводе дети в возрасте от 9 до 15 лет за работу при добывании золота получали по $1\frac{1}{2}$ коп. в день, хотя одно их пропитание обходилось родителям в 2 копейки [3]). Вообще, эта группа жаловалась на нищету, скудное питание, отсутствие одежды. И какое же отчаяние должно было владеть ими, если работавшие на Ягошихинском и Мотовилихинском заводах заявили, что они готовы вступить все в военную службу, лишь бы избавиться от „нужд и недостатков“.

---

[1]) См. §§ 7 и 14 наказа (там же, стр. 291 и 293).

[2]) О недостаточности расценки по плакату 1724 г. см. дальше, когда речь будет итти о приписных крестьянах.

[3]) О Березовском заводе см. *Семевский*, т. II, стр. 442.

Все переводимые на заводы (с семьями) совершенно отрывались от земли и превращались в заводских рабочих, живших только работой на заводе. Но их, начиная с 1747 г., не освобождали от подушного оклада. Дело в том, что, согласно закона 1719 года, с мастеровых на заводах были сняты всякие денежные сборы, солдатская и другие повинности. Но в 1735 г. состоялось повеление, чтобы за хорошими мастеровыми были сохранены эти льготы; те же, которые в мастерствах неискусны и фактически не могут называться мастеровыми, должны быть положены в подушный оклад [1]).

При таком условии мастеровые и работные люди, взятые из числа приписных, не могли в массе рассчитывать на освобождение от подушного оклада, тем более, что они в принципе отдавались к заводу не навсегда. При переводе 224 приписных крестьян на Юговские заводы сенат так и заявил, что они отдаются вовсе не навсегда, а потому заводчик должен обучить мастерству своих собственных крепостных крестьян. Однако, фактически целые поколения оставались на заводах, теряя облик земледельцев. Любопытно при этом отметить, что лица, причастные к переводу приписных крестьян на заводы, смотрели на переведенцев, как на прочих „заводских служителей", и в одном из наказов о приписных крестьян указывается, что приписные крестьяне, переселенные на завод, были приведены к присяге в звании „заводских служителей".

Разнообразные отрицательные последствия, к которым приводил принудительный труд приписных крестьян на горнозаводских предприятиях, побуждал, как мы увидим в дальнейшем, правительство ставить на очередь вопрос об отмене принудительной работы приписных крестьян, т. е. об упразднении таких рабочих, а наряду с этим, хотя и не столь остро, выдвигался вопрос об отмене принудительного труда и мастеровых людей. Когда в 1762 г. был предложен проект передать заводы тем охочим людям, которые пожелают взять их без всякой приписки крестьян, только с одними казенными мастеровыми, то было указано, что мастеровых следовало бы оставить в распоряжении заводчиков только в течение десяти лет, не более.

Бедность, под которой стонали приписные крестьяне, переведенные на завод для постоянной работы, была присуща и мастеровым. Об этом говорит то, что, когда в 60-х годах пошла полоса волнений среди приписных крестьян, то и мастеровые не остались в стороне от этого движения. Так, на Авзяно-Петровских заводах все мастеровые однажды бросили работу, прислушавшись к ложному известию, будто пришел указ об освобождении их от горнозаводских работ. Мастеровые и работные люди Нижне-Тагильского завода, услыхав, будто их челобитчиков зашивали в сырые кожи, подняли вооруженное восстание, отбив у заводоуправления пушки и ружья. Но потом дух сопротивления остыл, и они выдали своих представителей в руки властей. Вообще, восставшие надеялись освободиться от работ.

---

[1]) Первое собрание законов, № 6835 (12 ноября 1735 г.).

На Авзяно-Петровских заводах особенно недовольны своим положением были те, так называемые „вечно отданные“, которые по разным правительственным распоряжениям были навсегда оставлены при предприятиях, иначе говоря прикреплены к заводам,— беглые, незаконнорожденные и непомнящие родства, которых обнаруживали многократные переписи пришлого заводского населения, начиная с 1722 г. Всех этих людей заводоуправление считало крепостными и налагало на них работу по своему усмотрению. Они же требовали, чтобы их приравняли к приписным крестьянам, которые должны были отрабатывать на заводах только подушную подать. И кн. Вяземский, усмирявший в ту пору волнения крестьян на Урале, признав это домогательство законным (согласно с указом сената 30 дек. 1755 г.), велел ограничить их обязанность по заводу, подобно приписным, отработкой одной лишь подушной подати. То же было и на Невьянском заводе. Когда мастеровые и работные люди бросили работу, владелец его Демидов мало встревожился, полагая, что нужда заставит их вернуться к работе. Однако, бастовавшие рабочие устроили свою „мирскую избу“, где собирались на сходки, и не приступали к работе, соблюдая внешний порядок. В конце концов заводчику пришлось вызвать Вяземского, который и признал, что причисленные по переписи 1722 г. почитаются приписными, отрабатывавшими только подать [1]. В иное положение были поставлены вечно-отданные более позднего происхождения. Все те, которые были зарегистрированы переписями 1782 г. (произведенной Толбузиным), 1735 г. (Зубовым), 1738 г. (Молюковым), 1739 г. (Юдиным) и 1742 г. (Шишковым) и за которых заводчики уплатили подушные подати, были оставлены „при тех заводах, как оный указ (30 дек. 1755 г.) повелевает, крепостными вечно“— и им об‘явили, что они „утверждены равно яко крепостные и купленные и велены быть при тех заводах вечно, почему им считать себя в силу того указу Демидову крепостными, и ни в какие противности, тем менее непослушание, не входить“. Вследствие этого их просьба о том, чтобы им дозволили отрабатывать только подушный оклад, даже не была рассмотрена Вяземским — от крепостных нельзя было принимать никаких жалоб! И тогда на Невьянском и некоторых других заводах Демидова 464 человека были переведены Вяземским в состояние приписных, а 3722 оставлены на положении „вечно-отданных“. Какое значение последняя категория имела в смысле трудовой силы, можно видеть из того, что она составляла (1767 г.) более половины всего количества демидовских заводских рабочих, простиравшегося до 6382 душ, из коих 2196 душ были покупными крепостными, навсегда поселенными при заводах [2].

---

[1] *Семевский*, том I, стр. 514—515 и 523.

[2] Пермская летопись, 5 период, ч. третья, стр. 17—19.

Отметим здесь предание, гласящее, что, содержа на своих заводах много беглых крестьян из Подмосковья, Демидов, в ожидании приезда Вяземского, велел спрятать их в подземелье, откуда они уже никогда не вышли на свет (Памятная книжка Пермской губ. на 1891 г., прилож., стр. 42—43). Впрочем, подобная легенда была ходка и на других заводах.

Иначе, чем на заводах Демидова, была определена участь крестьян Воскресенского завода Твердышева. Некоторое число людей „непомнящих родства и помещиков“ пришли на завод, и с их согласия они были занесены во вторую ревизию (1743 г.) с тем условием, что они должны работать на заводе все время, кроме страдной поры, за такую же плату, какая установлена обычно на казенных и частных заводах, или какую получают вольнонаемные на том же Воскресенском заводе; при этом заводчик обеспечил их пахотной и сенокосной землею. Но в 1758 г. заводчик добился того, что все они были признаны состоящими в „вечном владении“ при заводе. Поэтому, когда прибыл Вяземский, крестьяне обратились к нему с жалобой, и он решил, что они не крепостные, но вместе с тем вечно-отданные [1]), вследствие чего положение их не изменилось.

Крестьяне, утвержденные Вяземским в звании „вечно-отданных“, не хотели примириться со столь печальной участью — они не переставали добиваться перевода их в состояние приписных. С 1789 г. в сенате началось рассмотрение жалобы крестьян Невьянского (перешедшего во владение к Яковлеву) и Нижне-Тагильского заводов на то, что их предки пришли добровольно на заводы в качестве крестьян государственных, а заводчики, под видом пришлых, незаконнорожденных и непомнящих родства, утвердили их в крепости. Пятнадцать сенаторов нашли, что заводчики незаконно обратили в крепостное состояние „знатное число казенных крестьян“ и потому признали необходимым произвести расследование о происхождении каждого крестьянина в отдельности. Юрисконсульт подошел к разрешению вопроса с житейской точки зрения. Известно, что многие государственные крестьяне в свое время незаконно покинули дома и ушли на заводы, но и заводчики нарушили закон, приняв к себе этих беглых людей. А раз обе стороны поступили противозаконно, то нужно дать крестьянам облегчение и перевести их в состав приписных. Но мнение государственного совета, вынесенное в 1811 году, гласило: крестьяне, которые находились при заводе во время передачи его казною в частные руки, а также их потомки считаются казенными и в соответствии с этим выполняют заводские работы лишь в той мере, какая установлена для приписных; что касается пришлых, незаконнорожденных и непомнящих родства, то они с потомками признаются прикрепленными к заводу; если имеются противозаконно захваченные заводчиками, они могут жаловаться, но каждый в отдельности, а не скопом. Это, конечно, должно было крайне затруднить подачу жалоб неграмотными крестьянами, заброшенными на далеких заводах [2]). Боролись за свою судьбу и крестьяне

[1]) Архив госуд. совета, департамент гражд. и духовных дел 1810 г., дело № 161 „О переводе на медные казенные заводы состоящих на заводе ген. Пашкова людей“. — *Семевский*, том I, стр. 525.

[2]) Архив государственного совета: департамент гражд. и духовных дел 1810 г., дело № 162 „О крестьянах Невьянских и Н.-Тагильских заводов, жаловавшихся на обращение их в число крепостных“; — высоч. постановления 1811 г., ч. I, мнение гос. совета, высоч. утвержденное 23 февраля 1811 г. — См. архив горного департамента, 1 стол судного

Воскресенского завода, которых Вяземский об'явил некрепостными, но вместе с тем вечно отданными. В 1780 г. оренбургское горное начальство велело считать их приписными, т. е. обязанными исполнять лишь временные, а не постоянные работы [1]).

ГОРНОЗАВОДСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Конфликт между горнозаводской промышленностью, требовавшей рабочих сил, и крестьянским сельским хозяйством, вынужденным отдавать ей своих работников.—Недохватка в рабочих руках. — Крепостные крестьяне. — Норма для приписки крестьян к заводам. — Оплата труда приписных. — Дальние переходы от деревень к заводам. — Длительность работы и отработка подушной подати. — Движение против приписки крестьян. — Злоупотребление их работой. — Определение понятия крестьянского „двора“ в отношении рабочей силы.—Волнения среди приписных, как толчок для правительства заняться вопросом об их положении. — Усмирительная экспедиция кн. Вяземского. — Причины волнений. — Предоставление приписным права получать на руки заработную плату и самим вносить в казну подушную подать, — Примерные правила внутреннего распорядка. — Страх правительства перед возобновлением волнений. — Условия жизни приписных по наказам депутатам в комиссию для составления уложения. — Новая расценка труда. — Проходные дни. — Работа приписных крестьян за несколько душ. — Тяжелое экономическое положение приписных.

Задача, которая, как мы видели выше, стояла пред правительством в течение ряда десятилетий — сосредоточить ли горное дело в ведении казны или передать его в частные руки — значительно осложнялась вопросом о рабочей силе, о приписных государственных [2]) и покупных помещичьих крестьянах. Частная горная промышленность настоятельно требовала в возрастающем количестве и одних и других. А казенные заводы, обслуживаемые государственными крестьянами, еще более расточительно пользовались рабочей силой, чем частные. В инструкции, данной Татищеву при его от'езде на Урал, было сказано: „хотя к (казенным) заводам многие слободы для работ приписаны, однако же видно, что Демидов пред оными ни четвертой части людей не имеет, железа же вдвое против наших (казенных) заводов отпущает, а слышно, что наиболее он вольными работниками и гораздо дешевле все работы исправляет“.

Противоположность интересов развивавшейся горнозаводской промышленности (нуждавшейся в рабочих руках и вырывавшей значительное число их из среды государственных крестьян) и интересов крестьянского сельского хозяйства (вынужденного отдавать ей часть — порою чрезмерную — своей рабочей силы) ставила законодателя в замешательство, побуждала его брать под свою защиту интересы то горнозаводской промышленности,

---

отделения (опись № 117), 1812 г., дела № № 678 и 679 „По жалобам крестьян Н.-Тагильского—Демидова и Невьянского — Яковлева и др. заводов на притеснения их и о неправильном причислении к заводам их“ (ТТ. I и II). — См. *Семевский* т. I, стр. 526 и след.

[1]) Архив госуд. совета. 1810 г., упомянутое выше дело № 161.

[2]) Под наименованием государственных приписных крестьян мы имеем в виду также дворцовых и монастырских, которые приписывались к заводам при отсутствии государственных (устав Татищева).

то сельского хозяйства. И в связи с этим приходилось устанавливать предел или регулировать количество крестьян, отрываемых горным заводом от сельского хозяйства, определить условия их труда на заводах, словом — сочетать в целях выгоды горнозаводской труд и земледельческий. Отметим в виде иллюстрации, что когда Геннин возбудил в 1727 г. ходатайство о приписке к медным заводам новых слобод, берг-коллегия привела в пользу предложения Геннина то соображение, что от приписки „интересу его императорского величества не убыток, но в лучшую пользу", так как подушные подати и прочие сборы будет платить берг-коллегия [1]).

Снабжение горных предприятий государственными крестьянами — это была тяжкая жертва, ценой которой покупалось развитие горной промышленности. Обращение государственных крестьян на заводскую работу наносило ущерб их сельскому хозяйству, иначе говоря — государственным выгодам. И этот ущерб был тем более чувствителен, что приписка деревень и крестьян производилась без всякого отпора хищническим домогательствам заводчиков. Так, в Кунгуре уездный староста об'явил Татищеву, что села приписаны к заводам беспорядочно, не ближние, а дальние и лучшие, и притом не целиком, а выбирались отдельные крестьяне, так что сын с отцом, а брат с братом разлучены [2]). Благодаря этому деревни лишались наиболее здоровых элементов, затрачивали лишнее время на переход к отдаленным заводам и т. д.

Но все подобные из'яны бледнели пред тем неоспоримым фактом, что горная промышленность не могла обойтись без приписных крестьян, так как не было иного, достаточно богатого резервуара рабочей силы и притом — столь дешевой.

О недохватке в людях, о которой мы уже раньше говорили, красноречиво свидетельствовало то обстоятельство, что Татищев, обязанный по данной ему инструкции вернуть беглых, о которых их помещики били челом, возвратил только тех, которые прибыли после подушной переписи. Вернуть же тех, которые пришли на завод до переписи, он не решался без специального распоряжения, иначе пришлось бы лишить заводы значительной части населения, заменить которую было не кем; когда же помещики, убедившись, как дорого обходится водворение крестьян на старое место жительства, нашли для себя более выгодным отказаться от своих прав на них за известное вознаграждение — по 50 р, и дешевле, то Татищев не мог купить у помещиков крестьян, так как законом была установлена цена в 50 р. за обученных мастерству, а за „простых" не было таксы. И вот, указом 31 декабря 1734 г. было сообщено, что относительно пришлых крестьян состоится особое распоряжение, а впредь до того не выдавать их, выяснить, нет ли среди них ремесленников и сколько за тех придется платит помещикам. А затем последовало распоряжение не отсылать беглых [3]).

---

[1]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 84, стр. 397.
[2]) *Герман*, стр. 160.
[3]) *Герман*, стр. 162. — Первое собрание законов, № 6831 (29 октября 1735 г.).

Недостача же в рабочих руках побудила правительство направить на заводы тех, стоящих на очереди, рекрутов, которые окажутся лишними для армии, а также всех приговоренных к ссылке[1]). Эта последняя категория была, как видно, значительна; по крайней мере, Татищев счел нужным внести в свой „устав“ правило, в силу которого все ссылаемые на „вечное житье“ (кроме каторжных) должны на заводах работать „по четыре дня в седмице за плакатную плату“, т.-е. за обычную заработную плату. Распоряжения об отправке на заводы приговоренных к вечной ссылке неоднократно повторяются в дальнейшие годы[2]).

Отметим, что особым указом (12 ноября 1735 г.) было велено употреблять раскольников на казенных заводах и у Демидова, причем они были обложены подушным окладом в двойном размере[3]).

Вольнонаемных людей было мало. Инструкция, данная Татищеву, предписывала „стараться, чтобы некоторые работы на заводах, обретающихся в тобольских и верхотурских слободах, исправлялись вольным наймом“. А затем особым указом ему было велено, выбрав один из заводов, построить его и выполнять на нем всю работу, включая добывание руды, одними вольнонаемными рабочими, причем вести точный счет расходам[4])— очевидно, этот завод должен был показать, что представляется более выгодным — принудительный или вольнонаемный труд? Но вместе с тем, ранее установленное правило — не брать на заводы по вольному найму пришлых людей, хотя бы с паспортами, так как такими паспортами фальшиво пользовались беглые,— было вновь подтверждено той же инструкцией.

Оставалась надежда на крепостных крестьян. Они могли быть использованы двояко: или наймом с согласия помещиков, или покупкою— к заводам. „Исправлять вольным наймом,— говорилось в инструкции Татищеву,— принимая с помещиковыми и управительскими пашпортами, токмо того накрепко смотреть, чтобы пашпорты были правдивые и чтоб пришлые из русских городов ни под каким именем как при казенных, так и при партикулярных (частных) заводах не селились и на житье не оставались“. Следовательно, эти рабочие рассматривались, как временные. Да к тому же число их на Урале не могло быть сколько-нибудь значительным.

Что касается местных вольнонаемных крестьян, то, по свидетельству, относящемуся к 1763 г., их насчитывалось очень немного; большая часть населения, пользуясь вольностью, занималась разными промыслами или владела хорошими землями, а потому не имела надобности итти на заводы. А если в поисках работы кое-когда приходили из Вятки и

---

[1]) Первое собрание законов, № 6830 (28 октября 1735 г.), № 6831 (29 октября 1735 г.), № 7186 (23 февраля 1737 г.).

[2]) См., напр., Первое собрание законов, № 6867 (21 января 1736 г.), №№ 18561, 18727, (отсылка в Екатеринбург), № 29328 (на заводы вообще).

[3]) *Герман*, стр. 168.—Первое собрание законов, № 6835 (12 ноября 1735 г.), № 7663 (28 сентября 1738 г.).

[4]) Первое собрание законов, № 6831 (29 октября 1735 г).

Свияжска, то и те неохотно направлялись на заводы, потому что поблизости находились соляные варницы; к тому же на горных заводах обращались „сурово“ с вольнонаемными, требуя от них круговой поруки, так что если кто-нибудь уходил, забрав задаток, оставшиеся должны были за него работать [1]).

Заводчики Оренбургской губернии, по сообщению, относящемуся к концу 60-х годов, старались доставать работных людей из внутренних губерний, куда в известное время посылали своих приказчиков, снабжая их деньгам и для задатков. Однако, этот способ дорого обходился, так как большинство получивших задаток не приходило на работу, а те, которые являлись на завод, забирали еще больше денег, а потом скрывались [2]).

От заводов должно было отпугивать, если верить заявлению (1767 г.) государственных черносошных крестьян Слободского уезда, то, что на медных и железных заводах насильно задерживали государственных крестьян, приходивших с паспортами для временной работы [3]).

Правительство особенно усердно рекомендовало пользоваться купленными крепостными крестьянами. Тут, вероятно, играло известную роль то соображение, что заводчики будут более бережно обращаться с трудовыми силами собственных крестьян, чем приписных. И, действительно, мы увидим ниже, что сами приписные крестьяне подметили различное отношение заводчика к ним и к собственным крестьянам. Но численность купленных крестьян на заводах не была в то время значительной, так как промышленники, особенно в начале своей горной деятельности, не имели нужных для этого денежных средств. К тому же Уральская область была бедна крепостными крестьянами, и привлечение их на завод сопряжено было с расходами.

В 30-х годах 18-го века, вероятно, лишь заводы Строганова пользовались исключительно одним только трудом владельческих крестьян — работы производились на основании крепостного права местными крестьянами, а также мастеровыми, взятыми из числа последних и поселенными на заводе; часть крестьян наряжалась из деревень, расположенных в ста и даже трехстах верстах от завода [4]).

Таким образом, мы видим, что главная рабочая сила, на которую горнозаводское дело могло расчитывать, была до второй половины 18-го века, представлена приписными крестьянами. И это вполне отчетливо сознавалось правительством. Мы знаем, что инструкция Татищеву, обязывая его позаботиться о развитии частной горнозаводской промышленности, в связи с чем необходимо было предоставить в распоряжение будущих частных железных заводов рабочую силу, разрешила приписывать к каждой домне от ста до ста пятидесяти дворов из

---

[1]) Из донесения кн. Вяземского (*Крамаренков*, стр. 200).

[2]) Сообщение *Рычкова*, стр. 71.

[3]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 115, стр. 247—248.

[4]) *Колюпанов*. Колонизация Пермской губернии и распространение горных промыслов („Вестник Европы“, 1871 г., кн. 12).

царских волостей, а к каждому молоту до тридцати дворов. Это было сделано под давлением крайней необходимости, при отчетливом сознании вредных последствий таковой меры для сельского хозяйства. Знаменательно, что согласившись на приписку крестьян к частным заводам, правительство в ту же пору (конец 1735 г.) отказалось дать по нарядам крестьян для постройки казенного завода, когда были открыты на Кушве те знаменитые рудники (превосходившие все частные и казенные вместе взятые), которые Татищев, пораженный их богатством, назвал Гороблагодатскими. Велено было строить завод вольнонаемными рабочими. Это об'ясняется тем, что и крестьяне, приписанные к казенным заводам, не могли вести удовлетворительно свое хозяйство, как видно из того, что за первую половину 1735 года их освободили от уплаты подушной подати. И в течение нескольких лет нельзя было поставить дело на Гороблагодатских рудниках [1]).

Но каковы бы ни были последствия приписки крестьян к заводам, правительство, не доверяя казенным заводам, не могло уклониться от приписки крестьян к частным заводам. И реальное значение упомянутого распоряжения о приписке крестьян к домнам и молотам тотчас сказалось, как можно заключить из того, что уже вскоре по приезде на Урал Татищев добился разрешения давать казенных крестьян также на медные заводы, по пятьдесят дворов на каждую плавильную печь.

Приписные крестьяне, как мы видели выше, получали поденное вознаграждение на общем основании по плакату 1724 г.: в летнее время пять копеек, а с лошадью — десять, в зимнее — четыре, с лошадью — шесть. При этом особо оплачивались дни, проводимые в пути к заводам. По словам Геннина, на приписных крестьян работы налагались с таким расчетом, чтобы на завод уходило 4 месяца, а остальное время крестьяне были дома. Но при поденной плате нельзя было в рубке дров, при добывании руды и в других работах достигнуть нужной интенсивности, а потому возникла мысль о переходе как бы к сдельщине. При участии выборных от всех слобод в 1726 г. были сделаны опыты, какую работу средний человек в день зимою и летом может выполнить, и по этой пробе за всякую работу стали платить по плакату, а за работу сверх нормы уплачивалось особо[2]). Рубка одной сажени дров обходилась в 23 копейки, так как на сажень уходило $4^3/_5$ дня работы. Однако, когда в 1729 г. была введена сдельная плата в 23 копейки с сажени, крестьяне стали жаловаться, что расценка неправильна, что „им становится сажень в 30 копеек". Тогда, чтобы прекратить недовольство, цена была поднята до 25 копеек, и на этом уровне расценка удержалась все время, пока ураль-

---

[1]) *Н. Чупин.* Об открытии и первоначальной разработке магнитной горы Благодати (в „Сборнике статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальной части Пермских губ. Ведомостей", вып. I, Пермь, 1882 г.). — *Герман*, стр. 170.

[2]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 84, стр. 410,

скими заводами управлял Геннин, т.-е. до 1734 г. С прибытием же его преемника, Татищева, вопрос о заработной плате принял неблагоприятное для крестьян направление[1]).

Татищеву, правда, было поручено рассмотреть, в чем заключается работа приписных крестьян и как их труд оплачивается, дабы они не обременялись сверх надобности. Но основная задача, поставленная Татищеву — удешевить производство, заранее устраняла возможность улучшить условия труда крестьян, потому что сделать на них экономию путем понижения платы представлялось очень заманчивым, так как могло казаться, что нет ничего легче, как нажать в эту „сторону наименьшего сопротивления". И, действительно, не производя новой пробы, Татищев уменьшил размер платы до 20 копеек с сажени, сохранив, впрочем, плату за прохожие дни. Два года спустя Татищев увидел себя вынужденным изменить расценку. Он назначил за рубку сажени дров: березовых — по 21 коп., сосновых — 20, еловых — 18; за кладку—по 1 рублю, за дернение и ссыпку—по 1 рублю, за жжение—по 60 коп., за разломку по 80 коп. с кучи; что касается возки материалов, то на расстоянии до тридцати верст (считая проезд в час три версты и два часа на насыпку и свалку) уплачивалось согласно плакату, а при расстоянии более 30 верст уплачивалось поверстно.

Можно ли было ввести повсеместно эту расценку, как обязательную норму, и надеяться, что она окажется пригодной на длительное время? Сам составитель этой таксы не придавал ей столь устойчивого характера. В своем „уставе" он не упустил указать, что, если явится „какая тягость или неуравнение", то для исправления расценки есть два пути— произвести новый опыт, или же принять в основание то вознаграждение, которое получали вольнонаемные рабочие. При этом, учтя всю обстановку жизни и труда приписных, Татищев намеревался провести законодательным порядком требование, чтобы приписным крестьянам делалась хотя бы малая прибавка, так как вольнонаемный рабочий „пришел одною головою, рад токмо бы себя прокормить", а крестьянин кормит целую семью.

Действительно, на практике обнаружилось, что приведенная выше расценка требовала изменений. Об этом заявили крестьяне дворцового села Ильинский Острожок (Кунгурского уезда), приписанного к Бымовскому медноплавильному заводу Акинфия Демидова. В 1741г. их выборный выступил с челобитной, в которой было вообще описано их плачевное положение[2]), и в частности говорилось о заработной плате. Жалоб-

---

[1]) Здесь и в дальнейшем использованы: записка *Крамаренкова*, гл. VI. „О приписке и покупке к заводам крестьян", и дело секретной экспедиции сената № 1291 (протоколы берг-коллегии).

[2]) *И. Соколовский*. К вопросу о состоянии промышленности в России в конце 17-го века и в первой половине 18 в. (Ученые Записки Казанского университета, 1890 г., книга третья). Автор использовал „Сборник указов, донесений и других актов 1737—42 гг., относящихся к железным заводам Ак. Демидова", хранящийся в Румянцевском музее.

щики указывали, что на каждую кучу нужно было нарубить 200 кубических саженей семичетвертных дров. За каждую сажень крестьянам засчитывалось по 24 копейки. А, между тем, крестьяне от себя платили своим наемным рабочим за эту работу по 32 и по 33 коп., не считая расходов на пропитание последних, „а дневные пищи даем мы на каждую сажень и каждого человека на 4 дни, то всякая сажень происходит наймом в рубке с тою денною пищею по 50 коп.“ Таким образом, крестьяне приплачивали своих 26 копеек. Работы по складыванию дров в кучи и ссыпке зачитались в подушные по 2 рубля, а наймом обходились в 3 рубля.

Пермское горное начальство заявило, что за рубку еловых дров надо было бы, по местным условиям, платить дороже, чем за сосновые, в среднем по 25 копеек, так как при тамошних заводах встречается чаще всего еловый лес, расположенный в сырых местах, и рубить это суковатое дерево столь трудно, что крестьяне от себя платят наемным людям от 30 до 60 копеек, а иногда и больше, за сажень; да и кладка, ссыпка и жжение угля тяжеле, чем в сосновом бору. Что касается прохожих дней, то следовало бы высчитывать не поденно, а набавить на сажень по $2^1/_2$ коп.[1]). В виду этого канцелярия главного правления сибирских и казанских заводов (прежний бергамт) предложила в 1748 г. платить за рубку дров попрежнему по 25 коп., и берг-коллегия согласилась (1751 г.), „дабы от крестьян жалоб не было“, и велела распространить этот порядок на все заводы.

Как было выше отмечено, крестьяне должны были получать вознаграждение за путевые дни, и, конечно, этот расход тяжело ложился на стоимость продукции, когда деревни приписных крестьян — что случалось нередко — находились на большом расстоянии от заводов. В инструкции Татищеву было прямо сказано: „Чтоб им (крестьянам) для дальних проездов излишнего за работы не платить и тем на сделанные товары цены не возвышать“, т.-е. чтобы к заводам не приписывались далеко лежащие деревни[2]). И при разрешении брать казенных крестьян к домнам и молотам также было указано — приписывать „деревни ближние“. Дальность расстояния отягчала не только заводы, но и крестьян, так как оплата прохожих дней не покрывала того ущерба, который терпели крестьяне от потери времени в пути из деревни на завод. Это был столь острый вопрос, что Татищев в своем „уставе“ предложил распределить приписные деревни к заводам с таким расчетом, чтобы слобода, в течение одного года работавшая на дальнем заводе, на другой назначалась на более близкий, дабы все слободы находились в равных условиях. Затруднения, вызывавшиеся тем же отсутствием близких слобод, побудили Татищева поставить вопрос: если к новому заводу нельзя приписать слободу за ее отдаленностью, то не следует ли отобрать

---

[1]) Об оплате прохожих дней — см. *Семевский*, т. II (1901 г.), стр. 308—309.

[2]) Вряд ли приведенные слова инструкции можно понять в смысле распоряжения вовсе не платить за путевые дни, независимо от дальности расстояния.

ближнюю слободу от менее прибыльного завода, а этот последний отдать в руки частного лица, который, как предполагалось, мог бы раздобыть рабочую силу [1]).

Что касается времени, когда крестьяне должны были работать на горнозаводских предприятиях, то к 1741 г. местное горное начальство установило следующие сроки: к рубке дров полагалось высылать крестьян из дворов к 25 марта (в 1747 году председатель берг-коллегии Томилов, находившийся тогда на Урале, распорядился, чтобы крестьяне уже к 15 марта были на заводе), закончить же работу следовало к 1 мая, а к кладке дров, жжению угля, к добыванию извести и т. д.—посылать крестьян „по исполнении пашенной работы и посева ярового хлеба" с 25 мая по 1 июня и держать при заводских работах по 10 июля; после этого крестьяне возвращаются домой для сенокоса и уборки хлеба, а затем, в случае, если не вся работа были выполнена, они были обязаны для завершения работы вновь находиться при заводах в период с 15 сентября до ноября, пока земля не замерзнет. Для устройства плотин и заводских помещений срок пребывания крестьян был назначен более короткий, чем для обычных работ.

Однако, время, установленное для заводских работ, не всегда соблюдалось заводчиками—они заставляли крестьян итти на завод и в страдную пору. Татищев знал об этом, и потому в его „уставе" предписывалось заводчикам стараться, чтобы вообще, а в особенности во время земледельческих работ, на заводе работали вольнонаемные, ссыльные и заводские бобыли, а не приписные крестьяне, „ибо из того, как крестьянству, так и заводам есть великая польза". Татищев, как надо полагать, имел в виду, что в страдную пору работа крестьян на заводе должна была быть до крайности непродуктивной, ибо все помыслы крестьян были, конечно, всецело направлены на собственное хозяйство. Упомянутые нами крестьяне, приписаные к Бымовскому заводу, жаловались, что их высылали из домов летом, в разгар рабочей поры, жечь уголь. „Работа та трудная и несносная. А для сжения тех куч выбивают нас в самую летнюю рабочую пору, и у того сжения бываем мы по 12 и по 14 дней". За эту работу засчитывали в день по 3 коп., а крестьяне платили своим заместителям в сутки, кроме питания, по 12 коп., иногда по 10 коп., дешевле „сыскать и нанять негде". Далее жалобщики говорили: „Нас выгоняют в тое рабочую пору возить уголье и каждый день вывозят по три копейки, а добрая лошадь и с человеком по 6 коп., а более вывезти никак невозможно. А на каждый день возят по 4 короба и с каждого короба за работу дают по 1½ коп. А которая немочная лошадь, вполы вывозит" [2]). Возка угля приходилась и к концу лета,

---

[1]) *Герман*, стр. 166.

[2]) Приказчики Демидова, вообще грубо обращавшиеся с крестьянами и неоднократно избивавшие их, проявляли особую беспощадность, когда они «выбивали» крестьян во время рабочей поры на заводские работы, так как крестьяне не хотели бросать пашни, да и опасались покинуть семьи в виду близости башкир, нередко совершавших набеги.

и бывали „грязи великие“. Поэтому крестьяне, в виду деревенских нужд, давали наемщикам в день по 30 коп., но, несмотря на такую высокую плату, наемщиков имелось малое число — все, должно быть, занимались спешной уборкой хлеба. К тому же крестьяне ездили на завод за 50 верст и обратно домой и жили на заводе по дню и по два, а за эти дни им не платили ничего.

Повидимому, случаи, когда, по приходе крестьян на завод, их не тотчас определяли на работу, причем не платили за эти дни, бывали не редки. Вот почему правила о крестьянской работе, установленные канцелярией главного правления сибирских и казанских заводов в октябре 1741 г., требовали, чтобы по прибытии крестьян на завод управление немедленно принимало их и определяло в работу. Однако, распоряжение это не выполнялось, как можно заключить из того, что упомянутый Томилов (1748 г.) приказал „которого часа прибудут, того же времени в работу принимать и отправлять“.

Помимо возки дров, жжения угля и т. п., крестьян принуждали выполнять также посторонние работы, не входившие в круг их обычных обязанностей и отнимавшие у них много лишнего времени. Татищев, близко знакомый с положением приписных крестьян, проектировал в „уставе“ следующее постановление в целях охраны их интересов: приписные крестьяне обязаны зарабатывать подушный оклад по таксе плаката, если же они добровольно проработают сверх положенного, то заводчик должен платить им поденные деньги, а за урочные работы в таком размере, как вольнонаемным, или по правильному расчету по примеру казенных заводов; неволею же наряжать крестьян в работу сверх подушного оклада нельзя. Но „устав“ не вошел в силу, и крестьян нередко принуждали к сверхурочным работам. Так, крестьяне, приписанные к Бымовскому заводу, жаловались, что их заставляли выполнять самые разнообразные работы — наиболее тяжелой была поставка провианта на завод, особенно в неудобное время. Это делалось на „законном“ основании, т. е. согласно с указом 8 августа 1740 г. [1]), который явился ответом на протесты крестьян. Требуя, чтобы крестьяне отрабатывали только подушные, четырехгривенные и раскольничьи деньги, и чтобы остальные работы заводчики старались производить наймом и подрядом, указ вместе с тем разрешил, если наем и подряд окажутся слишком дороги или подрядчиков не будет, брать приписных, платя им по плакату. Само собою разумеется, что такая оговорка давала заводчикам возможность по своему произволу принуждать крестьян к побочной заводской работе. Отсюда возникали случаи, когда крестьяне отказывались выполнять сверхурочные работы, и потому в 1747 г. было повелено: если какие-либо заводские работы (напр., исправление плотин) не могут быть выполнены заводскими силами, то разрешается наряжать крестьян по очереди с обычной поденной платой.

---

[1]) Первое собрание законов, № 8196.

В инструкции Татищеву было отмечено, что приписывать к домнам и молотам деревни надо „с принадлежащими к ним землями“. Таким образом, приписные крестьяне обеспечивались землей. Но фабриканты стремились снабжать свои предприятия купленными помещичьими крестьянами, лишенными земли, дабы последние всецело работали на предприятии. А потому, пользуясь правом покупки помещичьих крестьян, фабриканты приобретали их без земли и не целыми деревнями. В 1736 г. такой порядок был признан желательным, и фабрикантам было дозволено и впредь покупать крестьян только без земли и не целыми деревнями[1]). Этим путем, как видно, преследовалась та цель, чтобы крестьянская масса, оставшаяся при земледелии, не отвлекалась фабричной работой, а с другой стороны, чтобы крестьяне, взятые на фабрику, не имели нужды покидать ее ради сельского хозяйства.

Применительно к этому порядку в отношении горных заводов было введено в 1739 г., следующее правило: если кто заведет выгодные для государства „рудокопные заводы“, а вольных работников не найдет, тому дать несколько дворов, и с этих дворов крестьян заводчик перевозит к себе и поселяет их при заводах. Эти люди превращались в заводских рабочих, переставали быть земледельцами, а потому было велено: если они „подлинно в дело произведутся“, то освобождаются от денежных поборов и от военной службы[2]). Впрочем, позже было указано, что обезземеленные крестьяне будут убегать с фабрики на свои старые жилища, и что фабрикантам не на что будет содержать рабочих, лишенных земли, и поэтому в 1744 г.[3]) состоялось позволение покупать крестьян с землею.

Дешевизна работы казенных крестьян и легкая возможность эксплоатировать их побуждали заводчиков пользоваться их трудом в большей мере, чем полагалось. Между тем, было ясно, что обязательная горнозаводская работа действовала разрушительно на крестьянское хозяйство. И вот почему комиссия, образованная в 1738 г. для рассмотрения вопросов горного дела, сочла нужным оставить при заводах лишь потребное число приписных крестьян, „без излишества“, а впредь — заводчики должны стараться поселить при заводах покупных крестьян. А вице-канцлер Остерман советовал совершенно отказаться от приписных крестьян, так как, с одной стороны, их труд непроизводителен, а с другой — из-за заводских работ разрушается сельское хозяйство[4]). И вот почему было велено проверить, соответствует ли число казенных крестьян, находящихся при заводах, производительности предприятия, и всех излишних крестьян отослать, и вообще следить за тем, чтобы заводчики

---

[1]) Первое собрание законов, № 6858 (7 января 1736 г.).

[2]) Указ 15 февраля 1739 г. (Первое собрание законов, № 7756), а также берг-регламент 3 марта 1739 г., § 12 (Первое собрание законов, № 7766).

[3]) Первое собрание законов, № 9004.

[4]) Приложение под литерою *К* к записке *Крамаренкова. — Семевский, т. II,* стр. 400 — 401.

не ставили домен, молотов и медных плавильных печей „для одного токмо виду, чтоб им больше дворов и крестьян получить“ [1]). А одновременно было повторено, что приписные крестьяне должны отрабатывать только подушные и четырехгривенные и раскольничьи деньги — не больше, считая заработную плату, припасы и проходные дни так, как установлено на казенных заводах.

Правительство, повторяем, сознавало всю пагубность обращения государственных крестьян на заводские работы. Еще Татищев в своем „уставе“ писал, что приписных крестьян можно давать только тем заводчикам, которые не имеют собственных деревень и которые лишены возможности купить и перевезти крестьян на завод. Но понимая, что без приписных крестьян заводчики не могут обойтись, правительство попрежнему, с одной стороны, выражало лирические пожелания „сколь возможно стараться при тех заводах селить деревни покупными людьми и крестьянами“, а, с другой стороны, шло навстречу заводчикам в снабжении их предприятий государственными крестьянами. Когда в 1744 г. казенный медный Табынский завод был передан купцу Твердышеву, первоначальная норма — пятьдесят дворов на печь — была заменена пропорцией — пятьдесят дворов на каждую тысячу пудов чистой меди [2]), А, ведь, и пятьдесят дворов на печь представляли собой, вероятно, чрезмерную рабочую силу, раз Татищев, сам сперва предложивший это число дворов, потом в своем „уставе“ понизил его до сорока.

От поры до времени правительству приходилось обращать сугубое внимание на тяжелое положение приписных крестьян. К этому его побуждали первоначально жалобы, а позже — и возмущения крестьян. Уже знакомые нам крестьяне с Бымовского завода, описав претерпеваемые ими невзгоды из-за работы на заводе, писали: „Мы в его (Демидова) и приказчиках его несносных обидах и налогах, и безвременных работах уже и домов своих лишились и удобное летнее рабочее время в домах нам работать на себя не дают, отчего уже не малая часть произошла пустотою и многие в убожество и в крайнее разорение пришли и подушного окладу платить нам нечем“. Далее крестьяне об'ясняли, чем Демидов руководился в таких действиях: „знатно хотя нас в конец разорить, оттого весьма еще и впредь опасны“; со своими же собственными вотчинными крестьянами, переселенными на завод, Демидов иначе обращался, — переселенные из вотчины крестьяне „тое заводскую работу мало работают, но паче имеют одно купечество“, т. е. занимаются торговлей. И приписные крестьяне, прося вернуть их в прежнее состояние, в дворцовое ведомство (ведь, Демидов имел достаточное число купленных крестьян), обязывались уплачивать больший подушный оклад, чем полагалось, лишь бы уйти с завода.

Беспощадная эксплоатация приписных крестьян вызывалась желанием заводчика всецело использовать их силу для завода, и в этом

---

[1]) Первое собрание законов, № 8196 (8 августа 1740 г.).

[2]) Первое собрание законов, № 8921 (16 апреля 1744 г. § 4 кондиций).

отношении разрушение их сельского хозяйства соответствовало интересам заводчика. Правительство это понимало, и вот почему, если каждая отдельная жалоба не приводила к непосредственному и немедленному улучшению участи тех крестьян, которые ее подали, то все же в своей совокупности эти жалобы побуждали правительство останавливаться над вопросом об облегчении участи горнозаводских крестьянах вообще. В 1751 г. состоялось распоряжение — проверить, не находится ли на заводах более значительное число крестьян, чем полагается в соответствии с числом домен, молотов и печей. И ревизия обнаружила на целом ряде заводов поразительные злоупотребления крестьянским трудом. Так, у Акинфия Демидова имелось 13606 душ (из них 3630 приписных и 6728 „вечно-отданных“), а должно было быть всего 4800 — таким образом, излишних оказалось 8806 душ. У Никиты Демидова был 571 крестьянин сверх нормы. В связи с этим пришли к следующему заключению: прежде всего, „в положенную препорцию“ включаются купленные крестьяне, а также собственные, принадлежащие заводчикам по крепостному праву; далее идут непомнящие родства и незаконнорожденные, которые отдавались казною в распоряжение промышленников, и лишь в том случае, если людей упомянутых категорий не хватит, можно приписать потребное число государственных крестьян, да и то на точно определенное время, пока заводчики взамен не купят помещичьих крестьян; всех излишних крестьян перевести на казенные заводы, страдавшие от недостатка рук. Сенат с этим согласился и подтвердил, что покупать помещичьх крестьян можно лишь в установленном размере: до 100 дворов к домне, до 30 к молоту и до 50 дворов на 1000 пудов меди. Но так как не всегда можно найти помещичью деревню, как раз с таким числом крестьян, какое заводчик имеет право купить, то не возбраняется приобрести и большее число крестьян с тем, впрочем, чтобы число этих дополнительных крестьян не превысило пяти процетов [1]).

Однако, что же собою представлял с точки зрения рабочей силы тот „двор“, который лежал в основе расчетов при приписке и покупке крестьян к горным предприятиям? Ценность двора зависела, конечно, от того, сколько в нем имеется людей рабочего возраста. Естественно, что заводчики должны были стремиться прикрепить к своим предприятиям те дворы, в которых имелось наибольшее число взрослых рабочих — старики и подростки обесценивали двор в отношении рабочей силы. Таким образом, многолюдные дворы или те, в которых было достаточное количество взрослых рабочих, разбирались бы заводчиками, а в распоряжении казны оставались бы малолюдные или, так сказать, малосильные дворы. В целях предотвращения этого инструкция, данная Татищеву, предписывала прикреплять к заводам ближайшие деревни „сподвал, а не выбором“. Но это не помогло, и фактически к заводчикам переходили дворы, наиболее богатые рабочей силой.

---

[1]) Первое собрание законов, № 9954 (12 марта 1752 г.), № 10131 (12 августа 1753 г.). — *Крамаренков*, стр. 122 — 125.

Когда в 1744 году, как мы выше упомянули, купцу Твердышеву был передан Табынский завод, то к заводу приписали дворы из расчета, что в каждом имеется по „четыре человека работников“ [1]). Но это было исключение. Вообще рабочий состав двора не был определен. Вызывавшийся этим хищнический захват заводчиками дворов с наибольшим рабочим составом не изменился и тогда, когда сенат, как мы выше отметили, постановив, чтобы при заводах оставалось лишь узаконенное число приписных, определил, что двор состоит из четырех душ. В таком составе мыслил себе двор и Татищев в своем „уставе“. Но четыре души не представляли собою неизменной рабочей величины — все зависело от того, в каком возрасте были эти „души“, и заводчики попрежнему выбирали дворы с наиболее молодыми и сильными рабочими. Наконец (1754 г.), было постановлено, что под двором понимается четыре работника, а работником считается мужчина в возрасте от 15 до 60 лет [2]).

Это правило должно было положить предел ничем не сдерживаемому хищению лучших крестьянских рабочих сил. Но оставалось еще одно зло. Заводчики брали на работу всех приписных крестьян сразу, и таким образом сельское хозяйство оставалось без работоспособных крестьян. И вот тогда же сенат постановил, что из числа крестьян, приписных к заводу, можно попеременно наряжать только одну треть, с тем, чтобы прочие две трети оставались дома для сельских работ [3]).

Такие распоряжения должны были умалить рабочую силу приписных крестьян на заводах, а вместе с тем побудить заводчиков добиваться приписки к предприятиям только работоспособных крестьян. Так, по крайней мере, можно заключить из того, что, когда в 1755—56 годах графу Шувалову были даны на общем основании казенные крестьяне, то было оговорено, что приписку нужно произвести лишь целыми деревнями и дворами, не разбивая семей их в розницу, но всех находящихся в тех деревнях и семействах, как престарелых, так и малолетних и негодных в работу при них же оставить“. Дети и старики не входили в число четырех работников, составлявших „двор“, но дети, достигнув 15-ти лет, должны были заступать выбывших. На таких же условиях и Демидов получил крестьян [4]).

Благодаря указанным постановлениям, неограниченная приписка казенных крестьян к заводам стала затруднительной, а потому Шувалов изыскал новый путь для снабжения своих предприятий возможно большим числом приписных рук. Хотя по инструкции, данной Татищеву, к домне можно было приписывать от 100 до 150 дворов, в обыкновение вошла приписка не более 100 дворов. Это же число указал и Татищев в своем

---

[1]) Первое собрание законов, № 8921 (§ 4 кондиций)

[2]) *Крамаренков*, стр. 126 и след. (определение сената 7 и 10 марта, и 2 мая. 1754 г.).

[3]) Полное собрание законов, № 10192 (11 марта 1754 г.).

[4]) *Крамаренков*, стр. 127 и след. (определение сената 31 октября 1755 г. и 11 июня 1756 г.).

„уставе“, как максимальную приписку, да и то при четырех „душах“, а не четырех работниках во дворе. Именно из расчета 100 дворов было определено, что двор образуют четыре человека в рабочем возрасте, т.-е. считалось, что для домны достаточно 400 крестьян. Но Шувалов выразил желание (1757 г.) получить на домну по 150 дворов, т.-е. по 600 крестьян.

Ходатайство это было возбуждено, казалось бы, в малоблагоприятный момент, в виду возникших волнений среди приписных крестьян. В 1752 г. произошли беспорядки среди крестьян, приписанных к калужским заводам Демидова. А затем движение распространилось, чему значительно способствовала передача казною ряда своих заводов частным лицам, что повлекло за собою ухудшение положения крестьян. Для постройки Вознесенского завода графа Сиверса в Оренбургской губернии была приписана тысяча крестьян из черносошных и ясашных волостей Казанской губернии. Но когда в эти волости явился (1755 г.) управитель завода, чтобы забрать нужное число крестьян, села Хмелевка и Большой Толкиш отказались итти на завод, требуя, чтобы был представлен подлинный указ за подписью царицы. При содействии воинской силы ослушников заставили пойти на завод, но многие из них, даже не приступая к работе, а иные, начав работать, убегали. Так продолжалось несколько лет [1]). Крестьяне, приписанные в 1754 г. к Авзяно-Петровскому заводу, отстоявшему от них на 600 верст, отказались выйти на работу. Дело кончилось тем, что более 30 крестьян были подвергнуты жестокому телесному наказанию и навсегда переведены на завод, где им предстояло впредь до „порядочного житья их“ исполнять наиболее тяжелые работы вне очереди, а кроме того, каждый сороковой был бит плетью [2]).

Эти события обратили на себя внимание в столице. Сенат поручил (1756 г.) берг-коллегии рассмотреть вопрос, как поступить с крестьянами, приписанными к частным горным заводам, чтобы их работа была надлежаще использована без чрезмерного обременения, а вместе с тем, чтобы и плата их удовлетворяла, и нельзя ли обойтись без посылки крестьян на дальние заводы? Одновременно берг-коллегия должна была изыскать какой-ибудь другой способ, дабы от крестьян „не токмо жалоб, но и никаких противностей не происходило“. Тем не менее домогательства промышленников о расширении принудительного труда на горных заводах обычно не встречали противодействия. Сперва была удовлетворена указанная выше просьба Шувалова о приписке 600 крестьян на домну, вместо 400, и это мотивировалось тем, что, благодаря стараниям Шувалова, выковка железа на отданных ему казенных Гороблагодатских заводах увеличилась вдвое. А затем (1758 г.) право иметь к домне 150 дворов, вместо прежних 100, и по 50 дворов на 1000 пудов меди было распространено и на крестьян, покупаемых заводчиком у поме-

---

1) *Крамаренков*, стр. 166—7.

2) *Семевский*, т. II, стр 323.

щиков, при чем помещичьих крестьян заводчики могли покупать к своим предприятиям как порознь, так и селами и деревнями, — в последнем случае — вместе с престарелыми и малолетними [1]).

Но новые тревожные вести с Урала заставили правительство остановиться в замешательстве пред вопросом о приписных крестьянах.

В 1760 г. заволновались крестьяне Юрмыцкой и Куяровской слобод, приписанных к заводам Демидова. Они заявили, что не возобновят работы, пока Демидов не произведет с ними расчета за прежнее время. Крестьяне жаловались, что приказчики налагали на них больше работ, чем требовалось для оплаты подушных и других сборов, и за эту дополнительную работу ничего не платили; высылали их на завод в неуказанное время, „чинили на них тяжкие и несносные налоги, причиняли нестерпимые побои и над некоторыми произвели и смертное убийство“.

Быть может, под влиянием этой жалобы сенат вновь вернулся к старой мысли об отмене труда приписных крестьян [2]). Не осмелясь разрубить этот узел решительным ударом, он принял следующую полумеру: он об‘явил, что населенные деревни приписываются к заводам на время, а не вечно [3]), а вместе с тем впервые приписал деревни к заводу на определенный срок, как (в 1752 году) проектировала берг-коллегия: в 1760 году к Петропавловскому и Турьинскому заводам Походяшина, в Верхотурском уезде, 4200 крестьян Чердынского уезда были приписаны на д е с я т ь л е т с тем, чтобы в течение этого времени заводчик купил и поселил на заводе помещичьих крестьян. И характерно для тогдашнего настроения в правительственных кругах то, что когда чердынские крестьяне отказались выйти на заводские работы, несмотря на присланную военную команду, а те, которые вышли, вскоре бежали с завода, сенат удовлетворил просьбу крестьян об освобождении их от работ на упомянутых заводах. Сенат мог сослаться в данном случае на то, что чердынские крестьяне жили далеко от завода: им пришлось бы пробираться через дикие и болотистые пустыни и для них было разорительно пропитание в пути и на заводе [4]). Но при всем том образ действий сената был исключительным — ему стало очевидным, что паллиативные меры бессильны пред все расширявшимся движением среди приписных крестьян. Берг-коллегия также это поняла.

---

[1]) *Крамаренков*, стр. 129—131.

[2]) Указом 12 октября 1760 года (Первое собрание законов, № 11120) государственные крестьяне, сверх старого семигривенного подушного сбора, были положены в рублевый оклад, т. е. к прежним сорока копейкам в год прибавилось еще шестьдесят коп. и, таким образом, приписным крестьянам пришлось усилить свою заводскую работу, чтобы покрыть увеличенный оклад.

[3]) Первое собрание законов, № 11087 (27 июля 1760).

[4]) См. *М. Блинов*. Историко-статистич. очерк Богословских заводов (Журнал Министерства Вн. Дел. 1855 г., XIII часть).—*Н. Чупин*. О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале (Горный журнал, 1873 г., том 2).—*Его же*. О Богословских заводах и о заводчике Походяшине (в „Сборнике статей, касающихся Пермской губернии и т. д.“ вып. I).

Мы сказали выше, что в связи с первым открытым недовольством крестьян, приписанных к заводу Сиверса, берг-коллегии было (в 1756 г.) поручено исследовать вообще вопрос о приписных крестьянах. Хотя после этого произошли новые волнения, берг-коллегия не торопилась. Но те замечания и предложения, которые она, наконец, представила в 1761 г., даже не будучи непосредственно осуществлены в законодательном акте, заслуживают внимания, так как они четко показывают, насколько интересы земледельца-крестьянина, приписанного к заводу, пришли в тогдашних условиях в решительный конфликт с интересами горной промышленности, и как крестьяне, вообще, эксплоатировались заводчиками.

Характерно, что берг-коллегия в первую очередь указала на то, что нельзя крестьян держать на работе, не платя им денег согласно плакату 1724 г. Таким образом, даже элементарнейшее требование закона не исполнялось, и это вызывало, конечно, со стороны крестьян жалобы и протесты. Далее, чтобы оградить крестьянскую жизнь от вторжения заводской администрации, берг-коллегия предложила следующее: ежегодно составляются ведомости — сколько крестьян приписывается к данному заводу, а также — какою именно работой они покрывают подушный оклад, и сами крестьяне, чрез посредство своих выборных, раскладывают между собой работы. Подтвердив затем, что крестьян нельзя посылать на заводы в земледельческую пору, берг-коллегия установила, что крестьяне отрабатывают на заводах только подушный оклад (вносимый в казну заводчиком), а денег никаких не должны получать от заводчиков, дабы избегнуть недодачи крестьянам; если крестьяне не выполнили положенной работы, заводчики взыскивают с них не деньгами, а лишь новой работой; для улаживания конфликтов между крестьянами и заводскими приказчиками при заводах должны быть особые — один или двое — крестьяне, которые ведут учет работе крестьян и т. д.; расценка работы должна быть пересмотрена, так как некоторые работы получили новый характер (в частности, возка дров стала более затруднительной в виду того, что леса „поотдалели“, — расстояние между ними и заводами увеличилось); для постоянных заводских работ, напр., вывозки „сока“ от домны и других подобных работ заводчики должны иметь собственных лошадей и собственных работников, а не пользоваться услугами приписных крестьян с их лошадьми.

Сколь ни были существенны сами по себе приведенные постановления, берг-коллегия сознавала, что они не могут фактически улучшить положение горнозаводских крестьян, так как в повседневном быту реальная сила была на стороне заводчиков. И потому, признав необходимым с корнем вырвать личную зависимость приписных от заводоуправления, она заявила, что вообще заводчикам следует иметь своих крестьян, приписных же крестьян надо оставить при заводах временно, в течение всего пяти лет, а потом освободить их от принудительных заводских работ, предоставив им итти на заводские работы по свободному уговору, хотя бы по цене более дешевой, чем по плакату [1]).

[1]) Секретная экспедиция сената, № 1291. — *Крамаренков*, стр. 144—153.

Все эти предложения, повторяем, остались только на бумаге. Непрекращавшиеся волнения на заводах, сосредоточивая внимание на вопросе о приписных крестьянах, вместе с тем заставляли правительство быть особенно сдержанным в удовлетворении их желаний, чтобы не подорвать авторитета заводчиков.

Среди приписных крестьян распространялись ложные слухи, которые поддерживали в них убеждение, что их требования всецело соответствуют существующим узаконениям. Ходоки, прибывавшие в столицу для защиты интересов своих деревень, плохо разбирались в тех сведениях, которые им сообщали за мзду чиновники. Возможно, что эти чиновники, чтобы увеличить размер вознаграждения, неверно передавали им о намерениях правительства. Указ 12 октября 1760 года об увеличении подушных на 60 коп., в котором говорилось, чтобы сверх этого с крестьян никаких доходов, подвод и работ не требовалось, был истолкован в том смысле, что и заводские работы не могут быть налагаемы. Был также слух, что казенные заводы закроют на пять лет, а при частных заводах никаких приписных более не будет. Указу 1762 года, запретившему покупать деревни к заводам [1]), был придан тот смысл, будто он освобождает приписных крестьян от заводских работ. Вообще носились слухи, что изданы особые указы об отмене заводской работы, и они поддерживались вне крестьянской среды. Начальники заставляли крестьян бросать работы под угрозою кнута, в надежде, что „получив крестьян, по прежнему, в свое управление“, будут пользоваться доходами от них. И купцы отвращали крестьян от заводских работ, чтобы дешевле нанимать их для своих надобностей.

В 1761—62 гг. в сенат посыпались жалобы от крестьян из Казанской, Оренбургской и Сибирской губерний, тождественные с теми, которые представили знакомые нам крестьяне Юрмыцкой и Куяровской слобод. В 1761 г. были усмирены крестьяне, приписанные к Шуваловским железным заводам в Казанском уезде. Возмутились крестьяне также на Оренбургских заводах Демидова и Сиверса. Сенат велел расследовать причины волнений и составить доклад по вопросу о приписке крестьян, чтобы можно было раз навсегда сделать „основательное определение“ о всех заводах и приписанных к ним крестьянах. На заводы были посланы особые лица со специальной целью расследовать причины волнений. Вместе с тем сенат доложил государыне, что вопрос о приписных крестьянах на горнозаводских предприятиях должен быть немедленно разрешен, и что поэтому надо вызвать охотников взять единолично или компаниями казенные заводы без всякой приписки государственных крестьян, только с находящимися при заводах мастеровыми людьми; да и мастеровых следует оставить лишь на десять лет, а потом заменить их добровольно нанятыми. Но этот проект сената не был принят. Волнения, сопровождавшиеся кровопролитиями, продолжались [2]).

---

[1]) См. ниже.

[2]) *Соловьев*, книга V, стр. 1178 и 1237. — Подробности волнений см. *Семевский*, т. II, стр. 322—399.

Отметим попутно, что в то время, как заводские крестьяне волновались, жалуясь на невыносимую тягость работ, помещичьи крестьяне, убегая от разного рода тягостей, искали убежища на заводах. Серпейская воеводская канцелярия доносила, что на заводах Демидова явно принимают и содержат в работе беглых, и притом дают им и подложные паспорта [1]).

В то время волновались также и монастырские, и помещичьи крестьяне. По словам Екатерины II, в явном возмущении находилось 49 тысяч заводских крестьян, а монастырских и помещичьих — до 150 тысяч. При таких условиях малейшая перемена в давнем порядке служила поводом к новым волнениям. И, может быть, именно поэтому последовало запрещение (1762 г.) покупать крестьян к заводам с землею и без земли впредь до того, как будет составлено „новое уложение" [2]).

Благодаря запрещению покупать крестьян, в безвыходном положении оказался упоминавшийся заводчик Походяшин, приписных крестьян которого сенат освободил от заводских работ в надежде, что он купит для заводов помещичьих крестьян. А потому, чтобы предотвратить приостановку его заводов, освобожденные от заводских работ крестьяне вновь были приписаны к заводам Походяшина.

В июне 1762 года в столице узнали, что при усмирении крестьян, приписанных к Гороблагодатским заводам, отданным за несколько лет до того казною графу Шувалову, было при селе Костеневе убито 16 человек, ранено 5, а при деревне Нижней Тайме убито 12, ранено 4. Вслед за тем Екатерина II подписала следующий указ: „Понеже благосостояние государства, согласно божеским законам и всенародным узаконениям, требует, чтобы все и каждый при своих благонажитых имениях и правостях сохраняем был, так как и напротив того, чтобы никто не выступал из пределов своего звания и должности, то намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранить и крестьян в должном им повиновении содержать".

Но пришли новые известия о крестьянских волнениях в Казанской и Оренбургской губерниях. Дьячек Кузьмин, будучи под караулом в

---

[1]) *Соловьев*, книга VI, стр. 1023.

[2]) Первое собрание законов, № 11490 (29 марта 1762 г.), № 11638 (8 августа 1762).—В межевой инструкции 1766 г. (Первое собрание законов 12659) 2—3 глава, § 6, сказано:

По предложенным привиллегиям и крепостям примечать: — 1-е. Кому дозволено иметь завод или фабрику на наемной земле и производить мастерство наемными людьми, а особого дозволения в покупке людей и земли не дано, нет ли за такими заводчиками и фабрикантами купленных без дозволения собою целых селений и земель? 2-ое. Кому и дозволено покупать, то ль число куплено, или и не превосходит ли постановленную к заводам препорцию и всель они в том звании, к чему куплены, употребляются, или сколько из них состоят на помещичьих заводчикам податях? 3-е. Не окажется ль таких, которым привиллегии даны до запретительных указов, а купили они после состояния того, в противность оных? и 4-е. Словом, о всем, что найдется присовокупленное ими без дозволения и в противность законов, представлять о том сената нашего в Межевую Экспедицию.

казанской духовной консистории вместе с заводским крестьянином графа Шувалова, написал подложный манифест о восшествии Екатерины на престол, и заводские крестьяне Шувалова, ссылаясь на этот документ, призывали крестьян бросить работу на заводах и подвергали гонениям упорствующих. Уральское горное начальство донесло, что крестьяне, приписанные к казенным и частным заводам, „единогласно состоят в упорстве и со многих заводов от работ ушли насильно". По мнению уральского начальства, положить предел этому могла только военная команда, и берг-коллегия согласилась с таким мнением.

В начале декабря 1762 г. для усмирения заводских крестьян был послан генерал-квартирмейстер, кн. Александр Вяземский. Ему дали двести экземпляров манифеста, секретно напечатанного, обращенного к крестьянам. Манифест носил характер увещевания, в нем даже говорилось, что, быть может, крестьяне будут отписаны от заводов. Этот манифест Вяземский мог оглашать только в местах возмущения, „а для прочих в секрете содержать", как видно, из того соображения, что даже намек на возможную отписку от заводов мог вызвать волнения там, где крестьяне еще были спокойны. Вяземский был также снабжен подробными сведениями о заводах, о количестве приписных крестьян и т. д., выписками из важнейших жалоб заводчиков на крестьян и последних на заводчиков, а также материалами тех лиц, которые раньше были посланы для расследования.

Согласно данной ему инструкции, Вяземский должен был прежде всего привести крестьян в „рабское послушание", потом разыскать подстрекателей (однако, в этом отношении ему предписывалось быть осторожным, так как заводчики бунтовщиками „по одним только, может быть привязкам называют"). И только после того исследовать, каким притеснениям подвергались крестьяне со стороны заводоуправления. Если не будет под руками приказчиков, на которых крестьяне жалуются, то, для скорейшего прекращения дела, крестьян заставить работать, а с приказчиков, находящихся налицо, взять подписку, что они не будут ничего лишнего требовать с крестьян и будут воздерживаться „от мучительства, какое оказалось в Петровском Демидова Евдокима заводе". Если же крестьяне не придут в повиновение, то смирить их оружием, однако, прибегая к этой мере лишь в крайности. При исследовании жалоб крестьян придерживаться следующего порядка: взять от крестьян поверенных по их выбору или самому Вяземскому назначить к ним депутата, и, отобрав от поверенных или от депутата жалобы, расследовать их беспристрастно, выслушав обе стороны, „ибо как крестьянская продерзость всегда в своем месте вредительна, так и человеколюбие наше терпеть не может, чтоб свыше мер человеческих порабощали крестьян, а паче с мучительством чинимо было". Если действительно окажется, что приказчики виноваты, то наказать их, но при этом принять предосторожность, чтобы крестьяне не возмечтали, что их начальники должны их бояться и тогда, когда им не понравится и узаконенная работа. Если кто из приказчиков будет уличен в крайнем бесчеловечии, такого можно наказать и публично, а если кто только утеснял лишней работой, того

наказать секретно, чтобы не подать крестьянству повода выходить из надлежащей покорности. Вяземскому было поручено также ознакомиться вообще с состоянием горного дела, но все же главная задача заключалась в усмирении крестьян, особенно на больших заводах и на которых „больше прослышите крестьянских продерзостей“ — туда надо было лично явиться, не полагаясь ни на кого [1]).

Суровыми карами и действиями военных отрядов Вяземский к концу 1763 года почти повсеместно усмирил крестьян. Чтобы охарактеризовать действия Вяземского, достаточно сказать, что на Нижне-Тагильском заводе место между заводской конторой и господским домом, где производилось наказание рабочих, получило название казенного двора. Столь резко запечатлелись в памяти горнозаводского населения казни, совершенные Вяземским!

Сменившему Вяземского генералу Бибикову [2]) не трудно было внешне ликвидировать крестьянские бунты. В октябре 1764 года Бибиков вернулся в столицу. Считалось, что пожар потушен.

Вяземскому было поручено, как мы знаем, не только привести крестьян в покорность, но и ознакомиться с их положением, чтобы ответить на вопрос: не лучше ли горнозаводские работы производить вольнонаемными работниками, чтобы этим, если можно, „отвратить на будущее время все причины к беспокойствам и работу сделать прочнее и полезнее“. Поэтому, усмиряя крестьян, Вяземский вместе с тем подробно знакомился с их жалобами, и в представленной им Екатерине II записке были подробно перечислены те обстоятельства, которые послужили причиною волнений.

Глубокую ненависть к горнозаводским работам породил прежде всего резкий переход от сравнительно легкой жизни, (которую вели местные крестьяне, уплачивая небольшой ясак и пользуясь хорошей землей), к тяжелой и непривычной заводской работе, за которую полагалась малая плата, да и то не выдававшаяся полностью, благодаря недобросовестности заводоуправлений. Крестьяне же, состоявшие при заводах, перешедших от казны к частным лицам, особенно остро чувствовали перемену в длительности заводских работ. При казенном управлении они отрабатывали на заводе только подушную подать в размере 1 р. 12 коп. на душу, частные же заводчики заставляли их работать сверх оплаты подушной подати, которая к тому же была позже увеличена на 60 коп. И эта длительная работа вызывалась часто тем, что заводчики увеличивали число молотов и печей, не увеличивая количества приписных крестьян — ведь, сверхурочный труд обходился заводчикам еще дешевле, чем если бы были приписаны новые крестьяне.

---

[1]) Инструкция Вяземскому и манифест напечатаны в Сборнике Русского Исторического Общества, т. 7, стр. 188—196.

[2]) Указ Бибикову от 15 декабря 1763 г. —Сборник Русского Исторического Общества, т. 7, стр. 329.

Первоначально крестьяне отрабатывали подать в течение 122 дней, включая праздники и воскресные дни. Потом же, когда подать была увеличена, потребовалось 158 дней, к которым еще присоединялось не менее 56 дней, проводимых в пути к заводу и обратно. От этого удлинения времени „убавилось у них в домашнем их управлении". Новый ущерб ничем не покрывался, так как плата за работу оставалась прежняя. Заводские начальники налагали на крестьян непосильные работы, притесняя взятками и подвергая побоям. За приход к заводу и домнам крестьянам ничего не платилось, а между тем к заводам приписывались (минуя более близкие, если они были мало выгодны) отдаленные деревни, порою за 700 верст! Хотя рабочий возраст был определен от 15 до 60 лет, на некоторых заводах в работу брали малолетних, и старше 60 лет [1]), исключая только совершенно негодных, причем подать за последних должны были отрабатывать здоровые, которым, благодаря этому, приходилось в некоторых местах работать за троих. Крестьян забирали в самое горячее время и притом всех сразу, а многих удерживали при заводских работах на долгий срок, так что последние переставали иметь пропитание от своих хозяйств. При возке материалов рассчитывали за меньшее расстояние, чем было в действительности. Крестьян принуждали производить такие работы, которые не входили в круг их обязанностей, а иногда даже на тех заводах, к которым они не были приписаны. Наконец, не ведя записей, не выдавая расписок, заводоуправление обманывало крестьян при расчетах, не говоря уже о разнообразных поборах и взятках, которые допускались приказчиками. Отметим еще следующие обстоятельства, выяснившиеся из жалоб. Чрезмерное обременение приписных крестьян работами вызывалось тем, что заводчики уклонялись от пополнения своих предприятий вольнонаемными рабочими, так как последние обходились дороже приписных крестьян. И этим же соображением об'ясняется то, что на некоторых заводах часть приписных крестьян отдавалась для обучения мастерству, благодаря чему они отрывались от земли, отвыкали от нее, живя постоянно на заводе. Заводчики, пользуясь этим, назначали им незначительную плату. Случалось, что заводчики самовластно, без дозволения надлежащего начальства, переселяя крестьян на предприятия, не снабжали их землей, так что крестьянам приходилось для своего прокормления нанимать землю у башкир.

Расправа с возмутившимися крестьянами, учиненная Вяземским, рассеяла призрачные надежды на освобождение от горнозаводской работы. О каких же переменах в горнозаводском быту стали мечтать крестьяне, когда не осталось никаких сомнений, что работа на заводах будет продолжаться? Они высказали Вяземскому два главных пожелания: 1) чтобы разрешили выполнять заводские работы в три смены с тем, чтобы каждая работала в течение четырех месяцев, и 2) чтобы заработанные деньги

---

[1]) *Семевский* (т. II, стр. 386) отмечает, что высылка детей и стариков для добывания руды происходила только на медном Алапаевском заводе, причем детям платили в день 2 и 3 коп., а старикам по 4 коп.

выдавались им на руки, и они сами будут вносить подушную подать — этим был бы положен конец принудительным сверхурочным работам, в связи с чем сельское хозяйство было бы ограждено от чрезмерного ущерба, а вместе с тем прекратились бы возникающие злоупотребления, которые допускались заводоуправлением при расчетах с крестьянами в связи с отработкой подушной подати.

Просьбы крестьян были приняты во внимание. И не удивительно. Жизнь горнозаводских крестьян, благодаря расследованию Вяземского, раскрылась перед правительством в таких мрачных глубинах, что еще до ликвидации всех волнений, еще тогда, когда положение крестьян было подробно обследовано только на Камских заводах графа Шувалова (Ижевском и Воткинском, в Сарапульском уезде), появился указ 9 апреля 1763 года, который ясно говорил о том, что правительство было поражено беззакониями, творившимися на заводах. В указе были перечислены закононарушения, допущенные на Шуваловских заводах, которые и побудили крестьян выйти из послушания, и в связи с этим было велено оповестить заводчиков, что они не могут взыскивать с крестьян всех убытков, понесенных заводами благодаря возмущениям, — взаимная польза требовала, чтобы крестьяне не были разорены, а потому надо миролюбиво закончить расчеты. Правительство в те дни, как видно, вообще избегало каких-либо резких мер против крестьян. Характерно в этом отношении то, что хотя вследствие крестьянских волнений на Вознесенском заводе оказался недостаток в угле, что повлекло за собою приостановку действия завода, все же против крестьян не были приняты какие-либо решительные меры, а заводу было приказано, впредь до того, как крестьяне встанут на работу, заготовлять уголь вольнонаемными людьми и заводскими обывателями.

Упомянутым указом 9 апреля 1763 г. было велено, чтобы крестьяне п л а т и л и с а м и п о д у ш н ы е д е н ь г и в казну, получая, таким образом, заработную плату на руки.

При этом же указе было опубликовано „учреждение, учиненное на Ижевском и Воткинском заводах" графа Шувалова [1]), долженствовавшее урегулировать и улучшить положение приписных крестьян и заключавшее в себе кое-что из того, что уже раньше проектировала берг-коллегия. Оно было об'явлено не в качестве обязательного постановления для других заводов, а лишь рекомендовалось, как могущее служить руководством. Но в действительности „учреждение" неоднократно служило опорой для разрешения в пользу крестьян различных конфликтов, возникавших между крестьянами и заводчиками [2]). К тому же оно любопытно

---

[1]) Первое собрание законов, № 11790. — *Крамаренков* (стр. 201) говорит, что „учреждение" было введено на Гороблагодатских заводах, в число каковых, как видно, он включил и Камские, т.-е. Ижевский и Воткинский заводы.

[2]) *Семевский*, т. II, стр. 406.

и в том отношении, что предоставило крестьянам некоторое, преимущественно хозяйственное, самоуправление. Поэтому следует подробнее ознакомиться с „учреждением". Оно гласило [1]):

1.

Разделить приписных крестьян, по способности и числу молотов, не разбивая сотен, к каждому заводу, и по учиненному разделению каждым сотням работать на том токмо заводе, к которому они определены, а на другой завод не посылать, разве в случае крайней нужды, и тогда платить им за проход от одного до другого завода, по плакатному положению, за каждый летний день пешему по 5, конному по 10, зимний — пешему по 4, конному по 6 копеек.

2.

На умерших и состарелых места, написанных в бывшую приписку в числе работников, определить из молодых. кои подросли... Определенных же к Ижевскому заводу, по причине, что оный еще строится, разделить на три части, из которой каждой части, сменяясь через 4 месяца, так, как и в поданном от крестьян самих челобитье просится, с тем только примечанием, чтоб работники не всегда одна партия летним временем работали, но переменяясь, то-есть в одном году летом, в другом году — осенью, в третьем — зимою в работу приходили... Когда же завод начнет действовать всеми положенными молотами, то равно, как и к Воткинскому заводу, уже нужно будет единственно заготовление для производства потребных припасов; для чего и по числу молотов, сколько в каждый год каких именно материалов, надобно сделать расчет и оный разделить по душам в сотнях что именно каждая сотня какого материала в год заготовить, чугуна, железа и уголья перевозить должна, и сверх оного, сколько для всяких надобностей пеших и конных работников летом и зимою на заводе содержать имеет, коим производить плакатную плату из означенного разделения работы в заготовлении материалов, выбрав, что в каждую сотню к заготовлению следует, послать копии... Однако ж, на случай могущего иногда нечаянного обстоятельства по требованию от заводской конторы, сколько требовать будет работников, прислать неотменно, и заводских работ ни под каким видом не оставлять. Заводскому же управителю накрепко подтверждается, отнюдь ни для чего на крестьян более работ не накладывать, сколько по числу подушного оклада им заработать следует.

3.

В сотнях выбирать с общего согласия ежегодно сотника, выборного, в больших по три, а в малых по два старосты и по два писчика. Оным в сотнях разбирать между народом всякие ссоры и решить по числу голосов, разве где какое особое несогласие произойдет, и в таком случае таковые дела решать миром. Когда же и тогда согласия не будет, то представлять управителю, который, взяв других сотен двух выборных или сотников, с ними решить должен... Когда в которой сотне явится какой ослушник, который не токмо сам ослушается, да и других к непослушанию или же какому злу подговаривать станет, таковых, не давая им усиливаться, брать под караул, и ежели злость не велика, то при сходе народа высечь нещадно, а когда же явится какое злое намерение, то, прописав его непорядки, при том и свидетелей, отсылать в заводскую контору, которой, не мало не мешкав, исследовать письменно, и винному сделать публично наказание; или же, когда злодейство гораздо велико, то отсылать в ближнее судебное место...

Старосте и писчику должно от сотни приводить работников на завод при именных списках по жительствам, которые подавать в контору, и быть тому старосте и писчику, которые приведут смену, безотлучно, пока им с новыми людьми из жительств не придет смена, и тогда, сделав счет с конторою, сколько каждый работник дней в работе и в какой именно находился, и что чего выработал, и по счете, ежели от ее императорского величества повелено будет приписным крестьянам платить самим подушные деньги, то, выдав

---

[1]) Мы приводим его с сокращениями.

заработные деньги, каждому работнику по рукам, обще с тем, кому от конторы велено будет, в получении теми работниками полной заработки, в конторской книге во свидетельстве расписаться, а от конторы сверх того дать в сотню к народу, в том, что именно кто заработал и сколько ему от конторы выдано, письменное сведение. Когда же от ее императорского величества повелено будет подушный оклад зарабатывая, платить заводчикам, то и в таком случае, по смене старосте и писчику сделать на вышеозначенном основании с конторою верный счет, и потом взять от конторы, назнача каждого работника по именам, сколько дней в какой работе был, и сколько денег заработал, квитанцию, и по приходе в жительства отдавать выборным и сотским, которые оные хранить имеют у себя для всякой справки, а сверх того записывать каждую квитанцию в книгу, которую иметь в каждой сотне, записывать же в нее и всякие с крестьян денежные поборы без из'ятия, и на что оные именно собираются и куда отдаются.

Ежели случится какое дело разных сотен, или же хотя и одной только той сотни на старост, писчиков, выборного или сотского, то в таком случае просить управителю, которому, взяв из других сотен, как прежде показано, двух сотских или выборных, всякое дело рассматривать письменно без малейшего мздоимства или посягательства, но в самую сущую правду.

4.

Если от управителя какое непристойное мучение, или же удержка в заработной плате происходить будет, то бить челом в судебных местах от миру, послав нарочно челобитчиков, а самим ни мальейшего ослушания в заводских работах, ниже своевольства не делать и ждать решения из того места, куда прошение подано, под саможесточайшим штрафом.

5.

Которые посыланы были от народа для челобития, тех никому ни под каким видом за то не притеснять; в случае же и оных иногда преступления, с ними поступать равно, как о сотских, выборных, старостах и писчиках показано.

6.

Впредь пред наступлением каждого года заблаговременно в сотнях на место сотских, старост и выборных, а ежели есть, и писчиков выбирать добрых и надежных людей и, учиня заручные выборы, отсылать в заводскую контору, кои бы могли действительно в той конторе получаемы быть генваря 1 числа наступающего года, дабы оная контора с тех выборных имела сведение и о всяких нарядах от них требовать исполнения. Если же крестьяне рассудят оным бывшим сотскому, старосте и выборным, по их добрым и исправным поступкам, быть и в новом годе, то об оных потому ж конторе давать сведение на означенный срок.

7.

...Если же иногда кем за болезнями или другим каким приключением положенной работы выработано не будет, в таком случае оную исправлять всею сотнею.

Инструкция, данная генералу Ирману при назначении его начальником Гороблагодатских и Камских заводов (1764 г.), вменила ему в особую обязанность заботиться о приписных крестьянах, дабы они не отягчались работой сверх той, которою погашался подушный оклад. При этом было совершенно запрещено вызывать крестьян к заводам в летнее время, с 1 мая по 10 сентября (за исключением экстренных случаев), дабы крестьяне могли заниматься своим хозяйством; завод же оттого не потеряет, так как рубка дров и жжение угля могут происходить весною, а доставка их и руды — в зимние месяцы. Время работы было установлено следующим образом: рубка дров — с 25 марта по 1 мая, т.-е. 36 дней; кладка

в кучи, дернение, добывание руды и проч. — с 1 июня по 10 июля, т.-е. 40 дней. Если в срок работа не будет выполнена, то доработать с 15 сентября по 1 ноября, т.-е. 46 дней. Конным быть в работе с 1 июня по 10 июля, итого 40 дней. Кроме того, с крестьян были сняты различные повинности по заводу [1]).

Повторяем, правила, установленные на бывших Шуваловских заводах, были в той или иной ограниченной мере использованы и на других горнозаводских предприятиях. Но тогда же, по распоряжению самого Вяземского, некоторым заводчикам было дозволено понуждать крестьян к работе и сверх оплаты подушной подати, что в корне расстраивало новый порядок, хотя, находясь под непосредственным впечатлением виденного на заводах, Вяземский указал на целый ряд мер, которыми надо было облегчить положение крестьян: так, напр., на заводах, где число крестьян меньше, чем полагалось в соответствии с числом молотов и домн, излишнюю работу переложить на вольнонаемных, а не на новых приписных; всюду вообще запретить принуждать крестьян к работе сверх подушного оклада; не переселять крестьян на заводы и т. д.

Таким образом, ценою кровавых волнений, все горнозаводское крестьянство купило лишь одно право, а именно получать заработок на руки.

Тем временем встал вопрос о размере заработной платы. Сам Вяземский указывал на то, что расценка труда по плакату 1724 г. была составлена тогда, когда „деньги в народе еще дороже и поборы с крестьян были не столь велики“, а потому подушные сборы покрывались сравнительно небольшим трудом, да и с‘естные припасы были вдвое дешевле. Теперь же, спустя сорок лет, старая плата не может приохотить к труду. А потому, приняв во внимание, что вольнонаемные получали не менее 7 копеек в день, Вяземский предложил платить при расстоянии от заводов не более 400 верст: в летние месяцы — пешему по 7 коп. и конному по 12 коп., а в зимнее — 5 и 8; живущим же далее 400 верст платить вдвое больше, чем по плакату 1724 г., т.-е. в летние месяцы: пешему — 10 и конному 20 коп., а в зимние месяцы — 8 и 12 коп. И в соответствии с этим платить по 7 коп. за прохожий день при расстоянии от заводов более 200 верст. Далее Вяземский считал нужным за рубку дров поднять плату до 28 коп. за сажень (вместо 25 коп.), за возку дров увеличить плату на одну треть [2]) и т. д.

Заседавшая в Петербурге комиссия „о рассмотрении системы всех горных заводов“, в которой участвовал и Вяземский, соглашалась, что заработная плата не соответствовала ценам на жизненные припасы и вещи, но для разрешения этого вопроса, по ее словам, требовалось много времени. Таким образом, заработная плата осталась прежняя, установлен-

---

[1]) Первое собрание законов, № 12085. — Секретная экспедиция сената, № 1291 (протоколы берг-коллегии).

[2]) *Соловьев*, кн. 5, стр. 1361, 1381—2, 1384. — *Крамаренков*, стр. 170—205. — *Семевский*, т. II, стр. 362—414.

ная в 1724 г., хотя с тех пор жизнь вдвое вздорожала, деньги упали в цене, а подушная подать увеличилась. Вместе с тем не было возобновлено прежде существовавшее правило об оплате прохожих дней.

Естественно, что при исключительно тяжелых материальных условиях горнозаводские волнения не могли прекратиться. Тем более, что, хотя согласно „учреждению" на Шуваловских заводах, призванному служить руководством и для других предприятий, челобитчики должны были пользоваться личной неприкосновенностью, с ними в действительности сурово расправлялись. Начав свои протесты с подачи жалоб, горнозаводские крестьяне по необходимости должны были перейти в открытые выступления.

Известия о волнениях среди горнозаводских крестьян не прекращались. В связи с этим Екатерина и назначила (1765 г.) упомянутую выше комиссию для рассмотрения, между прочим, следующих вопросов: полезно ли, чтобы заводы были в частных руках, или лучше им быть в казенном содержании; если в частных руках, то за дворянами или за не-дворянами; какие меры предпринять, дабы впредь крестьяне не бунтовали; отчего это происходит [1]). То, что в программу занятий был поставлен вопрос о крестьянских волнениях, свидетельствовало, что они тревожили правительство. И, действительно, эта тревога передалась и самой комиссии, как можно судить по следующему эпизоду.

Как мы знаем, на бывших Шуваловских заводах, по переходе их в казну, положение приписных крестьян было наименее тяжелым [2]), благодаря действовавшему там „учреждению", которое только частично было применено к другим заводам. К тому же при вступлении генерала Ирмана в должность начальника этих заводов ему было предложено принять ряд конкретных мер в интересах крестьян. Тем не менее, когда Ирман предложил построить новые заводы и с этой целью приписать государственных и монастырских крестьян, живущих поблизости Туринска и Пелыма, а также разночинцев и так называемых боярских детей, комиссия о горных заводах (1766 г.) отвергла это предложение, сославшись на то, что „по случаю приписки государственных крестьян не только из новых, но и от приписных, кои уже к такой перемене привычку взымели, происходят разные государственные неприятности и беспокойства" [3]).

Действительно, крестьяне, издавна приписанные к заводам, проявляли недовольство. И беспорядков среди них было тем естественнее ожидать, что даже боясь, как мы видели, „государственных неприятностей", правительство не торопилось исправить даже наиболее чувствительные

---

[1]) *Соловьев,* кн. VI, стр. 116—117.

[2]) Любопытна справка: „Неуказные" расходы Киргинской слободы (приписанной к Гороблагодатским заводам), произведенные в 1763—64 годах, т.-е. незаконные поборы с приписных крестьян, хотя и преследовавшиеся заводоуправлением, но, видно, прочно укоренившиеся от прежнего времени (Памятная книжка Пермской губ. на 1891 г., приложение, стр. 18 и след.).

[3]) *Семевский,* том II, стр. 433.

недочеты крестьянской жизни. На замечание Ирмана о недостаточности платы горная комиссия обещала прибавку крестьянам, но правительство на это не согласилось. С своей стороны, комиссия не торопилась сделать новое распределение крестьян по заводам, хотя Ирман указывал, что существующее неправильно.

Наказы, которые были переданы различными группами приписных крестьян депутату, заседавшему в комиссии для составления нового уложения, убедительно говорят, что улучшения, которые должны были быть введены после того, как Вяземский усмирил бунтовавших крестьян, не были осуществлены в достаточной мере. Кое-что, кое-где, было исправлено. Но изнурение крестьян в массе продолжалось по старому. Судя по наказам Казанской губ., прежде всего разоряла крестьян ничтожная заработная плата. Насколько она не гармонировала с общими условиями жизни, видно из того, что когда крестьяне, не будучи в силах выполнить заводскую работу, главным образом, в виду дальности расстояния, нанимали для этой цели вольнонаемных людей из живущих вблизи завода (напр., башкир), то они уплачивали последним в несколько раз больше, чем получали. Так, за добычу руды крестьянам платили по 35 копеек за ящик, а они платили вольнонаемным по 60 и 70 копеек. За известную работу крестьяне получали 3 рубля 40 копеек, а платили порою по 12 и 13 рублей. За рубку дров крестьяне доплачивали по двадцать пять или тридцать пять копеек на сажень; за поставку медной руды за каждую тысячу пудов крестьяне получали по 5 руб. 73 ¼ копейки, а от себя приплачивали, сверх этой суммы, по 5 р. 37 коп. Поэтому в одном наказе крестьяне просят установить для них ту расценку работ, которой придерживаются вольнонаемные.

Случалось, что в виду дальнего расстояния деревень, заводчики повышали размер платы, но эта прибавка без всякого остатка поглощалась потерей времени, потраченного на длинный переход, совершенно не оплачивавшийся. Так, если даже за рубку сажени дров вместо 25 копеек уплачивали 35, все же крестьянам было выгоднее сдавать работу вольнонаемным по 70 и 80 коп., хотя, конечно, эта сделка их разоряла. Крестьянам приходилось тратить на переходы до двух месяцев в году, и за все это время они не получали накакого вознаграждения. И к рудникам приходилось итти по две и более недели, и опять-таки за эти дни крестьянам ничего не платили. Между тем, им дорого обходилось пропитание в пути и корм лошадей. Да и на самом заводе им по дорогой цене отпускали с'естные припасы и фураж, на что крестьяне горько жаловались. К тому же за дальностью переходов у крестьян не хватало лошадей, а работу они все же должны были выполнить.

Попрежнему мы слышим жалобы, что крестьян наряжали к заводским работам в страдную пору и надолго удерживали их там. Да и помимо внешнего принуждения крестьяне, в виду чрезмерности работы и отдаленности завода от деревни, вынуждались находиться при заводе столь длительное время, что они совершенно покидали свое сельское хозяйство и оказывались как бы постоянными заводскими работниками.

Как мы знаем, известная часть приписных крестьян зачислялась или по распоряжению властей, или по самоуправству заводчиков в число мастеровых и работных людей, и эти, переведенные на завод, люди порою освобождались от круговой поруки в платеже подушной подати, вследствие чего оставшимся в деревне приходилось в еще большей доле отрабатывать подушную подать за стариков, малолетних и вообще нетрудоспособных, а, ведь, эта отработка по раскладке и без того была тяжела. Насколько подушная подать, фактически отрабатываемая приписными крестьянами, превышала законом установленный ее размер, видно из следующих цифр. На железных Каменских заводах числилось по второй ревизии (1743 г.) 13.001 приписная душа, с которых причиталось подушной подати 22.101 рубль (по 1 р. 70 к. с души). Заплатить же эту сумму должны были одни работоспособные — в числе 4.160 человек, так что каждый из них обязан был отработать 5 р. 31 к. А по производившейся в 60-х годах новой ревизии, благодаря изменившемуся соотношению между общим числом ревизских душ и числом работоспособных, каждому из последних приходилось отрабатывать 6 руб. 22 коп. При таких условиях, работая 100 дней в году, крестьяне не могли окупить причитавшуюся с них подать: пеший мог выработать только 4 р. 82 коп.; конный в 33 дня мог заработать 3 р. 30 коп. [1]).

Вот почему в наказах обычна просьба—не отрабатывать на заводах подушную подать за односельчан моложе 15 и старше 60 лет. Некоторые выражали готовность сохранить подушную подать в прежнем размере, но не отрабатывая ее, а уплачивая наличными деньгами [2]).

Чтобы дорисовать положение горнозаводских крестьян, прибавим что у Шувалова они тратили на переход от деревни к заводу в течение лета, в пору полевых работ, без всякого заработка, 42 дня, которые им приходилось наверстывать для отработки подушной подати. В результате у них уходило на заводскую работу (включая праздники и воскресенья, когда они отдыхали) 214 дней, а для сельского хозяйства оставался, следовательно, всего 151 день. И отрабатывать на заводе приходилось,— принимая во внимание расходы на питание в пути к заводу, а также на самом заводе, и число душ по 3-ей ревизии, — до 9 рублей [3]).

Из многочисленных заявлений приписных крестьян только два были оглашены в комиссии для составления нового уложения: наказ от крестьян Исетской провинции, приписанных к заводам Демидова, и заявление Полежаева, депутата от приписных кунгурских крестьян. По поводу первого заявления представитель берг-коллегии признал, что крестьяне теряют много времени на переход к заводу, ничего не получая за эти дни, а потому, в виду дальности расстояния и дикости мест, следовало

---

[1]) Первое собрание законов, № 11790 (ведомость о работах на Ижевском и Воткинском заводах).

[2]) Архив Государств. Совета, Наказы Казанской губернии, дело № 98, тетрадь 249.—Сборник Русского Исторического Общества, т. 115, стр. 254—303.

[3]) Первое собрание законов, № 11790.

бы повысить размер заработной платы [1]). Что касается заявления Полежаева, в общем высказавшего то, о чем говорилось в упомянутых нами выше наказах приписных крестьян, то его декларация осталась без обмена мнений, так как в то время чтение наказов было прекращено [2]). И если в комиссии все же возникла полемика вокруг приписных крестьян, то лишь потому, что крестьяне вообще представляли собою такой лакомый кусок, из за которого дворянство боролось с купечеством. Дворяне не хотели примириться с тем, что заводчикам и фабрикантам, хотя бы они и не принадлежали к дворянскому сословию, разрешили пользоваться крепостными крестьянами. Ярославское дворянство указывало, что фабриканты и заводчики, „видя себя владельцами многих деревень“, стали пренебрегать фабриками и, вместе с тем, начали пользоваться и помещичьими доходами; промышленники, которые действительно купили деревни для фабрик и заводов, забрали из деревень всех людей в работу на фабрики и заводы за такую малую плату, что „насилу дневное пропитание иметь могут“, чем „полагается препятствие умножению народу, вызывается оскудение земледелия“. В довершение же всего „крестьян так мучают работами, что они часто бунты производят“. Поэтому купленные купцами деревни следует отобрать (не причинив купцам убытка), а впредь мастеровых по величине заводов иметь, прочие же работники должны быть наемные; конечно, этими наемными могут быть помещичьи крестьяне. — Если они будут в нерабочую пору ходить на заводы, то дворянство „через большую циркуляцию денег приобретет себе пользу“ [3]).

Таковы были соображения, побудившие комиссию поговорить о приписных крестьянах. Самая же судьба их не интересовала ее. А между тем, „при самом заседании комиссии об уложении, в августе 1767 года, сенату было доложено о возмущении заводских крестьян“. Действительно, летом 1767 года пришли в непослушание крестьяне, приписанные к Юговским заводам графа Ив. Чернышева, заводчика Походяшина [4]) и канцлера Воронцова. Соликамская заводская канцелярия сообщала, что вся ее команда разослана для захвата бежавших с заводов крестьян. Для их усмирения был послан с военной командой, командир над Гороблагодатскими заводами, генерал Ирман. А для увещевания походяшинских крестьян к ним был послан депутат (от Пермской губернии), комиссии для составления нового уложения. В конце года Ирман донес, что крестьяне пришли в повиновение, кроме 37 человек, приписанных к Пыскорскому заводу. И сенат приказал секретно Ирману, поступать в этом случае с такой у м е р е н н о с т ь ю, чтобы крестьяне не имели предлога к возмущению. А между тем многие из походяшинских крестьян были жестоко наказаны. Одновременно поступило сообщение „об упорствах и отбыва-

---

[1]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 4, стр. 89.

[2]) *Семевский*, т. II, стр. 436—439.

[3]) *Соловьев*, кн. VI, стр. 361—62.

[4]) О волнениях на заводах Походяшина см.: *Н. Чупин.* О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале, гл. VI.—*Его же*: О Богословских заводах и о заводчике Походяшине (в „Сборнике статей, касающихся Пермской губ. и т. д., вып. I)“.

тельствах от работ“ крестьян, приписанных к Аннинскому заводу гр. Чернышева. Соликамская канцелярия писала, что никакой надежды на умиротворение нет и что она обратилась за помощью к казанскому губернатору [1]).

Мы упомянули выше, что по инициативе Ирмана горная комиссия высказалась за увеличение заработной платы приписных крестьян, а именно впредь платить: летом — пешему 6 копеек (вместо 5 к.) и конному 11 к. (вместо 10 к.), зимою — пешему 5 к. (вместо 4 к.) и конному 8 к. (вместо 6 к.), а за проход от деревень к заводу и обратно по 3 копейки в день, считая проходу на день по 40 верст. Но это предложение не было принято в верхах. Между тем, подготовлялось увеличение сборов с государственных крестьян, и таким образом их ожидало ухудшение материального положения. Но последние волнения дали, повидимому, Ирману случай возобновить вопрос о заработной плате. И, благодаря этому, увеличение сборов совпало во времени с увеличением заработной платы.

Согласно указа 27 мая 1769 г. приписные крестьяне, наряду с прочими государственными крестьянами, должны были, помимо 70 копеек подушного оклада, платить с каждой души оброка 2 рубля, вместо прежнего 1 рубля [2]), и этим же указом была об‘явлена новая расценка труда, а именно та, которую, как мы только что видели, предложила горная комиссия, причем Екатерина набавила одну копейку конному крестьянину в летнее время. Кроме того, велено было платить за проходные дни считая в день проходу всего 25 верст, вместо предположенных 40 верст.

Начальник Екатеринбургской горной канцелярии Бибиков назначил за проходные дни прибавку к заработной плате в 37 коп. — безразлично для всех крестьян, независимо от расстояния, так как, по его об‘яснению, трудно было высчитать, сколько действительно крестьянам приходится делать верст, полагаться же на их заявления нельзя — выйдут бесконечные споры с заводчиками; кроме того, Бибиков не считался с тем, за сколько душ крестьяне должны были отрабатывать подать, так как иначе будет убыточно для заводчиков. Но асессор канцелярии Башмаков заступился за крестьян, говоря, что им нужно платить в зависимости от расстояния и от того числа душ, за которые они отрабатывают; нельзя думать только о заводчиках, которые достаточно зарабатывают, надо охранить крестьян от разорения. И берг-коллегия постановила выплачивать за проходные дни в соответствии с расстоянием [3]).

Отметим еще, что деньги за проход было велено платить особо, не зачитывая в подушный оклад, то-есть крестьяне не должны были отрабатывать эти деньги на заводе, как и не должны были отрабатывать там и

---

[1]) *Соловьев*, кн. 6, стр. 404—405.

[2]) Первое собрание законов, № 13303.

[3]) *Н. Чупин.* Член Екатеринб. горной канцелярии М. И. Башмаков и действия его во время пугачевщины (в „Сборнике статей, касающихся Пермской губернии и т. д.,“ вып. I, 1882 г.).

рубль, прибавленный к окладу, вследствие чего увеличение подушного оклада и платы за проходные дни не повлекло за собою увеличения обязательного труда на заводах [1]).

Оставался еще острый вопрос о том, как исчислить количество душ, за которые крестьяне должны отрабатывать подать на заводах.

В 1770 году управление Каслинских заводов Демидова жаловалось, что приписные крестьяне выполняют не все, налагаемые на них, работы. Бибиков велел об'явить крестьянам, чтобы они зарабатывали на заводах подати за все ревизские души, положенные в последнюю перепись, бывшую незадолго перед тем. Но Башмаков заявил протест, доказывая, что крестьяне должны отрабатывать подати только за то число душ, которое было приписано к заводам первоначально, а подати за позднейших прибылых они имеют право оплачивать, занимаясь сторонними промыслами (что для крестьян было гораздо легче). На заводах в этом отношении не было однобразия: на одних заводах крестьян заставляли работать за все наличное мужское население; на других же, именно в западной части нынешней Пермской губ., по прежним указам самой же горной канцелярии требовали работы только за число крестьян первоначальной приписки. Берг-коллегия утвердила распоряжение Бибикова, а Башмакову сделала выговор в следующих выражениях: „В предосуждение господину ассессору Башмакову, с соболезнованием коллегия принужденною себя находит сказать, что хотя ревностное восхищение к справедливости и вождем жару его было; но имея дело с народом легкомысленным, каковы заводские крестьяне, термины его об'яснениев более б должны быть уважены (т. е. взвешены), чтобы не сделать чрез самую истину разврата и повода к дальнейшему их легкомыслию; в чем коллегия, яко на усердного, а при том и разумного члена, впредь надеется“ [2]).

Постановления, изданные для облегчения материального положения горнозаводских крестьян, могли в известной мере предотвратить дальнейшее разорение их сельского хозяйства, но вряд ли могли возродить те хозяйства, которые уже были в корне расшатаны. А их было не мало. В записках путешественников, которые посетили Урал в самом конце 60-х годов, неоднократно встречаем указания на те последствия, к которым привел принудительный труд крестьян на горнозаводских предприятиях. Так, Паллас говорит, что крестьяне, приписанные к Сысертским и Полевским заводам, целый год до того обременяются там работой, что у них „едва можно сыскать следы земледелия“. По словам Рычкова, крестьяне, работавшие на Пожевском заводе Строгановых, совершенно разорились от постоянной работы. А Лепехин описывает одно селение (недалеко от Симбирска), в котором „многие крестьянские хижины без всякого приюту и почти совсем опустошенные“ — ему об'яснили, что вина в том, что ежегодно из селения высылают часть поселян на Уральские заводы.

---

[1]) Секретная экспедиция сената, № 1291. — Записка *Крамаренкова*. — *Семевский*, т. II, стр. 450—452.

[2]) *Н. Чупин*. Член Екатеринб. горной канцелярии М. И. Башмаков (в „Сборнике статей, касающихся Пермской губернии“, вып. I, 1882 г.).

Помимо материальных невзгод, горнозаводские крестьяне испытывали и физические страдания в пути к далеким заводам. Например, крестьяне Чердынского округа, приписанные к Петропавловскому заводу, были вынуждены, по сообщению Палласа, переходить болотистую гору „с великою тягостью". Они не находили слов, чтобы описать свое жалостное состояние и „удручения от нестерпимого ига". Одни из них умирали от скорбута, другие больными „бедностно" приходили в свои деревни.

Наряду с этим приписные крестьяне подвергались невзгодам и опасностям, работая на самых рудниках.

Но неоднократно убеждаясь в крайне тяжелом положении приписных крестьян и во вредном влиянии горнозаводских работ на их сельское хозяйство, правительство продолжало придерживаться системы приписки казенных крестьян, так как при существовании запрещения покупать помещичьих крестьян и при — если не отсутствии, то — сравнительной дороговизне вольнонаемных рук не было иного способа удовлетворять ходатайства заводчиков о снабжении их дешевой и безропотной рабочей силой.

Мы сказали выше, что чердынские крестьяне, приписанные в 1760 г. на десять лет к Петропавловскому и Турьинскому заводам Походяшина, отказались выходить на заводскую работу, и сенат освободил их от этой обязанности. Но затем (1764 г.) их вновь принудили к работе на этих заводах. Срок приписки истекал в 1769 г. Походяшин обратился к правительству со следующим ходатайством: первые четыре года крестьяне фактически не работали; сверх того, необходимо, чтобы заводы и в дальнейшем еще на пять лет были обеспечены рабочей силой, — а потому пусть приписка чердынских крестьян будет продлена всего на девять лет. И правительство, имея в виду усердие Походяшина к „казенному интересу", удовлетворило просьбу заводчика. [1]).

Могла ли при таких условиях вооруженная рука кн. Вяземского привести горнозаводских крестьян „в рабское послушание", как того желала Екатерина II? Внешне волнения 60-х годов были подавлены, но недовольство, лежавшее в глубине горнозаводской рабочей массы, только ждало случая, чтобы вспыхнуть.

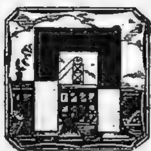
[1]) Секретная экспедиция сената, № 1291. Протокол 10 марта 1777 года. Ср. кроме указанных выше источников: *Мозель*. Пермская губерния (Материалы для географии и статистики России), ч. II. (СПБург. 1864 г.), стр. 163 — здесь неверно указано, будто по истечении 10-летнего срока заводчик обратился к вольнонаемному труду.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

НА УРАЛЕ СО ВРЕМЕН ПУГАЧЕВЩИНЫ.

УПАДОК ГОРНОГО ДЕЛА И ОСЛОЖНЕНИЕ РАБОЧЕГО ВОПРОСА.

Пугачевское движение и горнозаводские предприятия. — Роль башкир. — Отношение мастеровых и приписных крестьян к пугачевщине.—Разорение заводов и упадок производства. Недохватка в рабочих.—Женский труд.—Попытки улучшить положение мастеровых.—Временные работники:—вольнонаемные, крепостные и приписные. — Волнения среди рабочих. — Получение заводчиками помещичьих крестьян в обход закона. — Лишение заводчика Походяшина приписных крестьян.—Облегчение положения горнозаводских крестьян (1779 г.).—Отмена запрещения покупать помещичьих крестьян к заводам. — Острота рабочего вопроса. — Накануне преобразования.

ервоначальное ядро вооруженной силы Пугачева [1]), выступившего под именем Петра III, состояло из казаков. Но уже вскоре он нашел поддержку в башкирах, которые действовали не за страх, а за совесть. Не стремясь непосредственно служить пугачевскому делу, они преследовали собственную цель: грабить русское население, против которого (по выражению одного пугачевского полковника) „имели отменные мысли“, которое они ненавидели за суровую колонизацию их края, в частности, за насаждение горных заводов, занимавших горы и степи и тем разрушавших башкирское хозяйство, основанное на скотоводстве. И ранее кочевники неоднократно совершали набеги на селения частных горных заводов [2]), в виду чего заводы принимали облик небольших крепостей. Появление же Пугачева развязало руки кочевникам. „Башкиры толпами врывались в заводы и, не внимая готовности крестьян следовать воле Пугачева, жгли дома, резали стариков“,— почти все заводы, попадавшие им в руки, были разорены. Характерно, что имя Пугачева не сохранилось в памяти позднейших поколений башкир, имена же башкирских предводителей чтутся народной памятью.

---

[1]) Пугачевское движение весьма мало изучено и при том освещено односторонне. Пополнение истории Пугачевского движения новыми материалами (сборник таких документов подготовляется в настоящее время к печати), вероятно, приведет к новым заключениям. Мы могли здесь воспользоваться лишь теми данными, которые уже имеются в исторической литературе.

[2]) В секретной экспедиции сената имеется дело 1759 г. (№ 1453) о мерах защиты частных заводов от башкир и кочевников.

Крестьяне Белорецкого завода жаловались коменданту Верхне-Яицкой крепости, что башкирами сожжен имевшийся у них в поле ржаной хлеб и их дома, и просили прислать к ним воинскую команду для защиты. Но власти, не имея необходимых военных сил, оставляли такие просьбы без удовлетворения. Более того, на некоторых частных заводах было отобрано оружие из опасения, что оно будет направлено против заводоуправлений. И даже просьбы заводчиков о присылке помощи оставались без внимания,— генерал Щербачев заявил, что он не можеть всюду посылать команды, а причина разорения та, что „жестокость заводчиков со своими крестьянами возбудила их ненависть против господ". При таких условиях случалось, что горнозаводское население об'являло покорность Пугачеву только из страха перед ним. Когда было велено закрыть Аннинский завод и перевести его рабочих на Юговский завод, большинство отказалось от ухода и не отпускало согласившихся, и именно потому, что рабочие этого завода, как и других, чувствуя свою беспомощность, в виду отсутствия русского войска, опасались, что с их уходом дома и семьи их пострадают от восставших. А крестьяне Саткинского завода, измученные набегами башкир и не найдя защиты со стороны правительства, послали предводителю башкирской толпы Юлаю от имени „Саткинского Лариона Ивановича Лугинина завода всего крестьянского общества" рапорт, в котором, заявляя о своей верности императору Петру Федоровичу, уверяли, что принятые на заводе оборонительные меры направлены не против его величества, „но от набегу озорнических из башкирцев воровских партий, которые заводских жителей, выезжающих за сеном, уже много покололи безвинно и лошадей отогнали".

В Берде, резиденции Пугачева, крестьянам, по их просьбам, охотно выдавали охранные листы для защиты от башкир. И вообще башкирам порою приказывали не разорять крестьян.

Но могли ли пугачевские начальники всегда принимать меры к обузданию башкир, раз последние оказывали им помощь при захвате горных заводов? Заводы представляли для Пугачева много заманчивого: при заводах имелись пушки, ружья и порох; на заводах сосредоточились массы рабочих, находившихся в тяжелых условиях жизни, а, кроме того, с заводами были связаны разбросанные по деревням приписные крестьяне, и ранее проявлявшие свое недовольство; наконец, заводы могли служить опорными пунктами при военных операциях. И действия против заводов были возложены на башкир самим Пугачевым, как это видно из того, что 1 октября 1773 г., не доходя до Оренбурга, Пугачев послал в Башкирию указ, в котором было сказано, между прочим, следующее: „Ныне я вас, во-первых, даже до последка, з е м л я м и, водами, л е с а м и, жительствами, травами, реками, рыбами, хлебом, пашнями, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, пожаловал по жизнь вашу, и п р е б ы в а й т е т а к, к а к с т е п н ы е з в е р и, в б л а г о д е я н и я х и п р о д е р з о с т я х, — всех вас, пребывающих на свете, освобождаю и даю волю детям вашим и внучатам вечно". Эти слова не могли быть поняты иначе, как призыв взять себе то, что было захвачено горными

заводами. И вот, подходя к заводам, расположенным в башкирской области, башкиры кричали: „Ступайте домой, срок ваш кончился. Отцы наши, которые отдали вам (т.-е. заводчикам) землю, умерли, а мы не хотим более уступать вам ее".

Наконец, не всегда приказания пугачевских начальников могли иметь силу для башкир. Когда Пугачев был разбит (под Татищевой), на Вознесенский завод, который, как мы сейчас увидим, признал власть Пугачева, прибыла толпа башкир. Она сожгла все оборудование, контору и дома мастеровых и прочих жителей и разграбила заводские инструменты, „а обывателей с того завода всех как мужеска, так и женска полу людей, не оставливая ни одного человека, выгнали". На заводах Твердышева были сожжены не только все строения, но и крестьянские дома, а также шесть деревень, находившиеся при заводах (собственные, купленные крепостные, мастеровые и работные люди — 7.269 душ муж. пола); крестьяне же, „по сожжении заводов и по разграблении их крестьянского имения, все как мужеск, так и женск пол взяты были башкирами и в их башкирские кочевья, и при разорении заводов не малое число тех крестьян мужского пола побиты, а женск пол обруганы; и находились все те крестьяне у тех башкирцев в разных работах с июня по октябрь, а другие по ноябрь месяц" (1774 г.). В тот же период башкиры сожгли (в мае) Симский завод, а затем побывали (в июне) на Воскресенском и Верхотурском, Богословском, Архангельском, Катавском и других заводах в Уфимском уезде.

Горные заводы рано привлекли к себе внимание Пугачева. Уже в сентябре (1773 г.) на казенный Вознесенский завод явились два крестьянина, из числа приписных к нему, и два рудокопа, бежавшие с завода к Пугачеву, и заявили, что прислал их государь об'явить, чтоб „все заводские мастеровые люди, приписные и вольнонаемные крестьяне склонились служить ему". Мастеровые люди и крестьяне были собраны, чтобы выслушать царский указ. Поручик Орлов пытался отговорить собравшихся, указывая, что это не государь, а самозванец. Мастеровые люди не были склонны признать Пугачева, но „приписные к тому заводу и вольнонаемные крестьяне согласились служить ему". К нему уехало до 150 человек, увезя имевшуюся при заводе чугунную пушку. Так как с уходом этих людей сопротивляться пугачевским отрядам было нельзя, то поручик Орлов был закован командиром берггшвореном Соколовым и отправлен под конвоем в лагерь Пугачева, где и был казнен. Позже на завод прибыл Пугачев, но вскоре ушел, забрав деньги и многих людей. А затем, как было выше сказано, сотня башкир сожгла контору, дома мастеровых и выгнала всех людей.

5 октября Пугачев расположился в нескольких верстах от Оренбурга, а через неделю из его лагеря отправилась „партия" на Воскресенский медный завод Твердышева. Управляющий заводом был убит, большая часть заводских крестьян поверстана в казаки, а пушки, порох и снаряды отправлены к Оренбургу. На Белорецкий завод был доставлен указ Пугачева от 17 октября о выдаче пушек, ядер и пороха. Указ обещал рабо-

чим то, что могло, в сущности, прельстить одних лишь казаков, а не крестьян, — свинец и порох. Очевидно, это был трафаретный указ, распространявшийся Пугачевым, но он оказал нужное действие, крестьяне арестовали приказчика и конторщика и подожгли завод. Такой же указ был пред'явлен и другому заводу.

Пугачевский командир Кузнецов, разграбив Саткинский завод, на котором 4.000 крестьян добровольно признали Пугачева, забрал там пушки и ружья. Оттуда он отправился на Златоустовский и Катав-Ивановский заводы, где был встречен с полной покорностью. И там он захватил оружие. За несколько дней к нему перешло до 8.000 заводских крестьян. И именно этот успех побудил Пугачева (с целью расположить к себе заводское население) приказать своей военной коллегии обуздать башкир.

Затем восставшие распространились и по другим заводам, а работавшие на них крестьяне отчасти разошлись по домам, отчасти влились в ряды восставших. Во власти Пугачева оказалась вся горная промышленность Оренбургской губернии.

Когда весть о Пугачеве дошла до Екатеринбурга, где было сосредоточено управление всеми казенными и частными заводами Урала, тотчас началось формирование команд из заводских рабочих и приписных крестьян. Сюда были присланы люди с разных заводов. Напр., Демидов направил 394 человека со своего Нижне-Тагильского завода. Эти команды составили, как видно, довольно значительную часть местных войск, вообще численно крайне слабых. Их переводили с места на место. Так, один отряд был прислан в Кунгур, где он и принял участие в защите города. Крестьяне, приписанные к Верхне-Исетскому заводу, усердно действовали против пугачевских отрядов. Но, с другой стороны, заводские рабочие находились также в рядах нападавших на города. При осаде Челябинска на помощь восставшим пришла партия кыштымских крестьян с двумя пушками.

Казенный Юговский завод был укреплен и усиленно вооружен. Первоначально работа здесь шла обычным темпом, быть может, потому что приписным крестьянам на казенных заводах было легче, чем на частных, и к тому же юговские крестьяне жили поблизости от завода, и потому горнозаводская работа не обременяла их чрезмерно. Но когда Пугачевское движение (в декабре) разрослось и возникла угроза для Пермских заводов, горное и медноплавильное дело было приостановлено. Все стали на охрану. Управителей Юговского и Аннинского заводов назначили начальниками отрядов.

Опасность для Пермских заводов стала более реальной с водворением (в конце 1773 г.) в с. Чесноковке, вблизи Уфы, пугачевского сподвижника Чики (Зарубина), именовавшегося графом Чернышевым. В его ведение поступили все заводы, и ему было поручено прекратить грабежи башкир и даже казнить злодеев в пример другим. Получив это назначение, он взял с собою 30 рабочих Воскресенского завода. Но именно под его защитой башкиры расширили арену своей деятельности. Шайка уфимских башкир, соединившись с местными, разграбив попутно Шермя.

итский медный завод, заняла Осу, от которой находились: на расстоянии 70 верст — Аннинский завод и 100 верст — Юговский, и которая стала серьезным опорным пунктом.

Чердынские крестьяне, приписанные к Аннинскому заводу и частично обращенные на нем в постоянных работников, и прежде не раз волновались. Они, как мы выше сказали, об'явили себя сторонниками Пугачева. Так же поступил Юговский завод (Осокина), население которого вместе с башкирами разграбило его. Затем был захвачен и Юго-Камский завод.

Движение направлялось к Екатеринбургу, — пугачевский полковник Белобородов овладел частными заводами: обоими Сергинскими, Бисертским и Билимбаевским, как бы служившими ему форпостами, чтобы добраться до Екатеринбурга. На Билимбаевском заводе Белобородов выбрал из числа горнорабочих триста, наиболее здоровых, и взял их в свое войско. Рабочие грабили завод, — „Горите, наши долги“, — кричали рабочие, бросая в огонь расчетные книжки. Затем жертвами его наступления явились заводы, расположенные к северу: Силвинский, Шайтанский (Ширяева) и два Уткинских (Яковлева и Демидова). Белобородов пытался укрепиться на Каслинском заводе — у него было 200 человек с Ревдинского завода, с Шайтанского 250 и своих 25; потом он добрал до 1000 душ. Но завод был взят войсками штурмом, и Белобородов бежал на Саткинский завод (Лугинина), откуда ушел к Пугачеву.

А позже другая волна захватила ряд заводов, находившихся к югу от Екатеринбурга. В апреле 1774 г., разбитый кн. Голицыным, Пугачев подошел к заводам Оренбургского района, где у него были приверженцы, и там запасся оружием. А вначале мая он вышел из разоренного им Белорецкого завода и в дальнейшем побывал на двух заводах Лугинина — Златоустовском и Саткинском, где все покорились ему. Затем он вошел в Иргинский завод, сжег Уинский (Ольгинский) завод и Шермаитский, уже однажды разграбленный, и остановился в Осе. Когда же отсюда Пугачев двинулся в юго-западном направлении к Казани, он заглянул на Воткинский завод, который был зажжен, и на Ижевский завод, — последний был взят после сопротивления и сожжен; сто крестьян были взяты в ряды казаков, а остальные распущены по домам. Далее Пугачев разорил еще несколько заводов, лежавших на его пути.

Всего во время пугачевского движения было захвачено 56 заводов, из коих многие сильно пострадали и даже были уничтожены. Например, в районе Перми (к югу) — Уинский, Шермяитский, Рождественский, Юго-Камский, Камбарский, Юговский, (Осокина), Иргинской, Саранинский, Суксунский, Бымовский, Ашапский, Тисовский; в Башкирии — Воскресенский, Покровский, Архангельский, Преображенский, Белорецкий, Симский, Кананикольский, Авзяно-Петровский, Котурский, Кагинский, Златоустовский, Вознесенский.

Многие заводы, как мы видели, добровольно переходили на сторону Пугачева. Но были случаи, когда заводы оказывали ему упорное сопротивление. Так, Уткинский завод, на котором было 15 пушек и куда было

прислано 500 человек с Тагильского завода, защищался сержантом Скурловым с шестью солдатами и набранными с завода мастеровыми в течение трех дней. Потери с обоих сторон простирались до тысячи человек. Отряд из 700 башкир и 300 заводских крестьян три дня осаждал Сысертский завод, но безуспешно, так как владелец укрепил его и вооружил рабочих, а на четвертый день подоспел воинский отряд в 600 человек.

Но и те, которые перешли на сторону Пугачева, действуя стихийно, не оказались настолько преданными ему, чтобы последовать за ним, когда он, перейдя Волгу, порвал связь с Уралом. Да и прежде, после каждого его поражения, крестьяне толпами возвращались домой. Власти относились к ним снисходительно.

Вообще, как мы отметили в предыдущей главе, рабочие, вовлеченные в горнозаводскую промышленность, делились на две группы, различные по своему экономическому быту и своим материальным интересам. Постоянные рабочие в массе существовали на заработок, который им давало горнозаводское предприятие; временные же рабочие, в лице приписных крестьян, строили свое благополучие на сельском хозяйстве и только и мечтали об уходе с завода. При таких обстоятельствах среди горнозаводских рабочих не всегда могло быть единомыслие по вопросу о судьбе предприятия — отдать ли его восставшим или добиваться того, чтобы завод продолжал существовать. К тому же поведение рабочих зависело и от внешних условий. Когда управители и приказчики заблаговременно покидали завод, он оказывался предоставленным самому себе и в таких случаях рабочие переходили на сторону Пугачева. С другой стороны, как мы уже сказали, рабочие были нередко лишены возможности защищаться, не имея оружия, а правительство было бессильно оказывать заводам военную помощь [1]).

К сентябрю 1774 г. Пугачев покинул пределы Уральских горных заводов, и многие предприятия, бездействовавшие в течение ряда месяцев, возобновили работу.

В ближайшие годы после пугачевского бунта вывоз русского железа сократился, как это видно из ниже приводимых цифр [2]).

---

1) *Дубровин.* Пугачев и его сообщники (2 и 3 т. т.). — *С. Тхоржевский.* Социальный состав пугачевщины (Исторический журнал „Труд в России“, 1925 г., книга первая). — *Н. Чупин.* Член Екатеринбургской горной комиссии Башмаков (в „Сборнике статей, касающихся Пермской губ. и т. д.“, вып. 1. 1882 г.). — *Его же.* Пугачевщина (Русская Старина, т. XII, стр. 390 и след., 540 и след.) — *Д. Планер.* О мерах предосторожности, которые принимаемы были Пермскими заводами во время Пугачевского бунта (Пермский сборник, кн. I). — *А. Зырянов.* Пугачевский бунт в Шадринском уезде (Пермский сборник, кн. I. Москва, 1859 г.). — *И. Рябов.* Былина и временность Нижне-Тагильских заводов (Ученые записки Казанского Университета, 1848 г, кн. 2). — *А. Дмитриев-Мамонов,* Пугачевский бунт в Зауральи и Сибири (СПБ. 1907 г.). — *Я. Ханыков.* Обозрение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 г. (Материалы для статистики Рос. Империи, изд. Мин. Внутр. дел. 1841 г., отд. IV). — *С. Томсинский* Роль рабочих в пугачевском восстании (Красная Новь, 1925 г., кн. 2).

2) Цифры извлечены из архива коммерц-коллегии, дело комиссии о коммерции, связки №№ 26, 159. Эти данные любезно сообщены мне *А. Н. Шебуниным.*

Вывоз железа через Петербургский порт.

Годы.	Казенные заводы.		Частные заводы.	
	Число пудов.	Сумма в рублях.	Число пудов.	Сумма в рублях.
1773	55.620	40 615	2.504.385	1.909.650
1774	42.270	29.739	2.204.978	1.673.821
1775	61.965	44.015	1.712.918	1.386.241
1776	26.230	20.984	2.328.050	1.881.472
1777	38.239	30 591	2.697.091	2.167.503

Возможно, что это вызывалось отчасти тем, что Россия в ту пору воевала с Турцией (мир был заключен в 1775 г.), и казенным заводам приходилось работать на внутреннюю потребность. Но наряду с указанной причиной, вероятно, сыграло роль в уменьшении экспорта железа то обстоятельство, что в дни Пугачева многие заводы не работали, причем далеко не все они могли сразу восстановить свою прежнюю производительность. И, быть может, потому, что общая уральская производительность упала, цена на вывозное железо поднялась, чего правительство так добивалось и с этой целью возбуждало даже вопрос о принудительном уменьшении производства.

Пугачевское движение не только расстроило работу многих заводов, но, быть может, и замедлило количественный рост горных заводов Если в 1773 году, во второй половине которого началась Пугачевщина, еще успели возникнуть на Урале три новые завода, то в ближайшие два года новых заводов не появилось; в 1776 г. были построены два завода, а затем опять наступил перерыв; в 1779 г. мы видим два новых завода, а в 1783 году — три[1]). Возможно, однако, что в данном отношении сыграл важную роль вопрос о рабочей силе, разрешение которого представляло для новых заводов много трудностей, раз запрещено было покупать крестьян к заводам, а о приписке казенных крестьян вряд ли могла быть и речь, если порою даже старые заводы, как мы увидим в дальнейшем, лишались их.

Вообще, в последние десятилетия 18-го века горнозаводское дело на Урале пришло в упадок — многие рудники были исчерпаны, леса отошли на большие расстояния от заводов, в техническом отношении многие заводы почти не развивались, не имея нужных специалистов. Так, например, обычно штейгеры пробивали ширфы (шурфы) на удачу или „по слепому случаю“, так как судить о медной руде по поверхности земли не могли; далее, за неимением искусных мастеров приходилось много проплавлять для

[1]) *Колюпанов.* Хронологический перечень заводов (Горный журнал, 1871 г., кн. 6).

пробы — все это часто ничего не приносило, кроме убытка. К тому же нередко начинали разрабатывать рудник, в свое время уже исчерпанный, но затем забытый и заросший лесом.

Крайне печальную картину представляли к концу 18-го века Гороблагодатские, Каменские и Пермские заводы. Один только Воткинский находился в удовлетворительном состоянии. Остальные были ветхи, рушились. Первоначальное устройство зданий не соответствовало усложнившемуся производству, благодаря чему замедлялась работа, требовалось чрезмерное количество людей, и разработка рудников встречалась с громадными затруднениями. Когда в начале руда доставалась легко, тогда не думали о будущем, и камень, добывавшийся вместе с рудой, валили там, где находилась руда, в те времена почти совершенно не ценившаяся. Впоследствии же, когда эта руда, за истощением других мест, стала нужной, приходилось тратить много сил, чтобы ее извлечь.

На заводах ощущался недостаток в мастеровых, особенно искусных (благодаря последнему обстоятельству пропадало напрасно много припасов), и так как на смену старым опытным мастеровым не приходили подготовленные молодые рабочие, то заводоуправления заставляли работать совершенно состарившихся людей, которые „едва дышут". Из-за того же недостатка в людях на работу брали неокрепших подростков, которые быстро истощались на непосильных работах. Когда они убегали, их жестоко наказывали.

По той же причине на работу брали женщин. В 1787 г. на Березовских золотых приисках (возникших в 50-х годах) было подтверждено распоряжение 1768 г. о привлечении к работам женщин, подрослых дочерей, вдов и т. д. Насколько женский труд на Урале упрочился, видно из того, что когда в 1798 г. состоялось распоряжение об устройстве суконной и холщевой фабрик при банковских [1]) горных заводах, то было велено взять на работу девушек, вдов и сирот, и чтобы они при этих занятиях находились беспрекословно (им платили по семь копеек в день и выдавали хлеб по уменьшенной цене). Когда же два года спустя начальство банковских заводов запросило главную канцелярию заводоуправления, можно ли взять на работу женщин по принуждению, то главная канцелярия ответила, что незачем было ее утруждать вопросом, так как начальство банковских заводов должно самостоятельно „употребить лучшее хозяйство и расчет в рабочих людях и женках". Вслед за тем начальник заводов Ярцев (по Богословским заводам) предписал банковским заводам усилить вольными людьми подсобные работы, и тогда женщины были взяты на кучную и другие работы с обычной платой и выдачей хлебного пайка. Указом 14 мая 1799 г. (о котором речь ниже) вопрос о работе девушек был поставлен в зависимость от воли отцов, причем было велено давать безденежно провиант до достижения ими 18-летнего возраста. Этот указ был получен на банковских

---

[1]) Банковскими заводами назывались прежние Богословские заводы Походяшина купленные государств. банком.

заводах только 22 апреля 1802 года! И этого с времени на банковских заводах перестали принуждать женщин к работам — брали только тех, которые выражали желание. Однако на других заводах женщин принудительно посылали на работу. Еще в 1812 году поверенные от общества мастеров Миасского завода жаловались, что их жен и дочерей принуждают к работам. Это об'яснялось тем, что Миасский завод перешел к казне в 1797 году от заводчика Кнауфа, который, в свою очередь, купил его у Лугинина, и так как при частном владении женщин посылали на работу по осыпке куч и промывке медных руд за поденную плату, то этот порядок продолжался и тогда, когда завод перешел к казне. На этом основании и на Златоустовских заводах женщины выполняли „заводские работы по силам их", — а эти работы заключались в промывке медной руды; кроме того, женщин ставили на кузнечные работы[1]).

Старые мастеровые, окончательно утрачивавшие возможность оставаться на своей обычной работе, переводились на более легкие, и при этом им уменьшали заработную плату, так, что случалось после 40 лет работы, мастеровой переходил с 70 руб. на 12 руб. в год. Мастеровые, выбывшие из строя, обрекались на самое жалкое существование. Множество увечных ложилось бременем на заводы.

Вообще, не получая выгоды от своей работы, мастеровой работал только под страхом наказания. Эта „строгость принуждения делала его унылым", как сообщал начальник Гороблагодатских и Пермских заводов Дерябин, „а унылость духа затмевает его способности", что отражалось на производстве.

Если обратиться к вопросу о том, из каких элементов были составлены кадры мастеровых и работных людей, то в последние годы 18-го века и первые 19-го века, судя по данным, относящимся к 111 частным заводам, находившимся под ведомством Екатеринбургского горного начальства (т.-е. в губерниях: Оренбургской, Пермской, Казанской, Вятской и Тобольской — в последней два маленьких завода),— среди мастеровых почти вовсе не было вольнонаемных, в лучшем случае они насчитывались только десятками. Из означенных 111 заводов — 47 заводов пользовались в той или иной мере „казенными мастеровыми" и „вечно-отданными" (в 28 случаях сверх того были и приписные), причем наряду с ними нередко фигурировали и собственные крепостные; на остальных же 64 заводах работали только собственные крепостные[2]).

Несмотря на беспрерывный рост цен на предметы первой необходимости, заработная плата, установленная за много десятков лет назад, почти не изменялась, и в конце 18-го века это обстоятельство получило крайне яркое выражение.

---

[1]) Архив общей канцелярии министра финансов, 2 стол, 1 отд., 1831 г., дело № 21 «Об употреблении в зав.. работы женщин».

[2]) Эти цифры выведены из данных, имеющихся в книге *Германа* „Описание заводов под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих". 1808 г.

Отметим, что в Пермской губернии в 80-х годах существовали следующие цены: пуд ржаной муки — 46 коп., пшеничной — 54 коп.; пуд говядины — 40 коп.; фунт масла — 6 коп., лучшего — 10 коп.; бутылка пива и меда по — 3 коп.; ведро хлебного вина — 3 рубля; десяток яиц — 6 коп.; фунт сахару — от 38 до 40 коп.; фунт зеленого чая — около 2 р. [1])

На Березовских казенных золотых приисках работавшие при добыче получали следующее вознаграждение.

Должность.	Статья.	Число лиц.	Годовое жалованье каждого в рублях.
Оберштейгеры		3	72
Штейгеры	первая	6	60
	вторая	6	54
	третья	6	48
Унтер-штейгеры	первая	6	42
	вторая	12	36
	третья	18	30
Бергауеры	первая	60	24
	вторая	60	20
Рядовые горные работники	первая	519	16
	вторая	522	12

За выковку железа мастер получал сдельную плату: сходное железо по 3 копейки за пуд, несходное — по 2 копейки, раскованное — по $1^1/_2$ копейки; подмастерье получал в половинном размере, а работник с каждого разбора — по $^3/_4$ коп. с пуда. Сдельная плата за уклад: мастер—по $9^1/_2$ коп. с пуда, ученик—по $3^1/_2$ коп.

Наряду со взрослыми мастеровыми работали подростки и малолетние. Так, на Миасском медноплавильном заводе в работе находилось „мастеровых с подростками и малолетними 535 душ“.

На одном частном медноплавильном заводе собственные крепостные, работавшие в две смены, т.-е. по 12 часов, получали 10 и 12 коп. в день, „впрочем же определенного жалованья при сем заводе не положено, поелику здешние мастеровые—все крепостные люди здешнего завода господина, от воли которого-де зависит определить им такое или другое жалованье“.

За добычу руды плата устанавливалась посаженная. На рудниках, обслуживавших Бымовский медноплавильный завод (на котором работали собственные крестьяне и вольнонаемные государственные крестьяне), порода, с которой была смешана руда, всюду была одинаковая, но существовали различия в твердости и рыхлости породы, а потому и плата была различная. Если песчаный камень бывал более рыхлым, то за

---

[1]) *Н. Чупин*, О ценах на разные предметы и т. п. („В сборнике статей, касающихся Пермской губ.“, вып. I).

сажень платили по рублю, если тверже — по два рубля. В работе на описанных рудниках принимали участие и дети — именно они в большинстве занимались разборкой руды[1]).

Положение мастеровых было столь плачевно, что в 1785 году было велено выработать новые штаты по казенным заводам и брать с мастеровых за пуд хлеба всего 20 коп., хотя цена, по которой он покупался заводскими магазинами, была выше [2]). Но никто не позаботился о проведении новых штатов. На заводах—Ижевском и Воткинском, как и на других, наибольшее число мастеровых и работных людей получало по 12 14 и 18 рублей в год, причем за это ничтожное жалованье они работали и в праздничные дни, и только в 1788 г. было постановлено за праздничные дни платить поденно, сколько причитается пропорционально окладу [3]). Сдельная плата мастеровых в размере $^3/_4$ копейки с каждого пуда выделанного железа, установленная в 1737 г., не изменялась в течение пятидесяти лет, хотя за это время не только вздорожала жизнь, но и выделка стала более сложной из новых „затруднительных" сортов. На это обратил внимание пермский и тобольский генерал-губернатор Волков, который вообще стремился к улучшению положения рабочих, и по его докладу сдельная плата была повышена на $^1/_4$ коп. с пуда, причем эта прибавка стала обязательной и для частных заводов, так как вообще мастеровые на частных заводах получали вознаграждение по примеру казенных [4]). Впрочем, это облегчение могло коснуться лишь немногих мастеровых,— к началу 19-го века, в целях экономии, сдельную плату почти всюду заменили жалованьем. Это обстоятельство отразилось на производительности, так как мастеровые, переведенные на жалованье, стали менее интенсивно работать, сберегая свои силы для домашних работ.

Отметим, что мастеровые почти не имели отдыха, в особенности на медных заводах, где ради экономии времени и материалов нельзя было останавливать действие плавильных печей, и таким образом мастеровые не могли подрабатывать; краткосрочные отпуски давались только для заготовки сена. Обременительными для рабочих были вычеты на больницы, а также необходимость покупать с'естные припасы и вещи в заводском магазине, уплачивая 10% с цены покупки на содержание магазина, что по официальному сообщению „ввело их уже в беднейшее состояние". В лучшем положении могли бы быть мастера и подмастерья при ковке металла, получавшие сдельную плату, но частые перерывы в работе из-за порчи машин или из-за недостатка сырья приводили к

---

[1]) *И. Герман.* Сочинения о сибирских рудниках и заводах, ч. I (1797), стр. 20, 47, 108—110 и др. — *Его же.* Описание заводов, под ведомством Екатеринб. горного начальства состоящих, стр. 94.— Хозяйственное описание Пермской губ. I. (СПБ. 1811), стр. 71 и др. (в книге на стр. 331—385 дано описание местных рудников и заводов). — *Дерябин.* Историческое описание горных дел в России (в книге „Высочайше утвержденные доклады и др. сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов"), ч. I, СПБ, 1807 г., стр. 163—172.

[2]) Первое собрание законов, № 16201 (15 мая 1785).

[3]) Первое собрание законов, № 16696 (5 августа 1788).

[4]) Первое собрание законов, № 16892 (1 августа 1790).

тому, что они не зарабатывали денег даже на хлеб. И бедность мастеровых достигла таких размеров, что на Гороблагодатских заводах они задолжали казне около 50 тысяч рублей.

Мастеровым выдавали, как мы знаем, хлеб по 20 коп. за пуд, но в недостаточном количестве: в месяц — холостым по два пуда, женатым всего по три пуда, т.-е. на жену прибавлялся только один пуд, и детям полагалось, как женщинам, лишь по одному пуду, а потому хлеб „пожирает плату" у многосемейных, в действительности потреблявших большее количество хлеба; у них, за вычетом денег на хлеб, оставалось в месяц не более трех, двух и даже одной с четвертью копейки на покупку крупы, мяса и т. д.

Общее вздорожание жизни отражалось на всех видах рабочей силы, но вольнонаемные легче, конечно, могли добиться повышения заработной платы, чем казенные мастеровые и приписные крестьяне; однако, как мы увидим в дальнейшем, приписным уже в 1779-м году увеличили заработную плату, и таким образом одни мастеровые оставались на старинной расценке. Характерно, что повышение заработной платы вольнонаемных рабочих, а может быть и приписных крестьян, дало основание рудопромышленникам домогаться увеличения платы за доставлявшуюся ими на казенные заводы руду, и плата была повышена именно в виду вздорожания жизни и рабочей силы [1]). Но мастеровые все еще продолжали бедствовать. Наконец, в виду их тяжелого положения, было постановлено (1799 г.): взимать по 20 коп. за пуд хлеба до тех пор, пока заводские магазины будут покупать его по цене от 50 коп. до рубля, да и то брать по 20 коп. только с тех мастеровых, которые получают в месяц от пяти до семи рублей (1-ый разряд), а с получающих месячное жалованье в размере двух и трех рублей (2-ой разряд) взимать только по 10 коп. за пуд, когда же цена на хлеб упадет ниже 50 коп., тогда взимать с мастеровых 1-го разряда по 10 коп. за пуд, а мастеровым 2-го разряда отпускать хлеб даром. Что касается рабочих, получающих в месяц всего один рубль (3-ий разряд), то им, не исключая малолетних рабочих, давать хлеб всегда бесплатно. При этом порция хлеба, отпускаемого по удешевленной цене и даром, была увеличена на один пуд для женщин, и в паек были включены все дети до 12-ти летнего возраста. Мальчики, начиная с 12-ти летнего возраста, в отношении выдачи хлеба были уравнены со взрослыми, но при этом они должны были состоять при разборке руды и др. занятиях, получая за это определенную плату (девушки получали льготный хлебный паек до 18 лет).

Вместе с тем рабочие были освобождены от больничных сборов и от отчислений на заводские магазины [2]). Тогда же, как видно, состоялось распоряжение, чтобы в тех случаях, когда приходится работать в праздничные дни, плата выдавалась в двойном размере [3]).

---

[1]) Первое собрание законов, № 17077 (13 октября 1792 г.). О дальнейшем увеличении платы за руду, см. №№ 21515 и 29349.

[2]) Первое собрание законов, № 18965 (14 мая 1799 г.).

[3]) См. Архив истории труда в России, кн. 5, часть 2-ая, стр. 5, где есть ссылка на указ 13 апреля 1799 г.

Мы видим, что бесплатная и льготная выдача хлеба значительно подняла фактическую заработную плату. Напр., если считать семью из мужа, жены и двоих детей, то семья рабочего 3-го разряда получала: жалованья 1 рубль и бесплатно хлеба 6 пудов, которые обходились заводу не дешевле 3 рублей.

Возможно, что благодаря этому положение мастеровых улучшилось. Имеется свидетельство, повидимому, в общем беспристрастное, что среди мастеровых, особенно на больших частных заводах, имелись имущие лица, которые пускали свои средства в торговые обороты. Порою, превосходя настоящих купцов, они торговали на ярмарках, продавали местные товары во внутренних губерниях, а оттуда привозили то, что было необходимо заводскому населению. Первоначальные же средства мастеровые накопляли, занимаясь ремеслами — среди них были весьма искусные, каковых не было и в городах; они не имели соперников в изготовлении металлической посуды. Этой ремесленной и торговой деятельностью мастеровые приближались к городским жителям. А склонностью к сельскому хозяйству (у них бывал скот, хотя и в небольшом количестве; порою ими высевалось немного хлеба) они напоминали крестьян. „Впрочем, — прибавляет современник, описывающий первое десятилетие 19-го века, — есть и такие заводы, где жители по большей части бедны“ [1]).

Как мы знаем, основные процессы горнозаводской работы — добывание руды и обработка ее — требовали во много раз меньше рабочей силы, чем подсобные работы — доставка руды, нередко за много десятков верст, к заводу; рубка леса; жжение угля; доставка этих материалов на завод; возка металла к месту продажи. И потому временных работников, выполнявших эти подсобные работы, а нередко находившихся также при добывании руды [2]), было во много раз больше, чем мастеровых и работных людей, постоянно состоявших при горнозаводском предприятии и выполнявших на нем основные работы. Таким образом вполне понятно, что старый вопрос о снабжении заводов рабочей силой для подсобных работ никак не мог утратить своего былого значения. Наряду с этим непрекращавшееся среди горнозаводских крестьян недовольство сохранило за этим вопросом его прежнюю остроту. Но сверх того, состав подсобной рабочей силы получил еще материальное значение для заводчиков и правительства. Правительство, после почти столетнего обыкновения бесплатно давать заводчикам землю, лес и рабочую силу, решило впредь делить заводчиков на две группы: на тех, которые получили от казны пособие — будь то людьми или землей, или лесом, — их заводы стали именоваться поссессионными, и на тех, которые построили заводы без помощи со стороны казны, пользуясь трудом собственных крепостных крестьян или вольнонаемных. Первая

[1]) Хозяйственное описание Пермской губернии, т. III (1813 г., составлено официальным лицом), стр. 89—90.

[2]) По словам *Германа* (Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих, 1 отд.) в начале 19-го века приписные к казенным заводам заготовляли припасы и добывали медную руду.

группа (поссессионных) должна была впредь за плавку чугуна платить сбор, сверх прежних 4 копеек, еще дополнительно 4 копейки, а вторая группа (владельческих), кроме прежних 4 копеек, только 2 копейки; а сбор с плавки меди сверх десятины был установлен: для первой группы в размере 10 копеек со ста пудов, а для второй группы — всего 5 копеек со ста пудов. И это различие было сохранено, когда сбор с меди был уменьшен [1]). Таким образом, приписные крестьяне, наряду с лесами и землею, получили для правительства известную денежную ценность. И вскоре слово „поссессия" стало официально применяться к тем благам, которые казна отпускала заводчикам.

В отношении количества производимого металла (во всероссийском масштабе) заводы, пользовавшиеся вольнонаемными рабочими и собственными крестьянами, играли более значительную роль, чем заводы, имевшие приписных. По данным, относящимся к 1777 году, заводы, имевшие приписных крестьян, выплавили 2.340.000 пудов чугуна, а заводы, не имевшие приписных и, следовательно, пользовавшиеся трудом собственных крепостных или вольнонаемных, выплавили 3.820.000 пудов чугуна [2]). Однако, количественное соотношение выплавленного чугуна обоими группами заводов вовсе не говорит о том, что группа собственных крепостных и вольнонаемных была соответственно более многочисленна, чем группа приписных, так как известно, что производительность вольнонаемных (быть может, также и собственных крестьян) в значительной мере превосходила производительность приписных, которые в силу своих экономических интересов нехотя вырабатывали тот обязательный минимум, который был равноценен подушному окладу. В виду этого надо думать, что приписных было более, чем вольнонаемных и крепостных, в особенности на Урале, где водворение последних встречалось с особыми затруднениями из-за пустынности земель.

На пороге 19-го века из числа 111 заводов, находившихся в ведомстве Екатеринбургского горного управления, 58 заводов не пользовались ни в какой мере казенной рабочей силой,— они обслуживались собственными крепостными людьми, но многие из них были скромного размера, ограничиваясь парой сотен, а то и несколькими десятками рабочих; в группе этих заводов вольнонаемный труд встречается в 28 случаях, причем в среднем на каждом из них, вероятно, нельзя считать более 150—175 человек, да и то эти вольные далеко не всегда состояли постоянными рабочими; из группы 19 заводов, не имевших приписных крестьян, но имевших от казны мастеровых людей, 5 заводов прибегали к услугам вольнонаемных — в общем по 100 человек на завод, только Ржевский завод

---

[1]) Первое собрание законов, № 17225 (23 июня 1794 г.) и № 18179 (3 октября 1797 г.), № 18211 (18 октября 1797 г.) — „учинить свидетельство о казенных землях и прочих поссессиях, к частным фабрикам и заводам приписанных".

О сборах с заводчиков см. Первое собрание законов, №№ 19164, 24116 (ст. X, П. 10), 25301, 29973 и др.

[2]) Секретная экспедиция сената, № 1291 (эти цифры приведены при обсуждении вопроса об увеличении заработной платы приписных крестьян).

насчитывал до 2000 вольнонаемных, обращенных на „кучные работы, перевозку руды и флюсов". А среди 34 заводов, имевших приписных крестьян, только 11 призывали вольнонаемных, почти все в небольшом числе, да и то лишь временно, как видно, для перевозок; только Верхне-Исетский завод брал до 2.500 вольнонаемных на временные работы „в куреньях" и Сысертский до одной тысячи [1]).

Таким образом, главная масса временных рабочих состояла из приписных и из собственных, причем случалось, что на заводе рука об руку с приписными работали и собственные люди. А так как новая приписка крестьян стала невозможной в виду возникавших среди них волнений, то заводчики при постройке новых заводов или расширении старых по необходимости должны были добиваться приобретения помещичьих крепостных. Но покупка их для заводов была запрещена в 1762 г. Поэтому действовать легально в этом отношении было нельзя.

Крепостные крестьяне обычно в большей мере щадились заводчиками, чем приписные — вспомним, что сами приписные свидетельствовали об этом в своих наказах. Далее, крепостные крестьяне в случае выступления против своих господ не могли рассчитывать на такое же внимание со стороны правительства, как приписные, в материальном благополучии которых правительство было непосредственно заинтересовано. И, тем не менее, среди крепостных крестьян, работавших на заводах у своих господ, неоднократно возникали волнения. Отметим, напр., кровавое столкновение (1796 г.) крепостных, работавших на Пожевском заводе Всеволожского, с воинским отрядом, когда была пущена в действие пушка, или беспорядки на Кизеловском (Кызеловском) заводе Лазарева [2]).

Правительство оказывало заводчикам помощь для приведения крепостных в повиновение. Но еще большее значение правительство придавало возмущению приписных крестьян, как угрожавшему принять широкие размеры и перекинуться на соседние заводы. Приписных крестьян, помимо тяжелого материального положения, побуждало к открытым выступлениям также сознание, что массы их сотоварищей, казенных крестьян, свободны от заводских работ, а добровольно работая на заводах, получают большее вознаграждение, чем приписные, сознание, что они сами, приписные, могли бы при счастливых обстоятельствах вернуться в первобытное состояние, стать обычными казенными крестьянами. И возможно, что события на горных заводах, связанные с Пугачевским движением, еще более усилили желание избавиться от горнозаводских работ.

Прошло всего около полугода со времени ликвидации Пугачевщины на Урале, как крестьяне Казанского уезда, приписанные к Авзяно-Петровским железным заводам Евдокима Демидова, отказались (март 1775 г.) от выхода из деревень на завод. Посланному капитану удалось склонить их к повиновению. Они уже готовились выйти на работу. Но вслед за

---

[1]) На основании данных из книги *Германа* „Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского начальства состоящих".

[2]) *Н. Новокрещенных.* Постройка Кизеловского завода (Уфа, 1892 г.), стр. 78 и след., стр. 87 и след.

тем одна партия, „низовая сотня“, своевольно разошлась по домам. Виновником этого ослушания был признан выборный от крестьян села Котловки — Креков. В то же время к губернатору поступила от крестьян жалоба, заключавшаяся в следующем: купив от Шувалова Авзяно-Петровский завод, Демидов построил под этим же именем еще три завода, и работа на новых заводах возложена на тех же крестьян. Вопреки закону, высланным на завод 560 человекам ничего не было уплачено, и они должны были отправиться на собственный счет. Так как, по поступившим сведениям, низовая сотня „делала великие своевольства и озорничества и сборы денежные“, то для усмирения крестьян было послано 20 гренадер. Но крестьяне, собравшись из восьми селений, „все до последнего встретя того капитана единогласным криком, из‘являющим их сопротивление“, заявили, что среди них нет зачинщиков, что они все равны и никого не выдадут. И, превратно истолковывая манифест 17 марта 1775 г. о дозволении беглым безнаказанно вернуться на старые места, крестьяне говорили, что они освобождены от заводских работ. Затем все собрались в с. Благодать, чтобы встретить там военную команду. Тогда против них были посланы две роты гренадер с пушкою, и крестьяне смирились, а зачинщики — Креков с восемью товарищами — принесли повинную. Их подвергли наказанию в месте жительства, а потом с семьями отправили вглубь Сибири [1]).

Дозволение беглым вернуться на старые места противоречило интересам тех заводчиков, которые пользовались трудом беглых и эксплоатировали этих беззащитных людей. И потому на Богословских заводах Походяшина беглые, выразившие желание вернуться домой, не только не были отпущены, но подверглись еще тяжким преследованиям. А когда некоторые из них бежали, за ними была послана вооруженная команда из заводских людей, и погоня завершилась кровопролитием. Пойманные были обриты, наказаны плетьми, а затем их направили на рудники, где они работали, привязанные канатами. Полковник Маслов, арендовавший у казны Лялинский завод и принятый в округе за должностное лицо, решил выступить на защиту походяшинских рабочих. Он донес обо всем властям но следствие ничем не окончилось. Между тем, присланный на Богословские заводы, по просьбе Походяшина, офицер подверг рабочих публичному наказанию, „нещадно принуждая к работе“. Это побудило Маслова вновь обратиться к петербургским властям, и берг-коллегия послала на завод Походяшина подполковника Позднякова, главного судью Екатеринбургской конторы. Ему было предписано быть справедливым к „утесненным“, но чтобы и заводчику „ни малейшей наглости и притеснения оказано не было“. Поздняков не хотел вредить Походяшину и с этой целью многие показания допрошенных людей подверглись переделкам в пользу заводчика. Но при всем том, следствие обнаружило, что на заводе находилось до 500 беспаспортных из Сибири, Казанской, Архангельской и других губерний, которые жили при заводе в течение нескольких

[1]) *Крамаренков*, стр. 209 и след.

лет (а раньше их число, вероятно, было более значительным, так как заводчик, как надо полагать, узнав о ревизии, постарался удалить тех, кто мог его скомпрометировать), и большинство не получало заработной платы, а только одежду и пропитание, но и при этом числились должными заводчику большие суммы денег. Нежелающих работать заставляли насильно поркой и другими карами. И женщин наказывали телесно за невыход на работу. Вообще, наказания были жестоки: секли плетьми, иногда растягивая в кольцах за руки и ноги; отправляли на работу по нескольку человек, связанных веревками; заставляли работать в кандалах, в арестном доме приковывали к стене; надевали ошейник и железные рога; иногда сковывали руку и ногу „на косо" [1]).

Пока происходило расследование по указанному делу на Богословском заводе (входившем в состав Турьинских заводов), Походяшин тревожился о судьбе как этого, так и уже упомянутого нами выше Петропавловского завода, насколько она зависела от разрешения вопроса о рабочей силе. Дело в том, что в 1778 г. истекал срок приписки к ним чердынских крестьян [2]). Рассчитывать на новое продление срока было трудно, к тому же число приписных было недостаточно, а потому Походяшин стал заблаговременно помышлять о снабжении указанных заводов новой рабочей силой. Он придумал комбинацию, войдя для ее осуществления в деловые сношения с тайным советником и сенатором Всеволожским. Купив в Казанской губернии медноплавильный Пожевский завод, Всеволожский добился (в июне 1773 г.) того, что принадлежащими к этому заводу были признаны 5.228 крестьян, из коих 181 был приписным, 4.019 взяты из его пермских вотчин и 1.028 куплены им у разных лиц. Указанное количество крестьян соответствовало определенному числу печей и молотов, которые Всеволожский обещал поставить в виду богатой руды и обилия воды, обещавших заводу успех. А всего полгода спустя Всеволожский продал Походяшину три четверти Пожевского завода с пропорциональным количеством крестьян — 3.900 душ. И берг-коллегия с исключительной быстротой утвердила эту сделку. Но прошел еще год, и Походяшин обратился в берг-коллегию с просьбой о разрешении ему перевести означенных 3.900 крестьян с Пожевского завода на Петропавловский и Богословский заводы, мотивируя это тем, что доставшиеся ему на Пожевском заводе рудники столь бедны и далеки от завода, что он потерпит от них лишь убыток, а между тем Петропавловский и Богословский заводы страдают только из-за отсутствия собственных людей — вольнонаемных в том крае слишком мало, приписные же крестьяне, обязанные отработать только подушную подать, посвящают заводскому делу очень мало времени. И берг-коллегия (в начале 1776 г.) выразила на это

---

[1]) *Н. Чупин*. О Богословских заводах и о заводчике Походяшине (Сборник статей, касающихся Пермской губернии, вып. I, 1882 г.). — *Семевский*, т. II, стр. 510 и след. Несколько лет спустя состоялось постановление об уплате заводчиком штрафа за содержание беглых и о разрешении желающим остаться при заводе; долг крестьян был признан недействительным.

[2]) См. выше, стр. 129.

свое согласие. Таким образом Походяшин снабдил свои заводы купленными крестьянами, взятыми из вотчин Всеволожского, а ведь по закону 1762 года было запрещено покупать помещичьих крестьян к горным заводам.

Дело о притеснении крестьян на Богословском заводе, поднятое Масловым, побудило высшую власть ознакомиться с вопросом о рабочей силе на всех походяшинских заводах, и тогда стало известно о противозаконном переводе крестьян с Пожевского завода на Богословский и Петропавловский. А в связи с этим Походяшин потерпел поражение в домогательстве о сохранении приписных чердынских крестьян на последних двух заводах. Разрешив ему перевод крестьян с Пожевского завода, берг-коллегия имела в виду, что чердынские крестьяне вскоре будут сняты с заводской работы. Тем не менее Походяшин возбудил в 1778 г. просьбу об оставлении чердынских крестьян, пока не будет издано новое уложение. Он рассчитывал на благосклонное отношение к нему берг-коллегии. Но тут вмешалась в дело Екатерина II, и в результате Походяшину было возвращено его прошение с указанием, что он не должен был подавать его. Чердынские крестьяне были сняты с походяшинских заводов. И тогда, несмотря на то, что походяшинские заводы лежали в глухой местности, нашлись вольнонаемные люди, из коих более тысячи человек обзавелись у рудников и заводов своими домами [1]).

Недовольство горнозаводских крестьян проявлялось не в одних только волнениях, — власти неоднократно получали жалобы от рабочих, сохранявших полное спокойствие в надежде, что их просьбы будут удовлетворены, но неоднократно подобные ходатайства оставались без результата [2]). Наконец, берг-коллегия, по распоряжению ее президента Соймонова, приступила к рассмотрению жалоб, поданных в сенат. Крестьяне говорили, что их отсылали на заводские работы не в назначенное время и удерживали на этих работах дольше, чем полагалось — так, первая партия, выходившая из домов к рубке дров в конце февраля, возвращалась в деревни в июне и в июле, и даже в августе, а вторая, конная, отправлявшаяся к жжению угля 12 августа, возвращалась домой в январе, феврале, марте и даже в апреле, а третья, конная, была занята возкой руды с 20 сентября до января и февраля. Кроме того, за самое ничтожное вознаграждение крестьян заставляли выполнять всякие посторонние работы, между прочим, горные. При таких условиях крестьяне, по их словам, были лишены возможности обеспечить себя пропитанием, и им приходилось нанимать людей, платя им в два, три и четыре раза дороже, чем сами получали. Отсюда проистекли недоимки в податях, которых они при указанных обстоятельствах не сумеют выплатить.

Разобравшись в жалобах, берг-коллегия убедилась, что крестьян высылают на рубку дров почти за месяц до срока и задерживают на три

---

[1]) Секретная экспедиция сената, № 1291, протокол 10 марта 1777 г.—*Семевский*, т. II, стр. 513—16.

[2]) Ср. *Семевский*, т. II, стр. 505—506.

лишних месяца, и при том в такое время, когда сельское хозяйство требует их присутствия в деревне; непомерно долго работают и две другие партии, причем высылка крестьян на горные работы противоречила разъяснению от 1747 г., что крестьяне не обязаны добывать руду. Берг-коллегия признала, что при создавшемся положении крестьяне терпят убытки на заводских работах, так как расходы на пропитание и содержание лошадей, при вздорожании цен на с'естные припасы и на фураж, превышают заработную плату. В свое время горная комиссия наметила ряд правил, направленных к охране интересов крестьян, но эти правила не были утверждены, поэтому следует возбудить о них вопрос, обратив внимание на необходимость повысить заработную плату. Рядом цифровых выкладок берг-коллегия доказывала, что увеличение вдвое платы, установленной если не по последнему плакату 1769 г., то по плакату 1724 г.,— не ляжет чрезмерно на цену металла, выпускаемого казенными заводами. Что касается частных заводов, то берг-коллегия заявила: „не уповательно чтобы и при всех партикулярных заводах многим больше те металлы приходили, следовательно, цены еще истинные таковы, которые от продажных здесь (в Петербурге) у порта оставляют заводчикам весьма довольные прибытки, а потому и безгрешно бы, казалось, уделить из того небольшую часть тем людям, коих единственно трудом все сии свершки заводосодержатели получают“. Быть может, крестьяне добровольно станут ходить на заводские работы, когда их труд будет надлежаще оплачен, когда их заработок на заводе будет соответствовать той выгоде, которую извлекают крестьяне из сельского труда, а, ведь, эта выгода не слишком велика, так как сельские крестьяне живут вдали от городов. От увеличения заработной платы пострадают только те заводы, которые обязаны поставлять железо и воинские снаряды правительственным учреждениям по ценам, установленным в 1728 г. и ранее. Но правительство может поднять цены на эти поставки сообразно с повышением заработной платы крестьян или же освободить заводчиков от поставок и приготовлять железо и снаряды на казенных заводах (как берг-коллегия незадолго до того предложила). А так как казна при этом потерпит ущерб, потому что не сможет продавать за рубеж прежнее количество своего железа (по 52 копейки за пуд), то пусть заводчики-поставщики, пользующиеся трудом приписных крестьян, примут на себя сугубую тяготу, а именно: они должны платить сбор по $1^1/_2$ копейки с пуда железа, т. е. втрое больше, чем заводчики, не имеющие приписных крестьян [1]).

Голос берг-коллегии был услышан. Манифестом 21 мая 1779 г. плата приписным крестьянам была увеличена вдвое против расценки, существовавшей до 1769 г., т. е. до того времени, когда она, как мы видели выше, была несколько увеличена, иначе говоря, плата была увеличена вдвое против расценки, установленной в 1724 г.

---

[1]) Секретная экспедиция сената, № 1291.

Новая поденная плата была, таким образом, установлена в следующем размере: летом — пеший 10 копеек, конный 20, зимою — пеший 8, конный 12 копеек. При этом попрежнему крестьяне должны были отрабатывать на заводе только 1 р. 70 к., а остальной рубль подушной подати вносить деньгами. Вместе с тем, манифест точно определил, на какие работы можно ставить приписных, причем кладка куч и жжение угля, а также добывание руды не входили в круг их обязанностей, и вообще манифест внес облегчения в трудовую жизнь приписных. За нарушение этих правил заводчикам угрожал штраф в пользу обиженных крестьян [1]). Сверх того, берг-коллегия облегчила условия возки руды и проч., вдвое увеличив плату за провоз.

Плата за рубку дров была, по примеру прошлого, назначена не поденно, а высчитана по среднему размеру летней и зимней платы — по 45 коп. за сажень. Это распоряжение вызвало волнения на Авзяно-Петровском заводе, так как крестьяне хотели получать поденное вознаграждение. Беспорядки были подавлены вооруженной силой, и „зачинщики“ сильно пострадали. Но, с другой стороны, когда начальник Гороблагодатских заводов нарядил крестьян на работы, не входившие в их обязанности, он был отрешен от должности [2]).

Хотя манифестом 1779 г. условия труда были несомненно облегчены, все же некоторые серьезные из'яны остались в силе. Так, расстояния, нередко в несколько сот верст, от деревни к заводу попрежнему бесплодно поглощали у крестьян массу времени, далеко не в полной мере оплачивавшегося установленным вознаграждением. Так, крестьяне Красноярской и Скопинской волостей были приписаны к Гороблагодатским заводам, расположенным на расстоянии 400 верст! Они просили о приписке их к Екатеринбургским заводам, находившимся от них на менее отдаленном расстоянии, но это ходатайство не могло быть удовлетворено, так как при малочисленности крестьянских селений те или другие из них по необходимости должны были обслуживать отдаленные заводы [3]).

Неблагоприятно для крестьян разрешался заводчиками вопрос о том, какое именно количество крестьян обязано работать на заводе — то ли, которое в свое время было приписано к предприятию, или же наличные души по последней ревизии, число которых нередко превышало первоначальную цифру приписных. Наконец, вследствие жалобы выборного от крестьян, приписанных к Сыльвенскому заводу, этот вопрос в отношении Пермской губернии был рассмотрен правительством, которое вынесло постановление в пользу крестьян. В тех случаях, когда к заводу были приписаны целые слободы, все взрослое мужское население, независимо от числа душ, было обязано отрабатывать на заводах подушную подать; но когда было приписано определенное число душ, то, исходя из этого

---

[1]) Первое собрание законов, № 14878.

[2]) *Семевский*, т. II, стр. 508—509.

[3]) Горный департамент, 2 отд., 4 стол, 1 разряд, 1808 г., дело № 301 „По прошению поверенных крестьян Красноярской и Скопинской волостей и т. д.“

числа, высчитывалось, какая сумма подушной подати должна быть отработана приписными крестьянами на заводе; решение же вопроса — скольким крестьянам следует явиться на завод для отработки таковой суммы, зависело всецело от самих деревень [1]).

Однако, как бы благоприятно для приписных крестьян не разрешались частные вопросы их трудового быта, основной характер их принудительного труда делал безнадежными все подобные паллиативные попытки улучшить их положение, раз параллельно с принудительным трудом существовал вольнонаемный, хотя бы в лице тех казенных крестьян, которые были свободны от горнозаводских работ и которые нередко жили по соседству с приписными. Так, в начале 19-го века в Пермской губернии насчитывалось 225 тыс. казенных крестьян, из коих 119 тыс. были приписаны к казенным заводам, а 64 тыс. к частным, — следовательно, свободных от заводских работ было более 40 тысяч; в Шадринском уезде из 38 тысяч было свободных 22 тыс. [2]).

Приписные крестьяне не могли удовлетвориться своей нормировочной заработной платой, так как она всегда отставала от рыночной расценки труда. Приписные попрежнему ставили за себя вольнонаемных, которым платили в несколько раз больше, чем сами получали, и это разоряло их и возбуждало их недовольство. Сами приписные крестьяне, если бы с них была снята обязательность заводского труда, превратились бы в вольнонаемных рабочих, которые охотно шли бы на заводы в свободное время, как шли казенные крестьяне, не приписанные к заводам. Случалось, что казенные крестьяне целой деревней занимались в свободное время копанием и возкой руды на казенные заводы. Но так как труд приписного крестьянина был дешевле вольнонаемного приблизительно в три раза, а главное — легче эксплоатировался, чем труд вольнонаемного, то даже заводчики, имевшие в своем распоряжении собственных крепостных в таком количестве, которое соответствовало числу молотов, домен и печей, продолжали держать у себя приписных, нарушая закон, устанавливавший предельное количество крестьян, которых можно было привлекать к заводским работам. Согласно этой норме Демидов, Осокин и другие заводчики Пермской губернии вовсе не должны были иметь приписных крестьян, так как у них было вдоволь „своих людей“, но все же в их распоряжении по старому оставалось свыше 55 тысяч приписных [3]).

Эти обстоятельства приводили к тому, что приписные деревни, страдавшие от неблагоприятных материальных условий, попрежнему находились, так сказать, накануне возможных волнений. Между тем, это множество людей, оторванных от земли, представляло собою на заводах малопроизводительную силу, в связи с чем, как полагали, горное дело на Урале падало. Правда, официальный обозреватель Пермской губернии осторожно указывал, что бедность приписных крестьян проистекает „к а-

---

[1]) Первое собрание законов, № 16214 (11 июня 1785 г.).

[2]) Хозяйственное описание Пермской губ., т. III (1813 г.), табл. № 1.

[3]) *Семевский*, т. II, стр. 516.

жется“ не от заводских работ, а от дурного возделывания земли [1]), но ведь приписные крестьяне не могли посвятить ей столько времени, сколько прочие крестьяне. Как бы то ни было, бедность приписных была очевидна. И настал момент коренного пересмотра вопроса об этой группе горнозаводских рабочих.

Прежде всего, чтобы облегчить заводчикам возможность снабжать свои предприятия рабочей силой, было вновь дозволено им покупать крепостных людей. Ссылаясь на то, что заводчики обходили закон 1762 года, запретивший покупку для заводов крепостных крестьян, Павел I в 1798 году, „в отвращение таковых вынужденных преткновений и к вящшему умножению в империи нашей всякого рода заводов и фабрик“, отменил запрет 1762 года. Покупка помещичьих крестьян к заводским работам, как с землею, так и без земли, была вновь разрешена [2]).

При этом, однако, отнюдь не имелось в виду предоставить заводчикам полную свободу действий. Напротив, закон ограничил это право в интересах крестьян тем, что количество покупаемых к данному заводу крестьян не должно было превысить норму, утвержденную в 1752 году [3]); далее, их нельзя было переводить на какой-либо другой завод ни одиночками, ни семьями; наконец, лишь одна половина купленных крестьян могла работать на заводе, другая же должна была находиться при сельском хозяйстве. Таким образом, правительство стремилось, чтобы крестьяне не остались без земли, а земля без крестьян. Оно не предполагало, что заводчики будут покупать деревни для перевода крестьян на дальние заводы. Но в действительности оказалось иное.

В Яранском уезде (Вятской губернии) заводчик Губин купил на торгах 139 мужчин и 125 женщин и стал переводить их на свои Петропавловские железные заводы в Оренбургской губернии, а землю этих крестьян продал. „Сим образом, — говорилось в официальном документе, — крестьяне, отторгнуты будучи от прежнего их жилища, домашних заведений и земли, издавна ими обрабатываемой, чрез назначаемое для них переселение долженствуют понести совершенное расстройство и разорение“. И вот, по высочайшему указу было повелено приостановить переселение, а вместе с тем состоялось следующее постановление: покупать к заводам (и фабрикам) можно только те деревни, которые лежат поблизости, дабы, не будучи переселяемы на завод, крестьяне, „не расстраиваясь в заведенном ими хозяйстве и не лишаясь права на земли, ими владеемые, могли быть употреблены в работы“ на заводах. Покупка крестьян для переселения на отдаленные заводы была запрещена [4]).

Дозволение покупать крестьян поблизости к заводам явилось первым шагом по пути к разрешению вопроса о приписных крестьянах. Вслед за тем был сделан второй.

---

[1]) Хозяйственное описание Пермской губернии, т. III, стр. 102.

[2]) Первое собрание законов, № 18442 (16 марта 1798 г.).

[3]) См. выше, стр. 109.

[4]) Первое собрание законов, № 20352 (31 июля 1802 г.; опубликовано 26 августа).

ПЕРИОД РЕФОРМ И УЛУЧШЕНИЯ БЫТА РАБОЧИХ.

Замена приписных крестьян „непременными работниками“ (1807 г.) — Беспорядки, вызванные этой реформой. — Усиление роли частновладельческих крепостных. — Перевод их на отдаленные предприятия и возмущение крестьян заводчика Яковлева. — Состав рабочих на частных заводах. — Лишение помещиков права принудительно отдавать своих крепостных на чужие заводы. — Меры к улучшению быта мастеровых и работных людей. — Горное положение 1806 года. — Работа в три смены. — Вознаграждение за увечье в рудниках. — Отражение тяжелого состояния заводов на положении рабочих. — Протесты рабочих: жалобы, побеги, возмущения. — Беспорядки на Березовских приисках, и назначение особой комиссии для обследования положения рабочих. — Попытка протеста со стороны министра финансов. — Сущность рабочих нужд. — Разрешение вопросов: о работе в праздничные дни, о кормовых деньгах на приисках, о пособии утратившим трудоспособность. — Женский труд. — Предварительные меры к улучшению положения рабочих. — Новые штаты и сдельщина. — Трудовая норма для непременных работников.

Иркутский и колыванский генерал-губернатор обратил внимание берг-коллегии на „тягостное“ состояние приписных крестьян. Вследствие этого Александр I поручил министрам финансов и внутренних дел рассмотреть в подробности этот вопрос. Министры заявили, что вообще заводские повинности не обременительны для крестьян, но их работа на заводах сопровождается обстоятельствами, из коих два неблагоприятны для крестьян, а одно — для самих заводов: 1) отдаленность деревень от заводов бесполезно отнимает у крестьян много времени; 2) при распределении работ учитывается число ревизских душ, а не наличных людей, а потому, за вычетом негодных и оставляемых для домашних работ, прочие вынуждены работать не только за себя, но и за негодных, за выбылых и малолетних; 3) крестьяне приходят на заводы большей частью не своевременно и не в полном числе, вследствие чего правильное функционирование заводов нередко нарушается.

К этому времени главный директор горных дел М. Ф. Соймонов, опираясь на хозяйственные соображения, на денежный расчет, предложил проект реформы быта горнозаводских рабочих, который и лег в основание указа 9 ноября 1800 года.

Этим указом было оповещено, что условия работы приписных крестьян, даже установленные манифестом 1779 г., внесшим ряд облегчений, сопряжены для крестьян с немалым отягощением, а для заводов „с чувствительным расстройством“, а потому возникла мысль о полном освобождении приписных крестьян от заводских работ — на казенных и частных предприятиях, как на Урале, так и в других горных районах, с тем, чтобы от каждой тысячи приписных было назначено на заводы раз навсегда по 58 „непременных мастеровых“, не старше 40 лет, с их детьми. Выбор непременных мастеровых будет предоставлен крестьянскому обществу, которое за свой счет обязано конных непременных мастеров снабдить двумя лошадьми и упряжью. Непременные мастеровые не платят подати — это забота заводоуправления. Они получают бесплатно хлеб:

мастеровой по 2 пуда, жена по $1^1/_2$ пуда, дети по 1 пуду в месяц. Жалованье каждому по 20 рублей в год, а конному — дополнительно по 25 руб. Если мастеровому будет назначена более высокая заработная плата, тогда за хлеб делается вычет — но согласно с законом 1799 г.[1]). Предполагалось, что непременные работники будут заняты на заводах не более 10 месяцев в году, так что у них останется время для заготовления сена, дров и для прочих нужд своего хозяйства. Набор работников должен быть произведен в течение четырех лет, начиная с 1802 года.

Но еще не успели приступить к осуществлению этого распоряжения, как раздался голос, что непременные работники обойдутся заводам дороже приписных, что непременных работников будет недостаточно для развития горного дела и что, наконец, не хватит для них покосов при заводах. Тогда последовал указ (4 декабря 1801 г.) — приостановить набор непременных работников [2]). Вместе с тем начальники Екатеринбургского горного района и Гороблагодатских и Пермских заводов были запрошены, нельзя ли каким-либо иным путем освободить приписных крестьян от заводских работ, и оба ответили, что иного способа, как замены приписных непременными работниками, найти нельзя. Оставить же приписных крестьян при заводах невозможно, так как из-за громадных расстояний (до 500 верст) от заводов и климатических условий они не в силах выполнять заводские работы, хотя сами по себе последние необременительны. На эту точку зрения стали также министры финансов и внутренних дел, предложившие ввести новую меру не всюду, а только на Уральском хребте, и дождаться результатов. Так было и решено, хотя некоторые заводчики хлопотали об оставлении за ними приписных крестьян. И тогда был опубликован [3]) соответствующий доклад министра финансов, утвержденный 23 июня 1803 г., после чего было приступлено к разработке реформы.

Согласно закону 1807 г. [4]) эта реформа состоялась, в главных чертах, на следующих основаниях:

1) Приписка непременных работников производится целыми селениями, находящимися вблизи заводов — к казенным заводам с 1807 г., а к частным — с 1808 года, с тем, чтобы закончиться: на первых к маю 1814 г., а на последних — к маю 1813 г. Крестьяне этих селений, подобно прочим мастеровым и рабочим людям при заводах, освобождаются от подушного оклада и от старых недоимок, за них платят заводоуправления. Такое же положение устанавливается и в отношении тех непременных работников, которые будут взяты по рекрутскому набору, но за последних платят их селения.

---

[1]) Закон 1799 г. см. выше, стр. 141.

[2]) Первое собрание законов, № 20112 (16 января 1802 г. — инструкция Герману.

[3]) Первое собрание законов, № 20815 (23 июня 1803 г.),—См. также: Высоч. утвержденные доклады и др. сведения о новом образовании горного начальства, ч. II (СПБ. 1807), стр. 213 и след.

[4]) Первое собрание законов, № 22498 (доклад министра финансов, высочайше утвержденный 15 марта 1807 г.). Приложены метериалы, выясняющие различные мнения по вопросу о снабжении заводов рабочими.

2) Лица старше 40 лет и дети, если не будут работать на заводах, не получают ни жалованья, ни провианта.

3) За свое освобождение от заводских работ приписные крестьяне обязаны нести расходы по снабжению рекрутов, направляемых на заводы в качестве непременных работников, вновь выстроенным деревянным домом и обзаведением, а также по выдаче соответствующего пособия непременным работникам, которые зачисляются целыми селениями и, следовательно, имеют уже дома. Это пособие выражалось в сумме 118 р. 67 коп. — на каждого пешего непременного работника и 316 р. 82 коп. — на каждого конного непременного работника (в целях облегчения уплаты этих сумм государственный банк выдает заимообразно необходимые деньги).

4) В отношении работ непременные работники сравнивались с прочими заводскими мастеровыми и рабочими людьми. Они не обязаны работать ни в каком случае более десяти месяцев в году.

5) Непременные работники получают жалованье и провиант, пахотную и сенокосную землю.

6) Непременные работники, в числе 58 на каждую тысячу приписных крестьян, считая последних по 5-ой ревизии (1794 г.), не могут быть обращаемы на какие-либо другие работы, кроме заводских.

7) Заводчики, отказывающиеся от непременных работников, могут удержать приписных крестьян в течение пяти лет, т.-е. до 1 мая 1812 г., но в этом случае они не получают пособия, причитающегося соответственно количеству непременных работников; если же они начнут до указанного срока освобождать частями крестьян, они имеют право на пособие.

8) Заводчики могут покупать крепостных крестьян для переселения на завод, но с условием дать им то, что полагается непременным работникам, т.-е. дом и время устроить его, а для конных работ — лошадей с упряжью, и выдавать жалованье и провиант, как непременным работникам; покупать помещичьих крестьян можно только семьями; прослужив на заводе 30 лет, а дети их — 40, работники могут требовать свободы и перейти в другое состояние, а если они не пожелают уйти, то заводчик обязан их содержать, возлагая на них лишь легкие работы, а в случае их дряхлости — содержать в богадельне.

Как мы видим, заводы должны были быть наполнены не только частью бывших приписных крестьян, но и рекрутами. Чем это было вызвано? Тем, что когда приступили к подсчету непременных работников, в пропорции 58 здоровых человек на каждую тысячу приписных крестьян, то выяснилось, что их не хватит для укомплектования заводов. В связи с этим противники реформы указывали на то, что, лишившись этих, наиболее здоровых людей, которые несли государственные и мирские повинности, волости в короткое время „крайне обессилеют", и реформа не только не будет благодетельной, но и разорит волости, в особенности потому, что они должны оказывать материальную помощь непременным работникам. При работе же одних только рекрутов, волости не будут

терять лишних людей, и все их жертвы сведутся к тому, что они должны будут оказать помощь рекрутам, обращенным в непременные работники. Пополнение заводов рекрутами представлялось тем более легким, что первоначально мастеровые и работные люди набирались именно рекрутами из приписных крестьян, но позже (со времени учреждения губерний) на Урале такие наборы были прекращены, хотя на Колыванских и Нерчинских заводах подобный порядок все время продолжался. Указание на недостаточность 58 душ на тысячу приписных для пополнения заводов нужным числом людей было признано правильным, но и обойтись одними рекрутами считалось невозможным, а потому было решено кадры заводских рабочих — мастеровых и непременных работников — пополнять как указанными 58 душами на тысячу приписных, так и рекрутами.

Действительно, вскоре оказалось, что не только непременных работников было бы недостаточно для снабжения казенных заводов нужным числом рабочих, но даже присоединение рекрутов не могло удовлетворить потребность заводов в рабочих. Углубление шахт, более сложная обработка металла, все отдалявшиеся от заводов леса — эти обстоятельства заставляли заводоуправление настаивать на увеличении числа рабочих. Так, на Богословских заводах в 1800 г. считалось необходимым иметь 3.637 душ (для выплавки 45 тысяч пудов меди, т. е. 730 тыс. пуд. руды.) Но, как видно, этого числа людей фактически не было на заводе. Позже потребовалось: 3.182 мастеровых и работных людей с присоединением к ним 531 непременного работника, состояло же на лицо только 1.930 душ. Недохватку решено было пополнить непременными работниками — частью целыми селениями, частью рекрутами. А в 1814 г. недохватка в рабочих выразилась в цифре 1.500. Министр финансов предложил пополнить ее рекрутами. Это, конечно, не могло понравиться военному ведомству. А потому министр финансов оговорил, что будущие недохватки могут быть пополняемы людьми, которые судебными местами будут приговариваемы к горнозаводским работам [1]).

Вопрос о том, снабдить ли данный завод рекрутами или целыми селениями, решался, в частности, в зависимости от того, имелась ли при заводе пахотная и сенокосная земля. Так, на Верхне-Исетский завод Яковлева были сданы рекруты, но по просьбе владельца, ссылавшегося на отсутствие при заводе земли, годной для сельско-хозяйственных надобностей, которою следовало снабдить рекрутов, вместо рекрутов были приписаны целые селения, уже имевшие свои земли [2]).

Переход от приписных крестьян к непременным работникам должен был выразиться в следующих цифрах [3]):

---

[1]) Журнал комитета министров 20 февраля 1814 г.

[2]) Общая канцелярия министра финансов, 1 отд., 2 стол (1 разряд) 1815 г., дело № 6 „О даче заводам Яковлева непременных работников“.

[3]) Первое собрание законов, том. XXIX, стр. 1137,

Из частных заводов потребовали непременных работников:

Заводы.	Имели приписных крестьян.	58 душ на тысячу составили:
Сысертский, Полевский и Северский (Турчанинова)	9392	545
Алапаевские (Сергея Яковлева)	9891	573
Верхне-Исетские (насл. Ив. Яковлева)	12478	724
Сергинские и Авзяно-Петровские (Губина [1])	6542	379
Кагинский и Узянский (Ив. Демидова)	2708	156
Заводы Кнауфа [2])	6076	352
	приписных 47087	должно быть 2729

Частные заводы, которые еще не потребовали, но должны были потребовать непременных работников, так как им было отказано в просьбе сохранить за ними приписных крестьян:

Кыштымский и Каслинский (Никиты Демидова)	10791	626
Нижне-Тагильский (Николая Демидова)	1799	104
Ревдинский (Петра Демидова)	2379	138
Суксунский с Уткинским (Григ. Демидова)	7652	444
Невьянский (Петра Яковлева)	353	20
	22974	1332
Всего	70061	4051

Для казенных заводов — Екатеринбургских, Гороблагодатских, Камских, банковских (Богословских) и Пермских — потребовалось 9423 непременных работника (158745 приписных), в число коих вошла надбавка в 10%, сверх 58 на тысячу приписных, „на больных“. Кроме того, к данным заводам предстояло особо дать мастеровых рекрутами. Таким образом по казенным и частным заводам нужно было всего 19571 душа (8390 конных и 11181 пеших). Пособие всем им должно было выразиться в сумме около 4 милл. рублей.

Итак, приписные крестьяне вообще были освобождены от заводских работ. Вместо них эта обязанность была возложена на мужское взрослое население (до сорокалетнего возраста) определенных деревень (находившихся поблизости от заводов), причем заводская работа становилась постоянным занятием, оставлявшим немного времени для домашнего хозяйства, лишь в малой степени носившего характер сельского. Эта реформа была, конечно, принята с самой жгучей радостью теми селениями,

---

[1]) В источнике ошибочно сказано Грубина вместо Губина.

[2]) Кнауфский округ состоял из заводов Юговского, Бизярского, Курашимского, Иргинских и Сарапинских.

которые подлежали отписке от заводов,—приписные крестьяне ждали своего освобождения от заводских работ с таким нетерпением, что пытались, как видно, перейти на новое положение до срока.

Можно полагать, что приписные крестьяне рано узнали о перемене, готовившейся в их судьбе, и в связи с этим стали уклоняться от заводских работ. По крайней мере, инструкция, данная в 1802 г. Герману, стоявшему во главе Екатеринбургского горного управления, предоставляла ему право, в случае неявки крестьян на заводскую работу, послать к ним за их счет нарочных с приказом итти на завод, а если это не поможет, то нанять вольнонаемных людей (как это было введено в 1785 г. на Колывано-Воскресенских заводах) и уплаченный им излишек в сравнении с платой, получаемой приписными, взыскать с последних [1]).

Дальнейшим толчком к возбуждению приписных крестьян послужило опубликование упомянутого нами выше доклада министра финансов, утвержденного 23 июня 1803 года, который наметил основные черты будущей реформы, но не установил нового порядка. Это был предварительный, а не окончательный акт. Но самое опубликование подобного акта не могло не вселить в крестьянах уверенности, что в их судьбе уже произошла перемена, но заводчики насильно удерживают их. В истории крестьянских волнений того времени неоднократно упоминается доклад министра финансов, как источник тревожных слухов, распространившихся среди крестьян [2]).

Любопытно отметить, что, как видно, с опубликованием доклада министра финансов связан следующий эпизод. Мы выше говорили о крестьянах, работавших на Воскресенском заводе, которых горное начальство признало приписными, между тем заводчик стремился к тому, чтобы они были об'явлены крепостными. В 1805 году их было 99 душ. И вот, заводчик вновь возбуждает в 1805 году ходатайство о признании их крепостными, причем мотивирует просьбу тем, что он опасается с их стороны неповиновения, а это может губительно отозваться на его собственных крепостных, работающих на том же заводе, и страх пред возможными волнениями был столь велик, что заводчик предложил отобрать от него указанных 99 крестьян, если правительство не признает их крепостными. Так как рассмотрение дела затянулось, заводчик в 1809 г. опять возвращается к той же просьбе, жалуясь, что эти крестьяне

---

[1]) Первое собрание законов, № 20112 (16 января 1802 г.).

[2]) Кажется, что опубликованием этого документа были вызваны беспорядки на пермских Уфалейских заводах Губина. В апреле 1805 г. берг-коллегия получила уведомление, что государь утвердил приговор местной власти о 25 крестьянах, „наиболее строптивых“; по совершении над ними наказания они должны были быть отправлены на другие заводы Губина. Из них 22 человека оказали сопротивление, их поддержали товарищи, и поэтому пришлось прибегнуть к военной помощи. Несколько позже беспорядки возобновились: 167 человек отказались работать, говоря, что они вольные, не принадлежат Губину; когда затем некоторых из них хотели подвергнуть телесному наказанию, другие воспротивились. Архив министерства внутр. дел, департамент полиции исполн., 1805 г., дело № 337 „По отношению министра финансов о продолжающемся неповиновении крестьян и т. д.“.

не хотят работать, упорствуют, что служит дурным примером. И опять заводчик соглашался отдать их казне, если их не переведут в разряд крепостных. Надо полагать, что именно опубликование доклада министра финансов дало 99 крестьянам смелость в течение ряда лет оказывать неповиновение заводчику [1]).

В феврале 1812 г. крестьяне, приписанные к Верхне-Исетским заводам корнета Яковлева, отказались выйти на работу, так как считали эти заводы уже заполненными непременными работниками; заявления властей, что полного числа непременных работников еще нет, ни к чему не привели. Губернатор командировал на место происшествия уездного судью с тем, чтобы он действовал миролюбиво, не прибегая к насильственным мерам. Верхне-Исетских крестьян тревожило, не думает ли заводчик их закрепостить, так как он просил, чтобы его заводы были пополнены непременными работниками целыми селениями, а не взятыми по рекрутскому набору.

Между тем, такое же движение обнаружилось и в других местах. Крестьяне, называвшие себя „поверенными“, раз‘езжали по волостям и превратно истолковывали злосчастный доклад министра финансов. Волнение проникло из Камышловского и Екатеринбургского уездов в Ирбитский округ. Крестьяне утверждали, что с 1807 г. их освободили от заводских работ, почему и была увеличена подать. В одном месте священник, приглашенный для увещевания, стал говорить (будучи пьяным), что крестьян обманывают, и это вызвало с их стороны „буйство“; в других местах к неповиновению склоняли сами волостные начальники.

Эти события представились комитету министров столь угрожающими, что он постановил заслушивать сообщения о них вне очереди. Более того, — было назначено специальное заседание (16 мая 1812 г.), чтобы ознакомиться с новым донесением с мест, причем на совещание явились по приглашению: командующий войсками на Сибирской линии генерал Глазенап и бывший пермский генерал-губернатор. Оказалось, что первоначального воинского отряда в 200 человек было недостаточно для подавления волнения, охватившего 12 волостей, пришлось вызвать целый батальон и 200 служилых башкирцев. Генерал-губернатор указал, что приписные, „ожесточаемы будучи разными злоупотреблениями“, не раз волновались, но успокаивались по истолковании им их обязанностей. Тем не менее, Глазенапу были предоставлены широкие полномочия для подавления волнений. А сенат должен был опубликовать указ об обязанностях крестьян, не упоминая о беспорядках, а сославшись лишь на распространившееся превратное истолкование законов. И сенат издал (23 мая 1812 г.) указ о том, что приписные крестьяне не смеют отказываться от работ, пока не будут заменены к определенному сроку непременными работниками. Но вместе с тем беспорядки побудили министра финансов внести в комитет министров предложение — обязать военное

---

[1]) Архив госуд. совета, департамент гражд. и духовных дел, 1810 г., дело № 161 „О переводе на медеплав. казенные заводы состоящих на заводе ген. Пашкова людей“.

ведомство поскорее сдать на заводы число рекрутов, причитавшееся еще за 1811 год (1097 человек), а также за 1812 год (1433 человека), дабы после этого можно было освободить приписных крестьян от заводских работ. Поддерживая свое предложение, министр финансов сослался на описанные беспорядки [1]).

Впрочем, страхи оказались напрасными. Через два-три дня получилось сообщение, что волновавшиеся крестьяне успокоились. Однако, в дальнейшем возникало движение в тех селениях, которые, по своей близости к заводам, могли быть зачислены в разряд непременных работников. Так, Аятская волость, когда стали описывать ее население, оказала непослушание в виду того, что другие селения находились в меньшем расстоянии от заводов, и ее, действительно, освободили от заводских работ [2]).

Был случай неповиновения (1810 г.) и со стороны непременных работников, взятых путем рекрутского набора. Поступив в рекруты из заводских казенных и приписных крестьян, они надеялись, что будут отданы в военную службу. Узнав же, что их определили к Авзяно-Петровским заводам, они настаивали, чтобы им об'яснили, на каких условиях они вынуждены работать, какова плата, и требовали выдать им безденежно провиант. Так как подтвердилось, что заводская администрация действительно была нераспорядительной в отношении снабжения их продовольствием, дело было замято без каких-либо последствий для рабочих [3]).

В виду упразднения работы приписных крестьян и скупой отдачи непременных работников, а также слабо развивавшегося вольнонаемного труда, главное ядро населения на многих частных горных заводах в дальнейшем должны были составить крепостные крестьяне, которых с 1798 г. вновь дозволили покупать к заводам. Вообще, разрешалось покупать только деревни, лежавшие вблизи заводов, заводчики же Уральского хребта имели право покупать и переводить на заводы крестьян из дальных деревень при условии, если они обеспечат материально переводимых крестьян так, как это было установлено в отношении непременных работников. Но выполнение последнего требования обходилось дорого, а потому заводчики игнорировали его. И правительство, как мы увидим в дальнейшем, в конце концов, мирилось с этим, так как частные горные заводы сильно падали, вследствие чего правительство не только считало необходимым избегать того, что могло затруднить заводчиков, но и старалось всячески им помогать.

---

[1]) Архив общей канцелярии министра финансов, I отд., 2 ст. (I разр.) 1812 г., № 15 „О рекрутах для укомплектования горных заводов".—Журнал комитета министров, 11 и 16 мая 1812 г.—Архив министерства внутренних дел, департамент полиции исполн. 1812 г., дело № 158 (Архив истории труда в России, кн. 5, ч. II, стр. 2—3. Сообщение *К. Пажитнова*).—Первое собрание законов, № 25114 (23 мая 1812 г.).

[2]) Архив общей канцелярии министра финансов, I отд., 2 стол, 1815 г., дело № 6 (I разряда) „О даче заводам Яковлева непременных работников", стр. 12.

[3]) Архив мин. внутренн. дел, департам. полиции исполн., 1810 г., дело № 29 (сообщение *К. Пажитнова* — Архив истории труда в России, кн. 5, ч. II, стр. 1—2).

Противозаконно поступил, между прочим, и Александр Яковлев, владелец Холуницких железных заводов в Вятской губернии, купив в конце 1811 г. у помещицы Щербининой селения в Новгородской губернии, насчитывавшие 1312 мужчин, и в Вологодской губернии —319, Эти селения были расположены на расстоянии около 800 верст от завода. Дело осложнялось тем, что крестьянам жилось хорошо, и они имели основание рассчитывать на освобождение от крепостной зависимости. Не испросив, как полагалось, разрешения властей, Яковлев немедленно отослал из деревень Новгородской губернии 200 крестьян на завод. Но в Вологодской губернии назначенные 70 человек отказались покинуть деревни — молодые выражали готовность пойти в рекруты (хуже солдатской службы, казалось, ничего не было!), лишь бы не работать на заводе.

Несчастье сплотило бывших щербининских крестьян. — Выборные от новгородских деревень, которые тоже начали волноваться, и вологодских деревень, стали действовать сообща, жалуясь на чинимые им притеснения. Введенные в деревни башкирские отряды насильничали. Наконец, новгородские крестьяне подняли восстание, вооружившись пиками, бердышами, рогатинами, ружьями и даже двумя пушками. Проезжавший сенатор, граф Хвостов, вызвав небольшой воинский отряд, быстро усмирил крестьян, но вместе с тем и обратил внимание высшей петербургской власти на противозаконный поступок Яковлева, выразившийся в отсылке 200 крестьян на завод. Комитет министров запретил (апрель 1813 г.) Яковлеву переселять крестьян на заводы и велел вернуть уже отправленных туда. Но об этом крестьяне не были уведомлены, и они продолжали волноваться. Тогда, опасаясь, что пример может оказаться заразительным, правительство решило действовать энергично. Был командирован полковник свиты его величества с широкими полномочиями. Ему было велено исчерпать мирные средства, но если это не поможет, он должен был быстро ликвидировать беспорядки. Крестьяне встретили его миролюбиво, узнав, что отправка их на заводы отменена. Но в это время вернулась та партия крестьян, которая год тому назад была отослана Яковлевым на Холуницкий завод, и стало известным, что многие из них погибли, а главное — стало известно, как тяжела работа на заводе. Тогда крестьяне прервали переговоры с полковником. Ни убеждения властей, ни проповедь вызванного архимандрита не имели успеха. Были двинуты войска, и 20 крестьян пали жертвой столкновения. Крестьян усмирили, наказали их вожаков, но прочих оставили в деревнях. Запрещение отсылать их на завод сохранило свою силу.

Яковлев официально возбудил ходатайство о разрешении перевести означенных крестьян на завод, но комитет министров не согласился, ссылаясь на, то что в прошлый раз Яковлев вздумал действовать самочинно, вопреки закону 1807 г. ничем ни обеспечил переведенных крестьян, и, под предлогом временной работы, перевел на завод крестьян, разлучив их с семьями, оторвав от хозяйства. При этом комитет министров высказал принципиальный взгляд на право заводчиков - дворян пользоваться

на горных предприятиях трудом своих помещичьих крестьян. Он заявил, что если Яковлев в качестве помещика послал своих крестьян в работу на заводы, то он и в этом случае поступил неправильно, так как „права дворянина дотоле должны простираться, доколе они не касаются прав заводчика, которые особенно определены законом“, иначе каждый дворянин мог бы переводить на заводы крестьян, не давая им тех пособий, которые предусмотрены законом для непременных работников.

Тогда Яковлев, уже придерживаясь закона 1807 г., купил деревни в Вятской губернии на расстоянии 350 верст от завода. Когда крестьянам деревень Аристова и Шишелево, Яранского уезда, было об'явлено (октябрь 1815 г.), что они проданы Яковлеву, они обязались при первом требовании перейти на завод, полагая, что их будут посылать только на временные работы. Но когда им велели выступить из деревень для переселения на завод, они отказались повиноваться, о чем уведомили губернатора письменно в торжественных выражениях, заявив, что готовы отдать в военную службу всех своих мужчин в возрасте от 17 до 40 лет, лишь бы не пойти на заводы.

Губернатор ясно сознавал, в какое отчаяние должно было привести крестьян требование расстаться навсегда с деревней, где они жили зажиточно, покинуть привычный труд и отчий дом. В частном письме к министру полиции он указывал: „Яковлев впредь предвидеть был должен, что общая привычка крестьян к земледелию, приемлемая ими еще от прадедов своих, оставить свое водворение и переместиться в заводские работники не есть маловажная перемена, а когда бы господин Яковлев брал работников только для работы, оставя старых и малых в своих положениях, то верно сего бы быть не могло. Когда же сих крестьян силою водворять в заводы, не ручаюся, чтобы оные не чинили побегов и разных злодеяний“. И, действительно, поощряемые депутатами от вологодских и новгородских крестьян, вышедших победителями из борьбы с Яковлевым, вооруженные дубьем и ружьем, яранские крестьяне, к которым присоединились также женщины, а равным образом чужие крестьяне, принудили земского исправника отозвать приведенных им солдат и понятых. Тогда был вызван воинский отряд в сто штыков. Начальник высланной вперед команды, встретившись (21 января 1816 г.) с 500 крестьян, приказал солдатам стрелять, но крестьяне бросились на них и смяли: из отряда один был убит, девять тяжело ранены, пятнадцать легко; со стороны крестьян оказалось девять раненых, из коих вскоре двое умерло. Было вытребовано подкрепление из Костромы и Нижнего-Новгорода. Набралось 483 солдата при 8 офицерах под командою бригадного начальника; на место происшествия поспешил также окружной генерал; был вызван для увещевания архимандрит. Однако, обе стороны не хотели дойти до пролития крови, и между ними состоялось соглашение: крестьяне впустили военную команду, а окружной генерал дал три недели сроку, чтобы ждать решения из Петербурга, куда были посланы ходоки, — они передали свою просьбу лично

царю. Осведомившись, что вооруженное столкновение было предотвращено миролюбием крестьян, комитет министров (22 февраля) постановил: воздержаться от переселения крестьян впредь до рассмотрения их ходатайства. Но это решение опоздало. Исправник хитростью вызвал 16 „самых возмутителей“ и отправил их на завод, после чего все покорились, рассчитывая, что их вернут домой, когда выяснится благоприятный исход ходатайства.

Между тем комиссия прошений, рассмотрев ходатайство крестьян, нашла, что, дозволив Яковлеву переселить вятских крестьян на заводы в качестве „непременных работников“, горное правление имело в виду закон 1807 г., но он относился лишь к Уральскому хребту, а не к Вятской губ., а потому водворение крестьян на заводы в Вятской губ. являлось неправильным. Но комитет министров заявил, что Вятская губерния, почти лишенная помещичьих имений, была включена в отношении заводов к Уральскому хребту, и, приняв во внимание, что крестьяне, переведенные на заводы, остаются спокойными, постановил (28 марта) не возвращать их домой.

В мае 1817 г. от ходока Петрова прибыло новое [1]) всеподданнейшее прошение. Сам испытав ужасы заводской жизни, он ушел с завода без вида. Петров поведал со всей правдивостью о том, что сделал Яковлев с крестьянами, пользуясь поддержкой местных властей. Комитет министров (15 мая) нашел необходимым послать на заводы кого-либо, дабы узнать истинное положение крестьян и с ним отправить Петрова, которого предать суду, если его жалоба окажется неосновательной. Царь согласился и приказал командировать флигель-ад‘ютанта Никиту Панкратьева. Выбор оказался удачным. Панкратьев раскрыл правду о несчастной участи крестьян, переведенных в непривычную им заводскую обстановку. Возможно, что тут сказалось общение с Петровым в пути на заводы. „Привыкши с давних лет, — писал Панкратьев — обрабатывать поля свои и жить в счастливом избытке, они внезапно лишены были всякой собственности и погнаны, как стада скотов, из мирных жилищ своих в каторжную работу, — я говорю каторжную, ибо работа на Холуницких заводах столько же трудна, как и на Нерчинских. Ужасный переход от сельской жизни к заводской столь труден, что из бедных переселенцев сих 77 душ обоего пола умерли в течение одного прошлого года, что составляет шестую часть целого. Работают они ежедневно по 10 и 12 часов в сутки, имея в виду всегда единообразную тяжкую работу; и хотя плата, им производимая, кажется довольно велика, но контора, снабжая их провиантом и одеждою и имея совершенный монополь сих предметов, высчитывает за оные деньги из следующих за работы, так что выработка остается весьма малая... По сих пор почти никто из переселенных еще ничего не заработал, но, напротив, многие

---

[1]) Несколько ранее ходоки, Петров с товарищем, прибыли в Петербург хлопотать о принятии крестьян деревень—Аристовой и Шишелевой в казну, но им отказали в просьбе и велели отправиться на завод.

должны экономии. Сие тем менее удивительно, что контора даже и на вольных работниках считает большие недоимки. К сему прибавить надобно, что отпускаемый конторою провиант состоит в муке и соли, и иногда в солоде, отчего и происходит, что переселенцы, не имеющие у себя огородов, питаются весьма скудно. Хотя контора и старается о заведении им огородов, но они имеют столь сильное отвращение от заводской жизни, что не хотят за оные приняться. Во время переселения их отняты у них конторою все лошади и деньги из опасения побегов, и хотя контора и ведет счет следующим за сие деньгами так, как и за проданный хлеб в деревне Аристовой, но деньги до сих пор переселенцам не возвращаются, и они не имеют теперь никакой собственности, а в виду одна только тяжелая работа...

„Будучи очевидным свидетелем несчастного положения крестьян сих, я осмеливаюсь возбудить внимание правительства вообще на систему насильственного правления (отправления?) на заводы. Жестокая мера сия столь же противна известным чувствам человеколюбия и милосердия государя императора нашего, сколь и пользе государственной... При сем поставляю себе обязанностью представить, что наказание так называемых зачинщиков бунта аристовских крестьян должно быть произведено весьма осторожно, ибо в деле сем виновны не некоторые буйные люди, но вообще отчаяние“.

При обсуждении доклада Панкратьева комитет министров стал на ту точку зрения, что горное производство, „как необходимая и знатная отрасль внутренней и внешней торговли“, должно быть поддерживаемо, а потому мысль о возвращении крестьян в деревню была отвергнута, „по крайнему недостатку в людях“ на заводе. Александр I на это согласился лишь в виде исключения, так как „никакие препятствия не могут и не должны существовать, раз дело идет о страдающем человечестве“.

Главными виновниками буйства были признаны вологодской уголовной палатой: двое старост, которые внушали крестьянам, что их переводят на горные заводы вопреки закону, и трое ходоков, разглашавшие, будто их ходатайство было высочайше удовлетворено, и еще один крестьянин, склонивший некоторых других к побегу с завода; их приговорили к наказанию кнутом и ссылке в Нерчинские каторжные работы (с вырезанием ноздрей и наложением клейма), но двое из них, в том числе и Петров, скрылись. Что касается прочих, то, принимая во внимание, что нельзя лишать заводы людей, суд применил к ним меньшую кару: 34 человека, в возрасте от 40 до 70 лет, наказать 30 ударами плетью; 20 человек, в возрасте от 30 до 40 лет, двадцатью пятью ударами батожьем; 23 человека, в возрасте от 20 до 30 лет, тридцатью пятью ударами палками; наказать не всех, а третьего по жребию.

Впрочем, по постановлению комитета министров, в виду наступившего спокойствия, последние три группы были освобождены от кары. Но по распоряжению местного горного правления крестьяне были подвергнуты тяжкой экзекуции еще до вынесения приговора уголовной палатой. Комитет министров был потрясен, узнав о ней. Он довел обо

всем до сведения Александра I и предложил на будущее время, чтобы по делам, по которым к наказанию присуждается много людей, приговоры приводились в исполнение не прежде, как сенат рассмотрит дело, а министр юстиции испросит высочайшее повеление на исполнение приговора. Александр это одобрил.

По требованию из Петербурга губернатор представил доклад (26 ноября 1817 г.) о положении вятских крестьян на яковлевских заводах. Только четыре семейства получили заработок за первый год пребывания на заводе, причем не более 33 рублей на семью, а на 55 семействах накопились долги заводской конторе, достигшие у одного семейства до 228 рублей. Долги числились и на старых рабочих; из крепостных крестьян, поселенных на заводах ранее вятских крестьян, 111 семейств имели заработок, достигший у некоторых до 154 р. (максимум), а 106 впали в долги, причем у иных долг возрос до 139 р.; из государственных крестьян, издавна живших на заводе, 84 семейства имели заработок (максимум 153 рубля на семью), а 109 семейств впали в долги, доходившие до 159 руб. Выраженное свыше желание, чтобы рабочие, помимо пропитания и одежды имели также деньги, заставило губернатора критически отнестись к слабому заработку одних и к задолженности других рабочих, и набросать проект тех изменений, которые должны быть внесены в способы расплаты с рабочими (напр., отменить вычет за продовольствие во время болезни). Затем губернатор произвел расчет между конторой и вятскими крестьянами по ликвидации их имущества; крестьянам следовало уплатить 20809 рублей, но в конторе не оказалось такой суммы, а потому им уплатили лишь 5900 р. Только несколько лет спустя был произведен окончательный расчет.

Описанное дело яковлевских крестьян произвело сильное впечатление в высших правительственных кругах. Государь поручил государственному совету пересмотреть закон о переводе крестьян на заводы. Выработанные вятским губернатором правила о расчетах с крестьянами были переданы министру финансов с тем, чтобы он провел чрез государственный совет меры к улучшению положения заводских крестьян (1821 г.). Но практических результатов не получилось. Вопрос о заводских крестьянах был поставлен в связь с вопросом о продаже крестьян без земли и одиночками, а рассмотрение последнего вопроса крайне затянулось. Когда же, наконец, в 1829 г. государственный совет обсудил этот вопрос, то, желая еще более отодвинуть его разрешение, он предложил образовать особый комитет из лиц, назначенных государем, так как в этом деле затрагивались права дворян на крепостных. Такой комитет был образован, и этим вопрос о заводских крестьянах был как бы сдан в архив [1]).

---

[1]) Архив министерства внутренних дел, департамент полиции исполнительной, 1812 г., дело № 159/677 „Об ослушании крестьян, купленных надворным советником Яковлевым у помещицы Щербининой“; 1815 г., дело № 140 „О крестьянах надворного советника Яковлева, оказавших непослушание в переселении их на завод“; архив госуд. совета, департамент законов, 1816 г., дела № 2 и 13 „О пересмотре закона о переселении и переводе помещиками крестьян“; 1820 г., дела №№ 10 и 40, 1829 г. № 28 (одно

Благодаря сказанному, перевод помещичьих крестьян на уральские заводы не был стеснен. В одном случае возникло было сомнение, допустимо ли это, раз существовало общее запрещение переводить на заводы крестьян из отдаленных губерний, но опять, приняв во внимание, что Урал почти лишен помещичьих крестьян, сочли нужным сделать отступление от общего запрета [1]).

Уральские заводчики воспользовались, конечно, этим правом. Из приводимых ниже сведений о горнозаводском рабочем населении по 7 ревизии, т.-е. в 1811—15 годах, мы видим, что в Оренбургской губернии почти все заводы работали без казенных людей (и без пособия от казны лесом, землею и проч.), будучи обслуживаемы крепостными, из коих одни принадлежали заводчику на праве дворянства, а другие были прикреплены к заводу. И в Пермской губернии значительное число заводов — около одной трети — не имели казенных людей, и даже среди поссессионных были такие, которые получили от казны пособие только землею, лесом и т. д., но не людьми [2]).

I. Число крепостных на частновладельческих заводах Оренбургской губ. (не пользовавшихся пособием от казны).

Воскресенский	2072	(из них заводских 1364, двор. 708)
Верхотурский	1572	(„ „ „ 1363, „ 209)
Архангельский	1553	(„ „ „ 1235, „ 218)
Благовещенский	1026	
Юрезень-Ивановск.	2540	(вместе с Минским)
Катав-Ивановский и Усть-Катавский	3041	

Белорецкий	2818	Богословский	263
Симский и Миниярский	3256	Богоявленский	1201
Преображенский	1373	Кананикольский	668
Верхне-Троицкий	433	Нижне-Троицкий	339
Усень-Ивановский	457	Иштеряковский	241
		Архангельский	170

II. Число рабочих на поссессионых заводах Оренбургской губ.

Авзяно-Петровский	1019 крепостных	и 205 непр. работников
Казинский и Узянский	776 „	и 213 „ „

дело). К делу 1816 г. приложено дело министерства внутренних дел от 1815 г., № 88 о возмущении крестьян Яковлева. — Журналы комитета министров 26 августа 1813 и 23 января 1814 г. г. Ср. *Ю. Гессен.* Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие (Архив истории труда в России кн. I).

[1]) Второе собрание законов, № 341 (15 мая 1826 г.).

[2]) Эти данные извлечены мною из архива горного департамента, 2 отд., 3 стол, 1821 г., дело № 184/1038 „По отношению министра внутренних дел об отправлении трех чиновников для исследования по жалобам мастеровых Березовского золотопромыв. завода“. — Сведения об Авзяно-Петровском, Казинском и Узянском заводах взяты из „Архива истории труда в России“, кн. 2, по списку на стр. 148—151, извлеченному из архива горного департамента, 1 стол, 3 отд., 1828 г., дело № 13. Цифры о численности рабочих, имеющиеся в упомянутых двух делах, не всегда совпадают.

III. Число рабочих на посессионных заводах Пермской губ.

Название завода.	Государственные люди (м—мастеров, н—непременн. работники).	Крепостные.	Вечно-отданные.	Название завода.	Государственные люди (м—мастеров, н—непременн. работники.	Крепостные.	Вечно-отданные.
Н.-Сергинский	314 н.	1600	67	В.-Алапаевский	105 м.	4	—
Атичской	—	198	—	Н.-Синячихинск.	479 м.	4	3
В.-Сергинский	—	1032	104	В-.Синячихинск.	246 м.	9	2
Козинский	—	33	—	Н.-и В. Сусанск.	570 м. 2388 н. [1])	4	4
Михайловский	—	394	45	Ирбитский	72 м.	284	206
Уфалейские и Суховяжский	—	1283	276	Ревдинский	—	2409	471
Невьянский	—	1238	2716	Бисерский	—	355	603
Быңговский	—	697	812	Н.-Тагильский	—	4651	—
Петрокаменский	—	159	839	Лайский	—	309	—
Шайтанские	—	667	288	Выйский	—	931	—
Каслинский	—	1231	421	Черноисточенск.	—	973	—
В.-Кыштымский	—	1483	116	Висимо-Шайтанск.	—	417	—
Н.-Кыштымский	—	1814	—	Н.-Салдинский	—	1833	—
Назепетровский	—	1501	—	Висимо-Уткинск.	—	920	—
Шемахинский	—	315	—	В.-Салдинский	—	640	—
Билимбаевский	—	1917	—	Сысертский	1458 м. 545 н.	—	—
В.-Исетский	1191 м. 779 н.	115	—	Полевский	1063 м.	—	—
Уткинский	311 м. 373 н.	—	—	Северский	377 м.	—	—
Режевский	—	896	354	Суксунский	—	1144	—
Верхнейвинский	—	579	670	Уткинский	—	1458	—
Шуралинский	—	43	208	Тисовский	—	444	—
Нейвинскорудянск.	—	27	159	Бымовский	—	1168	—
Верхне-Тагильский	—	574	508	Ашабский	—	780	—
Сильвинский	700 м. 368 н.	—	—	Юговский	—	296	1127
Шайтанский	—	551	11	Бизярский	—	168	260
Н.-Алапаевский	716 м.	72	42	Иргинские	—	208	912
				Саранинский	—	480	61
				Курашимский	—	488	269

[1]) Означенные 2388 непременных работников обслуживали заводы: Н.-и В.-Алапаевские, Н.-и В.-Синячихинские, Н.-и В.-Сусанские, принадлежавшие наследникам действ. ст. советн. Яковлева.

IV. Число крепостных на дворянском праве при частновладельческих заводах Пермской губернии:

Архангелопашийский	783	Екатериносюзвинский	1401	Чермаский	1711
Кусь-Александровск.	158	Елисаветопердвинский	1180	Кизеловск.	814
	240	Пожевский	1267	Полазнинск.	443
Нытвенский	1130	Елисаветопожевский	189	Хохловский	275
Лысвенский	1034	Марвинский	69	Уинский и	
Бисерский	370	Никитоивенский	528	Шермяитск.	551 *)
Юго-Камский	491	Александровский	406	Рождественск. В. и Н.	1458
Добрянский	2505	Молебский	875		
Очерский	8415	Камбарский	964		
Кыновский	828	Шаквинский	156		

*) И 34 вечно-отданных.

Тридцать пять лет спустя ревизия (1850 г.) установила следующее соотношение между различными группами рабочих на частных заводах Урала [1]).

Поссессионные заводы: казенных людей — 23962; крепостных заводских — 109080; крепостных частновладельческих — 1052.

Частновладельческие заводы: крепостных частновладельческих — 82747. чел.

Здесь следует коснуться особой группы крепостных людей, порою работавших на заводах, а именно тех помещичьих крестьян, которых владельцы сдавали в заводские работы на известный срок по договорам с заводчиками. Мы видели, что помещичьи крестьяне издавна приходили на заводы и поступали здесь на работу по вольному найму. Но теперь мы имеем в виду тех крестьян, которые шли на заводы против своей воли, принуждаемые к этому своими владельцами.

В 1810 году крестьяне одного могилевского помещика были отданы на пермские заводы Губина: по истечении срока они решили самовольно вернуться домой, но земская полиция воспрепятствовала им, а „зачинщиков“ предала суду. Узнав об этом, Александр I приказал рассмотреть дело по существу — допустимо ли такое принудительное обращение крестьян на заводские работы? Однако, распоряжение не было исполнено под предлогом, что могилевские крестьяне вернулись домой, на других же заводах подобных случаев не было. Но вот, в 1825 г. на Тагильские заводы Демидова было прислано из Яранского уезда 58 крестьян помещика Дурнова; они отказались от работ, и опять зачинщики были преданы суду. По этому случаю Пермское горное управление высказалось против присылки крестьян из дальних мест, так как их задерживали на долгое время, в течение которого они „бывают беспрерывно в работах“, благодаря чему теряют здоровье, а хозяйство их расшатывается. Но министр финансов был противоположного мнения. Он заявил, что интересы казны требуют привлечения людей на Урал, где ощущается нужда в вольнонаемном труде в виду развившегося горного дела; он счи-

[1]) Архив истории труда в России, книга 3, стр. 138 (в область Урала в данном случае были включены губернии: Пермская, Оренбургская, Самарская, Вятская, Казанская и Вологодская, но в последних четырех губерниях не отмечено ни казенных людей, ни крепостных на владельческом праве).

тал нужным только установить какие-либо правила в целях охраны интересов крестьян (напр., отдавать их на заводы на срок не долее трех лет). Однако, комитет министров решительно осудил отдачу помещиками своих крестьян на заводы. Ведь если крестьяне не могут довольствоваться своим хозяйством, чтобы прокормиться и удовлетворить требования помещика, то последний может их отпустить на сторонние заработки, и дело самих крестьян избрать род занятий.

Об этом положении комитета министров (16 июня 1825 г.) было доведено до сведения Александра I, а затем оно поступило в сенат для опубликования. Но сенат, сославшись на закон 17 января 1736 г., согласно которому фабриканты могли брать помещичьих крестьян только по договорам с помещиками, отказался от опубликования нового распоряжения. Это решение сената в сущности соответствовало мнению министра финансов, но он все же не согласился поддержать сенат, так как этим затянулось бы дело, которое должно было бы в таком случае перейти в дальнейшую инстанцию, а между тем крестьяне, из-за которых было поднято дело, взбунтовались. В виду этого сенат уступил, но обер-прокурор воспротивился изданию этого якобы нового закона без высочайшего утверждения. Тогда дело вторично перешло в комитет министров, который вновь подтвердил, что его решение, как не изменяющее старых законов о заводах (ибо закон 1736 г. касался фабрик), не нуждается в санкции государя. Но Николай I с этим не согласился и передал разрешение вопроса в государственный совет, который и признал (1827 г.), что помещики не имеют права принуждать крестьян к заводским работам, но сами крестьяне могут по доброй воле итти на заводы [1]).

Вот с каким трудом прошло дело об умалении прав помещика на труд его крестьян!

В те годы, когда была произведена реформа в отношении временных горнозаводских рабочих, (т. е. приписных крестьян сменили непременные работники), правительство, занявшись преобразованием горного управления, выдвинуло вопрос и о постоянных рабочих — о мастеровых и работных людях. В целях поднятия производительности заводов и материального уровня мастеровых, министр финансов, усвоив точку зрения местных горных начальников, предложил ввести, где только это возможно, сдельную плату и предоставить горным начальникам право награждать из заводских сумм достойных мастеровых, причем вновь введенная сдельная плата ни под каким видом не могла быть менее получаемого в то время жалованья. Повышение заработной платы не должно было отразиться на цене металла, но, с другой стороны, прибыль не должна была итти „за счет

[1]) Архив общей канцелярии министра финансов, I отд., 2 стол (1 разряд), 1825 г. дело № 12 „О людях, присылаемых в заводские работы помещиками из других губерний.“ — Архив госуд. совета, департамент законов 1826 г. дело № 34.—Второе собрание законов, № 1242 (14 июля 1827 г.).

изнурения мастеровых и работных людей". Этот проект [1]) был утвержден (21 сентября 1804 г.) для Уральского хребта — другим горным районам предстояло выждать результатов опыта.

Вслед за тем были приняты меры к улучшению состава мастеровых на казенных заводах. Чтобы заменить стариков и детей здоровыми людьми, было велено пополнить заводы свежими силами посредством рекрутского набора в Пермской и Вятской губерниях [2]). А вопрос о подготовке искусных мастеровых был разрешен предложением петербургского заводчика, англичанина Берда, присылать на его чугунно-плавильный завод ежегодно известное число юношей в возрасте от 15 до 20 лет, которых он в течение пяти лет будет бесплатно обучать [3]).

Вновь разработанное горное положение, изданное в 1806 году [4]), хотя называвшееся „проектом", но фактически действовавшее в течение двадцати лет, установило некоторые правила в целях охраны здоровья рабочих и обеспечения их на случай утраты работоспособности. Хотя с рабочих в свое время взыскивали сбор для содержания госпиталей, последние имелись только при крупных заводах, и перевозка с рудников и других заводов в госпитали нередко влекла за собою смерть больных и пострадавших. Впредь госпитали должны были быть устроены при всех заводах. Особенно тяжелым было положение рабочих, потерявших трудоспособность. Еще в 1723 году Геннин, состоя во главе уральских заводов, предписал учредить при заводах богадельни с тем, чтобы на каждого богадельщика расходовалось из казенных денег по 4 рубля в год, остальную же сумму могли собирать сами богадельщики путем милостыни, которая шла в пользу всех, находящихся в данной богадельне; общим достоянием признавались и приношения родных. Однако, все это осталось только на бумаге [5]). В начале 19-го века по официальному сообщению богаделен почти нигде не было, и „бедные, неимущие и увечные обоего пола, лишенные покрова и всякого призрения, принуждены были снискивать оное по селам и деревням и чрез то умножали несправедливые (!) понятия не токмо о тягости заводских работ, но и о небрежении об них начальства". Требуя, чтобы при заводах существовали богадельни, правительство не желало, чтобы соответствующие расходы отразились на цене выпускаемых металлов, а потому для содержания богаделен были

---

[1]) Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов, ч. I (СПБ. 1807 г).

[2]) Высоч. утвержденный 22 ноября 1804 г. доклад министра финансов (там же, ч. I, стр. 166). — Также первое собрание законов, № 22342.

[3]) Первое собрание законов, № 22091 (11 апреля 1806). Берд рассчитывал бесплатно пользоваться работой этих учеников, а вместе с тем хотел задобрить начальство, опасаясь, что власти закроют его завод, как открытый без разрешения.

[4]) В связи с преобразованием горного управления с мест были доставлены подробные сведения о рудниках. См. Архив горного департамента, 2 отд., 3 стол, 1807 г., дело № 17 „О доставлении по проекту горного положения сведений о казенных и партикулярных заводах".

[5]) Горный департамент, 2 отд., 3 стол, 1818 г., дело № 138/497 „Соображения о необходимости собрания сведений о богадельнях".

назначены не общезаводские средства, а некоторые сторонние источники Горное положение установило также выдачу пенсий лишенным трудоспособности [1]).

Надо полагать, что обычно мастеровые и работные люди были заняты в две смены, каждая по 12 часов. Когда же, в связи с вопросом, оставить ли так называемые банковские заводы в распоряжении казны или отдать их в частные руки, был намечен план поднятия деятельности этих заводов, то среди прочих мероприятий было предложено заменить в известных случаях двойную смену тройной (т.-е. сократить время пребывания мастеровых на заводе) на следующих основаниях. Рабочие делятся на три смены: одна работает день, другая — ночь в течение двух недель, не зная праздников, а третья отдыхает, так что каждая смена будет одну неделю работать днем, другую — ночью, а третью неделю отдыхать; при таком порядке сохраняются силы рабочих, они сумеют заниматься домашними делами, а вместе с тем и производительность их, конечно, возрастет. Но так как увеличение числа рабочих усилит расходы, то нужно соответственно уменьшить оклады их жалованья, дабы они в отношении заработной платы находились, примерно, в равных условиях с рабочими других заводов, потому что и при уменьшении размера оклада рабочие банковских заводов будут получать более других [2]).

Это предложение было утверждено (в 1806 г.) Александром I с тем, чтобы его осуществить и на других заводах, где это будет признано удобным и где позволит число рабочих, причем нигде жалованье не должно быть уменьшено в большей мере, чем на Богословских заводах [3]).

На этом законодательная деятельность в пользу заводских рабочих остановилась; в течение дальнейших около двадцати лет правительство не предпринимало мер к облегчению их положения. Лишь случайно всплыл за это время частный вопрос (1817 г.) об ответственности рудопромышленников в случае увечья мастеровых.

Мастеровой казенных Юговских заводов умер от увечья, полученного в руднике частного рудопромышленника при падении в шахту, глубиною в восемь сажень. Очевидно, управление Юговских заводов послало его работать в частный рудник, руда которого доставлялась на Юговские заводы. Горный суд нашел, что мастеровой упал по своей неосторожности, и потому дело было предано „воле божьей“ без всякого последствия для рудопромышленника. Но вместе с тем, так как подобные случаи неоднократно происходили в частных рудниках „от неисправности работ и худого рудников укрепления, а также от неисправности машин и инструментов“, то было указано на необходимость ввести правительственный технический надзор за рудниками, и если в дальнейшем окажется, что

---

[1]) Первое собрание законов, № 22208 — доклад министра финансов, утвержденный 13 июля 1806 г. и „Проект горного положения“. Ср. главы X, XI и XII горного положения.

[2]) На банковских заводах жалованье по штату 1792 г. было больше, чем на других заводах, в виду дороговизны провианта. Но позже хлеб выдавать стали бесплатно или по дешевой цене согласно манифесту 1799 г.

[3]) Первое собрание законов, № 22342 (7 ноября 1806 г.)

нарушение технических правил и небрежность вызвали увечье, а особенно смерть, то рудопромышленник предается суду за нарушение правительственных распоряжений. В отвращение же расходов на лечение казною такого мастерового и содержание его в случае утраты им работоспособности — материальная ответственность должна быть возложена на рудопромышленника, а в случае смерти казенного мастерового рудопромышленник должен доставить казне другого годного работника. Однако, в дальнейшем вопрос был шире поставлен: вместо замены погибшего казенного мастерового новым мастеровым, было предложено возложить на рудопромышленника обязанность обеспечить семью убитого так, как это было установлено на казенных заводах.

В этом смысле и был издан закон. Но вряд ли он мог иметь реальное значение, так как привлечение рудопромышленника к суду и материальной ответственности должно было последовать лишь тогда, когда будет установлен соответственный технический надзор, а подобный надзор при разбросанности рудников и отсутствии надлежащего технического персонала, не мог быть скоро введен [1].

Упомянутые выше меры, предпринятые правительством для улучшения положения рабочих, весьма слабо отразились в их повседневном быту — правительственные распоряжения осуществлялись далеко не в полной мере, общие условия русской жизни попрежнему открывали простор для всяческих правонарушений. К тому же почти безостановочно шло вздорожание жизни. Наконец, на состоянии рабочих отражалось и печальное положение многих горнозаводских предприятий.

Последнее обстоятельство об'ясняется тем, что горное дело к началу 19-го века вообще осложнилось: для разработки руды приходилось углублять и удлинять подземные выработки, благодаря чему доставка руды на поверхность стала более затруднительной; самые выработки делались все обширнее; приток воды с углублением шахт усиливался; руда становилась менее богатой; леса, уже давно оказавшиеся вдали от завода, отошли еще на большее расстояние; труд вольнонаемных вздорожал, так как поднялись цены на продукты; на рабочих накоплялись долги, которые частными заводчиками в конце концов прощались и включались в цену металла, но на казенных это не допускалось, и долги считались активом завода.

В 1813 году пермское горное правление представило по начальству особый доклад о тяжелом положении ряда заводов. Некоторые заводы были вынуждены приостановить свое действие, другим это угрожало в близком будущем. Однако, признавая, что заводы пришли в упадок, горное правление не ставило этого в вину заводчикам, указывая, что

[1] Архив горного департамента, отд. горного суда, ст. 1, 1816 г., дело № 24 „О наложении оштрафования на рудопромышленников и т. д.“ Архив общей канцелярии министра финансов, 1 отд., 2 стол (1 разряд), 1817 г., дело № 2 „Об оштрафовании рудопромышленников в случае изувечения мастеровых на руднике“. — Архив государств. совета, департамент законов, 1817 г., дело № 31. — Первое собрание законов, № 27218 (7 января 1818 г.).

независящие от них обстоятельства привели к таким последствиям: увеличение подати с заводов вдвое, большой рекрутский набор (в связи с войной 1812 г.), который, с одной стороны, отнимал у заводов живую силу, а с другой стороны — обременял финансы заводов, которые должны были вместо сдачи рекрутов из числа непременных работников платить за них особый сбор; далее отмечалось, что покупка металла почти совершенно приостановилась. Все это заставляло заводчиков просить правительство о материальной помощи, и власти поддерживали такие ходатайства, причем ссылались на то, что стесненное положение заводов отражается на рабочих, которые не получают необходимых средств к существованию, и если заводы приостановят свое действие, то правительству придется принять на себя расходы по прокормлению заводских рабочих. Действительно, когда, например Верхотурский и Воскресенский заводы Пашкова пришли в такое состояние, что надо было приостановить их действие, то пред правительством встала забота о прокормлении их рабочих [1]). Так как это не был единичный случай, то пришлось поставить на очередь общий вопрос об оказании правительством заводчикам помощи [2]). Было решено выдавать заводчикам ссуды и делать отсрочки в платеже податей — в целях поддержания заводов [3]).

В этом отношении характерно дело о беспорядках, возникших в 1813 г. среди рабочих на Белорецком заводе Пашкова (Оренбургской губ.). Заводчик предоставил управление предприятием своему крепостному человеку, который жестоко притеснял рабочих, допускал в ущерб им разные злоупотребления и т. д. Но наряду с этими преднамеренными и преступными действиями заводской администрации, на положении рабочих отражалось и печальное состояние самого завода, терпевшего недостаток в деньгах, — рабочие нуждались в хлебе. Местные власти искренно желали, чтобы волнение было прекращено без применения воинской силы. И, действительно, первую вспышку недовольства удалось погасить миролюбивыми средствами. Но когда власти покинули завод, рабочие, опасаясь мести со стороны заводских приказчиков, бросили работу. Почти 200 человек ушли в Верхне-Уральск и представили здесь властям одного закованного рабочего и некоторых с наполовину выстриженными головами и бородами — это были жертвы приказчичьей злобы. Гражданский губернатор признал, что рабочие были вынуждены к протесту злоупотреблениями заводоуправления. Когда в Петербурге стали известны подробности положения дел на заводе, туда были посланы (1815 г.) чиновники от горного ведомства и министерства полиции в целях подробного расследования состояния завода и положения рабочих, а вместе с тем местное горное управление отправило на завод „комиссионера" с 10.000 руб.

---

[1]) Ср: Архив горного департамента, 3 отд., I стол, 1813 г., дело № 116 „Об остановке действий Воскресенского и Верхотурского заводов Пашкова и о средствах прокормления людей сих заводов" (409 стр.).

[2]) Ср: Общая канцелярия министра финансов, 2 стол, I отд. (1 разряд), 1813 г., № 5 „О средствах к поддержанию частных заводов и к прокормлению при них людей".

[3]) Первое собрание законов № 25383 (19 мая, 1813 г. Опубл. 21 августа).

казенных денег для оказания помощи заводу, и в первую голову — для покупки хлеба. Старый управляющий заводом был сменен, а вместо него должно было быть назначено лицо с одобрения самих рабочих. Так как расследованием были обнаружены непорядки в заводском хозяйстве, на завод отправилась (1816 г.) из Петербурга особая комиссия, которой было поставлено в задачу: устранить недочеты в управлении, привести крестьян в послушание „заводчику и помещику", рассмотреть их жалобы и составить правила о работе крестьян и об оплате их труда. А когда все это было выполнено (1817 г.), комиссия, отлично зная, как тяжело жилось рабочим, приступила к расправе с теми из них, которые в наиболее резкой форме заявили протест[1]).

Несколько лет спустя для облегчения бедственного положения мастеровых выдана была казенная ссуда и Губиным, владельцам Сергинско-Уфалейского завода. Посетив в июне 1822 г. этот завод, берг-инспектор выслушал ряд жалоб со стороны мастеровых: с год уже не выдают платы, кроме „недостаточной скудной препорции", а провианта не полагается и не выдается; нет денег даже на покупку соли; за работы платят мало; время на поездку за провиантом не оплачивается, а потому пуд муки обходится не в 75 коп., а в рубль; за праздничные дни; за время болезни делаются вычеты; за отпуск в страдное время берется побор сеном; приказчики обходятся жестоко, бьют мастеровых и их дочерей „из своих рук"; заводской исправник не оказывает никакой помощи. Управляющий заводом подтвердил, что плата выдается в размере, указанном жалобщиками, и что существуют поборы. Получив это сообщение от берг-инспектора, министр финансов тотчас обратился к московскому генерал-губернатору (Губины были московские купцы) с предложением побудить Губиных снабдить завод необходимыми денежными средствами. С своей стороны, берг-инспектор, опираясь на распоряжение горного департамента, о котором упомянем ниже, предписал заводоуправлению довольствовать мастеровых хлебом в той мере, какая полагается на казенных заводах. Но когда вслед затем на завод прибыл новый исправник, он нашел, что все осталось по старому, и это потому, как об'яснили служащие, что в кассе завода нет денег. По их словам, все шло хорошо (хотя уже в 1818 г. подавались рабочими жалобы) до 1822 г., деньги за работу выплачивались, за вычетом суммы за провиант. Но когда ржаная мука поднялась в цене до 2 р. 25 к. и даже 2 р. 30 коп. за пуд, мастеровым же она выдавалась по 75 копеек, а вместе с тем заводской товар не был в достаточном количестве продан на ярмарке, заводчики потерпели значительный убыток. В это же время стало известно что и на Михайловском заводе Губиных не все обстоит благополучно.

Хозяйственная разруха на заводах, приводившая рабочих в бедственное состояние, представляла собою явление, широко распространившееся

---

[1]) Архив министерства внутренних дел, департ. полиции, 1813 г., дело № 76 „Об ослушании крестьян заводчика Пашкова". — Журнал комитета министров от 19 августа, 29 декабря 1814 г., 4 августа 1816 г., 29 мая 1817 г. и др.

на Урале в ту пору, как это можно судить по тому, что горный департамент счел нужным (17 ноября 1821 г.) сделать постановление о том, „в какой именно ответственности находиться должен заводчик относительно содержания собственных крестьян“. Это распоряжение возмутило Губиных, и они обратились с жалобой на такое вторжение в отношения между хозяином и рабочими, угрожавшее, мол, тяжелыми последствиями. Когда же Губины узнали об упомянутом распоряжении берг-инспектора о снабжении крестьян хлебом, они стали засыпать министра финансов прошениями. Но министр решительно требовал принятия мер к обеспечению рабочих провиантом и заработной платой, и с этой целью заводчикам была выдана ссуда в 25 тысяч рублей [1]).

Недостаточная выдача рабочим хлеба на частных заводах стала в то время столь опасным явлением, что пришлось подумать об установлении правил для обеспечения рабочих хлебом [2]).

О тяжелых условиях труда и жизни горнозаводских рабочих вообще свидетельствуют их многочисленные жалобы, побеги с предприятий и неоднократные волнения.

Нередко рабочим удавалось дойти со своими жалобами до Петербурга, и тогда производились расследования, причем, не доверяя беспристрастию местной администрации, правительство порою отправляло на заводы петербургских чиновников. Конечно, приезжавшие на заводы чиновники не всегда могли освободиться от воздействия со стороны заводчика, с другой стороны, и претензии рабочих могли быть не в полной мере основательны. Так, когда в 1808 г. непременные работники Алапаевских заводов жаловались, что им не оставляют времени для сельских работ, не выдают заработной платы, отпускают хлеб по дорогой цене, не выдали законом предусмотренного пособия при включении их в число непременных работников, ревизоры подтвердили, что последнее не было выполнено, но что остальные претензии или преувеличены или даже лишены всякого основания [3]). Однако, случалось, что даже тогда, когда ревизоры всецело склонялись на сторону крестьян, ревизия не приводила к серьезным практическим результатам, так как местная администрация находила достаточно возможностей, чтобы задержать ход дела. Так, сенатор Обрезков, ревизовавший Пермскую губернию в 1809 году, поднял вопрос о предании суду местных чиновников и заводских служащих за злоупотребления по отношению к селениям, приписанным к заводам. Но в течение ряда лет судебный процесс не двигался, и даже вышло, что один из обвиняемых состоял членом того суда, который должен был разбирать дело;

---

[1]) Архив горного департамента, 3 отд., 1 стол, 1822 г., дело № 14 „По донесению берг-инспектора о крайнем положении мастеровых Уфалейского завода и о понуждении заводчиков Губиных к высылке на завод денег“.

[2]) Общая канцелярия мин. финансов, 1 отд., 2 стол, 1826 г., дело № 21 „О правилах на учреждение запасного хлеба при частных горных заводах“.

[3]) Архив горного департамента, 2 отд., 4 стол (1 разр.), 1809 г., дело № 382 „По прошению поверенных от крестьян и т. д.“

на одну бумагу получился ответ через три года. Дело закончилось только в 1826 году. За эти годы жалобщики, конечно, утратили интерес поддерживать свои обвинения [1]).

В тех же случаях, когда рабочие искали защиты на местах, они обычно не только не находили удовлетворения, но и подвергались преследованиям за подачу жалоб. Характерно в этом отношении дело о рабочих с Иргинского завода. Поверенный их Комаров подал государю прошение (1808 г.), в котором рассказал, что по переходе завода от Осокина к Кнауфу, крестьян (они были частью пришлые из казенных, частью покупные) стали до того обременять непосильной работой, что 112 человек уполномочили его подать жалобу, но когда он представил их доверенность для засвидетельствования в Красноуфимский земский суд, бумагу задержали и произвели столь пристрастное расследование, что крестьяне отказались от дачи показаний и снабдили Комарова (180 чел.) новой доверенностью. Он представил ее генерал-губернатору Модераху (в начале 1807 г.), но его тотчас арестовали. Когда же другой крестьянин, по поручению товарищей, подал просьбу об освобождении Комарова, то и его арестовали и обоих отослали в суд. Началось новое расследование жалобы, и крестьяне, под угрозою, были вынуждены дать подписку, что они всем довольны; только пятеро отказались дать подписку, за что были биты палками, а подававший жалобу генерал-губернатору, прокурору и уездному суду был наказан плетьми. Комаров же бежал и прибыл в Петербург. Быть может потому, что Комаров сделал здесь заявление о том, что ему известно золотое месторождение, к нему отнеслись в столице доброжелательно. От пермского губернатора были потребованы об‘яснения. А затем, для расследования на месте, на Урал был командирован сенатор Обрезков, и Комаров, по его просьбе, был отправлен с Обрезковым [2]).

Приведенные случаи показывают, что путь жалоб был длинен и не всегда возможен. А потому многие, не вынеся тяжелых условий жизни и притеснений, убегали с заводов.

Бегство с заводов, как видно, приняло столь хронический характер, что пред местными горными властями стал вопрос о семьях убежавших, остававшихся без средств к существованию. Начальник Гороблагодатских заводов сообщал, что мастеровые и непременные работники, в особенности непременные работники из рекрутов, убегали „по развращенной нравственности“, и чтобы побудить их к возвращению, а других отвратить от бегства, было велено выдавать бесплатно провиант их семьям

---

[1]) Архив горного департамента, 1 стол (опись № 117), 1822 г., дело № 48/449 „О злоупотреблениях, чинимых горными чинами, и т. д.“

[2]) Архив горного департамента, 2 отд., 4 стол, 1809 г., дело № 379 „По просьбе поверенного от крестьян Иргинского завода и т. д.“ В ту пору по горному департаменту производился ряд дел по жалобам, напр., опись № 117, 1 стол судного отделения, 1816 г., № 25/187 „По жалобе непременных работников на притеснения начальства Воткинского завода и поборы с них“;—1818 г. № 34/247 „По жалобе заводского служителя Верх-Исетского завода на притеснения местного начальства“.

только в течение года. Но это не помогло, и многие из убежавших вовсе не вернулись, вследствие чего их семьи просили им выдавать провиант или отпустить их домой, но им отказывали и в одном, и в другом, чтобы не дать лишнего повода к побегам. Горный совет предложил действовать применительно к порядкам на Дедюхинских солеваренных заводах, где жены рабочих не получали хлеб безденежно, а должны были работать; что касается детей убежавших, то, хотя на Дедюхинских заводах дети с 12-летнего возраста обращались на работы и получали за это паек, было решено не принуждать их к работе и давать безденежно провиант. Но государственный совет глубже заглянул в этот вопрос. Он поручил министру финансов подробно ознакомиться с положением рабочих и причинами побегов, „дабы при необходимости в заводах таковых работников, улучшить, по крайней мере, сколько возможно, их положение". А впредь до того государственный совет постановил — выдавать женам провиант бесплатно, а если они пожелают работать на заводе, то платить им; вместе с тем не следует им препятствовать, если они захотят вернуться домой или работать на стороне, но в этих последних случаях выдача провианта прекращается [1]).

Таким образом, уже одни побеги, хотя они не имели массового характера и поэтому не таили в себе политической опасности, обратили на себя столь серьезное внимание правительства, что был поставлен вопрос о борьбе с этим явлением путем улучшения материального положения рабочих. Тем с большей тревогой должно было отнестись правительство к волнениям на заводах, захватывавшим множество людей и в своей совокупности угрожавшим горнозаводской промышленности. Мы ниже увидим, как реагировало правительство на эти выражения протестов рабочих. Предварительно же остановимся, в виде примеров, на нескольких подобных случаях.

Яркую картину положения крепостных рабочих рисует дело о беспорядках (1822 г.) на Каслинском заводе, перешедшем от Демидова в руки купца Расторгуева. Мастеровые и рабочие этого завода жаловались, что, получая самую незначительную плату и не будучи обеспечены провиантом, они сильно бедствовали. Власти предписали Расторгуеву выдавать им жалованье и провиант в таком размере, как на казенных Гороблагодатских заводах. А вслед за тем волнение началось из-за провианта также и на Кыштымском заводе того же Расторгуева и грозило перейти на соседние заводы. Возмущение носило организованный характер, и понадобилась присылка команды в 2400 нижних чинов, чтобы усмирить восставших. Расследование показало, что заводчик не заботился о продовольствии рабочих и не выдавал им заработной платы. Поэтому было велено взять завод в казну с тем, чтобы устранить недочеты, а затем вернуть его

---

[1]) Архив государственного совета, департамент экономии, 1820 г., дело № 20 „О выдаче провианта семействам мастеровых и непременных работников". — Ср.: Архив горного департамента, 2 отд., 3 стол (опись № 65), 1819 г., дело № 149/982 „О выдаче провианта семействам мастеровых, находящихся в бегах" (265 листов). — Первое собрание законов, № 28300 (3 июня 1820 г.).

владельцу; два года спустя, по удостоверению горного департамента, положение рабочих было уже улучшено, и они получили удовлетворение за прошлые годы, и тогда пермскому горному правлению было велено составить особые правила для расторгуевских заводов с точным указанием обязанностей рабочих [1]).

Крепостные же рабочие произвели волнения (1825 г.) на Ревдинском заводе из-за изменения меры короба, по которому сдавался выработанный уголь [2]).

Непременные работники Сергинско-Уфалейских заводов Губина отказались (1823 г.) от рубки дров в размере назначенного им урока, говоря, что каждому из них не под силу вырубить полторы сажени в месяц, что они пришли в изнеможение, что они могут вырубить лишь по одной сажени. Но вызванная воинская команда заставила их приступить к работе [3]).

Особого упоминания заслуживают беспорядки в 1820 г. на Березовских золотых приисках, как повлекшие за собою ряд серьезнейших благоприятных последствий для всего горнозаводского населения Урала. Березовские волнения были вызваны, главным образом, тем, что рабочих наряжали на работы по праздничным дням, а между тем двойная плата за праздничные дни не прельщала измученных рабочих, нуждавшихся к тому же в свободных днях для домашних работ; сверх сего рабочие жаловались, что заводские чиновники заставляют их исполнять частные подряды, принятые на себя самими чиновниками, что нет достаточных сенокосов, что не всех рабочих отпускают в страдную пору, что приходится ходить и ездить далеко за получением провианта.

Когда о березовских беспорядках узнал Александр I, он приказал (19 ноября 1820 г.) пермскому губернатору послать туда чиновника для расследования причин беспорядков. Но вскоре затем до царя дошла жалоба поверенного березовских крестьян Егора Дюрягина на притеснения, чинимые со стороны местных начальств. Тогда он приказал послать комиссию из трех чиновников — министерства финансов, юстиции и внутренних дел, чтобы беспристрастно расследовать жалобы, вникнуть в положение мастеровых и приписных крестьян, и если окажутся злоупотребления, то установить, в чем они заключаются; при этом, чтобы устранить впоследствии всякий повод к жалобам на пристрастие, Александр предписал, чтобы чиновник от министерства финансов не принадлежал к горному ведомству.

---

[1]) Архив горного департамента, 3-е отд., I ст., 1823 г., дело № 11 „О беспорядках на Кыштымских заводах Расторгуева, о взятии сих заводов в казенное управление и о возвращении их наследникам Расторгуева“. (См. Архив истории труда в России, кн. 9, стр. 154-155 — сообщение *К. Пажитнова* по архиву мин. внутр. дел, департам. полиции исполн., 1822 г., дело № 33).—Архив общей канцелярии мин. финансов, I отд., 2 стол, 1825 г., дело № 7 „О распоряжении к составлению правил и т. д.“

[2]) Архив истории труда в России, кн. 9, стр. 157—158 (сообщение *К. Пажитнова* по архиву мин. вн. дел., деп. полиции исп. 1825 г., дело № 158).

[3]) Архив истории труда в России, кн. 9, стр. 157 (сообщение *К. Пажитнова,* по архиву м. вн. дел, 1823 г., дело № 258). О крестьянах этих заводов, см. выше.

Посылка комиссии для расследования причин беспорядков на заводах не представляла собою какого-либо исключительного явления. Так, в 1818 г. была послана подобная комиссия на Гороблагодатские заводы с целью подробно ознакомиться с делами заводов и с положением рабочих; и комиссия, как видно, добросовестно поработала — делопроизводство ревизии составило 44 тома![1]) В том же году рассматривалось дело о беспорядках на Туринском заводе[2]). Подобные расследования убедили правительство в хозяйственных непорядках на заводах и в справедливости многочисленных жалоб рабочих. И это побудило Александра I послать комиссию, которая, как мы увидим в дальнейшем, не ограничилась одними Березовскими приисками.

Решение Александра I чрезвычайно встревожило министра финансов Гурьева, в ведении которого находились все горные заводы. Дело в том, что при первом известии о березовских волнениях государь велел выяснить, вызваны ли они действительно злоупотреблениями начальств или же подстрекательством со стороны, и тогда три ведомства произвели, каждое в отдельности, следствия, — министерства финансов и внутренних дел и командир корпуса внутренней стражи, и все, по словам Гурьева, пришли к заключению, что беспорядки были вызваны нежеланием работать в праздники и от развратного поведения рабочих, среди коих насчитывалось 1500 человек, наказанных по суду, распутных и ссыльных. Таким образом, по мнению Гурьева, березовские беспорядки не нуждались в новом расследовании, а между тем повеление государя могло повести к страшным последствиям! Во-первых, судебное дело, возбужденное против непослушных рабочих, должно будет остановиться, что уже крайне нежелательно. Но можно предвидеть и другие последствия. А ведь комиссия ничего нового не откроет, так как „известно вообще, что принадлежащие к горным заводам люди по одной тягости их занятий менее всех других состояний могут быть довольны своим положением. Сверх сего, они получают содержание по штатам 1737, 1765 и 1792 годов и по другим давним постановлениям, не соответствующим нынешнему времени. Чувствуемые от сего недостатки, а другими и самая скудость, вместе с тягостью работ... всегда питают в них дух негодования". Число таких людей на частных и казенных заводах доходит до 160 тысяч. Так вот, не приведет ли новая комиссия к новым жалобам, не вызовет ли она волнений среди рабочих, которые пока еще оставались спокойными. Это тем более возможно, что волнения на Березовских приисках лишь недавно затихли. На заводах наследников Турчанинова, приведенных в расстройство по раздорам среди наследников, масте-

---

[1]) Архив горного департамента, 2 отд., 3 стол (опись № 65), 1818 г., дело № 140/1036 „Беспорядки на Гороблагодатских заводах. Учреждение комиссии для обревизования их" (пять частей), I стол судного отделения (опись № 117), 1818 г. дело № 31/682 „О беспорядках и злоупотреблениях по Гороблагодатским заводам, а также по жалобам непременных работников на местное начальство" (44 тома).

[2]) Архив горного департамента, I стол судного отделения (опись № 117), 1818 г. дело № 33/684 „О беспорядках по Туринскому заводу" (246 листов).

ровые не получают даже того малого содержания, которое полагается по закону; на заводах Демидова и без того неспокойно. А к чему приведут возможные новые волнения? Как будет трудно подавить их на большой территории! Между тем заводы работают на оборону государства! Наконец, правительство знает, что злоупотребления допускаются не только на казенных, но и на частных заводах, и знает, что рабочие получают недостаточное вознаграждение. Горное начальство уже задумалось над улучшением положения рабочих и упрочением заводов. Не было упущено и предположение замены принудительного труда вольнонаемным, но осуществлению этого мешает недостаточное число жителей в горных районах и наличие там более выгодных занятий. Уже началось обследование, где какую плату нужно установить в соответствии с местными ценами на продукты питания, но это дело нельзя провести наспех.

И вот, изложив все эти соображения в письме к министру внутренних дел Кочубею, Гурьев предложил ему, если он с ними согласен, довести до сведения государя. Но эта попытка отменить посылку комиссии не удалась. Однако, чтобы предотвратить возможность распространения чрезмерных слухов о задачах комиссии, ей были даны две инструкции — одна для оглашения, другая для секретного использования. Первая инструкция ограничивала сферу деятельности комиссии одними Березовскими приисками. Но в действительности комиссия была уполномочена обозреть заводы всего Пермского края. Комиссия посетила Березовские прииски, Нижне-Исетские заводы, Гороблагодатские и Богословские. О посещении комиссией ряда заводов стало известно широким кругам горнозаводского населения, и в комиссию стали поступать жалобы.

Комиссия обратила внимание на то, что большинство рабочих на казенных заводах взято путем рекрутского набора, и начальство часто перемещает мастеровых в число непременных работников и обратно, причем нередко те и другие выполняют одинаковую работу, как, например, добывание руды. Подсобные работы не ограничены временем — все зависит от прилежания и проворства рабочего; на внутренних же производствах и при добывании руды работа идет в две смены; в случае нужды работа продолжается и в праздничные дни за двойную плату. Работа, по свидетельству комиссии, довольно тягостна, особенно рубка дров на куреньях, но привычка облегчает дело, и хотя „наружное состояние крестьян не показывает людей зажиточных и довольных своим жребием, однако не можно сказать, чтобы они терпели крайнюю нужду в существенных потребностях жизни“... Живущие вблизи городов находятся в лучшем состоянии, чем на отдаленных заводах. Но во всяком случае старые штаты не соответствуют ценам на предметы первой необходимости, поднявшиеся с тех пор чуть ли не в десять раз!

В чем же заключались главные нужды рабочих? В том, что утратившие трудоспособность не получали ни пенсиона, ни провианта, и это потому, что отпуск средств продолжался только с 1807 по 1816 г., а затем был прекращен. Вдовы и дети умерших рабочих оставались без всякого пособия. На Юговском заводе не выдавали провианта женам и дочерям

рабочих, когда женщины уходили с завода на вольные работы, причем это распоряжение было мотивировано тем, что такой порядок установлен в отношении жен и детей рабочих, убежавших с завода! Тяжкая работа по рубке дров оплачивается крайне скудно. В 1819 году горное правление возбудило просьбу об увеличении всем рабочим вознаграждения, но ответа не было. Двухсменная работа слишком тягостна, а трехсменная работа, предписанная еще в 1806 г., нигде не осуществлена, и это мотивируется тем, что не хватает людей, а если бы и удалось увеличить число людей, то это повысило бы цену металла. Тягостными были и урочные работы, так как прежние урочные или „пробные" положения, основанные на опыте, с течением времени перестали соответствовать действительности в виду введения машин и вспомогательных пособий, и горное начальство начало устанавливать уроки по своему усмотрению. Женщины, поступавшие на заводы по вольному найму, получали самое ничтожное вознаграждение, и одна только крайность и отсутствие других заработков заставляли их итти на заводские работы. На частных посессионных заводах отсутствуют какие-нибудь общие правила, и каждое заводское начальство устанавливает порядки по своему усмотрению.

Из расследования комиссии выяснилось, что жалобы березовских крестьян были не безосновательны. Но все же те крестьяне, которые смелее прочих протестовали и выступали с жалобами, понесли наказание. Характерно, что государь утвердил судебный приговор, но вместе с тем поручил министру финансов следить, чтобы было исполнено все, что было постановлено к ограждению заводских людей от притеснений[1]). Наказание „зачинщиков" должно было отбить охоту к новым волнениям.

Любопытно отметить, что министру финансов уже ранее было известно, что рабочих заставляют ездить далеко за провиантом, причем за время, потраченное на поездку, с них высчитывали жалованье. В 1818 г. он послал грозное письмо начальнику екатеринбургских заводов Шленеву, которому были подчинены Березовские прииски, и предупредил его, что „всякое допущенное и неусмотренное вами стеснение мастеровых в их содержании и работах подвергнет вас строжайшей ответственности и взысканию по законам". И тем не менее, рабочих попрежнему заставляли ездить за провиантом, чтобы доставка хлеба на прииск не производилась за счет казны.

Горный департамент остался крайне недоволен разоблачениями комиссии, но все же ее донесениям был дан ход[2]).

---

[1]) Журнал комитета министров от 10 ноября и 15 декабря 1823 года.

[2]) Архив горного департамента, 2 отд., 3 стол (опись № 65), 1821 г., дело № 184/1038; 2 отд., 4 стол, 1823 г., дело № 126/2195 „По отношению гр. Кочубея со сведениями, собранными комиссией и т. д."—Ср. там же, отд. 2, стол 4, 1820 г., дело № 113/2588 „Неповиновение мастеровых Бер. зол. промыслов"; судное отд., 1 стол, 1820 г., дело № 41/239 (опись № 117) „Неповиновение, оказанное мастеровыми Бер. зол. промыслов". — Архив истории труда в России, кн. 5, ч. II, стр. 5—10 (сообщение *К. Пажитнова* по делу архива мин. внугр. дел, департ. полиции исп. 1820 г. дело № 230).

В это время в горном департаменте производились дела: „По жалобе крестьян Авзяно-Петровских заводов на притеснения местного начальства и уменьшение платы за

Материалы, собранные комиссией, были использованы при разрешении различных вопросов рабочей жизни. Остановимся на некоторых из них, а именно: о работе в праздничные дни, о кормовых деньгах на отдаленных приисках, о богадельнях и о труде женщин.

Мы знаем, что березовские рабочие настаивали на освобождении их от работы в праздничные дни, мотивируя тем, что двойная плата не компенсирует убытков, которые они терпят из-за невозможности найти время для домашних работ. Пермское горное начальство высказалось за удовлетворение этой просьбы в целях улучшения их материального положения, но министр финансов воспротивился, так как это повредило бы интересам заводов, а между тем рабочие наряжаются в праздничные дни по очереди и, следовательно, у них остается время для домашних работ Для того же, чтобы облегчить положение рабочих, следует, чтобы за работу в праздничные дни вознаграждение выдавалось не в двойном, а в тройном размере. И этот порядок был установлен для всех заводов Уральского хребта[1]).

Вопрос о дополнительной оплате труда на отдаленных казенных золотых рудниках в виде кормовых денег, выдаваемых сверх жалованья и провианта, с целью „сделать вознаграждение, соразмерное неудобствам, претерпеваемым" рабочими, этот вопрос был выдвинут именно с тем, дабы не допустить их „до общего ропота", который уже начался в форме жалоб на напрасную трату проходных часов. Ропоту невольно способствовали частные заводчики, из которых одни выдавали в таких случаях рабочим некоторое дополнительное вознаграждение, а другие не могли удержать их в послушании и порядке. Так, на рудниках корнета Яковлева работавшие далее пяти верст от жилищ дополучали в день от 7 до 25 коп.; на заводах наследников Яковлева в зависимости от расстояния увеличивалась плата; на Нижне-Тагильском заводе прибавлялось 10 коп. в день только в страдное время. Местные горные власти предложили платить при расстоянии 5—8 верст по 5 коп., а при большем расстоянии, когда рабочие теряли возможность выполнять свои домашние работы, по 10 коп. не исключая воскресных и праздничных дней, потому что и эти дни при дальнем расстоянии потеряны для домашних работ. А комиссия при горном департаменте сочла нужным распространить эти правила не только на золотые, но и на другие рудники. Однако, в виду того, что в то время уже рассматривался вопрос о введении повсюду на уральских заводах сдельной платы, было разрешено, впредь до осуществления этой меры,

---

работы" (1822 г. дело № 49/450, 1 стол судного отделения, опись № 117); „По жалобе непременных работников Воткинского завода на отягощение их работами и недодачу ремонтных денег" (1822 г., дело № 189/303, 2 отд., 3 стол, опись № 65).

[1]) Архив общей канцелярии министра финансов, 2 стол, 1 отд. (1 разряд), 1824 г., дело № 13 „Об увеличении платы мастеровым Уральского хребта за работы в праздничные дни".—Ср. Архив горного департамента, 2 отд., 3 стол (опись № 65), 1824 г., дело № 201/160 „Плата за работы в праздничные дни".

платить на одних лишь золотых рудниках „в отвращение жалоб сих людей“ от 6 до 10 копеек в день, в зависимости от расстояния, а штейгерам — вдвое [1]).

Возбуждение вопроса об устройстве богаделен было подсказано непосредственно волнениями. Инициатор этого предложения, директор департамента горных и соляных дел, писал, что одной из причин неповиновения рабочих начальству является то, что „они лишены, якобы, достаточных средств к обеспечению себя и семейств своих в жизни при старости лет“. И справедливость, — говорил он далее, — требует согласиться, что жалобы имеют некоторое основание, так как на иных заводах богаделен нет, на других — недостаточно, так что большая часть людей, нуждающихся в помощи, остается без попечения; они живут у родных, но получают „богаделенное содержание“.

Мы сказали выше, что горное положение 1806 г. предписало устройство богаделен при заводах. В виду этого в 1809 г. министр финансов потребовал от пермского и вятского генерал-губернатора сведений о числе огадельщиков и пр. Но этих данных не поступило вплоть до 1817 г., когда министр финансов повторил свое требование. И после этого прошло еще полтора года, пока стали поступать сведения. Оказалось, что к 1820 году при екатеринбургских заводах не было вовсе богаделен, — в 1817 году насчитывалось всего 218 богадельщиков, получавших по два пуда ржаной муки в месяц. На Богословских заводах имелась богадельня на 6 человек; остальные 239 богадельщиков были распределены на три группы: одним давали в месяц по полутора пуда муки и по 30 копеек, другим — по одному пуду и по 30 копеек, третьим — только по пуду муки. На ниже упоминаемых заводах богаделен не было, число же богадельщиков выражалось в следующих цифрах: Гороблагодатские — 165 богадельщиков; Воткинский — с 1819 г. перестали содержать богадельщиков за отсутствием средств; Юговский — 35 богад.; Мотовилихинский — 47 богад.; на последних двух заводах выдавалось всего по пуду муки в месяц [2]).

Мы видим на примере богаделен, как мало осуществлялись правительственные распоряжения, направленные к улучшению быта рабочих: упомянутые нами выше постановления об устройстве богаделен остались без сколько-нибудь заметных практических результатов. Несомненно, что и в данном случае — как и в некоторых иных, причиною служило отсутствие необходимых средств на заводах, из коих многие, как мы знаем, находились в тяжелом состоянии.

---

[1]) Архив общей канцелярии министра финансов, 2 стол, 1 отд., 1826 г., дело № 11 «О произвождении зав. мастеровых кормовых денег».—Второе собрание законов, № 484 (20 июля 1826 г.).—Ср. Архив горного департамента, 2 отд., 3 стол (опись № 65), 1817 г., дело № 125/977 «Об улучшении состояния заводских людей и о назначении им кормовых денег», тт. I и II.

[2]) Архив горного департамента, 2 отд., 3 ст. 1809 г., № 38/495 «По письму министра финансов о доставлении сведений о зав. богадельнях»; 1818 г., дело № 138/497 «Соображения о необходимости собрать сведения о богадельнях и т. д.».

В 1820 г. на казенных заводах должно было содержаться в богадельнях следующее число рабочих:

	Число богадельщиков.	Сумма расходов.
Екатеринбургские	341	5658 р.
Гороблагодатские	251	8116 „
Богословские	161	5391 „
Пермские	121	1150 „
Воткинские	9	275 „
	883	20590 р.

Но для этого числа богадельщиков отпущенных средств не хватало, в сумме около 5000 р. А ведь не все, имевшие право на помощь, получали ее. Не только в богадельню не попадали все, нуждавшиеся в приюте; но и не все остальные получали богадельное содержание на руки. Было высчитано, что если поместить в богадельни только часть кандидатов, а всем остальным давать богадельное содержание на руки, т.-е. если все нуждавшиеся получат помощь: часть в богадельнях, часть дома, — то не хватит 42100 руб.; если же только выдавать богадельное содержание на руки всем кандидатам, никого не содержа в богадельнях, то не хватит 26100 руб. Эта цифра решила дело. По положению комитета министров о штатах пермских заводов (8 июня 1826 г.) было установлено, что те, кто имеет право на место в богадельне, получают безденежный провиант. При этом было оговорено, что провиант выдается и тем, кто получает пенсию, в виду того, что последняя недостаточна „для самого скудного содержания".

Сказанное относилось к казенным заводам. В отношении же частных (1832 г.) было установлено, что попечение о призрении непременных работников, взятых на заводы целыми селениями, вменяется в обязанность самим обществам непременных работников, так как неработоспособные имеют право на известную часть земель, предоставленных непременным работникам; если же утратившие трудоспособность непременные работники не имеют земли, тогда им выдают провиант по норме богадельщиков. Забота об устройстве богаделен была, таким образом, фактически снята с заводоуправлений[1]). Этот порядок стал повсеместным.

Мы видели выше, что женщины работали на горнозаводских предприятиях не только добровольно, но и по принуждению, причем обязательная работа возлагалась не на одних лишь помещичьих крепостных,

[1]) Архив общей канцелярии министра финансов, 2 стол, 1 отд. 1823 г., дело № 15 „О положении, в коем находится богаделенная часть в горных заводах"; там же, 1832 г., дело № 35 „О содержании престарелых и увечных работников, приписанных к частным заводам". — Журнал комитета министров 8 июня 1826 г. (утвержд. 30 июня).—Архив горного департамента, 2 отд., 4 стол, 1823 г. № 126/2195 „По письму гр. Кочубея со сведениями, собранными комиссией „(см., например, стр. 60—86).—Ср.: Архив горного департамента, 2 отд. 3 стол (опись № 65), 1823 г., дело № 196/506 „Учреждение богаделен на Уральских горных заводах" (428 л.).

но и на жен, и дочерей мастеровых. Принудительный женский труд применялся и на частных, и на казенных заводах. Как выше указывалось, женщины работали на Златоустовских и Миасском заводах, где рабочие выступили в 1812 году с жалобой по этому поводу. Они также работали на Туринском и Буйском заводах, где первый владелец за недостатком мужчин заставлял женщин и девушек находиться в куренных работах при рубке дров; труд женщин продолжался в течение ряда десятилетий. Наконец, увидя, что подобный труд слишком обременителен для женщин, особенно для беременных и для девушек от 16 лет, исправник (1815 г.) запросил, можно ли крепостных женщин и детей принудительно наряжать на указанную и другие такие же работы? Пермское горное управление нашло, что такие работы непосильны для женщин; что касается прав на личность крепостных, то по толкованию комитета министров (положение 23 января 1814 г.) дворянские права „простираются, доколе не касаются прав заводчика“. Поэтому горное правление предписало, чтобы на казенных и частных заводах был прекращен наряд женщин на работу, но они могут наниматься добровольно, по установленной цене. Однако, министр финансов остался недоволен распоряжением горного правления и велел заняться рассмотрением вопроса горному департаменту. А в это время поступил протест Демидова, владельца Н.-Тагильского завода, на упомянутое предписание горного правления, так как запрещение наряжать женщин нарушало его права, как дворянина-заводчика. На Н.-Тагильском заводе женщины издавна занимались возкою земли и добычею железной руды, и эта работа, по словам Демидова, не обременяла женщин, между тем им платили наравне с другими рабочими. И было решено (1816 г.) оставить все по старому — лишь бы женщин не обременяли тяжелыми работами, как, напр., рубкой дров, жжением угля. Но в действительности на женщин нередко попрежнему возлагались тяжелые работы, как, напр., добыча руды, и не в полной мере оплачивался их труд. Иногда им выдавали в месяц всего только два пуда муки. Заводчик Расторгуев посылал женщин на золотые промыслы за 40 верст; случалось, и за 250 верст.

Тяжелые условия труда женщин побудили главного начальника горных заводов вновь (1828 г.) поднять вопрос о том, можно ли принуждать женщин к горнозаводским работам и к каким именно. Уж если нельзя нарушить права дворян над крепостными, то пусть, по крайней мере, женщин посылают только на легкие работы и платят им наравне с вольнонаемными, и притом не наряжают сразу более $^1/_4$ числа женщин данного селения. Но в Петербурге опять отнеслись отрицательно к установлению правил в отношении женского труда, и было велено оставить все по старому (1829 г.). Правда, пермскому горному правлению было поручено расследовать, каково было положение женского труда на уральских заводах с давних времен. Но когда горное правление выполнило это задание и вновь высказало пожелание о смягчении участи женщин, напр., чтобы крепостные женщины выполняли половину урока мужчин, с равной платой, чтобы жены и дочери казенных мастеровых были

освобождены от обязательного труда, совет министра финансов отказался (1831 г.) от урегулирования женского труда [1]), и женщинам суждено было оставаться на горнозаводских работах в худших условиях, чем мужчинам.

Как мы сказали выше, в 1822 г. на Урал отправилась специальная комиссия с целью ознакомиться с причинами, вызвавшими волнения среди рабочих. А вскоре по возвращении ее было приступлено к реорганизации горного дела на местах.

Когда в 1806 г. был издан „проект горного положения", то сила его действия была ограничена пятью годами. Но за эти годы ничего не было сделано для проверки целесообразности его постановлений, и горное положение продолжало действовать и по истечении пятилетнего срока, хотя уже рано сказалась неосновательность взгляда на выгодность горных казенных предприятий, на котором было построено горное положение 1806 г. Для металлов, выпускаемых заводами, была назначена твердая цена, и, таким образом, если заводу удавалось дешевле изготовить металлы, он считался прибыльным, а если его расходы превышали установленную цену, он признавался убыточным. А между тем в дальнейшие годы цены на металл и на изделия сильно поднялись, и расчет, сделанный в 1806 году, уже не соответствовал реальным условиям. „Наконец, что всего важнее,— как заявил горный департамент в 1826 году, заводские люди оставались при одном и том же жалованьи многие десятки лет, в то время, как общие цены на все возвышались" [2]).

Все это побудило правительство образовать в 1824 году комитет для переустройства горнозаводского управления и для улучшения быта рабочих. Однако, положение рабочих было столь плачевно, что не оказалось возможным дождаться завершения работы означенного комитета. Пришлось подумать об оказании им пособия до окончания работ комитета.

Прежде всего остановились на вопросе о выдаче рабочим безденежно провианта. По указу сената 19 мая 1819 года все вообще мастеровые и рабочие увольнялись на сенокосные работы в промежуток с 1 июля по 1 сентября, на екатеринбургских, пермских, Гороблагодатских и Камско-Воткинском заводах на 20 дней, а на Богословских, в виду отдаленности сенокосов, на 30 дней, и за это время, при сохранении жалованья, провиант безденежно не выдавался ни самим рабочим, ни их семьям, каковое правило было распространено также на частные заводы. Против такого порядка и выступил упомянутый комитет, потребовав, чтобы и за сенокосное время выдавался безденежно провиант. Далее он настоял на том, чтобы все без исключения рабочие, независимо от размера заработка, получали провиант безденежно. Тогда же было введено облегчение

---

[1]) Архив общей канцелярии министра финансов, 2 стол, 1 отд., 1831 г., дело № 21. „Об употреблении в заводские работы женщин".

[2]) Вознаграждение, получаемое значительною частью рабочих, было столь ничтожно, что было постановлено: рабочих, жалованье коих не превышает 24 руб. в год (кроме провианта), освободить от вычетов из жалованья в случае кражи или небрежного обращения с казенным имуществом (архив госуд. совета, департамент законов, 1825 г., дело № 3. Указ сената 31 августа 1827 г.).

и для непременных работников — впредь до утверждения новых штатов им должны были выдавать безденежно провиант не только за время, когда они работают при заводе, но и за время, когда они свободны от заводских работ [1]).

Вскоре была увеличена и заработная плата. Дело в том, что комитет, образованный в 1824 г., пришел к заключению, что заводы должны основывать свою деятельность не на прибылях, а на твердых штатах, опирающихся на данные опыта. А в связи с этим он признал, что для поднятия производительности заводов необходимо перевести рабочих по возможности на сдельную плату, которая была предложена еще в начале 19-го века, но тогда не привилась, причем имелась в виду такая „задельная плата, которая доставляла бы рабочему необходимое содержание и производилась не за время, проведенное в работе, но именно за каждое изделие“ [2]). По этому поводу в докладе министра финансов было сказано: „Уроки, выведенные из точных опытов, послужили основанием назначения задельной платы, от введения которой выгоды очевидны: она, представляя собой действительнейшее средство к одобрению труда и поощрению искусства, увеличивает усердие рабочего, усугубляет его внимание и облегчает надзор за оным. Такая плата назначена по всем мастерствам, где только допускала возможность. Упомянутые опыты, увеличив уроки и сберегая материалы, дают возможность без убытка казне сделать значительные прибавки, как в задельных и поденных платах, так и в окладных жалованьях мастеровым, что послужит деятельнейшим средством к улучшению их состояния“ [3]).

Реформа в оплате труда была прежде всего проведена (с 1827 г.) в виде временной меры на пермских заводах (Мотовилихинский и Юговский медноплав. заводы), где рабочие находились в лучших условиях, чем на других, хотя мастеровые и получали меньшее вознаграждение — от 12 до 36 рублей в год. Это сравнительное благополучие об‘ясняется тем, что, вследствие близости Перми, мастеровые имели возможность продавать свои изделия и наниматься в свободное время на частные работы; кроме того, заводские люди могли заниматься хлебопашеством. Вот почему и новая оплата труда на пермских заводах уступала по размерам оплате труда на других заводах: „Самая большая задельная плата, которую обык-

---

[1]) Журнал комитета министров 8 июня 1826 г. (утвержденный 30 июня). О норме выдачи провианта — см. выше.

[2]) Архив общей канцелярии министра финансов, 2 стол, 1 отд. 1826 г., дело № 23 „О штатах и положении Пермских заводов“.

[3]) Штаты и положения для Екатеринбургских заводов (С.-П. Бург, 1829 г.). Доклад министра от 4 апреля 1899 г.— Ср. Второе собрание законов, № 2890.

Отметим, что к этому времени вывоз железа за-границу утратил свое былое значение. Англия, благодаря каменному углю, стала независимой от русского железа, имея возможность у себя развить железное дело. К тому же и потребность самой России в железе увеличилась.

новенный мастеровой может заработать в рабочие дни года, при выполнении своего урока, составляет 62 р. 50 к., самая меньшая — 20 р.“, помимо безденежного провианта [1]).

При введении новых форм вознаграждения на пермских заводах Александр I потребовал, чтобы ему ежегодно докладывали „о удобности или противном сего положения“. Но благоприятные последствия реформы, как видно, тотчас же сказались, и министерство финансов без промедления стало осуществлять ее, опять-таки в виде временной меры, и на других казенных заводах. На Екатеринбургских заводах повышение годовой платы (при сохранении выдачи хлеба) выразилось в следующих цифрах (в рублях):

Прежняя норма вознаграждения.	Новая норма вознаграждения.		
	наибольшее	среднее	наименьшее
Мастера от 45 до 100	от 150 до 240	от 120 до 150	75
Подмастерья „ 36 „ 60	до 113	75	—
Работники „ 12 „ 18 . . . . . (очень редко 24)	до 65	45	25—30
Дети	20	—	—

При добыче золотой руды находилось 435 человек, из коих 130 получали в день по 15 копеек, а 209 — по 12 коп.; рудоразборщики „из малолетов“ получали по 8 коп. в день. Рабочим при добыче железной руды платили по 12 коп. в день.

На Камско-Воткинском заводе годовая заработная плата мастеровых и работных людей повысилась (в рублях и копейках) в следующем размере [2]):

Норма.	Мастера.		Подмастерья.		Рабочие.	
	Прежде.	Новый размер.	Прежде.	Новый размер.	Прежде.	Новый размер.
Высшая . . .	135	178.75	90	113.75	45	65
Средняя . . .	60	150 —	30	75	24	35
Низшая . . .	30	112.50	24	56.25	18 и 12	30

Приведенные нормы вознаграждения относились только к работникам в главном производстве; в подсобных же отраслях производства высший оклад мастера не превышал 60 руб. в год, а рабочего — 24 руб.

[1]) Общая канцелярия министра финансов 2 стол, 1 отд., 1826 г., упомянутое дело № 23.

[2]) Архив общей канцелярии министра финансов, 2 стол, I отд. 1828 г., дело № 2 „С представлением штата и положения для Камско-Воткинского золотод. завода“. — Второе собрание законов, № 1776 (7 февраля 1828 г.).

Что касается непременных работников, приписанных целыми селениями, то их вознаграждение было оставлено в прежнем размере, так как они имели свои земли. Но в отношении непременных работников было гораздо важнее разрешение вопроса о количестве дней, которые они должны работать на заводах. По закону непременные работники обязаны были работать не более 240 дней (8 месяцев по 30 дней). Других указаний не было, а потому заводоуправления нередко растягивали 240 дней на 10 месяцев, вследствие чего работникам почти не оставалось времени для сельских и домашних работ. Вот почему, согласно новому порядку, они впредь должны были работать на заводах не более 200 дней в году, а если обстоятельства позволят, то всего 180 дней.

Что касается безденежного провианта, то вообще он выдавался только работающим непременным работникам (а не всем, числившимся в обществе их) и только за время, фактически проведенное ими на заводе. На екатеринбургских заводах, вероятно, в силу приведенного выше постановления комитета министров, провиант получали все непременные работники и за все время. Однако, в 1827 году здесь был введен общий порядок, причем он был распространен и на частные заводы. Тогда начальству екатеринбургских заводов было предоставлено право в случае нужды привлекать на заводские работы все работоспособное население, жившее в селениях, приписанных к заводам в качестве непременных работников, выдавая всем взятым на работу безденежно провиант и денежное содержание.

Особое внимание было обращено на рабочих Гороблагодатских заводов. Когда в 1819 г. выяснилось, что свирепствовавшая там эпидемическая болезнь и вообще высокая смертность среди рабочих вызывались их бедностью, было велено выдавать (с 1822 г.) непременным работникам провиант безо всяких вычетов (за нерабочие дни), кроме того, число рабочих дней в году с 240 было уменьшено до 220. Но потом оказалось, что это не принесло рабочим выгоды, так как, в виду суровости климата и отсутствия по близости городов, рабочие не могли использовать свободные дни ни для хлебопашества, почти ничего не дававшего, ни для сторонних заработков. И поэтому при установлении новых штатов (1829 г.) было решено увеличить для непременных работников число рабочих дней в году до 250 (на прочих максимум достигал 200 дней) и при этом увеличить заработную плату на $^1/_6$ более, чем на прочих заводах. Увеличение числа рабочих дней было вызвано также тем, что на Гороблагодатских заводах не доставало 1250 человек и их некем было пополнить, так как поблизости не было ни государственных крестьян, ни людей свободного состояния [1]).

---

[1]) Второе собрание законов, № 2889 (25 мая 1829 г.) — Ср. Штаты и положения Златоустовских заводов 1829 г. (СБП. 1829 г.), то же — Богословских заводов (1830 г.) и Пермских заводов (1827 г.) — Общая канцелярия министра финансов, I отд., 2 стол, 1832 г., дело № 25 «О содержании престарелых и увечных работников, причисленных к частным заводам».

НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА.

Общее материальное положение рабочих. — Детский труд. — Вопрос о снабжении рабочих хлебом. — Новые штаты (1847 г.) — Милитаризация рабочих на казенных заводах.—Новая экономическая оценка поссессионных крестьян.— Тяжелые условия труда и жизни рабочих на частных заводах в Оренбургском крае. — Различное отношение власти к злоупотреблениям заводчиков в зависимости от их общественного положения. — Переход надзора за горными заводами от горного начальства, стоявшего на стороне заводчиков, к губернской администрации, защищавшей интересы крестьян из опасения волнений в тревожные годы перед падением крепостного права.

Сдельная плата, введенная новыми штатами, упрочилась. Десять лет спустя мы находим сообщение [1]), что в Оренбургской губернии на горных заводах „урочная плата введена во всех случаях, где только она возможна“. Однако, не всегда она позволяла рабочему поднять свой заработок — в некоторых местах уроки были так распределены, что рабочий не мог ни уменьшить, ни увеличить свой труд; в других местах „наградная“ (т. е. добавочная) плата была установлена только за качество продукции, а не за напряженность труда, и в этих случаях она превосходила урочную в два и три раза, а иногда и больше.

Мы привели выше замечание берг-коллегии, высказанное в 70-х годах 18-го века, что приписные крестьяне охотнее работали бы на заводах, если бы их вознаграждение соответствовало заработку крестьянина, занимающегося всецело сельским хозяйством. Подобное же сравнение с крестьянами мы находим шестьдесят лет спустя по отношению к горнозаводским рабочим вообще. „При всем разнообразии ставок жалованья, — говорит исследователь [2]), — самая щедрая плата на оренбургских заводах не превосходит дохода помещичьих крестьян и расходуется вся на удовлетворение нужнейших и самых грубых потребностей, а потому она и не может доставить заводским рабочим большей степени благосостояния, чем какою пользуются помещичьи крестьяне, следовательно, недостаточна и неспособна побуждать к усиленной деятельности“. Высшая плата была на Симском и Пашковских заводах. А там, где плата была ниже, „где свободная промышленность незначительна (по малости естественных средств и недостатку времени), где платеж повинностей лежит на самих крестьянах, где предметы, необходимые для крестьянского обихода, в запасных магазинах недостаточны и дороги, там положение хуже“. На других же заводах, где „по недостатку земли почти вовсе нет средств для вольной промышленности (напр., Авзяновские, Кагинские и Узянский заводы), где плата за работу не производится уже в течение многих лет, заменяясь только отчасти выдачей провианта (Архангельский, Кананикольский, Белорецкий, Авзяновские, Кагинские и Узянский заводы) или выдачею

---

[1]) *Я. Ханыков.* Обозрение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 г. (Материалы для статистики Российск. Империи, изд. при Статистическом Совете министр. внутрен. дел, 1841 г., отд. IV, стр. 46—118).

[2]) *Ханыков,* назван. сочинение.

заводских изделий (Белорецкий и Авзяновский заводы), которые работники принуждены сбывать за бесценок, — там положение их самое жалкое".

Помимо только что указанных обстоятельств, не позволявших рабочим достигнуть благосостояния, значение повышения заработной платы, состоявшегося в конце 20-х годов, парализовалось нижеследующим ростом цен [1]) на продукты (в рублях и копейках):

	1828 г.	1834 г.	1837 г.
Четверть муки (7 п. 10 ф.)	3.38	15.20	6.69
Четверть крупы (8 п.)	7.44	16.10	12.36
Четверть овса (5 п. 20 ф.)	2.70	6.72	3.56

Недостаточный заработок родителей, с одной стороны, и нужда в рабочих руках—с другой, способствовали широкому использованию труда детей. По сообщению заводоуправлений — на пермских заводах дети шли на завод для заработка „по собственному желанию" (т.-е. по желанию их родителей); на екатеринбургских заводах они работали только летом; Воткинский, Златоустовский и Гороблагодатские, по уверению заводоуправлений, брали только крепких детей. Работали дети и на Богословских заводах, где вследствие дурных климатических условий почти все они от рождения были золотушны. Чтобы урегулировать детский труд, на уральские заводы был распространен (1838 г.) порядок, введенный в Алтайском районе: все дети по достижении 12 лет (на Богословских заводах — 13 лет) зачисляются в подростки, и горное начальство может употребить их на работу по своему усмотрению и по мере их сил, а с 18-летнего возраста они зачислялись в полные рабочие. Вслед за тем было раз'яснено, что (начиная с 1838 г.) годы, проработанные детьми, не засчитываются при исчислении лет службы для назначения пенсии рабочим горного ведомства [2]).

Положение рабочих на казенных заводах было вообще более благоприятным, чем на многих частных. Когда беспорядки или жалобы давали властям повод вмешаться во взаимоотношения между заводчиком и рабочим, то нередко наибольшее требование, пред'являвшееся заводчику, заключалось в том, чтобы он поставил своих рабочих в такие условия, какие существовали на казенных заводах — этим самым недовольные рабочие были бы удовлетворены. Обычно власти без особой надобности не заглядывали на частные заводы и вообще правительство не склонно было беспокоить заводчиков, а потому последние игнорировали требование закона, чтобы они, так сказать, следовали по стопам казенных заводов. Например, на казенных горных заводах рабочим оказывалась некоторая медицинская помощь, на частных же заводах она обыкновенно отсутствовала. Однако, когда возникла мысль предоставить горному начальству право посылать медиков на частные заводы за счет владельца, то

---

[1]) *Ханыков,* названное сочинение.

[2]) Второе собрание законов, № 11335 (14 июня 1838 г.), № 11965 (1839 г.).

эта мера показалась неделикатной по отношению к заводчикам, а потому упомянутое предложение было принято с той оговоркой, что горное начальство должно предварительно исчерпать все способы к побуждению заводчика самому позаботиться о приглашении врача на завод, а при наличии этого условия сила закона, конечно, на практике крайне умалялась [1]).

И даже в насущнейшем вопросе, о снабжении рабочих хлебом — частные заводчики не выполняли обязательных для них правил, действовавших на казенных заводах. Напр., одной из причин, вызвавших волнения (1829 г.) среди крестьян Юрезень-Ивановского завода [2]), послужило то, что заводоуправление, платя за пуд муки по 40—50 копеек, отпускало его рабочим по 70 копеек. И „буйство" крестьян на золотых приисках помещиков Всеволожских в Пермской губернии (1838 г.) было об'яснено тем, что им не выдавали „полной пропорции хлеба", а между тем даже обычная норма (немногим менее $2^3/_4$ фунта в день), по словам рабочих, была недостаточна при их тяжелом труде [3]). В виду частого повторения подобных случаев пришлось особым законом подтвердить, что людей, данных заводу от казны, как бы они ни назывались (вечноотданные, казенные мастеровые, непременные работники), заводчик должен содержать так, как установлено это на казенных заводах. Что касается крепостных людей, принадлежащих заводчику на помещичьем праве (собственные крестьяне) и на праве заводском (купленные к заводам), то если они не имеют достаточно земледелия, заводчик должен давать им хлеб в зачет платы или за наличные деньги по себестоимости. При этом заводчики были предупреждены, что если жалобы крестьян на „стеснительное содержание" подтвердятся, заводы будут отданы в опеку или „в присмотр казны" [4]). Предоставление права снабжать крепостных крестьян хлебом по себестоимости открыло заводоуправлениям простор для злоупотреблений, и в значительной мере именно на этой почве возникло в 1841 г. кровавое возмущение рабочих Ревдинского завода Демидова в Пермской губернии [5]).

Конечно, недостаток в хлебе не был единственным злом рабочей жизни — злоупотребления и притеснения со стороны заводского начальства причиняли рабочим многообразные моральные и материальные страдания. Расследование, вызванное волнениями упомянутых Юрезень-Ивановских крестьян, обнажило мрачную картину рабочей жизни, неоднократно встречаемую и раньше, и позже: непомерная работа, низкая заработная плата, обременительные вычеты за долги, принуждение стариков к непосильным работам, жестокая эксплоатация детского труда, обманный

---

[1]) Второе собрание законов, № 11796 (29 ноября 1838 г.).

[2]) Сообщение *К. Пажитнова.* (Архив истории труда в России, кн. 1, стр. 88—89).

[3]) Там же, кн. 2, стр. 134.

[4]) Второе собрание законов, № 13933 (26 ноября 1840 г.).

[5]) *К. Пажитнов.* Возмущение рабочих Ревдинского завода (Архив истории труда в России, кн. 6—7). Ср. *В. Быков.* Возмутители. Бунты в Ревдинском заводе в 1826 и 1841 гг. (Уральская историко-революционная библиотека, вып. 5.1925 г.)

расчет и т. д. Но вопрос о недостатке в хлебе, помимо его жизненно-важного значения, заслуживает особого внимания потому, что невыдача хлеба, наравне с удержанием платы, вызывалась в ряде случаев не корыстью заводчика, а стесненным материальным положением самих предприятий. То, что мы видели в первые два десятилетия 19-го века, повторяется и в дальнейшие годы. Так, в 1847 году „в казенный присмотр“ были взяты старинные Невьянские заводы, обремененные долгами, причем в связи с этим было велено принять меры к удовлетворению рабочих заработной платой [1]).

Штаты, изданные в конце 20-х годов, носили пробный характер, их действие было рассчитано всего на три года. Но только в 1838 году была образована в Екатеринбурге штатная комиссия, которая и выработала новые нормы. Впрочем, когда этот проект поступил на рассмотрение особого комитета в Петербурге, то оказалось, что новые штаты страдают тем же недостатком, как и введенные в конце 20-х годов, а именно — разработанные с чрезвычайными подробностями, они быстро перестали бы соответствовать действительности благодаря усовершенствованию техники производства и сооружению новых механических устройств. Поэтому комитет составил новые штаты (1847 г.).

Характерной чертой нового устройства казенных заводов является то, что рабочие были милитаризованы — заводское трудовое население кроме вольнонаемных, было разделено на две группы: нижние чины и рабочие чины, причем первые приравнивались к унтер-офицерам, а вторые — к рядовым. Нижними чинами почитались более квалифицированные заводские служащие и мастера, а к „сословию рабочих“ принадлежали подмастерья, мастеровые и урочные рабочие (непременные работники).

Как мы видели выше, дети привлекались к работам с 12-летнего возраста (на Богословских — 13 лет). Теперь же, с целью сохранить физические силы молодого поколения и в виду того, что не столь остро ощущался недостаток в рабочих руках, было установлено, что до 15 лет дети называются малолетками, а подростками с 15 до 18-летнего возраста. По общему правилу малолетние впредь не должны были работать, но в случае нужды разрешалось возлагать на них легкую работу с тем, чтобы она в сутки продолжалась не более 8 часов. Находясь на работе, малолетние и подростки получали жалованье по штату и муку — первые по полтора пуда, а вторые по два пуда в месяц. С 18-летнего возраста подростки перечислялись в разряд полных работников, и с сего времени начиналась их служба.

В общем размер вознаграждения по новым штатам мало отличался от прежних. Сравнивая со штатами 1847 г. прежние, можно констатировать, что за промежуток 125 лет „номинальная плата для простых рабочих не повысилась, и только для небольшой сравнительно группы масте-

---

[1]) Ср. Архив горного департамента, 3 отд., 1 стол, 1847 г., дело № 1.

ров можно констатировать ее увеличение на 50—100%“[1]). Отметим, что при оценке норм 1847 г., надо иметь в виду, что в 1839—43 годах, при замене ассигнаций новыми кредитными билетами, была произведена девальвация, т.-е. состоялось официальное признание обесценения бумажных денег.

Приведем сведения[2]) о размере вознаграждения некоторых групп рудничной трудовой силы за разные годы на протяжении ста лет (в рублях):

	1745 г.	1770 г.	1804 г.	1827—47 гг.	с 1847 г.
Штейгер	60	72	—	120	72
Подштейгер	48	48	48	—	54
Унтер-штейгер	—	—	36	60	36
Рудоразборщик	24	30	24	—	7½
Рудокопщик	16	22	24	39⅜ к. с сажени	15
Рудоносчик	12	18	18	24 к. с „	7½

При пересмотре штатов в 1847 г. были наново урегулированы или более точно разрешены некоторые старые вопросы: вводится повсеместно особое вознаграждение за работы на расстоянии не ближе 15 верст; безденежно провиант выдается только тем, кто получал не более ста рублей в год; за время, проведенное в госпитале, удерживается половина жалованья и провиант (кроме причитающегося членам семьи); производится вычет на госпиталь и медикаменты; все мастеровые ежегодно освобождаются на 25 дней для сенокосных работ с сохранением безденежного провианта; беспорочная служба в течение 35 лет[3]) дает право на отставку, а при продолжении службы — на полуторный оклад; утерявшие трудоспособность после 25-летней службы назначаются на легкие работы с сохранением высшего оклада содержания, которое получали; урочные конные рабочие (непременные работники) заняты 200 дней

---

[1]) *К. Пажитнов.*— Положение рабочего класса, т. I (Петрогр. 1923 г.), стр. 88.— Закон 1847 года гласил: «Жалованье определено всем нижним и рабочим чинам в сметах рабочего положения мастерам: 1 статьи по 72 р. в год; 2 статьи по 54 р.; 3 статьи по 36 р. В Богословском округе: мастеровым 1 ст. по 8 коп. в день; 2 ст. по 6 коп.; 3 ст. по 5 коп. В Гороблагодатском округе: мастеровым 1 ст. по 7 коп.; 2 ст. по 5 коп.; 3 ст. по 4 коп., урочным работникам (Богосл. округ) — конным по 4 коп., пешим по 4 коп. В прочих округах: мастеровым 1 ст. по 6 коп.; 2 ст. по 4 коп.; 3 ст. по 3 коп.; урочным работникам: конным по 4 коп.; пешим по 3 коп. Задельные платы по тем производствам, где они существуют, исчислены так, чтобы мастера, мастеровые и рабочие, на задельной плате состоящие, получали в день не менее окладного жалованья, по званию им присвоенного.

[2]) *Д. Планер.*— Историко-статистическое описание Пермских казенных медеплавильных заводов (Пермский сборник. Повременное издание, книжка I, Москва 1859 г.).

[3]) С 1852 г. этот срок был уменьшен до 25 лет для мастеровых из рекрутов (Второе собрание законов, № 26050).

в году (в Гороблагодатском и Богословском округах — 230 дней), а пешие — по 125 дней; провиант безденежно выдается лишь за дни работы, а на Гороблагодатских и Богословских в течение всего года [1]).

Отметим, что в эту пору — в конце сороковых и начале пятидесятых годов — утверждается новый взгляд на поссессионных крестьян, составлявших собственность предприятия, а не заводчика, и это об‘ясняется тем убеждением, основанным на опыте, что эта группа рабочих уже не представляла собой былой экономической ценности. Наступил момент, когда горные заводчики (подобно фабрикантам, опередившим их на два десятка лет) стали считать для себя более выгодным освобождаться от людей, прикрепленных к их предприятиям, а вместе с этим возник вопрос, могут ли владельцы поссессионных горных заводов отпускать на волю людей, принадлежащих к их заводам. По этому поводу было указано, что общая тенденция горного устава такова, что рабочих казенных заводов не следует лишать средств к улучшению своего быта переходом в другое состояние, но с тем, чтобы это не вредило заводам уменьшением числа рабочих рук; такой же точки зрения следует придерживаться и в отношении поссессионных рабочих, а потому, раз они прикреплены к заводу, освобождаемых следует заменять не лицами свободного состояния, а только крепостными с одинаковым числом мужчин в семье. В этом предложении еще господствует взгляд, что число рабочих, принадлежащих к заводам, не может быть уменьшено, а потому свободу рабочий может получить лишь в том случае, если он себя заменит другим, который и будет прикреплен к предприятию. Но государственный совет поколебал эту традицию, установив (1846 г.), что владельцам поссессионных горных заводов дозволяется по своему усмотрению отпускать на волю сверхштатных мастеровых и рабочих без всякой замены их другими; для освобождения же мастеровых и рабочих, входящих в число определенных по штатам, нужно согласие министра финансов. А позже было раз‘яснено, что если на каком-либо предприятии окажутся ненужные крепостные заводские люди, и владелец его не имеет другого поссессионного завода, где они могли бы быть использованы, то он может передать их, с разрешения горного начальства, другим поссессионным заводчикам по соглашению с последними, или же просить об обращении их на казенные заводы с выдачею от казны за каждую ревизскую душу по 36 рублей [2]).

С этим, так сказать, экономическим обесценением приписных крестьян можно поставить в некоторую связь такое обстоятельство. —

---

[1]) Архив госуд. совета, департамент экономии, 1847 г., дело № 14—58 „Относительно проектов новых штатов и положения для Уральских горных заводов“. — Второе собрание законов, № 21203 (11 мая 1847 г.). — Ср. Архив госуд. совета, департамент экономии, 1853 г., дело № 138 „О раз‘яснении некоторых прав и ограничений горнозаводских людей“. — Второе собрание законов, № 27668 (о том же).

[2]) Архив госуд. совета, департ. экономии, 1846 г., № 43 «Могут ли владельцы горных поссесс. заводов принадлежащих к оным людей отпускать на волю».—Второе собрание законов, № 20037 (20 мая 1846 г.), № 25152 (23 апреля 1851 г.).

Если издавна поссессионными считались не только те заводы, которые получили от казны землю, лес, людей и т. д., но также и те, владельцы которых, не будучи дворянами (т. е. не имея права владеть лично крепостными), получили некогда столь заманчивое право иметь крепостных при заводе, то с течением времени это право лишилось своей былой привлекательности: ибо ценность приписных крестьян умалилась, и, наконец, поссессионными заводами были об‘явлены (1852 г.) лишь те, которые имели от казны вещественное пособие. Что касается права на владение людьми при заводе, оно утратило материальное значение [1]).

Как мы уже говорили, рабочие заводов в Пермской губернии находились в более благоприятных условиях, чем рабочие в других губерниях. И потому можно полагать, что обозреватель Пермской губернии не уклонился от правды, говоря, в самом начале 60-х годов, что многие заводские селения в губернии по своему благоустройству превосходят даже большие уездные города. Однако, тот же обозреватель замечает, что нельзя умолчать об исключениях в этом отношении, особенно на заводах, обслуживаемых крепостными помещичьими крестьянами [2]). Тем более частыми должны были быть случаи тяжелого положения рабочих на заводах Оренбургского края, где они не могли, в противоположность рабочим Пермской губернии, иметь подсобные ремесленные занятия, и где местные условия, отдаленность от административных центров, облегчали безнаказанность злоупотреблений. И, главным образом, в злоупотреблениях, а не в нормах работ и оплаты труда таилась порою причина волнений среди горнозаводских рабочих, как об этом писал в 1859 г. во всеподданнейшем докладе Оренбургский губернатор Б. И. Барановский.

„Среди горнозаводских крестьян, — писал Барановский царю в ту пору, когда волнения на заводах были особенно опасны в виду предстоявшего освобождения крестьян от крепостной зависимости, — нередко слышится ропот на свое положение, вынуждаемый не столько трудностью заводских работ, сколько беспорядками по заводоуправлениям“ [3]). Причина их, по его словам, заключается в том, что сами заводчики не живут на предприятиях и поручают ведение дел приказчикам из заводских крестьян, которые, стремясь к личной наживе, изыскивают все

---

[1]) Архив госуд. совета, департ. экономии, 1843 г., дело № 109 «Об уравнении в податях поссессионных заводов по мере имеемых ими от казны пособий», 1846 г., № 126 «Об обложении некоторых частных горных заводов полуторной податью»; 1852 г., № 58 „По делу о распределении частных горных заводов на поссессионные и крепостные“. — Второе собрание законов, № 26505 (7 августа 1852 г.).

[2]) Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния (составил *Х. Мозель*), ч. I (СПБ 1864 г.), стр. 359 — 360. — В состав Пермской губернии входили казенные — Богословские, Гороблагодатские, Екатеринбургские, Пермские и Артинские заводы.

[3]) *И. Кречетович*, Крестьянская реформа в Оренбургском крае (Чтение в Обществе истории и древностей Российских, 1911 г., кн. 2, стр. 41).

средства увеличить или, по крайней мере, сохранить обычный доход, чтобы не возбудить подозрения в заводовладельцах. Поэтому они принуждают крестьян к усиленной работе, платя им по старым расценкам, и даже из этой незначительной платы нередко производят вычеты под вымышленными предлогами. Такое положение,— говорил Барановский, — „возбуждая живое участие к крестьянам частных горных заводов“, оставалось для них безвыходным, так как горное начальство, по своей отдаленности от заводов, не имеет надзора за заводоуправлениями, а заводские исправники из корыстолюбия поддерживают интересы заводовладельцев. Впрочем, из дальнейших строк отчета Барановского видно, что не только отдаленность от заводов препятствовала горному управлению защищать рабочих от крайней эксплоатации — оказывается, что когда губернские власти пытались несколько облегчить положение рабочих, горное начальство считало это вторжением в его права.

Таково было официальное заявление Барановского. В действительности же, как мы вскоре узнаем, Барановский придерживался более резкого мнения о роли горного правления в делах, где сталкивались интересы рабочих и заводовладельцев.

Крайне тяжелое хозяйственное состояние рабочих на частных горных заводов и их беззащитность пред лицом заводчиков побудили Барановского высказать в его отчете опасение относительно поведения заводских крестьян в виду предстоящего падения крепостного права. Если он был уверен, что прочие крепостные крестьяне Оренбургской губернии останутся спокойными впредь до улучшения их участи, то такого убеждения у него не могло быть в отношении горнозаводских крестьян. Условия их труда, с которыми Барановский лично ознакомился, были до того потрясающими, что не могло быть сомнения в настоятельной необходимости изменить общее положение горнозаводских крестьян. Завод купца третьей гильдии Под‘ячева мог служить яркой иллюстрацией горнозаводской рабочей жизни.

Еще в 1851 г. крестьянин Комиссаров заявил властям о злоупотреблениях заводчика Под‘ячева [1]), но при тех взаимоотношениях, которые установились между Под‘ячевым и горным начальством, жалоба не могла иметь успеха, пока, наконец, в связи со слухами о свободе, крестьяне не вышли из повиновения. В январе 1859 г. Барановский сообщил министру внутренних дел, что 150 крестьян, приписанных к Шельвинскому и Александровскому заводам Под‘ячева, находившихся в Зайчешминских рудниках, самовольно разошлись по домам и отказались работать. Барановский поспешил явиться на место происшествия, и вот что он сообщил самарскому и оренбургскому генерал-губернатору Катенину в частном письме: „Первым чувством, по прочтении представляемой при сем записки, будет, конечно, сомнение: не слишком ли черными красками представлено положение людей на заводах купца Под‘ячева.

---

[1]) Общая канцелярия министра финансов. I отд., 2 стол (2 разряд), 1851 г., дело № 8.

Действительно, невероятно, чтобы под надзором двух начальств, губернского и горного, люди в течение нескольких десятков лет жили разлученные со своими семействами почти целый год, питаясь одним хлебом с водою, целый век не имея горячей пищи, приварка, мяса, круп, чарки водки, не получая одежды и обуви, не имея дров, принужденные, чтобы согреться, красть дрова в чужих дачах, чтобы, наконец, за тяжелую работу в подземельи в течение 6, 7, 8 и до 12 часов, по невозможным к исполнению урокам (в два раза более казенных уроков), кроме хлеба и воды, работники получали высшую плату менее 3 копеек серебром (10 коп. ассигнациями). Все это действительно невероятно, еще невероятнее то, что в рудничные работы посылались дети 8 лет и старики за 60, совершенно увечные, слепые, хромые; но все это так".

Нужно заметить, что Барановский отправился и на рудники, где заставил крестьян работать на старых основаниях, чтобы составить себе ясное представление об их работе; он сам осмотрел и измерил шахты и принудил спуститься с ним самого заводчика и заводского исправника, никогда не бывавших там. Сообщая обо всем этом генерал-губернатору, Барановский об'яснил, что губернское начальство и местная земская полиция систематически были устраняемы от надзора за действиями заводского управления на всех частных заводах даже в том незначительном размере, в каком закон предоставляет губернской власти касаться горных заводов, и что горное правление всегда систематически обвиняло крестьян и защищало заводчика, а сам заводчик — „необразованный изверг и сутяга, с которым все боялись иметь дело". Благодаря этому, на заводах Под'ячева установился особый порядок: на прочих заводах одни крестьяне работали в рудниках летом, другие — зимою, а у Под'ячева крестьяне работали в рудниках без передышки; на прочих заводах рабочие снабжены или полями, или лугами, или лесными дачами, рабочие же Под'ячева ничего не имели. „Не сомневаюсь, — писал Барановский, — что все крестьяне Под'ячева, если бы имели понятие о положении каторжных на Сибирских рудниках, с радостью согласились бы поступить туда. Говорю это также без преувеличения". И Барановский прибавил, что строгое наказание купца Под'ячева за вопиющие злоупотребления властью и закрытие самого завода крайне необходимы и не терпят отлагательства. „Не боясь волнений между помещичьими крестьянами, — писал далее Барановский, — я готов отвечать и за прекращение всяких волнений на частных горных заводах, но для этого необходимо заставить горное начальство проснуться от усыпления, не противодействовать, а содействовать мне, а так как охранение спокойствия в губернии лежит на моей ответственности, то предоставить мне полное право, в случае необходимости, входить в хозяйственную часть управления частными заводами".

Так как в связи с подготовлением крестьянской реформы время было тревожное, петербургские власти отнеслись снисходительно к тому, что Барановский, не имея на то законного права, вторгся в хозяйственное управление завода Под'ячева с целью облегчить работу крестьян.

Вместе с тем, было принято его предложение о наказании Под'ячева, тем более, что Под'ячев, третьей гильдии купец, не имел в Петербурге влиятельных защитников. Его завод был взят в опеку, а сам он был выслан в Архангельскую губернию.

Далеко не так решительно поступило правительство с другими, более важными заводчиками, сильными своими общественными связями, хотя Барановский и указывал на них, как на притеснителей рабочих. Об этом свидетельствуют два дела — о рабочих помещика Загряжского и генеральши Сухозанет.

В сентябре 1858 года 40 крестьян, уйдя с Самуиловского рудника Загряжского, подали в Оренбурге жалобу, что работающие на руднике 150 человек часто остаются без пищи и без заработной платы, не говоря уже об одежде, покупаемой за собственный счет, иногда „испрошением подаяния", что их заставляют работать в праздничные дни. При расследовании жалобы все сказанное подтвердилось — крестьяне на рудниках сильно бедствовали, осенью жили в землянках, питались одним солодковым корнем, и „до того нравственно упали, что по прибытии заводовладельца на рудники, ползали перед ним на коленях, прося, как милости, отдать их в солдаты". Приказчики жестоко наказывали крестьян, некоторым брили половину головы и бороды. Однако, предложение губернатора о взятии завода в опеку (подобно заводу Под'ячева) не было принято министром финансов. Удовольствовавшись заверениями Загряжского, что он позаботится об улучшении положения рабочих и удовлетворит их законные требования, министр финансов ограничился тем, что подчинил заводы и рудники Загряжского надзору местного горного начальства. Несомненно, уступчивость министра была вызвана в данном случае социальным положением заводчика.

Между тем, губернские власти скоро убедились, что положение рабочих у Загряжского остается попрежнему крайне тяжелым. Уличая горное начальство в полном игнорировании интересов рабочих, оренбургский губернатор заявил: „оставление без внимательного разбора и удовлетворения справедливых жалоб заводских крестьян и постоянное потворство злоупотреблениям, как со стороны заводовладельцев, так и со стороны горного начальства, могут истощить терпение крестьян, особенно при возбуждении в них ожидания перемены в их положении". Но и это предостережение не возымело действия — глава горного дела, министр финансов, не склонен был поддерживать местную губернскую администрацию, выступавшую против уральского горного начальства. Он лишь предписал уральскому главного горному начальнику послать на завод чиновника для его обследования. А потому оренбургский губернатор продолжал доносить министру внутренних дел о непорядках на заводе Загряжского, и, благодаря этой настойчивости, вопрос был передан на рассмотрение комитета министров, который и высказался за взятие завода в опеку, если еще одно обследование подтвердит наличие непорядков. Новые ревизоры, как и прежние, обрисовали положение крестьян в мрачных красках, дополнив прежде выяснившуюся картину новыми деталями — например,

один рабочий, утративший трудоспособность, был освобожден от работы („так как всегда был исправный мужик“!) при условии, чтобы ни ему, ни его семье не выдавался провиант и чтобы он доставил бесплатно 500 пудов известкового камня!

Только после этого завод был взят в опеку, причем Загряжскому было запрещено пребывание на его заводе и на рудниках. Тогда же состоялось распоряжение: прекратить все стеснительные вычеты из платы (на церковный причт, пастьбу, госпиталь); на проход к рудникам и куреньям и обратно определить не более 25 верст в день; для сенокоса и страды увольнять на 25 дней; утратившим трудоспособность оказывать пособие за счет завода или же устроить богадельню; на рудниках построить помещения для жилья, госпиталь и др.

Как видим, помещик Загряжский не так скоро был сломлен, как Под‘ячев, и понес менее серьезную кару, чем тот, — Загряжский не подвергся административной ссылке. Когда же дело коснулось генеральши Сухозанет, брат мужа которой занимал пост военного министра, тогда петербургские власти проявили еще большую осторожность.

Урочное положение на Юрезаньском заводе Сухозанет было таково, что почти ни один мастер, работая семь дней в неделю, не в состоянии был выполнить назначаемую работу, а между тем с неисполнившего урок делали вычет из заработной платы, так что нередко мастеровой оставался должным заводу. Вообще вычеты были в большом ходу, и потому не всегда мастеровой получал заработную плату. В августе 1859 г. заводоуправление сообщило властям, что 80 крестьян бежали с рудника и дровосушилок, и просило предать их военному суду. Но оказалось, что крестьяне не уклонялись от работ, а в льготное время уходили, чтобы заработать насущный хлеб, и тогда же была раскрыта картина печальной жизни рабочих, страдавших не только от злоупотреблений, но и от жестокого обращения. Запрошенный по этому поводу главный начальник уральских заводов отозвался, что на всех частных горно-заводских предприятиях заработную плату нельзя назвать удовлетворительной, но так как крестьяне не жалуются, то горное начальство не имеет повода вмешаться. Тем не менее, он счел нужным подвергнуть наказанию отлучившихся крестьян. Губернатор же был против этого, так как отлучки вошли в обыкновение. Расследование показало, что отлучившиеся были многосемейные, получавшие самое ничтожное вознаграждение, и что крестьяне, работавшие на заводе, не могли заработать столько, сколько им нужно было для существования, что они были заняты заводской работой больше 10 месяцев в году, хотя по закону они, как помещичьи, должны были работать только с таким расчетом, чтобы одна половина находилась на заводе, а другая оставалась при своем сельском хозяйстве. Губернатор поставил вопрос о взятии завода в опеку, но, повидимому, чтобы не пойти в разрез с желанием местного горного начальства и министра финансов, обычно стоявших на стороне заводчика, генерал-губернатор предложил испытать предварительно следующую меру — указать владелице на необ-

ходимость улучшить положение заводских крестьян. И таким образом „высокое“ общественное положение Сухозанет спасло ее завод от опеки [1]).

Расследования, которые производились на заводах Под‘ячева, Загряжского, Сухозанет и др., обнаружили, что горное начальство не только не охраняет интересов рабочих, но и препятствует в этом отношении губернским властям. Вот почему губернатор Барановский и генерал-губернатор Катенин, в одинаковой мере сочувствовавшие горнозаводским крестьянам в их безысходном положении, настаивали на том, чтобы горнозаводская полиция, ближе всех стоявшая к крестьянам, была подчинена губернскому начальству, чтобы горное начальство наблюдало лишь за технической частью и чтобы высший надзор за заводами принадлежал генерал-губернатору. И, действительно, генерал-губернатору по высочайшему повелению был предоставлен высший непосредственный надзор за горными предприятиями Оренбургской губернии. Так, страх перед ожидавшимися волнениями решил борьбу между горным ведомством и губернской администрацией в пользу последней [2]).

---

[1]) *И. Кречетович,* Крестьянская реформа в Оренбургском крае, стр. 40—60. — *Л. Айзенбергъ,* Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае накануне освобождения от крепостной зависимости (Архив истории труда в России, кн. 3). Ср. также Архив истории труда в России, кн. 3, стр. 135—136 (сообщение *К. Пажитнова*).

[2]) См. *Кречетович.* Крестьянская реформа в Оренбургском крае, стр. 50.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

В СИБИРИ.

НЕРЧИНСКИЙ ГОРНЫЙ ОКРУГ.

Образование рабочей силы. — Казенная пахота. — Освобождение мастеровых от подушной подати. — Увеличение вознаграждения приписных крестьян. — Набор мастеровых из числа приписных. — Урочная работа. — Недостаток в рабочих руках. — Трудность обеспечения заводского населения хлебом. — Детский труд. — Работа ссыльных. — Состояние рабочих к 1820 году. — Уничтожение казенной пахоты. — Освобождение приписных крестьян от заводской работы. — На золотых приисках.

Нам уже известна в кратком очертании первоначальная история Нерчинского завода[1]), возникшего почти одновременно с появлением первых заводов на Урале и позже ставшего административным центром Нерчинского горного округа, под которым разумеется совокупность заводов, рудников и приисков, лежащих в Забайкальской области.

С самого основания Нерчинских заводов на них чувствовался недостаток в хлебе и в людях[2]), а серебра выплавлялось мало. Заводы дошли в 1730 г. до такого состояния, что возникло предположение о закрытии их. В 1734 г. вновь назначенному начальнику сибирских заводов (под сибирскими заводами подразумевали и уральские) Татищеву было велено послать кого-либо из помощников в Нерчинск ознакомиться с положением дела, и если окажется, что разработка руд невыгодна для казны, то поощрить к этому частных лиц[3]). Заводы оставались почти без действия до 1737 г., когда посланный туда Татищевым бергмейстер, вместе с находившимся там пленным шведом Дамесом, возобновили работы. Открытие ряда рудников увеличило добычу серебра и вызвало необходимость построить новые заводы. В 1743 г. к Нерчинским заводам было приписано более 2.000 крестьян и разночинцев-казаков, детей боярских и разного звания промышленников, живших там еще со времени занятия Нерчинского

---

[1]) См. выше, глава первая. В настоящем очерке использовано исследование *Семевского* „Крестьяне в царствование Екатерины II“, том II (СПбург, 1901 г.), стр. 518—27.

[2]) *Герман.* Историч. начертание горного производства, стр. 97 (распоряжения о снабжении Нерчинских заводов людьми).

[3]) Первое собрание законов, № 6559 (23 марта 1734 г.).

края. Но этого было недостаточно. К тому же давало себя чувствовать отсутствие хлеба в нужном количестве, что затрудняло привлечение новых рабочих. И таким образом заводы не могли развиваться. В виду этого „для размножения заводов и умножения хлебопашества“ решено было в 1759 году к имевшимся уже приписным, в числе 2132 душ, приписать из Кузнецкого, Томского или других уездов еще 2.868 душ и водворить их поблизости заводов. Вместе с тем было велено к находившимся при заводах горным и плавильным служителям, в числе 285 душ, присоединить 715 человек, которых надо было взять во время рекрутского набора, или не дожидаясь набора, и водворить на заводах с женами и детьми.

Тогда же был поднят вопрос об освобождении таких постоянных рабочих от уплаты подушных денег и об освобождении приписных крестьян от военной службы с тем, чтобы подлежавшие рекрутскому набору определялись на горнозаводскую работу (так было и на Алтае). Но решение этих двух вопросов было отложено. И лишь в виде временного облегчения рабочих освободили от подушной подати на три года, причем были прощены недоимки [1]).

Эти меры, впрочем, не давали надежды на скорое развитие заводов, а потому пришлось оказывать помощь частным рудопромышленникам для разработки серебряной и золотой руд [2]).

Дело в том, что распоряжения о переводе людей на заводы представлялись трудно исполнимыми. Мы видим, что к 1759 году упомянутые выше 2868 душ еще не были переведены на заводы. И их решили заменить 3968 челов. из числа посадских людей [3]) и крестьян, утаенных при ревизии и не положенных в подушный оклад, и крестьян Сибирской губернии, а если стольких не окажется, то взять в Енисейской и Иркутской провинциях тех посадских и цеховых, которые фактически не занимались торговлей и ремеслами. Половине этих людей предстояло работать на заводах, а другой — заняться казенным хлебопашеством [4]).

Вслед за тем состоялось распоряжение, в дальнейшем повторявшееся, об отправке в Нерчинск колодников [5]), а несколько позже — об отсылке в Нерчинск раскольников, которые не запишутся в подушный оклад (назначенный для них в двойном размере) и „от намерения самосожжения не откажутся“ [6]).

Главный начальник Нерчинских заводов Суворов сознавал, что местные рабочие (как и в других горных районах) находятся в тяжелых мате-

---

[1]) Первое собрание законов, № 10534 (3 апреля 1756 г.).

[2]) Первое собрание законов, № 10779 (14 ноября 1757 г.).

[3]) Посадские люди — торговопромышленный класс.

[4]) Первое собрание законов, № 10993 (13 октября 1759 г.). Так как 330 человек успели перевести ко времени издания закона, а, кроме того, были назначены еще 269 душ, да при рекрутском наборе предполагалось взять 244 чел., то из приписных оставалось взять только 3125 душ.

[5]) Первое собрание законов, № 11123 (17 октября 1760 г.) и № 11547 (22 мая 1762 г.— правила об отправке колодников).

[6]) Первое собрание законов, № 12272 (29 октября 1764 г.).

риальных условиях, и он настоял на том, чтобы заводские служители, мастеровые и работные люди с детьми были освобождены от подушной подати и всех земских повинностей. Он сослался на то, что такое правило существует в Адмиралтействе, а между тем в Нерчинском крае жизнь особенно дорога, и об'яснил, что казна извлекает достаточную прибыль из их работы. При этом Суворов отметил, что на алтайских заводах насчитывается вместе с приписными крестьянами 27000 человек, а в Нерчинске всего имеется 6000 чел., и тем не менее, нерчинская выплавка достигает половины алтайской [1]).

Вместе с тем Суворову было разрешено платить горным чинам, высшим и низшим, а равно мастеровым двойное жалованье, но так как „все равного состояния и достоинств быть не могут“, то он мог по своему усмотрению каждому увеличивать и уменьшать размер вознаграждения. Тогда же приписные крестьяне, которым платили вдвое и втрое меньше, чем вольнонаемным, стали получать большее поденное вознаграждение (при 12-часовой работе), чем в других районах [2]), как это видно из приводимых ниже данных, и оно оставалось большим и тогда, когда в 1769 г. во всех прочих районах плата была повышена [3]).

Поденная плата.	Конные. На прочих заводах.	Конные. В Нерчинске.	Пешие. На прочих заводах.	Пешие. В Нерчинске.
Летнее время . .	10 к.	15 к.	5 к.	8 к.
Зимнее время . .	6 к.	10 к.	4 к.	5 к.

При расстоянии более 30 верст конный получал поверстное вознаграждение.

В 1764 г. Суворов был снабжен инструкцией, которая дозволяла ему приписать еще новых „как пашенных, так и непашенных разночинцев и под именем посадских“, доводя общее число с уже ранее приписанными (их было 2132 души) до 5000 [4]) душ с тем, чтобы большая часть занималась земледелием [5]), иначе за отсутствием хлеба приписные не смогут производить заводские работы, да и нечем будет прокормить ссыльных. При этом, требуя новых людей, Суворов был обязан сообразоваться с возможностью обеспечить их пропитанием. В ту пору вопрос о снабжении заводских людей хлебом настолько обострился, что направленных в Нерчинск ссыльных пришлось водворить в других местах.

Той же инструкцией нерчинские приписные крестьяне, мастеровые и ссыльные, подобно своим алтайским собратьям, были освобождены от военной службы, взамен чего дети приписных, мастеровых и ссыльных

[1]) Первое собрание законов, № 11891 (7 августа 1763 г.).

[2]) Первое собрание законов, № 11918 (12 сентября 1763 г.).

[3]) См. выше, стр. 127.

[4]) По другим сведениям число приписных было значительно больше.

[5]) Плата за обработку казенной пашни также была увеличена. Первое собрание законов, № 12449 (9 августа 1765 г.).

должны были путем рекрутских наборов пополнять собою кадры нерчинских горных команд, т.-е. горных и плавильных мастеровых. Таким образом, горнозаводские рабочие были милитаризированы.

Далее, в целях развития добычи серебра, всем было разрешено разрабатывать рудники за пределами 70 верст от заводов с тем, чтобы доставлять руду на заводы, оставляя для себя лишь одну четвертую часть. А наряду с этим „для лучшей удобности работы“ инструкция дозволяла Суворову производить все горные работы уроками за сдельную плату, как вольными наемщиками, так и окладными работниками, хотя бы последние выработали вдвое больше своего жалованья. Таким образом, жалованье могло быть заменено сдельной платой (как и на Алтае), А так как,— говорилось далее в инструкции,— часто случается, что „за таковую добровольную плату всякая работа не токмо не дороже, но и дешевле бывает и скорее производится, нежели окладная, производимая при великом присмотре“, то и было поручено Суворову по возможности выполнять горные и заводские работы охотниками из числа приписных крестьян, наймом и уроками „вместо людей, определенных из-за жалованья и плакатной платы [1]), работающих под великим присмотром принуждением“ с потерею времени [2]).

Благодаря этим новым правилам, Суворов сумел привести заводы в цветущее состояние — обеспечил их хлебом, по умеренной цене, поднял выплавку чуть ли не до 600 пудов серебра в год, чего ни раньше ни позже до начала 19-го века не было [3])

Но приписные крестьяне продолжали оставаться в тяжелом материальном положении, несмотря на повышение заработной платы и на то, что манифестом 1779 г. [4]) во всех горных районах труд приписных крестьян были облегчен. Тяжелые условия труда и жизни вообще рано подкашивали здоровье крестьян. Но, помимо обычных невзгод, нерчинских приписных крестьян постигло еще особое бедствие — широко распространившийся среди них сифилис, как тогда говорили „французская болезнь“. Сифилисом были заражены „целые домы“. Эта болезнь при неуменьи ее лечить и при общих неблагоприятных жизненных условиях приводила крестьян к преждевременной дряхлости [5]). Число рабочих рук уменьшалось и это усугубляло труд здоровых, обязанных работать за выбывших из строя. В 1782 г. начальник Нерчинских заводов писал, что вследствие увеличения числа старых и умерших „ежегодно тягость увеличивается, а потому и последовало имущим и здоровым крестьянам приметное разорение“; что же касается неимущих, которые работают не только за свои семьи, но и за „сторонние души“, то надо ожидать „ежедневно

---

[1]) Т.-е. твердо установленной по плакату поденной платы.

[2]) Первое собрание законов № 12075 (5 марта 1764 г.).

[3]) *Дерябин.* Историческое описание горных дел в России (Высоч. утвержденные доклады и другие сведения и т. д., ч. I, стр. 129—140).

[4]) См. выше, стр. 148—49.

[5]) Первое собрание законов, № 12893 (10 мая 1767 г.— посылка врача для пользования заводских крестьян).

худшего состояния, а, наконец, и сущего разорения“. К этому времени насчитывалось, примерно, 10000 приписных крестьян, из коих на заводах работало около 6300 душ, казенным хлебопашеством занимались 1260 душ, — остальное число приходилось на умерших и нетрудоспособных (кроме того работало 470 ссыльных). Но так было по ревизским сказкам. А в действительности приписных имелось более. Четвертая ревизия, закончившаяся к 1787 году, зарегистрировала 11854 души, из коих почти 2000 сидели на казенных пашнях.

При описанных условиях приписные крестьяне не могли считаться обильным источником для пополнения кадров постоянных рабочих, тем более, что при добыче руды и при плавке много людей выбывало. К 1771 г. всего осталось, считая и „маловозрастных“, 900 постоянных рабочих, обслуживавших 4 завода. Ставить на горное и плавильное дело ссыльных или рабочих „ненадежного состояния“ было, по словам Суворова, опасно. А потому он просил назначить 300 здоровых рекрутов, а вместо них отобрать для военной службы 300 человек из приписных крестьян, именно — праздношатающихся и бесполезных при заводской работе. Но в виду войны с Турцией отдача 300 рекрутов оказалась невозможной, и Суворову было велено укомплектовать рабочую силу теми из приписных крестьян, которые не обзавелись домами, а если их не хватит, то ссыльными; в крайнем же случае вытребовать тех людей, которых направили к Иртышской линии для крепостных работ [1]). При недостатке в людях приходилось прибегать к услугам ссыльных [2]), хотя обычно горное начальство не склонно было ими пользоваться.

Первоначально Нерчинские заводы были подчинены уральскому горному начальству. Так как из-за дальнего расстояния эта зависимость тормозила развитие заводов, их главный начальник получил в 1764 г. свободу действий с подчинением только столичным учреждениям. В 1787 г. Нерчинские заводы поступили в ведомство „Кабинета ее величества“, (управляющего личной собственностью императрицы), в котором находились также алтайские заводы, и тогда было велено об‘единить штаты Нерчинских и алтайских заводов и ввести в Нерчинске такое же управление, какое существовало на Алтае [3]).

Мы отметили выше, что Нерчинские заводы с большими трудностями обеспечивали себя хлебом. В начале 19-го века этот вопрос крайне обострился, и на почве недостатка в хлебе произошли беспорядки, как об этом можно заключить из выговора Александра I генерал-губернатору тобольскому, томскому и иркутскому, когда оказалось, что хлеба вместо двухгодичного запаса имеется всего на полгода, что по местным условиям представляло большую опасность. „Беспорядки, по сему поводу бывшие,— писал Александр I 13 января 1805 года,—и самими вами с таким настоянием оглашенные, были поводом, между прочим, как той власти, которая по

[1]) Первое собрание законов, № 13624 (7 июля 1771 г.).

[2]) Ср.: Первое собрание законов, № 16621 (1 февраля 1788 г.), № 19641, (9 ноября 1800 г.).

[3]) Первое собрание законов, №№ 16496 и 16497 (5 января 1787 г.).

начальству вашему распространена, так и обращение в инструкции, вам данной, особенного внимания вашего на продовольствие того края вообще и особенно Нерчинска“, между тем генерал-губернатор не снабдил Нерчинских заводов хлебом. В виду этого ему было предписано принять решительные меры к предотвращению возможного бедствия. Однако, эта задача была нелегкой, и в ближайшие годы центральная власть неоднократно возвращалась к больному вопросу [1]).

В 1820 году при рудниках и заводах насчитывалось всего 5041 служащий. Из них: мастеровых всех ремесл, штейгеров, унтерштейгеров, подмастерий и их учеников—330, рядовых в горном батальоне—520, мастеровых и рабочих людей по заводскому делу и заводских работников из разжалованных по суду нижних чинов — 892; по горному производству — бергауеров, горных работников и рудоразборщиков — 1434. Мальчики с двенадцатилетнего возраста, если позволяло здоровье, работали с 1 мая по 1 сентября на разборке руд, получая по одному рублю в месяц, из которого вычитали по 40 коп. за выдаваемый им заводом пуд провианта. С 15 лет, по принятии присяги, они зачислялись в рудоразборщики с жалованьем по возрасту: 15, 18 и 21 рубль в год и с провиантом по $1^1/_2$ пуда в месяц, за который высчитывалось по 40 коп. за пуд. С 21 года они поступали в настоящие работники с жалованьем по 24 рубля в год и с двухпудовым провиантом, за который опять-таки вычитали по 40 копеек за пуд.

Кроме того, находилось в горах и на заводах 1412 ссыльных. Они выполняли те же работы, как прочие рабочие, и подобно им получали жалованье в пределах от 24 р. до 60 р. в год, с провиантом на себя и на семью,— размер жалованья зависел от их усердия, мастерства и поведения. Дети их, по общему правилу, тоже брались на горнозаводскую службу. Несмотря на такие условия, только небольшая, сравнительно, часть ссыльных совершенно уподоблялась в своем быте прочим мастеровым и порою достигала большей материальной обеспеченности, чем они. Но чаще всего ссыльные оставались „нераскаянными“, и это об‘яснялось тем, что лучшие трудовые элементы по пути их к заводу удерживались по губерниям, и на завод приходили наиболее преступные, с которыми не было сладу и которые успели совершить новые преступления. Заводское начальство не желало их принимать, так как каждый завод при точно установленном числе рабочих должен был дать определенную выработку, что не могло быть достигнуто при наличии таких рабочих. Их работа к весне ослаблялась — „с теплыми днями начинает слышиться голос кокушки, и ссыльные, сходясь десятками, поздравляют друг друга „с приездом для набора в рекруты генерала Кокушкина“ и на зов его отправляются партиями в приволье здешних гор и лесов

---

[1]) Первое собрание законов, № 21590 (13 января 1805 г.), № 21799а (4 июня 1805 г.), № 23097а (15 июня 1808 г. — был установлен трехгодичный запас вместо обычного на два года), № 25792 (2 марта 1815 г. — для уменьшения едоков были выведены гарнизоны).

питаться грабежом". Благодаря уходу ссыльных приходилось сокращать масштаб работ в рудниках и сдавать меньшее количество выплавки. Зимой бежавших приводили назад скованными, большей частью полунагими. Пол-зимы уходило на допросы, а остальное время, за отсутствием одежды, они проводили на теплицах при разборе руды вместе с детьми, что деморализующе влияло на последних.

Заводских крестьян в 1820 г. насчитывалось 17771 мужчина. Они были поселены в пяти волостях, и в каждой волости находился от заводов земский управитель, наблюдавший за хозяйством крестьян и за выполнением ими повинностей. Помимо заводских работ, они попрежнему также сеяли хлеб для заводов. По старому, они отрабатывали подать (1 р. 70 коп.) вырубкой $3^{7}/_{9}$ кубич. сажен дров; за проходные дни получали дополнительно; а свозчики угля сверх обычной платы по 4 коп. за короб.

Когда указанные и другие нормы труда приписных крестьян были установлены в 1779 г., они соответствовали общему экономическому положению, и поэтому горнозаводские крестьяне находились в одинаковом положении с крестьянами других районов России. Неся более тяжелые обязанности, чем последние, они дополнительно пользовались плодами охотничего промысла и обилием земли. Но в начале 19-го века на их материальном состоянии сказалась усилившаяся дороговизна. Прежняя бедность отдельных крестьян стала общим уделом. Из указанных выше 17771 мужчины только 9190 были трудоспособны, прочие — престарелые, малолетние, увечные, а также и служащие по земским повинностям, освобождавшиеся от горнозаводских повинностей. И потому выходило, что более имущие крестьяне должны были отрабатывать за 10 душ, а порою даже за 60 душ. В результате горнозаводские крестьяне, по словам очевидца, пришли (к 1820 г.) в состояние полуголодных и полуодетых людей. И постоянные рабочие испытывали печальные последствия от дороговизны, низкого оклада жалованья и беспрестанной заводской работы. Местные купцы, пользуясь своим монопольным положением, поднимали цены — „тучнеют от пота и мозолей всех сословий".

Автор приведенного описания Нерчинского завода в 1820 г. М. Злобин [1]), управлявший нерчинской заводской конторой, решился представить свою записку в „Кабинет его величества", а также известному М. Сперанскому, состоявшему в ту пору сибирским генерал-губернатором. Записка была оценена и Кабинетом и Сперанским. А потому можно предположить, что она в известной мере содействовала тому, что несколько лет спустя был рассмотрен вопрос об улучшении положения нерчинских крестьян.

В 1830 г. заводы поступили в ведомство министерства финансов, и тогда было решено привести в будущем устройство Нерчинских заводов в возможное единообразие с уральскими [2]).

---

[1]) Рукопись *М. Злобина*. „Взгляд на Нерчинские заводы в 1820 году".

[2]) Второе собрание законов, № 3604 (11 апреля 1830 г.).

Со времени перехода заводов в управление министерства финансов начались усиленные поиски золота, и эта отрасль в 50-х годах достигла значительного развития.

В июле 1830 г. было утверждено предложение министра финансов— постепенно сложить с нерчинских приписных крестьян казенное хлебопашество и уменьшить земские повинности. Далее, с другой стороны, последовало распоряжение образовать при рудниках и заводах команды для преследования и поимки убегающих крестьян [1]). А затем, наконец, была увеличена плата крестьянам за горнозаводские работы. Исходя из того, что подати несколько раз были увеличены, и крестьяне, нанимая за себя, платят по несравненно высшим ценам, горный совет при Нерчинских заводах предложил увеличить плату в два раза — вместо 1 р. 70 коп. за годовую работу платить 3 р. 40 коп. Генерал-губернатор нашел, что этого недостаточно, что плату следует повысить до 5 рубл., так как заводские нерчинские крестьяне несут повинности на 5 р. 50$^{3}/_{4}$ коп. больше, чем прочее население, но министр финансов настоял на 3 р. 40 коп. [2]).

В 1833 г.[3]) насчитывалось на Нерчинских заводах: 3871 мастеровой; детей на работе—383; каторжных на работе—3737; приписных крестьян— 17709 чел. При этом работа последних была такова: 2717$^{1}/_{2}$ „душ" — на рубке дров; 2745$^{1}/_{2}$ „душ" — на перевозке угля; 2372 „души" — на перевозке руды и флюсов. Итого 12335 душ. До 1832 г., когда казенное хлебопашество было отменено, 2000 душ работало на казенной пашне; 89 „душ" были заняты земским управлением и состояли в купцах, а 3285 „душ" были свободны „к облегчению крестьян".

В 1851 г. приписные нерчинские крестьяне были освобождены от горнозаводских работ и обращены в казаки[4]).

В особо тяжелых условиях находились рабочие на казенных золотых приисках. Часть их была переселена на прииски с заводов, а остальные проводили лето на прииске, а зимою вновь работали на заводах. Эти беспрестанные передвижения расстраивали хозяйства рабочих, и лучшие рабочие силы отвыкали от оседлости и домоводства. Еще хуже было положение водворенных на приисках, — большая часть их разлучалась с семьями. По официальному заявлению, относящемуся к 1853 году, „команда малая здоровая обыкновенно переводилась на золотые промысла и оставалась там до тех пор, пока от болезни или от изнурения не

---

[1]) Ср.: Общая канцелярия мин. финансов, 1 отд., 2 ст., 1830 г., дело № 10 „Об облегчении для приписных к Нерч. заводам крестьян и т. д.".—Второе собрание законов, № 4942 (12 ноября 1831 г.— сообщение о предложении министра финансов), № 4207 (22 декабря 1830 г.) и № 6067 (21 марта 1833 г.). В 1839 г. команды, дорого обходившиеся, заменены раз'ездами (Вт. собр. законов, № 12440).

[2]) Второе собрание законов, № 4942 (12 ноября 1831 г.).

[3]) Описание Нерчинских горных заводов (Горный журнал, 1834 г. кн., 1 и след.)— подробные данные о трудовой силе.

[4]) Второе собрание законов, № 25324 (21 июня 1851 г.).

делалась малоспособной к промысловым работам, и в этом виде обращалась снова к серебро-свинцовому производству“. А несколько лет позже сибирский комитет свидетельствовал, что расстройство материального положения нерчинских рабочих началось со времени развития золотых приисков. Когда генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев предложил перевести на золотые прииски всех нерчинских ссыльных, заметив, что работа на приисках еще хуже, чем в рудниках, то особый комитет, рассматривавший вопрос о Нерчинских заводах, был крайне поражен такой аттестацией.

В 1859 г. на Нерчинских золотых промыслах было: мастеров и подмастерий — 56, учеников разных мастеров — 26, рабочих — 1674 и подростков — 149, ссыльных — 2059 и „ссыльных женок“ — 146. Из означенных 4110 чел. — было 459 слабосильных.

Работа на приисках продолжалась круглый год, даже в самые сильные холода (как это было и на алтайских золотых промыслах), в крайне тяжелых условиях. Но положение рабочих еще более ухудшилось, когда начальником нерчинских золотых приисков был назначен (1849 г.) инженер Разгильдеев. Наскоро созвав рабочих, для которых ничего не было приготовлено, Разгильдеев,стал их принуждать к крайне интенсивной работе, и благодаря этому среди рабочих распространились эпидемические болезни, поглотившие множество жертв. Песня о Разгильдееве, составленная ссыльным Мокеевым, надолго запечатлевшаяся в памяти ссыльнокаторжан, рисует потрясающую картину жизни на золотых приисках в ту пору. Несмотря на предложение свыше ввести трехсменную систему, как на Алтае, при которой рабочие отдыхали каждую третью неделю, Разгильдеев сохранил двойную смену, не дававшую отдыха, и лишь людей хорошего поведения и семейных он перевел на урочную работу, которую они выполняли летом, и, таким образом, зимою были свободны. Впрочем постепенно была введена и трехсменная система.

Жалованье простых рабочих на нерчинских золотых приисках не превышало 10 рублей в год, кроме хлебного пайка и кормовых по 5 коп. в день, снижаясь порою до 3 р. 57 коп. в год. Ссыльные получали такое же вознаграждение, как прочие мастеровые. Хлебный бесплатный паек выдавался в обычном размере.

Непосильная работа, болезни и жестокость ближайшего начальства приводили к тому, что бегство рабочих с приисков, как единственный способ хоть немного отдохнуть, стало обычным явлением, несмотря на суровые кары, угрожавшие бежавшим[1]).

---

[1]) *В. Семевский.* Рабочие на Сибирских золотых приисках, т. I (1898 г.), глава VIII „Мастеровые и ссыльно-каторжные на Нерчинских золотых промыслах с начала 30-х г. до 1861 г.“ здесь приведены выдержки и варианты песни о Разгильдееве.

НА АЛТАЕ.

Возникновение горного дела на Алтае. — Образование кадров постоянных рабочих и приписных крестьян. — Милитаризация постоянной трудовой силы. — Закон 1779 г., освободивший приписных крестьян от некоторых работ, и дифференциация труда. — Урочные рабочие. — Трехсменная система. — Горные работники. — Труд детей. — Жалованье и хлебное довольствие. — Попытки к улучшению положения постоянных рабочих. — Положение 1849 года. — Исключительно тяжелая обстановка на золотых приисках. — Условия труда приписных крестьян. — Их открытые протесты.

Алтайский горный округ занял южную, плодороднейшую часть Томской губернии, включая в себя Кузнецкий, Барнаульский и Бийский уезды, а также часть Томского уезда [1]).

Алтайские горы назывались китайцами Алтай-алин, что означает: алтай—золото (по-монгольски), алин—гора (по-тунгузски). Это наименование, говорившее о богатстве недр, привлекло к себе внимание Акинфия Демидова (сына Никиты Демидова, известного своей горной деятельностью на Урале). Мы видели, что первые поиски, предпринятые в Томской губернии в 1696 г., не имели успеха [2]). Но Демидов щедрыми обещаниями побудил окрестных жителей приняться за поиски руды. Путеводителем служили старые чудские копи — по словам Палласа, на Алтае некогда степные жители добывали руду столь тщательно, что весьма редко находятся новые рудные места, где бы не было следов их работы [3]). И, действительно, после долгих усилий в 1723 г., в воскресный день, „олонецкие старики“, при содействии туземцев, недалеко от озера Колывани (Бийский уезд), в чудских копях открыли древние шлаки и медную руду. Эти места и стали называться Колывано-Воскресенскими. Пробы оказались удовлетворительными, лесов было много и вообще условия местности благоприятствовали устройству заводов, а потому Демидов в 1725 г. исходатайствовал разрешение на работу. По его просьбе к нему стали направлять из Томского и Кузнецкого уездов недоимщиков-крестьян, которые должны были отрабатывать при заводе подушный оклад. А для защиты завода от кочевников туда присылались сменные команды из городовых казаков. Уральское горное начальство оказало Демидову содействие, командировав к нему мастеровых людей и специалиста по горному делу. С развитием разработок стал ощущаться недостаток в рабочей

[1]) При составлении настоящего очерка об алтайских горнозаводских рабочих использованы следующие источники: *Герман*. Сочинения о сибирских рудниках и заводах, чч. I и II (СПБ. 1797 и 1798 гг.) — *Дерябин*. Историческое описание горных дел в России (Высоч. утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов, ч. I, СПБ. 1807 г.) — *Н. Зобнин*. Мастеровые Алтайских горных заводов (Сибирский сборник, кн. 2, СПБ. 1892 г.) — *Его же*. Приписные крестьяне на Алтае (Алтайский сборник, вып. I, Томск, 1894), — *Его-же*, статья в сборнике „Алтай“ (под редак. Голубева, Томск, 1890, стр. 391—415). — *В. Семевский*, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II (СПБ. 1901 г.), стр. 527—60. — *Его же*, Рабочие на сибирских золотых приисках, т. I (СПБ., 1898), стр. 263 –295.

[2]) См. выше, главу первую.

[3]) *Паллас*, кн. 2, ч. II (СПБ. 1786 г.), стр. 206.

силе, вследствие чего Демидов переселил в 30-х годах к заводу собственных крестьян и этим положил основание деревни Барнаулки (у реки этого названия), позже превратившейся в город.

Поставленный в ту пору во главе сибирских (в том числе и уральских) заводов Татищев получил предписание отправиться в Томский и Кузнецкий уезды, чтобы построить медные заводы, причем ему было поручено оказать содействие Демидову, а если выгодно для казны, то отобрать его заводы в казенное управление [1]). Татищев не ладил с Демидовым, а потому, воспользовавшись доносом, что Демидов плавит серебро, отобрал его заводы в казну. Правда, два года спустя Демидову вернули заводы, а Татищеву было запрещено ведать какими бы то ни было заводами Демидова. Но во время казенного управления в пробах руды из Корбалихинского рудника (впоследствии Змеиногорского) обнаружено было серебро. Этому первоначально не придали значения, полагая, что пробирщик клал туда могильное чудское серебро или серебряные копеечки. Но слухи о серебре и даже золоте на Алтае дошли до Петербурга и постепенно сосредоточили внимание правительства на этих месторождениях. Паллас сообщает, что остатки чудских работ, где было видно самородное золото, давали понять, что там имеется серебро и золото, но демидовские рабочие нарочно не трогали руду — очевидно, с целью избегнуть привлечения их на работу по добыче серебра и золота, протекавшую в особенно тяжелых условиях.

С дальнейшим расширением медноплавильных заводов Демидову понадобились более прочные кадры рабочей силы, и вследствие этого, по постановлению сената, были приписаны: в 1740 г. к Колыванскому заводу — 200 дворов из Кузнецкого уезда, а в 1742 году к Барнаульскому — 200 дворов из Кузнецкого и Томского уездов. Эти приписные крестьяне должны были работать при заводах на таких же основаниях, как на Урале, получая заработную плату согласно „плакату“ и отрабатывая на заводах подушную подать.

Выписав искусных иностранцев, Демидов стал в то время добывать серебро, и это обстоятельство оказалось для него роковым. Добычу серебра он производил противозаконно, а потому, когда один из иноземцев, штейгер Трегер скрылся с завода, Демидов, опасаясь, что он разгласит тайну, сам сообщил (1744 г.) в Петербург о том, что на Алтае имеется серебро и золото и просил прислать особое лицо „для достовернейшего свидетельства“. Тотчас же на завод был отправлен бригадир Беер. Тем временем Трегер, действительно, доставил в Петербург образец руды, содержавшей золото, после чего состоялось повеление поручить свидетельствование проб Трегеру и другому иноземцу, служившему у Демидова. Приказчики Демидова (он в это время скончался) были лишены (1746 г.) права плавить руду, содержащую свинец и серебро; со

[1]) Первое собрание законов, № 6559 (23 марта 1734 г.).

своей стороны Беер стал выплавлять не только серебро, но и немного золота. Заводы и рудники перешли (1747 г.) в управление „Кабинета ее величества“. Беер был назначен начальником [1]).

При заводах и рудниках остались все бывшие на них люди, не исключая и тех, которых перевел Демидов. Сверх того, к заводам приписали новые слободы, и Бееру разрешили требовать „регулярных и нерегулярных людей“ из тамошних воинских частей не для одной лишь охраны заводов, но и для работы за вознаграждение. Однако, все это представлялось недостаточным, а потому было велено всех пришлых людей из всей Сибири поселить при Барнаульских и Шильбинских заводах, по рекам, с тем, чтобы они отрабатывали на заводах подушные 70 копеек и „помещиковую подать“ в размере 40 копеек. Все заработанное свыше 1 р. 10 коп. должно было выдаваться на руки рабочим. Вследствие этого распоряжения из разных сибирских канцелярий стали присылать не только годных людей, но и совершенно утративших трудоспособность, а между тем екатеринбургские заводы, хотя и считались принадлежащими к Сибирской губернии, не прислали своих пришлых людей. Алтайское горное начальство обратилось с протестом в Петербург, но здесь иначе отнеслись к возбужденному вопросу: нельзя лишить екатеринбургские и вообще уральские казенные и частные заводы пришлых людей, ибо это подорвет горнозаводскую деятельность; что касается нетрудоспособных (в том числе и детей), то алтайские заводы должны принять всех без исключения пришлых, — таким путем имелось в виду населить пустынный край [2]).

Впрочем, указанная мера не оправдала возлагавшихся на нее надежд. В 1759 году мы находим указание на необходимость приписать около 13000 душ из Томского и Кузнецкого уездов [3]). А в 1760 году доклад Олсуфьева, заведывавшего делами государыни и серебряными приисками, констатировал, что не хватает ни приписных крестьян, ни постоянных рабочих. Из приписных, пришлых и ссыльных (поселенных), коих по октябрь 1757 г. насчитывалось 10935 душ, оказалось годными к работе всего 5855, а потому Олсуфьев предложил приписать к заводам числящихся по последней ревизии в Томском и Кузнецком уездах „за прежним к Колывано-Воскресенским заводам приписанием, достальных крестьян и

---

[1]) Ср. Секретная экспедиция сената, 1747 г., № 168 „По именному указу о командировании г.-м. Беера на Колывано-Воскресенские заводы и о построении для охранения их крепостей“.

[2]) Первое собрание законов, № 9403 (12 мая 1747 г.), № 9666 (19 сент. 1749 г.).

[3]) Первое собрание законов, № 10976 (22 июля 1759 г.). — Отметим, что среди людей, обязанных отрабатывать на заводах подушные деньги, находились купцы, посадские и цеховые, жившие в Барнауле. Они были использованы по специальности — купцов брали в счетчики, их склоняли к привозу необходимых товаров. В 1771 г. состоялось распоряжение не брать рекрутов с барнаульских купцов, приписанных к заводам в ревизию 1761—67 годов, так как из них и цеховых берутся работники; но пришлых и поселившихся после ревизии брать в рекруты на общих основаниях (Первое собрание законов, № 13605 — 11 мая 1771 г.).

разночинцев, положенных в тех уездах в подушной оклад, 12823 души, или сколько их действительно на лицо есть". Это было высочайше одобрено[1]), и вскоре оказалось вновь приписанных 17697 душ, из которых годных к работе насчитывалось всего около 10000 душ.

Так как постоянных рабочих было недостаточно, то для пополнения их брали людей из воинских команд, предназначенных для охраны заводов, но они не знали горнозаводского дела и это отражалось на работе. Поэтому Олсуфьев испросил разрешение взять на заводы сразу из горнозаводского населения 1000 рекрутов в счет будущих наборов. Тогда же для систематического пополнения кадров рабочих было велено: рожденных от людей, взятых в постоянные работы на Воскресенско-Колыванские заводы, а также от приписанных к ним крестьян и от ссыльных, не сдавать по достижении рекрутского возраста в военную службу, а определять на эти же заводы — заводская работа должна была для них заменить военную службу.

Этими постановлениями алтайские горнозаводские мастеровые были милитаризованы, чего не было на Урале, и за провинности они подлежали военному суду. И вообще горнозаводская служба на Алтае приняла военный характер [2]). Дальнейшими законоположениями (1828 и 1849 гг.) об алтайских заводах этот порядок подтверждался, и, таким образом, когда подоспела пора освободить крестьян от крепостной зависимости, было сделано предложение считать алтайских постоянных рабочих военнослужащими.

По докладу Олсуфьева разрешалось в случае нужды брать людей по вольному найму, подобно тому, как делалось на частных заводах, „употребляя сих людей вместо определенных к работам из жалованья и плакатной платы, кои работают под многим надсмотром и принуждением". Вместе с тем была сознана необходимость поставить рабочих по возможности в лучшие условия. Всех рабочих, получавших жалованье, было тогда же велено исключить из подушного оклада — они с потомством освобождались от подушных денег и „всех общенародных тягостей", и это мотивировалось тем, что подобный порядок установлен в Адмиралтействе и др. местах, „сии же (т.-е. Колыванские мастеровые) наипаче службою и работою своею казне... гораздо более приносить будут, нежели собираемым платежем с них подушных денег".

Возбуждение вопросов о труде вольнонаемных и об улучшении положения горнозаводских рабочих было подсказано беспорядками, происходившими в ту пору на уральских заводах; эти вопросы были поставлены центральной властью по отношению ко всему горнозаводскому населению.

---

[1]) Первое собрание законов, № 11185 (12 января 1761 г.) — высочайше утвержденный доклад Олсуфьева.

[2]) Ср. Первое собрание законов, № 11241 (27 марта 1761 г.) — Отметим, что в это время алтайское горное начальство отказалось принимать новых ссыльных — Первое собрание законов № 11414 (22 января 1762 г.).

Отметим, что на Алтае, подобно тому, как на Урале, шла борьба с пьянством среди мастеровых. Ссылаясь на то, что Томский и Кузнецкий уезды расположены вблизи уже построенных заводов и тех, которые в будущем возникнут, Олсуфьев исходатайствовал запрещение производить винную и пивную продажу в приписных слободах „для трезвости людей, сбережения лесов и хлеба“, а на заводах производить торговлю напитками только в праздничные дни, по старому обыкновению. Путешественник Паллас сообщает, что в ту пору на Барнаульском заводе имелась казенная пивоварня, на которой могли варить пиво местные жители. „Но вообще, — добавляет он, — при всех здешних рудниках и заводах заведено то похвальное смотрение и строгость, чтобы предохранять от столь всеобщего в Сибири порока пьянства, и что никакая явная продажа крепких напитков, кроме как в праздничые дни и в некоторых случаях, не позволяется“ [1]).

Как мы видели, алтайские заводы, подобно уральским казенным заводам, обслуживались двумя группами рабочих: постоянными мастеровыми, жившими при заводах, занятыми одними заводскими работами, и приписными крестьянами, которые работали для заводов только в определенное время. Но так как первоначально не было установлено никаких правил о порядке использования на работах мастеровых и приписных, то начальство по своему усмотрению назначало одних в рудники, других на заводы, третьих на подсобные работы, не делая различия между мастеровыми и приписными. Паллас передает, что при алтайских заводах в его время (1768—69 гг.) около 40 тысяч крестьян производили на рудниках и заводах различные работы [2]). Но в 1779 г. [3]) некоторые работы были повсеместно сняты с обязанности приписных крестьян и их пришлось переложить на мастеровых. И тогда рабочие на алтайских заводах дифференцировались по своим занятиям, а вместе с тем возникла новая группа рабочих, отличная от прочих мастеровых и приписных крестьян.

По закону 1779 г. приписные крестьяне были освобождены от углежжения, а вольнонаемных рабочих на Алтае по малонаселенности края почти не было, а потому на эту работу шли по собственному желанию заводские мастеровые. Они получали в год 36 рублей за три кучи, по 20 саженей каждая. При Колыванском и Алтайском заводах по местным условиям урок ограничивался одной кучей в 20 саженей и сверх того вырубкой 14 сажен куренных дров, за что уплачивалось по 18 р. 36 к. в год. Изготовление трех куч в течение летних месяцев было делом до крайности тяжелым, но рабочие имели компенсацию в том, что остальное время они были свободны от заводских работ и могли заниматься другим промыслом. Если рабочий выжжет больше определенной нормы, — он получал лишних по 16 к. за короб, а если ниже нормы — с него вычиталось по 21 к. с короба. Рубка дров — 30 саж. в год на человека — составляла обязанность

---

[1]) Паллас, кн. 2, ч. II, стр. 394.

[2]) Книга 2, ч. II, стр. 381.

[3]) Первое собрание законов, № 14878.

приписных крестьян, но на эту работу наряжалась также часть заводских служащих, которые получали за урок такую же плату, как крестьяне, причем остальным временем они располагали по своему усмотрению. На указанном основании часть заводских служащих занималась урочно также возкою дров и других материалов.

Как видим, мастеровые, перешедшие на урочные работы, оказались в условиях, в известной мере напоминающих те, в которых находились приписные крестьяне, а не прочие мастеровые — они выполняли подсобные работы и не обязаны были всегда находиться при заводе, могли даже жить отдельно от прочих.

Работа на заводах шла круглый год, без праздничного отдыха, по 12 часов в день. Первоначально работали в две смены. Но в 1786 г. была установлена трехсменная система на рудниках, а с 1800 года и на заводах. Горные люди были разделены на три части — две из них работали беспрерывно по две недели, не исключая воскресных дней (одна днем, другая ночью), а третья отдыхала „гульную" неделю. Двухсменная система сохранилась лишь в виде карательной меры. Так, в 1808 г. из 456 мастеровых Салаирского рудника 430 человек работали в три смены, а 26 человек — в две смены. За леность, неисполнение урока и т. п. заставляли работать „гульную" неделю. При добыче руды или разработке золотых россыпей давался урок, или каждому рабочему в отдельности, или целой артели (но и сделав урок, никто не мог выйти из рудника до смены в 4 часа утра или вечера), и не успевавшие выполнить урок дорабатывали в гульную неделю или же подвергались телесному наказанию.

Когда в начале 19-го века было приступлено к замене на Урале приписных крестьян непременными работниками [1]), Кабинет воспротивился проведению такой реформы на Колыванских заводах, об'ясняя, что, хотя на основании закона заводам следовало бы располагать 93914 приписными крестьянами, имелось на лицо всего 63387, а потому заводы пользовались услугами казенных и вольных рудовозов. При таких условиях число полагавшихся непременных работников, по 58 с тысячи душ приписных, было бы недостаточно, потребовалось бы по 78 душ с тысячи приписных. В ответ на это берг-коллегия указала, что на Колыванских заводах работа идет в три смены, а не в две, как в остальных горных районах, но трехсменная система не может удержаться, так как рабочие прочих заводов будут просить о сравнении их с Колыванскими, а при установлении двойной смены не потребуется так много непременных работников, как полагает Кабинет. Однако, последнее соображение шло в разрез со взглядом правительства на вопрос о тройной смене — такая система работ была вскоре введена на уральских банковских заводах с тем, чтобы этому примеру последовали и другие заводы, которые найдут это возможным [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 153.

[2]) См. выше, стр. 170. Высочайшие доклады и др. сведения о новом образовании горного начальства, ч. II, стр. 249—255.

Трехсменная система продолжала существовать на Алтае. Законом 1828 г. [1]) она была признана обязательной для мастеровых, работавших в рудниках и на плавильных заводах. На прочих же работах мастеровые, не имея свободных недель при двухсменной системе, пользовались отдыхом по воскресным и праздничным дням.

Большая часть рудников производила работу на довольно значительной глубине. Змеиногорские рудники в 70-х годах 18-го века достигали 80 саж., а в 1826 г. уже 110 саж. глубины. Благодаря недостаточности крепи и необходимости пользования порохом при работе в твердых породах часто происходили несчастья. Дела о смертных случаях с рабочими нередко разбирались в военных судах, но обычно кончались преданием дела „воле божьей“ — виновники несчастий оставались безнаказанными.

Характерно, что на горные работы, как самые тяжелые, первоначально направлялись так называемые „преступные“ элементы. „Горные работники, — гласит сообщение, относящееся к концу 18-го века, — из тех же самых служителей, бывающие в побегах, воровствах и тому подобных преступлениях“ исключались из своего прежнего звания „для отличия от прочих доброго поведения людей“ и переименовывались подобно тому, как при полках из солдат в погонщики, „да и в работы употребляются они, где какие поместно есть тягостнее и подлее, чтоб пред другими порядочными людьми, будучи в презрении, чинимые им за продерзости наказания более чувствовали, и приведены быть могли в прямое раскаяние и исправление“ [2]). „Впрочем, все горные и заводские служители, — сообщается далее, — содержатся на военной ноге и, сколько обстоятельства позволяют, дисциплинируются, а потому во всех горных и заводских работах обращаются без ропоту в тишине и спокойствии“. И, действительно, история алтайских горнозаводских рабочих почти не знает возмущений.

На разборке руды пользовались трудом престарелых, увечных и больных, непригодных к другой горной или заводской работе. Но, главным образом, на разборку ставились дети рабочих, в возрасте от 9 до 18 лет, которых, в числе до тысячи душ, ежегодно со всех заводов высылали к маю на рудники, где они оставались до октября. Им платили от 3 до 7 коп. за рабочий день. Те же, у которых не было родителей или родители которых были бедны, расставшись с родиной при отпуске их на работу, не видели ее по нескольку лет. Их содержали в казармах. Дети занимались разборкой руды и в сараях. Кроме того, при заводах „по летам и проворству и особливо по желанию отцов“ дети заменяли своих отцов и других рабочих на более легких работах. В 1765 г. подросток до 15 лет

---

[1]) Второе собрание законов, № 1960 (16 апреля 1828 г.).

[2]) *Герман.* Описание сибирских рудников и заводов, часть I, стр. 282.

получал по 6 руб. в год, а с 15 лет — по 12 руб. В 1789 г. жалованье было заменено поденным вознаграждением от 2 до 6 коп. в день. Но затем мы вновь встречаем годовое жалованье в следующем размере:

	до 1839 г.	с 1840 г.	с 1849 г.
	ассигнац.	*на серебро.*	
от 15 до 18 лет	15 руб.	4 р. 29 к.	5 р.
„ 13 „ 15 „	12 „	3 „ 42 „	4 „
моложе	10 „	2 „ 84 „	3 „ 50 к.

Хотя с 1761 г. заводы были милитаризованы, рабочие первоначально располагали своими детьми наравне со свободными людьми и фактически по доброй воле определяли детей на службу для подкрепления бюджета семьи. Но позже детей стали зачислять на службу, не испрашивая согласия, иногда даже против желания родителей. Однако, мастеровые не протестовали, находя в работе детей некоторую материальную поддержку. Дети брались на учет уже с 7-летнего возраста (с 1849 г.— с 8-летнего). До 12 лет (по закону 1828 г.) они именовались „малолетами“ и употреблялись на легкие работы, а далее, до 18 лет — подростками и причислялись к командам мастеровых. А с 18 лет начиналась настоящая служба [1]). Только в 1852 году состоялось повеление облегчить труд детей, сравняв их с детьми на горных заводах Урала, а именно — отменить обязательную работу детей до 15-летнего возраста и брать их на работу только в случае нужды [2]).

Дети, кроме тех, родители которых могли обучать их дома на собственный счет и которые отпускались на четыре зимних месяца к родителям, с 7 лет до 12-летнего возраста (по „положению 1828 года“) обязаны были ходить зимнею порою в заводские школы, „с жалованьем и провиантом“. При главных рудниках и почти при всех заводах были учреждены (по „положению 1836 г.“) горные школы. Однако, они распространяли грамотность среди мастеровых в очень малых размерах. Напр., на Салаирском руднике в 1844—47 годах число грамотных детей мастеровых едва доходило до 8%. Впрочем, еще хуже обстояло с детьми приписных крестьян, для которых школ в ту пору еще не существовало — в указанные годы среди них грамотных было всего 0,3 процента.

Мастеровые, в том числе и горные люди, получали жалованье — сдельщина составляла редкое явление. Была сделана попытка ввести сдельщину на рудниках. В 1786 г. на одном руднике сдельная оплата привела, по словам заводоуправления, к тому, что „усердствуют служители и в праздничные дни работать“ и что добыча руды стала более дешевой. Раньше кубическая сажень обходилась в 4 р., а при новом порядке в 2 рубля 80 коп. Это, конечно, об‘яснялось тем, что рабочие

---

[1]) Подробности о детях — см. *Зобнин.* Мастеровые Алтайских горных заводов.

[2]) Второе собрание законов, № 26050 (11 марта 1852 г.).

до крайности напрягали усилия, чтобы кое-как прожить. Впрочем, сдельная плата не упрочилась, и горные люди, как мы сказали выше, получали жалованье.

Оно колебалось для отдельных занятий в пределах от 12 до 48 рублей в год, и такие нормы существовали со времени возникновения заводов без заметных изменений до середины 19-го века. Из жалованья производился к тому же вычет — на госпитали [1]), каковой сбор мы видим отмененным по „положению" об алтайских заводах 1828 года.

Однако, если размер жалованья был неподвижен, то все же материальное положение изменялось в связи с вопросом о снабжении рабочих хлебом. Так как доставка провианта на рудники и заводы была сопряжена со значительными затруднениями, то в 1771 г. рабочие стали получать хлеб и крупу от заводоуправления — холостые ежемесячно по два пуда муки и по пяти фунтов крупы, а женатые, сверх того, два пуда для жены и по 1—1½ пуда для каждого ребенка. Провиант отпускался по себестоимости. Но в виду того, что при разных рудниках и заводах цены на хлеб и крупу были различны, вознаграждение же все получали одинаковое, то решили повсюду с 1786 г. отпускать по 25 копеек за пуд семьям тех рабочих, которые получали до 40 рубл. в год, а прочим рабочим — по покупной цене с надбавкой 10% на магазины. Однако, цены на хлеб возвышались, и указанная льгота, установленная для низших категорий, оказалась тягостной для заводов. Поэтому с 1787 г. стали отпускать по себестоимости хлеб только самим рабочим, а членам их семейств по „сложной истинной цене". При этом, опять-таки в виду того, что в одних местах провиант покупался заводоуправлением по 17 копеек, а в других — по 30 копеек, в целях уравнения была установлена для всех безразлично одна цена в 25 копеек пуд, что давало заводоуправлениям прибыль. Но, цены на хлеб продолжали возвышаться. И тогда было задумано насадить среди заводских мастеровых сельско-хозяйственные занятия, отведя им пустопорожнюю землю около рудников и заводов,— каждую третью неделю (свободную при трехсменной системе) мастеровые могли посвящать сельскому хозяйству. Все же продовольственный вопрос этим мероприятием не мог быть вскоре урегулирован, он все больше обострялся, и по „положению 1828 г." (об алтайских заводах) провиант стали выдавать бесплатно — на месяц вперед — всем, состоящим на работе (взрослому 2 пуда, подростку 1—1½ в месяц) и получавшим до 90 рублей в год, кроме находившихся на урочных работах (на Урале бесплатно хлеб выдавался рабочим, получавшим до 100 рублей, но на Алтае жалованье вообще было ниже, чем на Урале).

Согласно упомянутому „положению 1828 г." [2]) местная горная власть могла по своему усмотрению изменять разряд жалованья рабочих, в соответствии с ценами на продукты первой необходимости. Но тогда же

---

[1]) Ср. Первое собрание законов, № 10823 (10 апреля 1758 г.).

[2]) Второе собрание законов, № 1960.

было велено разработать новое положение об окладах жалованья мастеровых и нижних чинов „сообразно их нуждам и возвышавшимся на все ценам“. Первый таковой проект был забракован, и местное горное начальство получило в 1832 г. предписание произвести опыты по всем работам (как было сделано на Урале), чтобы соответственно облегчить положение рабочих. Но алтайское начальство заявило (1835 г.), что не следует производить опыты, так как это может повлечь за собой „некоторые затруднения“, между тем установленные нормы, мол, не стеснительны для рабочих. Затем, по осмотре посланным из Петербурга ревизором алтайских заводов в 1836 г. [1]), было признано необходимым улучшить положение нижних и рабочих чинов. Но только в 1846 г. появился новый проект штатов. Осуществление его требовало времени, так как хотели согласовать его со штатами Уральского хребта. Но положение рабочих было до того тяжелым, что отсрочка представлялась недопустимой, и поэтому решили „по уважению крайне недостаточного их состояния и местной дороговизны на все жизненные потребности“ — с июля 1846 г. выдавать бесплатно хлеб не только самим нижним и рабочим чинам, но и членам их семейств — женам по 2 пуда в месяц, неработающим мальчикам по пуду и по пуду девушкам, до достижения ими 18-летнего возраста. Но так как хлебных запасов было мало, то в течение первых трех лет разрешалось выдавать только часть натурою, а остальное — деньгами.

Наконец, в 1849 г. появилось новое „положение об алтайских заводах“. Оно предусматривало состав нижних и рабочих чинов на основных работах в числе 19522 душ. Размер годового жалованья был весьма разнообразен, как это явствует из нижеследующих примерных данных:

Уставщики. Старшие урядники — от 90 руб. до 180 руб. (всего 57 человек); младшие урядники — от 24 руб. до 48 руб. (597 человек); подмастерья — 18 руб. (171 чел.).

Мастеровые цеховые. Старшие урядники — 36 руб.; рабочие — от 24 руб. до 30 руб.; горные урядники и плавильные — 30 рублей; ученики — 6 руб. (225 чел.), обучавшиеся в школах — 1 р. 8 к.

Мастеровые от 6 р. до 12 р. (11875 чел.); подростки — от 3 р. 50 к. до 5 р. (2267 чел.).

Как мы видим, число лиц, получавших большое содержание, было незначительно в сравнении с общей массой рабочих. Зато подростки, дешево оплачивавшиеся, играли большую роль. До 1200 подростков были назначены на Змеиногорском и Салаирском рудниках преимущественно „для разбора и обогащения руд“. А так как эти рудники находились в большом отдалении от жилищ, то им назначили еще „порционные“ в размере $1^1/_2$ коп. серебром. за каждый рабочий день [2]).

[1]) Ср.: Архив госуд. совета, департ. законов, 1836 г., № 69 „О заводских людях Алтайских горных заводов“.

[2]) Архив госуд. совета, департамент экономии, 1849 г., дело № 53 „О новых штатах и рабочих положениях Алтайских горных заводов“. — Второе собрание законов № 23263 (22 мая 1849 г. Положение об Алт. заводах).

Всего находилось в 1846 г. при заводах и рудниках нижних чинов 884, мастеровых (включая урочных) — 6972 и прочих рабочих чинов — 13052, т.-е. всего — 20908 душ. Но, как мы отметили выше, только 19522 человека были назначены на постоянные основные работы, остальные 1386 рабочих чинов должны были быть обращены на работу по вспомогательным цехам.

Жалованье было установлено не для всех 19522 душ, а только для 15536 чел., так как из них 3986 были на урочном положении.

Первоначально, как видно, срок службы не был установлен, — мы знаем, что даже наиболее дряхлые определялись на сравнительно легкие работы (разборка руды). Но по закону 1797 года прослужившие 35 лет, а также ранее получившие увечье или неизлечимую болезнь на работе, приобретали право на пенсию: мастера и подмастерья по 20 руб. в год, а нижние горные и заводские служители по 10 руб. Однако, не всякий, получивший право на пенсию, мог ею фактически воспользоваться, так как на пенсии была ассигнована известная сумма, и в тех случаях, когда она уже вся была распределена, кандидатам на пенсию приходилось „ожидать очереди“ [1]).

Приняв во внимание, как стоимость хлеба, раньше выдававшегося на льготных условиях, а позже бесплатно, так и колебания в курсе бумажных денег, исследователь Н. Зобнин приходит к выводу, что материальное положение мастеровых было наилучшим в середине 18-го века, до 80-х годов, а самым худшим в первой четверти 19-го века. К концу эпохи крепостного права оно несколько улучшилось, но все же не достигло той высоты, на которой находилось в 18-ом столетии.

Следует указать, что первоначально мастеровые принимали непосредственное участие в разрешении вопросов о снабжении заводского населения с'естными приписами. С их мнением считались при заключении заводоуправлениями договоров с поставщиками и т. д. Это участие рабочих сузилось, когда они начали получать муку по твердой цене. Но начальство в дальнейшем совершенно устранило рабочих от участия в заключении контрактов на поставку продуктов, и тогда начались злоупотребления. Рабочие протестовали, но подобные выступления приводили лишь к тому, что зачинщиков подвергали суровым карам [2]).

Хотя впервые признаки золота на Алтае, как мы знаем, были обнаружены еще в 40-х годах 18-го века, разработка казенных золотых приисков началась только с 30-х годов 19-го века, причем золотой промысел был отделен от прочих. И именно на казенных золотых приисках, где в 40-х годах насчитывалось 60 нижних чинов и 2600—2700 рабочих, были самые тяжелые условия труда. Холод и постоянный дым (замерзшую землю приходилось оттаивать), работа по колено в воде, гнилые продукты, — все это вызывало громадную заболеваемость и смертность. Рев-

---

[1]) Первое собрание законов, № 17996 (12 июня 1797 г.).

[2]) На Урале рабочие находились в лучших условиях в отношении хлеба благодаря закону 1799 г.

матизм и цынга свили себе здесь прочное гнездо. Военные суды обыкновенно пугали подсудимых из числа заводских и рудничных рабочих тем, что они будут присуждены к отдаче на золотые прииски. И, действительно, отдача на золотые прииски являлась одной из самых суровых мер наказания, более страшной, чем шпицрутены.

В целях облегчения участи рабочих на золотых приисках и повышения добычи было решено заменить двухсменную систему трехсменной. Первый опыт был сделан в 1840—42 гг., а к 1852 г. трехсменная работа являлась уже общим правилом. При этом рабочим дозволили вести „старательские работы" (т.-е. по доброй воле, в свободное от обязательных работ время), за которые уплачивалось немедленно. Рабочие на золотых приисках, как находившиеся в худших условиях, чем на других заводах, стали получать с 1849 г. сверх жалованья „порционные деньги", вместо прежних 3 копеек, по 4 копейки в день, но эта прибавка не могла перевесить всех тягот приисковой жизни, и побеги с золотых приисков, издавна бывшие обычным явлением, конечно, не прекратились с увеличением размера „порционных". А нижним чинам вместо порционных назначено было двойное жалованье, но так как „положение 1849 года" увеличило самое жалованье, то им стали давать полуторное жалованье. Сверх жалованья выдавался хлебный паек в обычном размере.

В отличие от частных золотых приисков, работа на казенных протекала весь год, без зимней передышки, но все же размер добычи казенных приисков уступал добыче частных.

Несмотря на исключительно тяжелую обстановку, в работу на золотые прииски брались подростки. По штату 1849 г. здесь было 123 подростка и 111 моложе 15 лет, т.-е. всего 234 человека, которые составляли более 10% всех взрослых рабочих на золотых приисках. А ведь кроме них было еще 100 школьников в возрасте до 12 лет, которых тоже привлекали к работе.

Помимо тяжелых условий труда, рабочие много терпели от начальства — низшего и высшего. Битье и поборы проходили, можно сказать, через всю жизнь рабочего; чувствительной мерой наказания служили также переводы с одного места работы на другое, нередко на расстояние многих сотен верст, ибо они разоряли рабочих, разрушали семью. Когда же горное начальство, вместо административной расправы, отдавало рабочих под суд — начиналось многолетнее пребывание в тюрьме до разбора дела и работа в кандалах [1]).

Естественно, что наиболее частым средством избавиться от ужаса горнозаводской жизни служили побеги, но они редко благополучно завершались — перейти тайгу было крайне трудно и чаще всего бежавшие возвращались на рудник и завод, а иные погибали в тайге. Характерно, что заводской жизни рабочие предпочитали каторгу, а потому нередко

---

[1]) Подробности о жизни и труде рабочих на золотых приисках, см. *Семевский* Рабочие на Сибирских золотых промыслах, ч. I, стр. 263 и след.

они ложно оговаривали себя в совершении убийства, за что полагалась ссылка на каторгу. Они также добровольно шли на военную службу, столь страшную в ту эпоху, лишь бы избавиться от горнозаводской работы.

В связи с развитием работы на золотых приисках, число горнозаводских рабочих на Алтае возросло, но это не был естественный прирост. Постоянная рабочая сила пополнялась рекрутскими наборами, дававшими избыток, несмотря на значительную смертность: в 1795 г. насчитывалось около 9.000 душ [1]), в 1826 году — до 17.000, в 1849 г. — почти 19.000, а в 1860 г. — численность превысила 20.000 душ.

Что касается приписных крестьян, то после упомянутого выше распоряжения в 1761 г. о привлечении к заводским работам всех крестьян и разночинцев в Томском и Кузнецком уездах, к алтайским заводам уже более не приписывались новые слободы, за исключением того случая, когда в 1797 г. дальние крестьяне, из коих иные жили на расстоянии 600 верст, были освобождены от заводской работы, а вместо них она была возложена на близкие волости, до того времени не приписанные к заводам [2]). С другой стороны, пришлый элемент появлялся здесь в небольшом числе, а потому число приписных зависело от естественного прироста. В конце 18-го века насчитывалось около 55 тысяч душ, приписанных к алтайским заводам, в 1807 г. — 63 тыс., 1815 г. — около 87 тысяч, в 1833 г. — 112 тыс., в 1850 г. — 136 тыс., а к 1861 г. — 145 тыс.

Работа приписных крестьян, как и на Урале, устанавливалась с одной стороны, размером подушной подати, которую они должны были отработать, а с другой — размером заработной платы, причем и подать и заработная плата определялись теми же законодательными постановлениями, как и на Урале. Вместе с тем, размер работы приписных крестьян зависел от соотношения между числом трудоспособных и непригодных к работе — первые должны были работать за последних.

Приписные крестьяне выполняли не только подсобные работы, — они были заняты и в горном деле. Ходатайствуя об увеличении числа приписных крестьян, местное горное начальство (1756 г.) указывало, что большая часть работ выполняется одними крестьянами, „особливо в горных работах у добычи руд“, благодаря чему крестьян нередко не отпускают на сельские работы. Крестьян перегружали и на подсобных работах, задерживая их на заводах и в страдную пору, и распоряжение 1762 г. о том, чтоб их привлекали на заводскую работу только в период, когда они свободны от сельского хозяйства, не выполнялось.

Первоначально здесь действовал общий порядок, в силу которого подушная подать приписных крестьян зачитывалась им в заработную плату. С 1769 г. крестьяне стали получать за прохожие дни, т.-е. за время, проведенное в пути из деревни на завод, а со следующего года возившим уголь начали платить „покоробные деньги“, и обе эти суммы не

---

[1]) По данным 1794 г. насчитывалось: мастеров 317, мастеровых 6.695, подростков 161 (Горный Журнал, 1865 г., кн. II, стр. 320)

[2]) Первое собрание законов, № 17862 (3 марта 1797 г.).

шли в зачет подушной подати, они выплачивались наличными. А с 1779 г. [1]) крестьяне стали получать на руки также заработную плату и уже сами вносили, куда следует, подушную подать в размере 1 р. 70 к. В связи с этим в 1782 г. было предписано сумму подушной подати выплачивать за вырубку $3^7/_9$ куб. сажени дров, считая „по сложности зимнего и летнего плакатов" по 45 коп. с сажени, независимо от времени, какое будет на это употреблено. Но фактически крестьян заставляли вырубать по $5^1/_4$ сажени с души и только позже распоряжение 1782 г. было введено в жизнь. На основании закона 1779 г. условия труда приписных крестьян были повсеместно значительно облегчены: закон в точности определил, какие именно работы и в какое время могут быть на них возлагаемы, в частности, они были освобождены от углежжения и горных работ. В общем, крестьянам, занятым на заводах, приходилось работать за $1\,^1/_2$—2 души (за убылых, нетрудоспособных и др.).

Не всегда крестьянин, отправлявшийся на заводскую работу, знал, что именно он должен выполнять. В деревнях при раскладке между собою работ крестьяне определяли только ту сумму, которую должен каждый из них заработать на заводе, а по приходе крестьян на завод работа каждого определялась *поденно*, так как поденная заработная плата была установлена известным „плакатом". Некоторые работы назначались *по урокам*. Этот душевой урок на канцелярском языке назывался *ревизскою душою*, а среди крестьян просто *душою*, т.-е. мерою работы. С 1779 г. все заводские работы крестьян определялись горным начальством в таких душах — „душа" стала единицей измерения крестьянской работы и ее оплаты. С 1849 г. за каждую „душу" работы стали платить огульно по $57^1/_2$ коп. сер., независимо от расстояния, отделявшего деревню от места работы.

Приписные крестьяне дифференцировались по своим основным, внезаводским занятиям. И вот почему крестьяне, обязанные перевозить руду на далекие заводы, а вместе с тем обладавшие хорошим сельским хозяйством или занимавшиеся иными промыслами, имели возможность нанимать вместо себя, по более высокой цене, других приписных крестьян, которые будучи свободны от перевозки заводских грузов, не имея сельского хозяйства, сделали извозный промысел своим обычным занятием (порою насчитывая до тридцати упряжек). Подобная замена происходила и в других видах принудительного заводского труда. Власти пытались было урегулировать эти сделки, чтобы до известной степени ограничить переплаты. Но это вмешательство не имело успеха, и, чтобы избавиться от заводской работы, приписные крестьяне нанимали вместо себя лиц, которым они платили в несколько раз больше, чем сами получали.

Несмотря на облегчение работы, последовавшее с изданием закона 1779 года, приписные крестьяне попрежнему старались уклониться от заводских работ, нередко приводивших их к разорению. Они не всегда своевременно прибывали на заводы и иногда даже вовсе не являлись;

---

[1]) См. выше, стр. 127—28. На Урале наличная расплата была введена в 1763 г.

областное управление, обязанное заботиться об их посылке, будучи мало знакомо с заводским делом, не прилагало к тому усилий, а низшая полиция этим пользовалась и за некоторую мзду покровительствовала крестьянам. Чтобы избежать остановки в работе, стали заменять их заводскими мастеровыми и вольнонаемными; кроме того, на заводах были прерваны некоторые работы, признанные излишними, и занятые на них люди перешли на углежжение [1]). В виду таких затруднений, вызванных неаккуратной высылкой крестьян на заводы, было велено: в случае неприбытия крестьян в назначенное время — заводы обращаются к вольным работникам, а уплачиваемые ими сверх плакатной цены деньги взыскиваются с виновников такого замедления, которые, в свою очередь, перелагали их, конечно, на самих крестьян.

Указанные уклонения отдельных крестьян от заводских работ, не носившие стихийного характера, не были единственной формой протеста против чрезмерного обременения заводским трудом. Жизнь алтайских приписных крестьян, вообще была не так богата бурными проявлениями недовольства, как уральских. Однако, все же известны случаи, когда алтайские горнозаводские крестьяне открыто выступали с протестами. Так, напр., томские крестьяне при назначении их к возке угля и рубке дров „сделали явное непослушание", истолковывая закон 1779 г. в том смысле, что на рубку дров должны посылаться далеко живущие, а к возке угля — ближе живущие, и, считая, что селения, находящиеся на расстоянии 340 верст от завода, — это „дальние". Несмотря на увещания начальства, крестьяне не соглашались выйти на работу, говоря, что еще не установлены условия для возки угля, и указывая, что наемщики требуют со своих нанимателей за доставку угля непомерные цены именно в виду неизвестности, сколько времени потребует возка. Разбирая это дело, сенат, как видно, убедился, что крестьяне переобременены заводскими работами, хотя их и освободили от возки руд, потому что было выгоднее пользоваться вольнонаемными возчиками. Сенат приказал не отягчать крестьян, так как не следует думать об одном лишь увеличении добычи, и предписал при назначении работ сообразоваться с расчетом, который был установлен в 1780 г. для казанских заводов [2]).

Как мы заметили раньше, доставка хлеба в заводские районы была крайне затруднительна; напр., по сообщению, относящемуся к 1786 г., даже за большие деньги нельзя было достать хлеба. И от этого страдали не только мастеровые, но и крестьяне, когда урожай оказывался недостаточным. Испытывая нужду в хлебе, крестьяне Тутальской волости (Томской губ.) просили о выдаче его им заимообразно из запасных складов, по пяти пудов на ревизскую душу, указывая, что его негде купить, но заводское начальство не удовлетворило их ходатайства, и крестьяне возобновили просьбу перед губернатором. Губернатор обратил внимание местных горных властей, что это уже есть „волнение", могущее

---

[1]) Первое собрание законов, № 16312 (21 января 1786).

[2]) Первое собрание законов, № 15355 (26 февраля 1782 г.), № 15476 (25 июля 1782 г.).

привести к нежелательным последствиям. Прибывшие чиновники стали убеждать крестьян приступить к работам, но безуспешно. Крестьяне нашли моральную поддержку со стороны давно жившего среди них отставного чиновника, которого власти об'явили сумасшедшим. Группа крестьян сорвала печать с дверей хлебных магазинов и захватила почти весь хлеб. Была вызвана военная сила, которая быстро прекратила беспорядки. Это событие дало комитету министров повод издать распоряжение о том, чтобы в подобных случаях военные власти оказывали помощь заводскому начальству, а министр финансов должен принять меры к снабжению крестьян хлебом [1]).

Алтайские горные заводы, как мы сказали выше, перешли в 1747 г. в ведение „Кабинета его величества". И только в 1830 г. они поступили в заведывание министра финансов. Эта перемена внушила крестьянам Ояшинской волости мысль, что раз они уже вышли из подчинения Кабинету, то тем самым они свободны от заводских работ. Они отказались выйти на работы, определенные „положением" о них, изданным в 1828 г. (в сущности только систематизировавшим старые узаконения), и нужно было вызвать военную силу, чтобы подавить волнение [2]).

Единоличные уклонения крестьян от заводской работы, в своей совокупности задерживавшие ход дела, а также массовые выступления, говорили о недовольстве крестьян своим положением. Но только в 1855 г. был сделан шаг с целью улучшить их быт, а именно: распространены были на алтайских горнозаводских крестьян правила удельного ведомства (т.-е. ведомства, управлявшего имуществами, предназначенными на содержание царской фамилии) с тем, однако, чтобы они были согласованы со специальными обязанностями на заводах [3]). Это было, конечно, только слабым средством. Но уже вскоре подоспела пора общей крестьянской реформы, отразившейся и на участи алтайских горнозаводских крестьян.

НА ЧАСТНЫХ ЗОЛОТЫХ ПРОМЫСЛАХ [4]).

Право частной разработки.—Рабочая сила.—Условия труда.—Старательские работы. — Беспорядки на приисках и суд над участниками. — Столкновение между генерал-губернатором и губернатором из-за рабочих. — Учреждение военно-судных комиссий. — Положение 1838 г. о частной золотой промышленности. — Вопрос о праве уральских заводчиков посылать своих людей на сибирские золотые прииски. — Закон 1853 г. и старательские работы.— Цифровые данные.

Право на разработку золотых россыпей первоначально принадлежало одной лишь казне, причем только в 19-м веке дело стало развиваться. Частные лица впервые в 1826 г. получили дозволение отыскивать золото.

---

[1]) Журнал комитета министров от 27 июня 1813 г.

[2]) Архив истории труда в России, кн. 2, стр. 132 (сообщение *К. Пажитнова*).

[3]) Второе собрание законов, № 29727 (17 окт. 1855 г.).

[4]) В настоящем очерке использовано богатое подробностями исследование *В. И. Семевского*, „Рабочие на сибирских золотых промыслах", т. I (СПбург, 1898 г.), главы I—IV (стр. 1—263), глава IX (стр. 329—467).

После этого, в 1828—35 гг. были открыты месторождения золота сперва в Томской губернии (по рекам: Бирикулю, Кие, Кундустуюльского ключа), а затем в Енисейской — в Минусинском, Красноярском и Ачинском округах. Несколько позже обнаружили золотые россыпи вдоль Енисея, поближе к низовьям.

Частная сибирская золотопромышленность не знала принудительного труда — она развилась исключительно на вольнонаемном. На частных золотых промыслах в Томской губ. насчитывалось в 1830 году всего до 800 человек. Два года спустя уже было 2.000, а еще через два года было нанято около 6.000, среди коих ссыльно-поселенцы, шедшие на работу по доброй воле, составляли до 82%, а остальную часть — крестьяне, мещане и разночинцы; впрочем, в последнем случае почти одна тысяча из нанявшихся не пришла на работы. К 1837 г. на промыслах Томской губернии и на Минусинских и Ачинских промыслах, находившихся в ведении алтайского горного правления, насчитывалось до 10.000 человек, а на приисках, заведуемых генерал-губернатором Восточной Сибири, было в 1838 г. несколько более 3.000 человек.

Отмеченная выше неявка тысячи нанявшихся рабочих не представляла собой случайного эпизода, она носила общий и постоянный характер. На прииски шли одни только бедняки — неустойчивый, бродяжий элемент—прельщаемые задатками, доходившими до 35 руб. ассигн. И потому то, так часто бывало, что, пропив или прожив задатки, нанявшиеся на золотые прииски уходили на другую работу, где не предстояло вычета задатка.

Обычно по договорам с золотопромышленниками рабочие должны были оставаться на приисках до 1 октября, но холода, наступавшие в гористых местах уже к середине сентября, заставляли прерывать работы, что, возбуждая недовольство золотопромышленника, приводило порою к столкновениям. Случалось, однако, что работы продолжались всю зиму. На месте работ одни рабочие назначались в поисковую партию, которую ожидали тяжелые дни бесконечных переходов, или на прииски, где работали в открытых „разрезах“, т.-е. углублениях или корридорах, образуемых по снятии незолотоносных пород, называемых торфа (турфа), и оттуда вывозили золотоносный песок для промывки, а при большой глубине торфа — рыли подземные галлереи (орты), и, наконец, промывали песок. В Томской губернии размер месячного вознаграждения достиг (1834—37 гг.) для чернорабочих — от 10 до 13 руб. ассигн. [1]), для промывальщиков и других — 15 руб., для ремесленников, исполнявших различные работы подсобного характера,— от 15 до 35 руб. ассигн. Жалованье обычно выдавалось за 30 дней работы. Но случалось, что в воскресные и праздничные дни работа останавливалась без вычета из жалованья.

При изнурительности этого труда, сопряженного с крайне тяжелым путешествием на промыслы по непроходимым таежным дорогам, сквернейшими жилищными и продовольственными условиями, ничтожная заработная

[1]) В ту пору рубль серебром равнялся около 3 р. 50 коп. ассигн.

плата за выполнение обязательного дневного урока в известное число рабочих часов не могла бы привлечь на прииски даже бесправный ссыльно-поселенческий элемент если бы она весьма значительно не дополнялась добровольной, так называемой, „старательской“ работой, выходившей за пределы договора, исполнявшейся во время, свободное от обязательных работ, за особое вознаграждение. Надежда на этот дополнительный заработок и обеспечивала золотопромышленникам достаточное количество рабочих, рук, и не только из среды ссыльно-поселенцев, но и „вольных“ людей.

Старательские работы, как лучше оплачивавшиеся, служили, повторяем, главнейшей приманкой для рабочих. Когда на одном прииске было запрещено, по техническим условиям, производить их, тотчас из наличных 700 рабочих ушли 680. При таких обстоятельствах золотопромышленники были вынуждены соглашаться на старательские работы. Но все же они отнюдь не давали рабочим в данном отношении полной свободы. Для старательских работ в каждом отдельном случае требовалось разрешение золотопромышленника. На одних приисках они дозволялись только в праздничные дни, на других — каждодневно, по завершении обычной работы. И благодаря этому неоднократно рабочие самовольно и вместе с тем хищнически работали на наиболее богатых песках во вред золотопромышленникам. До конца сороковых годов „старание“ производилось преимущественно на промывке золотоносных песков, в одиночку или небольшими артелями рабочих, составлявшимися по их собственному выбору и соглашению.

За каждый золотник добытого и промытого золота старатели получали на богатых промыслах по 2—3 руб. асс., а на „убогих“, где золото доставалось с большей потерей времени, до 4 р. асс. За самородки, как назывались более крупные куски золота, если он весил 1—2 золотника, платили по 2 р. асс. за золотник, а при большем размере — по 3 р. асс. [1]).

Так как сибирские частные золотые прииски обслуживались, как мы сказали, преимущественно ссыльными, так назыв. посельщиками (поселенцами), то уголовное прошлое большинства из них накладывало известную печать на моральный облик всей массы приисковых рабочих. Но помимо того, тяжелые условия труда, ужасная жилищная обстановка, дурное питание, отсутствие медицинской помощи, притеснения со стороны приказчиков — все это побуждало рабочих при первом же поводе бежать с приисков, а приводимые назад военными командами, они еще больше озлоблялись тяжелым трудом. Наконец, нездоровая атмосфера, царившая на приисках, как естественный спутник „золотой горячки“, деморализовала приискового рабочего. Соблазн похитить несколько золотников ценного металла был слишком велик для человека, психическая устойчивость которого не могла не подрываться обременительным трудом при небла-

[1]) На казенных золотых промыслах, согласно закону 27 февраля 1831 г. (Втор. собр. законов, № 4308) платили: при весе в 1—2 золотника по 20 коп. за золотник, при 3 золотн. — по 30 коп., при 4 золотн. — по 40 коп., а далее по 50 коп. за каждый золотник.

гоприятных условиях повседневной жизни. Старательские работы понуждали рабочего, с одной стороны, чрезмерно напрягать свои физические силы, а с другой стороны, — в случае счастливой находки, покидать прииски до срока договора, захватив с собою найденное старательское золото (а порою украденное у хозяина), чтобы продать его скупщикам, платившим более высокую цену, чем та, которая была установлена на прииске и которая нередко преуменьшалась приисковыми служащими путем обмана.

Полковник Щербачев, состоявший чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири, кн. Горчакове, побывавший на приисках в Томской губернии в 1836 г., заметил томскому губернатору, одновременно являвшемуся главным начальником алтайских горных заводов, генерал-майору Шленеву, что приисковые рабочие получают малое вознаграждение. Но Шленев, недовольный тем, что Щербачев „делал какие-то там наблюдения“, посоветовал ему не „обнаруживать такие филантропические чувства преступникам“ и попросил его входить в об‘яснения касательно приисковых работ и платы за них не с рабочими, а с горным начальством; более того, Шленев уведомил о своей беседе со Щербачевым кн. Горчакова, дабы мнение Щербачева не могло поселить в рабочих „мысли к разным неограниченным требованиям от промышленников и даже к самым беспокойствам“.

И случилось, что „беспокойства“, действительно, произошли в следующем, 1837 году, но не потому, конечно, что Щербачев оказал какое-либо воздействие на рабочих. В начале июня Шленев был уведомлен о том, что на некоторых частных золотых приисках его губернии (подчиненной генерал-губернатору Западной Сибири) рабочие произвели беспорядки. Посетив главнейшие промыслы и сделав заключение, что мещане, крестьяне, а особенно ссыльные каждое лето в той или иной степени нарушающие условия, заключенные с золотопромышленниками, текущим же летом позволили себе ряд противозаконных поступков, Шленев признал необходимым предать виновных военному суду. Вот что произошло по словам самого губернатора.

На промысле почетного гражданина Мясникова рабочие, став на сторону одного из своих товарищей, вступившего в пререкания с приисковым служащим, перебросили последнего через себя, а затем избили двоих служителей. Подобный же случай произошел и на другом промысле того же хозяина. На промыслах купца второй гильдии Бобкова в Ачинском уезде, Енисейской губернии (подчиненной генерал-губернатору Восточной Сибири), некоторые рабочие, заявив, что не хотят работать за двенадцать рублей в месяц, и угрозою самосуда заставив остальных рабочих присоединиться к ним, разошлись по своим избушкам; на другой день приисковый приказчик согласился платить до конца лета по пятнадцати рублей без вычета за праздничные и табельные дни, в чем выдал подписку[1]). На Воскресенском прииске, принадлежавшем купеческой компа-

[1]) Сообщив об этом енисейскому губернатору, Шленев просил его на будущее время отклонять наем поселенцев Енисейской губернии на работы в Томской губернии, так как они повсюду „оказали возмутительный дух“.

нии, поселенец Енисейской губернии Невораков потребовал, чтобы для старательских работ ему было разрешено промывать те пески, какие он пожелает (ранее промывавшиеся им пески были бедны золотом); когда же ему в этом отказали, он и прочие рабочие „оказали грубости и ругательства". На прииск были вызваны горный ревизор и казачий сотник с 28 казаками. Рабочие встретили казаков камнями и, обязавшись не выдавать друг друга, заявили, что не станут на работу, пока отряд не уйдет. Однако, затем, по указанию приказчиков и нарядчиков, были под разными предлогами вызваны и задержаны те, которые возбуждали прочих к неповиновению; их заковали в кандалы и увезли. Они кричали, что „мир их выдал", некоторые рабочие бросились за ними, но были отогнаны. На Талаюльских промыслах коммерции советника Попова рабочие потребовали увеличения платы за старательское золото с трех до четырех рублей за золотник, угрожая в случае отказа уйти с промысла. Одновременно на Бурлевских промыслах рабочие потребовали, чтобы им были предоставлены для старательских работ другие пески, более обильные золотом; им в этом не отказали, но с условием, чтобы они снимали торфяной пласт, дабы обработка шла надлежащим образом, однако, рабочие не согласились на такую работу.

Все это, виденное на промыслах, привело Шленева к заключению, что рабочим живется вовсе не плохо, что в беспорядках виноваты некоторые золотопромышленники, которые, в своих выгодах, увеличивают рабочим, вопреки контрактам, плату, чем дают им „беспокойный предлог" выставлять новые требования; зло заключается в уверенности рабочих, что пока они действуют скопом, любой проступок их останется безнаказанным, и именно с этим надо бороться. И так как мир, несомненно, будет стараться своими показаниями обелить товарищей, привлеченных к ответственности за учинение беспорядков, то необходимо предавать виновных военному суду (как это установлено за хищение золота), учредив специальную военно-судную комиссию в составе горного ревизора, отдельного заседателя и казачьего офицера.

Когда в 1834 г.[1]) было велено по Пермской и Оренбургской губерниям предавать похитителей и скупщиков драгоценных металлов не гражданскому суду, а военному, то учреждать военно-судные комиссии и санкционировать их приговоры было предоставлено генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири, но они не воспользовались таковым правом. Шленев первый возбудил этот вопрос.

Генерал-губернатор Горчаков отнесся отрицательно к действиям Шленева на промыслах. Он сообщил министру внутренних дел Блудову, что, признавая необходимым принятие строжайших мер при беспорядках на приисках и не видя из запоздалого донесения губернатора, чтобы в течение почти целого месяца было произведено кем-либо законное расследование описанных Шленевым происшествий, он возложил таковое на двух своих чиновников с тем, чтобы виновные были преданы суду при

---

[1]) Именной указ сенату от 10 мая 1834 г. Второе собрание законов, № 7065.

II-м линейном Сибирском батальоне, а не как желает губернатор, чтобы, вопреки общим постановлениям, суд был составлен из тех лиц, которые не только производили первоначальное изыскание на месте, „но слабостью или неосмотрительностью своих распоряжений могли даже содействовать к распространению беспорядка“.

Блудов представил о томских событиях доклад Николаю I. Соглашаясь с мнением губернатора, что для предотвращения подобных происшествий необходим пример строгого и скорого суда, Блудов предложил предать военному суду рабочих, виновных в беспорядках, происшедших как в Томской, так и Енисейской губерниях, предоставив в целях ускорения наказания утверждение приговоров по принадлежности генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири, даже при условии, если суд приговорит к телесному наказанию более девяти лиц, хотя обычно в таких случаях дело окончательно рассматривалось в Петербурге. Впрочем, Блудов опоздал со своим докладом. Его опередил Канкрин.

В качестве главы министерства финансов, заинтересованного в развитии золотопромышленности, в увеличении добычи металла, дававшей казне доход, Канкрин вообще был готов оказывать поддержку хозяевам приисков. Получив же донесение Шленева о беспорядках на приисках в Томской губернии, он счел нужным тем решительнее помочь золотопромышленникам, что из донесения местного жандармского начальника Канкрин незадолго до того узнал, что на частных золотых приисках Томской губернии рабочие-ссыльные, несмотря на то, что за золото, добытое старательской работой, получают по три рубля за золотник, „не забывают настоящего ремесла своего, с которым познакомила их в начале нужда или дурные примеры, а сдружила уже привычка, и возвращаясь с приисков по окончании работ, а иногда и прежде, временно убегая, крадут по нескольку золотников“ золота, искусно пряча его в обуви и в одежде, и продают в Томске по пяти рублей. Вследствие этого донесения Канкрин стал спешно разрабатывать меры, направленные против торговли золотом, а, следовательно, и против хищения его рабочими. Получив же донесение Шленева о приисковых беспорядках, Канкрин решил связать вопрос о хищении золота и торговле им с вопросом о буйствах рабочих, возникающих на почве старательских работ, и придать борьбе со всеми таковыми явлениями более суровый характер. Не дожидаясь установления соответствующих общих мер, Канкрин дал немедленно ход донесению Шленева, хотя и знал, что беспорядки в Томской губернии были прекращены „без особенных последствий“. Об‘ясняя в докладе государю, что своеволие рабочих в столь отдаленном [крае надо искоренить в самом начале действительными мерами, Канкрин поддержал предложение Шленева о предании рабочих военному суду, но с тем, чтобы судьями были назначены чиновники горного, военного и гражданского ведомств, не принимавшие участия в подавлении беспорядков и в местном расследовании их, причем для ускорения наказания приговор суда подлежит утверждению губернатора. Впредь же дела о подобных преступлениях должны быть рассматриваемы особыми

постоянно функционирующими военно-судными комиссиями, которые предположено учредить в Томской и Енисейской, а впоследствии, если понадобится, и в Иркутской губерниях.

На приведенном докладе Канкрина Николай I положил резолюцию: „всех виновных из каторжан судить по полевому уголовному положению, прочих военным судом и г.-м. Шленеву приговоры приводить в исполнение, кроме одной смертной казни“.

Следовательно, столкновения рабочих с хозяевами по поводу старательских работ, как завершавшиеся обычно неповиновением властям, поддерживавшим золотопромышленников, должны были остаться в ведении губернаторов, а между тем, именно из дела о беспорядках на промыслах Томской губернии видно, что нельзя было отдавать судьбу рабочих в руки губернатора, являвшегося, вместе с тем, начальником алтайских горных заводов и, тем самым, тесно связанного с благополучием золотопромышленников.

Хотя в силу приведенного выше высочайшего повеления Горчаков был вынужден передать дело о томских беспорядках всецело Шленеву, все же результаты расследования, произведенного по его поручению двумя чиновниками, он не приминул сообщить министру внутренних дел, словно только для того, чтобы доказать необходимость принятия общих мер в целях упорядочения приисковой жизни, но в действительности, как можно полагать, Горчаков надеялся, что министр сумеет использовать итоги расследования в интересах рабочих, преданных суду. Всецело осудив действия тех лиц, которые ближе всех стояли к рабочим, Горчаков осудил и действия Шленева, высказав уверенность, что министр согласится, „сколь предосудительно было поведение гражданского губернатора, долженствовавшего оказать столько же справедливости, сколько и строгости, а не *потворствования явному злоупотреблению хозяев прииска*“. „Безрассудно было бы утверждать,— писал далее Горчаков,—что ссыльно-поселенцы, собирающиеся для золотоискательства, строгой нравственности и несклонны к своевольству; однако-же, чувство справедливости так впечатлено в сердце каждого человека, что бывшие досель беспокойства по большей части получали начало от притеснения хозяев или нарушения обещания по так назыв. старанию, коим при найме обыкновенно обольщали рабочих“. Так как рабочих нанимают обыкновенно не в месте их постоянного жительства, где путем известных формальностей, можно было бы зафиксировать условия найма, то разбирать споры о размере платы за старательскую работу крайне трудно. При потворстве местного начальства, хозяева рассылают приказчиков, которые ловят рабочих, кто где встретился, нередко беспаспортных, и „обязывают их подписанию на контрактах, заблаговременно и незаконно составленных, коих кондиции, по дошедшим жалобам, не всегда им даже вполне сообщаются“. В виду этого Горчаков предложил на рассмотрение сибирского комитета новый способ найма рабочих, удобный и несложный, против которого золотопромышленники, „привыкшие к своевольству и поныне пользовавшиеся сла-

бостью местного надзора, представляют разные возражения", а между тем, никакие меры укрощения рабочих не приведут к цели, пока не будут установлены справедливость и порядок.

Было удостоверено, что на Воскресенском промысле, принадлежавшем купеческой компании, рабочих обманывали при расчетах за старательские работы: вместо 2 р. 50 коп. за золотник общего золота и 3 р. 05 к. частного, им выдавалось за золотник первого — менее рубля, а второго — менее полутора рубля. На этих же промыслах рабочий, нашедший самородок золота в куриное яйцо, не только не получил причитавшегося вознаграждения, но был наказан ста ударами розог за то, что будто бы хотел украсть самородок. Контракты с рабочими были составлены не по закону (например, не указывалось число тачек песку, подлежащих разработке рабочими, а оставлялся пробел). Все это стало известным Канкрину, но он не попытался изменить свой проект учреждения военно-ссудных комиссий.

Государственный совет сузил сферу применения военного суда, указав, что если рабочих из числа ссыльных, в случае их неповиновения, „подвергать военному суду справедливо и нужно", то нет, однако, надобности предавать военному суду за подобные преступления рабочих „из свободных тамошних жителей"[1]— кроме случаев хищения золота, так как подобный порядок стеснил бы частную золотопромышленность, ибо в народе может распространиться мнение, что вольная работа на промыслах соединена с принуждением и никто не пойдет туда работать[2]).

Вскоре были открыты две военно-судные комиссии: одна — в Томске, другая в Красноярске[3]). А их творец, Шленев, так преследовавший рабочих, вскоре попал под суд „за разные упущения, беспорядки и злоупотребления"[4]).

Из сказанного выше мы видим, что для столкновения между рабочими и золотопромышленниками было больше, чем достаточно, поводов, причем положение власти при разрешении подобных споров как бы осложнялось тем, что она обычно имела дело с конфликтами на почве

---

[1]) Это изменение не было лишено известного практического значения, так как с течением времени ссыльные перестали составлять подавляющее большинство приисковых рабочих.

[2]) Мнение госуд. совета, высочайше утвержденное 6 июня 1838 г. Незадолго до того, 30 апреля 1838 г., было утверждено „Положение о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири", некоторые пункты которого были направлены к охране интересов рабочих.

[3]) Архив министерства внутр. дел, департамент полиции исполнительной, 1837 г., дело № 248 „О беспорядках, происшедших между рабочими на частных золотых промыслах Томской и Енисейской губ."— Ср.: *Ю. Гессен.* Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках Сибири (Архив истории труда в России. кн. 5). — *Семевский.* Рабочие на зол. промыслах, т. I, стр. 37—45.

[4]) Архив горного департамента; опись № 134, 1839 г., дело № 15/1841 „О бывшем томском губернаторе г. л. Шленеве, сужденном за разные упущения, беспорядки и злоупотребления".

применения принудительного труда, в данном же случае — пред нею были вольнонаемные. Вот почему уже рано сказалась необходимость установить твердо урегулированные взаимоотношения между хозяевами и рабочими. И изданное в 1838 г. „положение о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири“ уделило особое внимание правилам „найма и управления рабочих“.

По этому положению договор на наем рабочих мог быть зарегистрирован, либо заключаем без регистрации, но и хозяева, и рабочие предупреждались, что в последнем случае дела о неустойках не подлежат разбирательству со стороны правительства. Что касается зарегистрированного договора, то он должен был точно установить условия работы — место работы, срок ее, вопрос об одежде, о старательских работах и т. д., дабы золотопромышленник не мог требовать большего. Но, предоставляя свободу договаривающимся сторонам, закон все же оговорил, в интересах рабочих, что промывку золота нельзя производить после 10 сентября (по условиям климата), что в воскресные и праздничные дни соблюдается отдых, что рабочего нельзя заставить работать более, чем с 5 ч. утра до 8 ч. вечера с перерывом для обеда; с другой стороны, рабочие обязывались не утаивать золота. Далее законом было установлено, что условия составляются каждым работником лично на себя, они не могут распространяться на детей работника или на других лиц. Срок найма не может простираться долее одного года. По прошествии срочного времени, делается расчет между нанимающимся и нанимателем, и если он для обоих сторон кончен удовлетворительно, то наем может быть возобновлен при волостном правлении. Деньги, вперед выдаваемые, не должны превышать всей платы по договору, считая в том числе платеж податей и повинностей за нанятого; задатки же, выдаваемые ссыльно-поселенцам, не должны превышать 25 рублей, из которых при выдаче их взыскивается годовой оклад податей.

Однако, опыт показал, что договоры вообще были лишены реального значения, раз золотопромышленники, выдававшие при заключении договора задатки, не могли быть уверены, что нанявшиеся в действительности придут на работу. Поэтому закон 1838 г. предусмотрел известного рода полицейские меры. Он установил, что если из одного селения, волости или города нанято несколько человек, то им вменяется в обязанность отправляться на места работы артелями, поставив над собою в каждой артели одного старосту, с двумя или более помощниками, и вручая ему свои паспорта, с круговою порукою в неотлучке от артели. Староста властен наказывать всякое буйство нанявшегося, а городская полиция, волостные правления и смотрители поселений, в особенности сельские начальники, обязаны наблюдать, чтобы нанятые люди во время отправлялись на работу; в случае же просьбы со стороны нанимателей о высылке нанятых, местные начальства должны были оказывать им немедленное содействие. По прибытии на работу каждый работник через старосту отдает свой паспорт промышленнику, а взамен получает расчетный лист. Для сохранения внутреннего порядка между рабочими и для более

удобного производства самых работ, закон дозволял каждому промышленнику разделять своих рабочих на новые артели и в каждую артель назначать от себя старосту, а рабочие, со своей стороны, могли назначить двух выборных. Было воспрещено рабочим самовольно переходить с одного промысла на другой, а промышленникам принимать таких людей без надлежащих паспортов или билетов, или с такими документами, которые показывают, что пред'явитель подрядился уже у другого промышленника. Всякая уплата нанявшемуся (деньгами или вещами), равно как и вычеты, должны были вноситься в расчетный лист. По окончании найма работнику должно быть уплачено сполна то, что ему следует. Если работник из ссыльно-поселенцев, то пятая часть из наемной платы выдавалась не ему на руки, а старосте. Последний ему выдавал ее по возвращении домой. По окончании срока договора рабочие обязаны были артелями безостановочно следовать в места их жительства.

Этот закон явился, так сказать, результатом борьбы между кн. Горчаковым, охранявшим интересы рабочих, и министром финансов, стремившимся в целях развития промысла предоставить возможно большую свободу действий золотопромышленникам. И если закон имел недостатки, то все же он более охранял рабочих от эксплоатации, чем закон 1870 года [1]). Но само собою разумеется, что и после издания закона 1838 года рабочие весьма часто оставались беззащитными пред лицом золотопромышленников и их приказчиков. С другой стороны, они попрежнему нарушали заключенные ими договоры с промышленниками, вовсе не приходили на работу или убегали с нее.

Такая неустойчивость рабочей силы, составленной преимущественно из ссыльных, побудила управление Нижне-Тагильского завода Демидовых на Урале, ведавшее также золотыми приисками в Сибири, возбудить ходатайство о разрешении посылать с завода людей в Сибирь на золотые промыслы. Нижне-Тагильское управление указывало на то, что добыча золота и платины в россыпях, открытых при заводе, стала уменьшаться, доходы от завода сократились, а потому для пользы казны и самого завода желательно усилить поиски новых золотоносных месторождений и разработку уже открытых в Сибири россыпей; но на сибирских приисках приходится пользоваться услугами, главным образом, ссыльных не только при добыче песку и других простых работах, но также при установке промывальных работ, при хранении добытого золота и другого приискового имущества; опыт показал, что подобный порядок влечет за собою лишнюю трату времени и денег, а между тем на Урале у Демидовых имеется не мало людей, которые могли бы работать на сибирских приисках. И поэтому заводоуправление просило разрешения посылать в Сибирь на определенное время 50—100 человек, с согласия последних, с двойным жалованьем и с довольствием за счет завода [2]).

---

[1]) *Семевский.*

[2]) Н.-Тагильские рабочие были приобретены Демидовым на дворянском праве, но заводы были поссессионные, т. е. пользовались той или иной помощью со стороны казны, а потому рабочие считались собственностью не заводчика, а предприятия.

Министерство финансов не склонно было дозволить отсылку людей в широких размерах на прииски, опасаясь разлагающего влияния ссыльных, которое по возвращении уральских рабочих домой могло сказаться на местных рабочих массах. Но так как на сибирских приисках не хватало квалифицированных рабочих, то министерство согласилось на отправку только квалифицированных рабочих, которых требовалось сравнительно немного, причем установило ряд условий в защиту их интересов. Но государственный совет сосредоточил свое внимание лишь на одном пункте, а именно, чтобы перевод на прииски происходил с согласия самих рабочих, надлежащим образом заявленного. И именно в этом смысле состоялось постановление [1]).

В сороковых и пятидесятых годах сибирская золотопромышленность претерпела существенные изменения. Во многих местах богатые россыпи обеднели, приходилось либо бросать дело, либо приниматься за россыпи с меньшим содержанием золота, разработка которых требовала более высоких технических приемов и более дорогих приспособлений. Введение машин при промывке золота, а также значительно увеличившееся применение лошадиной силы вызвали изменения в распорядке приисковых работ, а вместе с тем отразились и на положении рабочих. Результат был тот, что, при сохранении прежней заработной платы, удлинился рабочий день и увеличилось в году число рабочих дней. Промывка золота, согласно положению 1838 года, должна была оканчиваться не позднее 10 сентября, и золотопромышленники в общем не нарушали этого закона в виду действительной невозможности вести работу после начала осенних заморозков. Но дорого стоющее техническое оборудование требовало возможно более интенсивной работы, и в связи с этим нарушался закон о праздничном отдыхе и о рабочем дне — последний вырастал иногда до 15—16 часов.

Изменяется также и порядок старательских работ. Закон 1853 года заменил старательские работы одиночек — артельными в целях возможности предупреждения утайки золота, так как при общей работе утайка становилась более затруднительной и рискованной. Но и старательские работы небольшими артелями, без употребления машин и лошадей, стали невыгодными, а потому они заменены были общими обязательными старательскими работами, и при том уже не только на промывке песков, но и на добыче их, и на вскрытии торфа; они превратились в непосредственное продолжение обязательных работ и, в конце концов, свелись к системе обязательных полуторных уроков. „Старание“ в прежней форме допускалось на некоторых приисках и при этом новом порядке работ, но при крайней продолжительности рабочего дня оно уже не могло иметь прежнего значения. Сохранение прежнего размера среднего годового заработка рабочего обуславливалось теперь повышенной поденной платой за

---

[1]) Архив государственного совета, департамент экономии, 1841 г., дело № 135 „О дозволении владельцам посс. заводов посылать в Сибирь заводских людей для зол. промыслов“.

выработку дополнительной половины урока в будни и обязательную работу в праздничные дни. И это отразилось на новых договорах промышленников с рабочими [1]).

Всего рабочих на сибирских частных приисках насчитывалось в 1846 г. около 30.000, в последующие годы число их несколько понизилось, а потом стало возрастать, дойдя в 1851 г. до 35.000, причем около четырех пятых приходилось на Восточную Сибирь (Енисейский округ), где золотопромышленность приняла форму более крупного производства. В Восточной Сибири на прииске собиралось до 150 человек и более, а в Западной — не доходило и до 100. Попрежнему численно преобладали ссыльные, но в меньшей мере, чем раньше: они составляли в 1849 г,—62⁰/₀ в Енисейской губернии, а на Томских промыслах—73⁰/₀. Прельщаясь слухами о больших заработках, на золотые промыслы стали тянуться крестьяне из Европейской России. В 1849 г. их насчитывалось в Енисейской губернии уже до 16⁰/₀, а на Томских промыслах 5—8⁰/₀. В дальнейшем же этот процент все больше поднимается, исчисляясь десятками.

При разбросанности и многочисленности приисков, на которых работали сравнительно небольшие партии рабочих, при разнообразии договоров между золотопромышленниками и рабочими, условия труда и жизни последних были, конечно, крайне разнообразны. Если в иных местах вводились меры, направленные к смягчению последствий тяжелой работы, то в других местах рабочие оставлялись на произвол судьбы. Золотопромышленники стесняли рабочих в праве приводить с собою семьи на прииски, что находилось в известной связи с вопросом о продовольствии, разрешение которого представляло некоторые затруднения. В тех случаях, когда хозяева разрешали семьям рабочих жить на приисках, жены и дети часто вынуждались выполнять какие-либо посильные им работы, получая за это вознаграждение. Однако, существовали и такие договоры, согласно которым жены и дети обязывались „производить всякие приисковые работы, наравне с мужчинами, получая жалованье и содержание“. В летнее время женщины и дети составляли не более 9⁰/₀ среди общего числа рабочих, но зимою случалось, что они составляли на прииске до 30%.

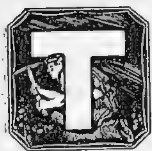
[1]) *М. Энгельгардт.* Из жизни сибирских золотопром. рабочих (Труд в России, Исторический журнал, 1925 г., кн. 1).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССИЯ.

НА СЕВЕРЕ.

Тяготение на север. — Рабочая сила на рудниках Медвежьего Острова. — Попытки насадить горное дело в Лапландии. — Условия труда в золотожильном Воицком руднике. — На Олонецких заводах. — Неповиновение приписных олонецких крестьян. — Приписка к заводам всего Петрозаводского уезда и освобождение других уездов от заводских работ. — Тяжелое положение петрозаводских приписных. — Их жалобы и отзыв генерал-губернатора. — Конфликт между гражданскими властями и горным начальством. — Посылка в Петрозаводск специальной комиссии для расследования нужд приписных крестьян. — Улучшение их положения. — Увеличение числа уроков с ростом приписного населения. — Записка губернатора об условиях труда приписных. — Новый порядок распределения работ. — Вознаграждение мастеровых.

Тяготение на север в поисках руды, обнаружившееся уже в конце 15-го века, когда была послана экспедиция к берегу р. Цыльмы, а затем возобновившееся в середине 17-го века и повлекшее за собой настойчивые попытки найти руду у Двины и Мезени, на Югорском Шаре, Новой Земле и других холодных островах, а также вновь на берегу р. Цыльмы [1]), это тяготение на север, питаемое, повидимому, какими-то сказаниями, а вместе с тем подкреплявшееся случайными счастливыми находками, с новой силой проявляется в 30-х годах 18-го века, когда рудное дело значительно шагнуло вперед по сравнению с той обстановкой, в которой работали экспедиции 15-го и 17-го веков.

Архангельские посадские, Федор Прядунов с двумя товарищами, получившие ранее право отыскивать свинцовую руду, об'явили в 1733 г. о найденной ими серебряной руде на необитаемом Медвежьем Острове (в Кандалакской губе Белого моря) и представили 35 фунтов выплавленного серебра, а также немного руды, которая была признана содержащей серебро. Для дальнейших розысков Прядунову и его товарищам выдали от казны 3.000 рублей, причем им обещали, если найдется серебрянная руда жилою или гнездом, заслуживающая разработки, заплатить за добытое серебро и сделать их участниками в прибылях будущего плавильного

[1]) См. выше, стр. 14, 15, 18.

завода. Местные власти обязаны были снабжать их военной охраной, подводами, порохом, хлебом и другими припасами, горными людьми и заводскими мастеровыми с олонецких заводов или из других мест. Дома Прядунова и его товарищей, а также их детей, были избавлены от постоя и т. д.; наконец, в виду отыскания серебра, их освободили от прежнего обязательства построить свинцовый завод. Сказанное свидетельствует, что правительство чрезвычайно заинтересовалось открытием и ожидало серьезных результатов. На Медвежий Остров были командированы вице-берг-мейстер Циммерман и унтер-штейгер Трейгер с тем, чтобы исследовать найденную руду и с прилежанием искать новую как на берегу, так и внутри острова, и искать не только сверху, но и „камень разбивать в довольной глубине“, а также побывать на материке против острова [1]).

Конечно, сразу же возник вопрос о рабочих. Местность была безлюдна, водворение их здесь было сопряжено с большими трудностями. В конце 1734 г. для более успешной разработки руды решили назначить крестьян из окружных мест, из государственных и монастырских селений, назначив им обычное поденное вознаграждение по плакату 1724 г. В ближайшей Порьегубской волости, в расстоянии пяти верст, всего числилось 67 душ мужского пола, но в наличии оказалось лишь 30, да и то считая увечных. Как и прочие крестьяне, они были обременены различного рода повинностями, и это вызывало опасение, что для горных работ не найдется людей. Бергмейстер того острова Детравес писал, что порьегубские крестьяне никогда еще не знали такой трудной работы, как горная, и что она является для них лишней по сравнению с обязанностями других крестьян. А поэтому генерал-берг-директориум исходатайствовал в 1737 г. чтобы крестьяне, взятые на заводскую работу, были освобождены от посторонних работ и определены в ведомство „тамошнего горного произведения“ [2]). Применить эту меру имелось в виду к значительному числу людей. Одновременно известный нам барон Шенберг, поставленный в 1736 г. во главе горного дела [3]), доложил императрице Анне, что для насаждения горного промысла в северной области нужны не столько деньги, сколько люди, которых на месте так мало, что если одну работу увеличить, то две другие надо остановить. А потому по его предложению было велено приписать к заводу на Медвежьем Острове из городов Кеми, Сороки и других до тысячи душ мужского пола с тем, чтобы подать за них уплачивал берг-директориум. Однако, рудник на Медвежьем Острове не долго разрабатывался. В 1741 г. его оставили, выбрав за все время 46 пудов серебра. В 1764 г. рудник был восстановлен, но не надолго, и с того времени к нему не возвращались [4]).

---

[1]) Первое собрание законов, № 6403 (15 мая 1733 г.), № 6370 (16 апреля 1733 г.), № 6444 (19 июня 1733 г.).

[2]) Первое собрание законов, № 7370 (10 сентября 1737 г.).

[3]) См. выше, стр. 61.

[4]) Первое собрание законов, № 7384 (25 сентября 1737 г.). — Географическо-статист. словарь, сост. *П. Семеновым.*

В это же время было начато дело в Лапландии. Архангельские купцы, Елизар с товарищами, сообщили, что в урочище Трех Островов, в 4 верстах от реки Русенихи (впадающей в Белое море со стороны Терского берега), найдена „весьма сильная“ медная жила, которая тянется более, чем на тысячу саженей. Это известие окрылило надеждами Шенберга. По его словам, место было удобное для завода и можно было ожидать, что найдутся еще новые дорогие руды, так как в других местах уже обнаружены серебряные и свинцовые жилы, и поиски продолжаются. Правда, в расстоянии 160 верст нет лесов, столь необходимых для получения угля, но его можно привезти из Архангельска. Однако, императрица не рискнула на такую затею — она приказала сделать предварительно опыт, чтобы убедиться, во что обойдется добыча.

Повидимому, в ту пору на севере распространилась рудоискательская горячка. Зная, что правительство, широко идет на помощь новооб‘явленным рудопромышленникам, местные жители занялись поисками не ради самого горного дела, а чтобы улучшить свое материальное положение, благодаря правительственным льготам. Так можно судить из именного указа Анны Иоанновны Шенбергу относительно Лапландских рудников, в котором говорилось, что если прежние рудоискатели для одного вида рудоискателями себя называют, ничего не делая, пользуются привилегией только для своей торговли, то об‘явить им, чтобы они трудились согласно дарованной им привилегии, в противном случае она будет отобрана, и они попрежнему, наряду с прочими купцами, будут употреблены в службу, т. е. привлечены к обременительным общественно-государственным обязанностям [1]).

Несмотря на свою осторожность императрица поддалась авантюрным замыслам Шенберга, ставленника ее фаворита Бирона, и в 1739 г. Шенберг основал уже известную нам берг-компанию, которая и получила монополию на разработку руды у р. Русенихи и в других местах. Рабочую силу этого горнозаводского предприятия должны были в принудительном порядке составить люди, платящие одну подушную подать, не имеющие других промыслов и торговли. В виду этого состоялась приписка крестьян, сравнительно близко расположенных, Двинского, Кевролъского и Мезенского уездов, посадов архиерейских и монастырских, причем они были обращены на работу не целыми волостями, а по раскладке, как при рекрутских наборах, — один из сорока душ шел на заводскую работу. Первоначально за свой труд они не получали вознаграждения на руки — за работу им зачитывалась подушная подать. Но затем порядок был изменен. Лапландские заводы после падения Бирона и от‘езда Шенберга за-границу перешли к берг-коллегии, которая, взяв в свое ведение приписных крестьян, обязана была собирать с них государственные повинности, что представлялось крайне затруднительным в виду дальних расстояний между селениями и бедности крестьян. Поэтому в 1744 году эта обязанность была возложена на губернское начальство, а за работу крестьяне

[1]) Первое собрание законов, № 7393 (3 октября 1737 г.).

стали получать от завода установленную плату наличными деньгами [1]). Впрочем, как можно полагать, Лапландские рудники вскоре были заброшены.

Одновременно с попыткой насадить горное дело в Лапландии, но с большим успехом, началась разработка Воицкого золотожильного рудника, открытого в 1737 году одним крестьянином у Выг-озера (в Архангельской губернии). В 1742 году казна стала разрабатывать здесь медную руду, а в 1744 году нашли „золотой металл“, и тогда был прислан для широкой разработки берг-мейстер Шамшев. Впрочем, уже вскоре золото поредело. К тому же подземные протоки реки Выг заливали шахту с такой силой, что воду не успевали отливать. На эту работу посылали во всякое время приписных крестьян, причем вместо полагавшегося одного рабочего наряжали двоих, и все же она была до крайности изнурительна. И она обходилась дорого, так как приписным (444 чел.) помимо плакатных денег выдавали ежегодно еще до 3700 рублей. Поэтому уже в 1764 году зашла речь о прекращении работы, тем более, что рудник все больше уклонялся под дно реки и приток воды был столь стремителен, что по словам одного специалиста даже машина не могла бы с ним справиться. В 1770 году казна прекратила эксплоатацию рудника. Несколько позже он вновь стал действовать. Но тяжелые условия попрежнему тормозили дело: с углублением шахты „кругообращение воздуха почти прекратилось... От сего рудокопы, не получая надлежащей пищи для дыхания, предварительно чувствовали утомление и ослабление сил; от стреляния порохом и горения свеч угорали так, что их должно было вытаскивать на поверхность, где для поправления их здоровья потребно было дать им отдохновение, освободить от всякой работы“. Вновь прерванная работа возобновилась в 1791 г., когда для отливки воды была поставлена „огненная“ (паровая) машина, а для снабжения горнорабочих воздухом был сделан „перпендикулярный шахт“ в 23 сажени. Но добыча слишком дорого обходилась, и рудник был в 1794 г. заброшен [2]).

После того, насколько известно, попытки насадить горное дело на севере не возобновлялись.

Мы уже знаем, что горнозаводская деятельность в Олонецком крае стала развиваться с самого начала 18-го века [3]), но с 20-х годов того же века она пошла на убыль, и тогда первенствующее место занял Урал. В свое время к олонецким горнозаводским работам привлекались государственные и монастырские крестьяне, а также посадские люди всего Олонецкого уезда. Это порождало двоевластие — общегражданское и заводское начальство вступало в конфликты из-за населения, обязанного заводскими работами, и сами приписные от того страдали. Поэтому

---

[1]) Первое собрание законов, № 7767 (3 марта 1739 г.), № 8871 (17 февраля 1744 г.), № 9091 (15 декабря 1744 г.), № 9148 (19 апреля 1745 г.), № 13493 (1 августа 1770 г.).

[2]) Горный журнал, 1826 г., кн. 2, стр. 75—84; кн. 7, стр. 129 — Географическо-статистический словарь, составл. *П. Семеновым.*

[3]) См. выше стр. 21—22.

в 1725 г. к заводам были приписаны государственные крестьяне только нескольких погостов Олонецкого уезда, а остальных освободили от заводских работ. Таким образом, власть была поделена: впредь приписные принадлежали всецело ведению одного только заводского начальства, прочие же поступали в распоряжение местной гражданской власти. Приписные, получая вознаграждение в размере, установленном плакатом, должны были как семигривенную подать, так и четырехгривенные деньги отработать на заводах [1]).

Приписные крестьяне служили вместе с тем источником для пополнения кадров постоянных рабочих, как олонецких, так и других заводов. За период 1727—43 годов были взяты „к горным работам на разные заводы вечно в бергауэры и в непременные работники" сперва по одному человеку с пятидесяти, а затем — по одному с двухсот двадцати, всего триста шесть душ. Из этого числа 50 человек были отправлены на вновь возникшие алтайские заводы. Такие наборы производились и позже. Напр., в 1745 году на Воицкий золотожильный рудник было отдано вечно в бергауэры 20 душ. Всего таким путем было взято 566 душ.

Впрочем, когда деятельность олонецких заводов развилась в 80-х годах 18-го века, то не только перестали брать отсюда мастеровых для других заводов, но начали переводить на олонецкие заводы мастеровых из разных мест. Из дел горного правления за 1785 г. видно, что часть мастеровых была снята с сибирских и Липецких заводов. А в 1813 г. в мастеровые олонецких заводов были перечислены 300 местных приписных крестьян, взятых в рекруты по набору [2]).

Что касается временных работ, то приписных брали по самым различным случаям. Напр., на Кончозерские заводы ежегодно с 1744 по 1758 г.г. шло по 919 человек, которым платили, согласно плакату, за зимние работы по 1 р. 20 к., а за летние — по 1 р. 50 к. и сверх того каждому давали единовременно по 20 рублей. Приписных привлекали и к добыванию руды из озер и болот (летом на плотах). Следует отметить, что добыча руды не требовала каких-либо специальных знаний. „По части добывания здесь руды никаких собственно-горных работ в точном значении этого названия не существует; рудокопных в недрах земли приисков и разработок, требующих искусных в этом деле познаний, приобретаемых только специальным изучением предмета, не производится; самая же руда, изобилующая в озерах и болотах, добывается самым простым способом, известным и доступным каждому местному крестьянину" [3]).

Обременительность горнозаводских работ усугублялась дальностью расстояния деревень от рудников, доходившего до 300 верст, — причем путь шел через озера и трудно проходимые места, а между тем у самих

---

[1]) Указ 31 мая. 1725 г. *Герман,* Историч. начертания горного производства в Росс. Империи (1810 г.), стр. 90—91.

[2]) Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 г., стр. 213.

[3]) Сообщение местного губернатора в 1852 г. Архив министерства внутр. дел, департамент полиции исполнительной, 1851 г., дело № 89.

рудников жили крестьяне, остававшиеся неприписанными к заводам. Чтобы поправить свое материальное положение, приписные крестьяне уходили на заработки, а свои заводские обязанности перелагали на подрядчиков, которым доплачивали [1]).

Ходатайства приписных об облегчении горнозаводского труда оставались без удовлетворения. Когда же, наконец, в 1769 г. вместе с увеличением подушной подати последовало общее повышение заработной платы [2]), олонецкие крестьяне пришли в движение. По новому правилу крестьяне должны были отрабатывать на горных заводах 1 р. 70 к., а вновь прибавленный рубль они могли вносить наличными деньгами. Но этот закон был истолкован в том смысле, что отрабатывать на заводе нужно только семь гривен, а всю остальную сумму, т.-е. 2 р. можно вносить наличными, что, конечно, значительно сократило бы размер обязательных заводских работ.

Но, как видно, среди приписных тлела надежда, что они будут совершенно освобождены от заводских работ, и они отнеслись с доверием к словам крестьянина Калистратова, который стал разглашать по погостам и волостям, что приписные впредь уже вовсе не должны отрабатывать на заводах подушную подать. Приписные отказались продолжать заводские работы. В Олонецкий уезд была послана (1770 г.) комиссия с целью расследовать дело, но ее деятельность не удовлетворила сенат, который хотел выяснить, действительно ли горнозаводские работы обременительны для крестьян. Тогда расследование причин беспорядков было возложено на новгородского губернатора Сиверса. Он нашел, что неповиновение было вызвано чрезвычайно тягостным и беспорядочным нарядом работников и поставкой материалов в самую рабочую сельскую пору, благодаря чему они лишаются главного источника средств; к возмущению толкнули крестьян также непорядки в заводском управлении. Но так как Сиверс не был лично на месте происшествий, его мнение не получило движения, и в Олонец направили генерала Лыкошина с тем, чтобы он старался привести крестьян в повиновение умеренностью и увещаниями. Он нашел, что волнения были вызваны тем, что старосты, официально выбиравшиеся всеми крестьянами, фактически ставились кулаками, волю которых старосты творили в ущерб прочим крестьянам. Несколько позже на месте был оглашен манифест, в котором возвещалось, что государыня отнесется милостиво к крестьянам, если они вернутся к исполнению своих обязанностей [3]). Но все это осталось безрезультатным. Крестьяне не впускали в свои деревни небольшие военные команды, которым Лыкошин поручал захватить зачинщиков, а некоторые команды были разбиты. Вскоре до 12.000 крестьян смирились, так как им было обещано рассмотреть их жалобы, но оставалось

---

[1]) Сборник Русского Исторического Общества, т. 115, стр. 123—127 (наказ 1767 г.).
[2]) См. выше стр. 127.
[3]) Первое собрание законов, № 13589 (3 апреля 1771 г.).

еще много непокорных. Всего крестьян насчитывалось 18.979 [1]). Тогда была прислана значительная вооруженная сила с двумя пушками. Сенат хотел, чтобы усмирение кончилось мирным путем. Но дело дошло до обстрела восставших, причем несколько человек было убито [2]).

Есть указание, что вместе с крестьянами бунтовали и мастеровые, и что причиною этого волнения явилось „малое знакомство с делом со стороны распорядителей, неумение их обращаться с народом и неудовлетворение рабочих своевременно платой [3]).

По прекращении беспорядков, многие из участников которых подверглись тяжким карам, в Олонецкий край отправился ведавший делами берг-коллегии обер-прокурор Соймонов, который и составил новый внутренний распорядок, причем в отношении крестьян сенат ему преподал следующие указания: при рубке дров и при вывозке руды платить за излишнюю переработку, не возвышая, однако, цены на материал; при распределении работ стремиться, чтобы это было выгоднее для казны „и крестьянам меньше тягостно“, хотя бы новый порядок не соответствовал прежним правилам. Вместе с тем, ему было поручено рассмотреть вопрос — не следует ли отписать от заводов одни селения и приписать другие, в зависимости от расстояния [4]).

Упомянутые беспорядки не только подорвали материальное положение крестьян, забросивших в ту пору свое хозяйство, но и плачевно отразились на заводских работах. Размер выплавки увеличился и качество ее улучшилось только тогда, когда стоявший во главе заводов Гаскоин получил широкие хозяйственные полномочия, чем он воспользовался, чтобы вместо жалованья сдельно оплачивать мастеров [5]).

Согласно манифесту 21 мая 1779 года все вообще приписные крестьяне были освобождены от добывания руды [6]). И тогда в Олонецком крае эта работа стала производиться вольнонаемными, преимущественно подзаводскими крестьянами [7]).

С течением времени опять дало себя чувствовать двоевластие, вредно отражавшееся и на работе заводов, и на положении крестьян. Поэтому, чтобы отделить горную часть от гражданской, по примеру Алтая и Урала, и тем устранить недоразумения между двумя властями, было велено (1805 г.) оставить при казенных заводах одних только приписных Петрозаводского уезда, а прочих освободить от заводских работ, причем

---

[1]) *Крамаренков* (приложение к его записке под литерою Л) указывает, что приписных крестьян и мастеровых было всего 19.380 (в 70-х годах).

[2]) Записка *Крамаренкова.—Соловьев,* История России с древнейших времен, кн. 6 (3-е издание, СПБург, „Общественная польза“), стр, 1019 и след. — *Семевский.* Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II (1901 г.), стр. 457—495.

[3]) *П. Холостов,* Краткий исторический очерк горнозаводского дела в Олонецком крае (Петрозаводск, 1874 г.).

[4]) Первое собрание законов, № 13712 (7 декабря 1771 г.).

[5]) *Дерябин,* стр. 142—147.

[6]) См. выше стр. 149.

[7]) Так, по крайней мере, было в 50-х годах 19-го века. См. Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 г., стр. 209.

взамен убылых (1345 душ) прибавить к прежним кадрам (16181 душа), бывших до того свободными, 2565 крестьян в Петрозаводском же уезде[1]), и эту массу приписных всецело подчинить одному лишь заводоуправлению.

Однако, указанное распоряжение не было приведено в действие. Применяясь ко вновь изданному положению 1806 г. о горных заводах Уральского хребта, олонецкие гражданские власти стали требовать, чтобы заводоуправления передали в их ведение приписных крестьян с тем, чтобы заводскому начальству принадлежало лишь одно право — распоряжаться трудом крестьян на самих предприятиях, а внутреннее и хозяйственное управление крестьянамио сталось бы в руках гражданских властей. Берг-коллегия на это согласилась. И тогда интересы горнозаводского и гражданского начальства пришли в столкновение. Гражданские власти, заботившиеся, главным образом, об исполнении крестьянами общих повинностей, не принимали мер к отсылке приписных на заводскую работу. Благодаря этому, напр., на Сундоозерский рудник из назначенных 99 душ пришло только 8, да и то четверо из них ушли; дровосекам нужно было приготовить 300 куч, а их явилось только для 85 куч, причем и те вскоре разошлись. Это должно было, конечно, отражаться на ходе заводской работы, и по докладу министра финансов сенат постановил (1807 г.) осуществить распоряжение 1805 г.[2]).

Таким образом, все крестьяне Петрозаводского уезда были переданы в полное распоряжение заводоуправления. Иначе говоря, раз гражданская власть была лишена права распространить на них свою опеку, то они, можно сказать, были всецело принесены в жертву интересам горных заводов. Стремясь лишь к тому, чтобы продукция была наиболее дешевой, горное начальство обычно игнорировало сельскохозяйственные нужды приписных, и следствием этого являлось переобременение их трудом и вообще нарушение установленных правил. К этому присоединились вскоре злоупотребления, поборы со стороны отдельных чинов заводоуправления. И уже в 1811 г. приписные выступили с открытой жалобой[3]).

С каждым годом положение приписных ухудшалось в виду непрерывно возраставшей общей дороговизны. В 1819 году они подали жалобу Александру I, в которой указывали, что, платя одинаковые подати с прочими государственными крестьянами, они обязаны выполнять горнозаводские работы в том размере и при тех же условиях, как в других горных районах, причем ежегодный урок, за который они получают по 1 р. 70 к., им обходится, при найме за себя людей,—угольный в 25 рублей, рудный в 12 рублей. А новгородский генерал-губернатор подтвердил, что приписные находятся в крайне печальных условиях и что необходимо облегчить их участь. Помимо низкой заработной платы, их приводила в мате-

---

[1]) Первое собрание законов, № 21617 (10 февраля 1805 г.).

[2]) Архив горного департамента (опись № 65), 2 отд., 4 ст., 1806 г., дело № 16/55 „О беспорядках, произведенных приписными к Олонецкому заводу крестьянами“.

[3]) Архив горного департамента, 1 ст. (опись № 117), 1814 г., дело № 19/107 „По жалобе приписанных к Олонецким заводам крестьян на притеснения их заводским начальством“.

риальное убожество трудовая перегрузка. Горное начальство, по заявлению генерал-губернатора, не пеклось о приписных и налагало работы даже на увечных. Жалоба, которой государь велел дать ход, и донесение генерал-губернатора, обратившее на себя внимание в столице, заставили горное начальство напрячь все усилия, чтобы доказать свое доброжелательное отношение к приписным. Оно заявило, что хотя приписных— от 18 до 20 тысяч душ, на горнозаводскую работу берут только 10000 душ, — да и то многие из них не являются к сроку, — остальную же работу приходится выполнять вольнонаемными. Но это стало крайне тягостным для заводов, так как вольнонаемный труд, благодаря общей дороговизне, возрос с 1794 года в четыре раза (с 5 руб. за известную работу до 20 руб.). Чтобы заставить приписных являться к сроку на работу, заводоуправление стало нанимать вместо них вольнонаемных, насчитывая на приписных переплаченную сумму. Но крестьяне были слишком бедны, чтобы выплачивать такие деньги, и за последние шесть лет эта недоимка достигла 148000 рублей. Впрочем, горное начальство сознавало, сколь убыточной была для крестьян горнозаводская работа, оплачивавшаяся по давней расценке. И оно предложило, в виде компенсации, освободить приписных от рекрутских наборов и списать с них упомянутую недоимку. Но отказаться от приписных заводоуправление не соглашалось, так как без них дело должно было бы остановиться в своем развитии.

Жалоба крестьян и донесение генерал-губернатора вызвали оживленную междуведомственную переписку, не лишенную полемической запальчивости, и постепенно всплыл вопрос об общем преобразовании быта горнозаводских крестьян. Но это грозило долгой задержкой, вследствие чего государь (в начале 1822 г.) предписал министру финансов принять меры к ближайшему облегчению участи петрозаводских приписных, если нельзя в скорости разработать новое общее положение о приписных. В связи с этим появились различного рода предложения о частичном изменении условий труда петрозаводских крестьян. Однако, горное начальство, поддерживаемое министром финансов, и гражданское вели свои линии в противоположных направлениях, и дело не близилось к концу. Поэтому для рассмотрения жалобы приписных во всех подробностях в 1825 году была образована специальная комиссия из представителей министерства внутренних дел, горного департамента, заводоуправления и генерал-губернатора, которая должна была работать в Петрозаводске [1]).

Положение приписных — в известной связи с вопросом о земельных наделах [2])—до того обострилось, что комиссии было поручено прежде всего

[1]) Архив горного департамента (опись № 65), 2 отд., 3 ст., 1819 г., дело № 156/275 „О положении приписных к Олонецким заводам крестьян и их обязанностях в отношении к сим заводам".

[2]) Вопрос о наделении олонецких приписных крестьян землею не раз привлекал к себе внимание правительства. В 1821 г. было раз'яснено, что в отношении владения землею они пользуются такими же правами, как и прочие (Первое собрание законов, № 28569). В 1823 г. рассматривалась их просьба о наделении землей — (архив горного департамента, 2 ст., 1823 г., дело № 66/109, по описи № 117, см. также тот же архив, 2 отд., 3 ст., 1834 г., дело № 278/799). Второе собрание законов, № 6232.

заняться временным облегчением в их „стесненном состоянии“, а уже потом — их будущим устройством. Комиссия обязана была ознакомиться на месте с условиями труда и быта приписных. Комиссия приступила к работе в середине 1825 года, но уже вскоре — „действия ее были затруднены несообразными требованиями и претензиями членов“. Эта аттестация членов комиссии, принадлежавшая министру финансов, свидетельствовала о его глубоком возмущении. И действительно, министр финансов, как начальник горного ведомства, имел все основания быть недовольным представителями министерства внутренних дел. Дело в том, что горное начальство заверяло, что приписным вовсе не плохо живется, иначе они не смогли бы нанять вместо себя тридцать шесть рекрутов. Но представитель министерства внутренних дел сообщил своему начальству, что положение приписных вовсе не так хорошо. И чтобы составить ясное представление об их фактическом положении, он возымел желание об‘ехать селения приписных и удостовериться в справедливости их жалоб. И тут между двумя ведомствами — министерством финансов и внутренних дел — возникло одно из тех столкновений, которые можно часто наблюдать в истории рабочих. Министерство финансов оберегало в данном случае производственные интересы заводов, а министерство внутренних дел, в целях предотвращения возможных волнений, не могло не считаться с материальными нуждами приписных. Министр финансов решительно выступил против бесед с приписными, против принятия от них жалоб — что может вызвать „дух недовольства“, — достаточно прислать в комиссию депутатов от волостей и собрать сведения от местной власти.

Между тем, деятельность петрозаводской комиссии действительно стала вызывать дух недовольства, но не среди приписных, а среди мастеровых (жизнь мастеровых во всех горных районах была до того тяжела, что судьба приписных обычно представлялась им крайне заманчивой), — они выступили с различного рода просьбами. Это привело к тому, что комиссии был назначен короткий срок для завершения работы, причем она должна была обязать депутатов от приписных (со взятием подписки) об‘явить по селениям, что правительство, собрав нужные сведения, не преминет оказать приписным „пособие“, удовлетворить их законные требования. А мастеровым комиссия должна была об‘явить, что их просьбы будут рассмотрены. Пока же пусть все остаются в спокойствии [1]).

По возвращении в Петербург комиссия занялась составлением окончательного отчета. Она возбудила вопрос об освобождении приписных крестьян от заводских работ и о переходе к вольнонаемному труду (через подрядчиков). Но министр финансов восстал против этого проекта, так как изготовление заводами военного снаряжения требует уверенности, что они будут обеспечены теми припасами, которые доставляются приписными крестьянами, между тем при слабой населенности края нельзя рассчитывать,

---

[1]) Архив министерства внутренних дел, департамент полиции исполнительной, 1825 г., дело № 143. „О приписных к Петрозаводским заводам крестьянах“. — Журнал комитета министров, 1826 г., № 1009.

чтобы нашлось необходимое число вольнонаемных людей, да еще по умеренной цене. Речь зашла также о введении непременных работников, как на Урале, где известное число приписных крестьян обратили на постоянную горнозаводскую работу, а прочих навсегда освободили от нее. Но и это предложение оказалось неосуществимым, так как не было земель, которыми нужно было бы наделить непременных работников, а водворение последних при заводах было бы для крестьян тягостно [1]).

Таким образом, общее положение горнозаводских крестьян не изменилось. Но их материальные нужды были в известной мере удовлетворены. Прежде всего уменьшился размер обязательной работы, т.-е. число уроков. Крестьян освободили от работы за умерших и отданных в рекруты, они должны были отрабатывать только за увечных и за своих должностных лиц. И на этом основании, чтобы устранить всякие споры, назначалось, впредь до будущей ревизии, ежегодно 10083 урока, каковое число составляло половину числа душ, значащихся по последней ревизии. Далее, в соответствии с возвышением курса серебр. рубля, каждый рубль прежней платы был увеличен до 3 р. 70 к., и так как крестьяне получали до того времени по 1 р. 70 к. за урок, то впредь плата была доведена до 6 р. 30 к.; применительно к этому расчету вознаграждение за проход к заводу было увеличено с 3 копеек до 10-ти, и то же — за обратный путь домой. Прибавка на всех приписных крестьян составила, таким образом, более пятидесяти тысяч рублей. Наконец, распределение работ между крестьянами, в зависимости от того, что одна была тяжелее другой, правительство предоставило самим крестьянам.

Что касается многообразных жалоб со стороны крестьян, то хотя многое в жалобах было признано не соответствующим действительности, все же они были подробно расследованы, чтобы таким путем выяснить фактическое положение приписных [2]).

Между тем, петрозаводских приписных ждало новое испытание. Мы видели выше, что работы, возлагавшиеся на них, были рассчитаны на половину числа приписных, отмеченных ревизией, следовательно, когда в 1833 г. об'явлена была новая ревизия (восьмая), пред приписными встал вопрос — не увеличится ли число уроков в связи с естественным ростом приписного мужского населения. Действительно, новая перепись установила большее число душ: вместо прежних 20.166 — 22.475 мужчин, а потому число уроков должно было быть увеличено с 10.083 до 11.237. Среди приписных более половины было престарелых, малолетних и увечных, к тому же неурожаи привели приписных в тяжелое состояние — они не имели даже достаточного пропитания. Поэтому заводское начальство,

---

[1]) Второе собрание законов № 1916 (3 апреля 1828 г.). Ср.: Архив горного департамента, 2 отд., 3 ст. (опись № 65), 1825 г., дело № 208/769 „Назначение на Олонецкие заводы комиссии об улучшении состояния приписных крестьян“ (три тома); 1828 г., № 239/1210 „Об улучшении состояния приписных к Олонецким заводам крестьян“.

[2]) Архив горного департамента (опись № 117), горный суд, 2 ст., 1830 г., дело № 113/281 „По жалобам приписных крестьян и т. д.“ (дело дефектное, сгнили края страниц).

зная, как трудно было привлекать приписных к выполнению работ, предложило, не увеличивая уроков, оставить прежнее число. Но горный совет воспротивился этому, так как вольнонаемный труд, которым пришлось бы частично заменить труд приписных, был сопряжен с большими расходами. И министр финансов стал на сторону горного совета, сделав небольшое послабление, а именно, увеличив число уроков не с 1834 г., а с 1835 г. [1]).

В самом начале 50-х годов опять произошло открытое столкновение между гражданскими властями и горным начальством из-за приписных крестьян. Губернатор, кн. Долгоруков, указывал, что, с одной стороны, добывание руды в тех элементарных формах, в которых оно сложилось в Олонецком крае, не нуждается в горном надзоре, с другой же стороны, горнозаводские обязанности дорого обходятся приписным. Всех приписных насчитывалось 24.000 душ, а потому на них было возложено 12.000 уроков с таким расчетом, чтобы в первый год они выполняли легкую работу, второй год — среднюю, а третий — тяжелую. При найме за себя вольнонаемных работников крестьяне доплачивали им сверх плакатного вознаграждения: за легкую работу — $1^1/_2$ р. сер., за среднюю — 4 р., а за тяжелую — 5 р., т. е. за всю работу — по 10 р. 50 к. сер. Иначе говоря, они выплачивали за 12.000 уроков в течение трех лет 120 тысяч рублей. Это столь тяжелое положение было бы облегчено, если бы приписные могли передавать свою работу любым охотникам, так как при конкуренции цена на работу понизилась бы. Но горное начальство разрешало передавать работу только определенным лицам, — это были богатые, смышленые крестьяне, которые, став, благодаря горному начальству, в монопольное положение, назначали приписным высокие цены за исполнение их работы, а самую работу передавали бедным крестьянам по низкой расценке и, таким образом, в качестве посредников, наживались на приписных. Далее Долгоруков обратил внимание на то, что предоставление приписным права распределять между собою работу не достигает цели, так как при распределении присутствует представитель горного начальства, который давит на волю собрания, — между тем, на Алтае распределение работ происходило в отсутствии не только горного начальства, но и старшин.

Записка Долгорукова, обрушившегося резкой критикой на все горное производство в Олонецком крае, не привела к тому, чего добивался Долгоруков,— сосредоточения в лице губернатора как гражданской власти, так и горной, но записка побудила горнозаводское начальство облегчить условия труда приписных [2]).

---

[1]) Архив горного департамента (опись № 65), 2 отд., 3 ст., 1834 г., дело № 255/717 „О расположении на приписных крестьян заводских работ".

[2]) Архив министерства внутренних дел, департамент полиции исполнительной, 1851 г., дело № 89. „О воспрещении олонецкому губернскому правлению вмешиваться в дела крестьян тамошних горных заводов".

Отметим, что на Алтае совмещение власти губернатора и горного начальника в одном лице не обеспечило рабочих от притеснений.

С десятой ревизии, произведенной в 1856 году, число уроков повысилось до 12.479. Эта работа стала непомерной, а так как первая попытка заводского начальства сохранить старое число уроков, как мы видели, не удалась, то, чтобы облегчить бремя увеличившихся уроков, заводское начальство внесло в распределение работ следующие изменения: оно стало располагать две трети уроков на легкие работы и одну треть на тяжелые, так что два года приписное селение было занято вывозкою руды (легкая работа), а третий год — рубкой дров и вывозкою угля (тяжелая работа). Передача работ была разрешена, но только крестьянам того же уезда [1]).

Что касается мастеровых, то в использованных нами источниках о них имеются весьма скудные сведения, быть может, потому, что недовольство мастеровых легко подавлялось благодаря их малочисленности. В 1858 г. при Александровском заводе насчитывалось: полных рабочих—953, несовершеннолетних, престарелых и увечных—794; при Кончозерском заводе соответственно — 60 и 76.

Окладное жалованье мастеровые получали мукою по 90 коп. ассигнациями за пуд, хотя действительная цена ее была выше, — разницу между номинальной и настоящей ценами заводы принимали на свой счет. Таким образом, согласно окладу жалованья, мастеровые получали провиант в следующем размере:

	Годовое жалованье в рублях и коп. *серебром.*	Мука в пудах и фунтах ежемесячно.
Мастер 1-го разряда	28.57	9.5
„ 2-го разряда	17.14	5.17
Подмастерье	11.42—17.14	3.28 — 5.17
Работник от 21 г.	8.85	2.32
Ученик	10.28—13.71	3.10 — 4.14
Подросток от 12 до 21 г.	7.84	2.19
Малолетки от 7 до 12 л.	0.74	2.10
Полумалолетки от 2 до 7 л.	—	0.36

Сверх окладного жалованья мастеровые получали сдельную плату, в зависимости от усердия и способностей, не менее 3 руб. и не более 15 руб. в месяц. В отношении работ и сдельной платы мастеровые составляли артели, которые в конце каждого месяца производили расчет между участниками.

За время пребывания в госпитале с мастеровых удерживалось $2^1/_2$% со сдельной платы [2]).

---

[1]) Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 г., стр. 202.

[2]) Памятная книжка Олонецкой губернии на 1860 г. стр. 213—214.

ВНУТРЕННИЕ ГУБЕРНИИ.

Слабое развитие горнозаводского дела. — Численность горнозаводских предприятий и рабочих. — Волнения среди горнозаводских крестьян. — Описание работы на Всежонском руднике. — Позднейшие статистические данные. — Волнения среди рабочих в связи с ухудшившимся состоянием горнозаводских предприятий.

Горное дело во внутренних губерниях, столь рано возникшее [1]), не могло развиться так сравнительно быстро и широко, как на Урале, где было такое обилие лесов, потребных для изготовления угля. Если известный тулянин Демидов обосновался в начале 18-го века на Урале, то именно потому, что необходимость охранить во внутренних губерниях редевшие леса мешала ему насадить горное дело на родине. А в 1754 г. состоялось даже распоряжение об уничтожении ряда заводов в районе двухсот верст от Москвы [2]).

Из нижеприводимой далеко не точной таблицы [3]) мы увидим, каково было в 70-х годах 18-го века в тогдашних губерниях, составлявших московский горный округ, число частных горнозаводских предприятий, и какова была в приблизительных цифрах их п р и н у д и т е л ь н а я рабочая сила в лице собственных и купленных крестьян.

Указанное в таблице число собственных и купленных горнозаводских крестьян было недостаточно для обслуживания предприятий, а потому большая часть работ выполнялась вольнонаемными, приходившими с паспортами [4]). Таким образом, принудительная горнозаводская рабочая сила не была во внутренних губерниях столь многочисленна, как на Урале, но она жила более густо, в большей близости с другими крестьянами, благодаря чему волнение, вспыхнувшее в одном месте, легко перебрасывалось в другое, и этим об'ясняется, что мы рано встречаемся с бурным движением среди местных крестьян, работавших на горных заводах.

В 1751 г. заводчик Никита Демидов купил у князя Репнина имение в Обоянском уезде, Курской губернии. Но когда прибыли власти, чтобы зафиксировать переход крестьян к новому владельцу, крестьяне оказали сопротивление и по случайному стечению обстоятельств они были освобождены от Демидова. В следующем году очередь наступила для калужских крестьян заводчика Евдокима Демидова, который подал нижеследующую жалобу: „В Калужской провинции куплена отцом моим у графа Головкина к железным нашим заводам волость Ромодановская; из крестьян этой волости треть, обученные мастерству, всегда находилась в той провинции на наших заводах, другая треть на Сибирских заводах, остальные на пашне. В 1741 г. эта волость откладывалась от нас и крестьяне многие

---

1) См. выше, стр. 14, 15, 21.

2) Первое собрание законов, № 10285 (30 августа 1754 г.).

3) Приложение к записке Крамаренкова под литерой *Л.* Данные за 1766 и 1767 гг., — см. *Чулков.* Историческое описание Российской Коммерции, т. VI, кн. II, стр. 598—615.

4) *Чулков.*

ЗАВОДЫ.	Год возникновения.	Домны.	Печи.	Мастеровые и рабочие.	Владельцы.
Воронежская губерния.					
Унженский	1755	1	6	41	Баташевы.
Еремшинский	1754	1	5	539	Кн. Репнин.
Ряпкинский	1719/22	1	3	116	Шапкина.
Авгарский	1754	1	6	378	Миляков.
Сивинский	1726				
Бердецкий	1763	1	2	—	Богданова.
Репецкий	1753	1	2	—	Орехов.
Инсарский	1754	1	2	66	Никоновы.
Выдревский	1755	2	8	118	Баташевы.
Толычевский	1754	1	2	22	Римский-Корсаков.
Белгородская губерния.					
Бытошевский	1751	1	2	77	Масалов
Людиновский	1755	—	8	559	Евд. Демидов.
Любохонский	1755	1	1	458	Гончаров.
Радицкий	1752	1	2	153	
Московская губерния.					
Дугненский	1715	2	4	889	Евд. Демидов.
Непложский	1740	1	2	323	И. Масалов.
Угоцкий	1738	2	1	705	Граф Шувалов.
Есенковский	1756	1	8	144	Ал. Демидов.
Быровский	1768	2	4	—	
Брынский	1726	—	10	510	Демидов.
Мыжевский	1729	1	1	66	А. Масалов.
Истинский	1733	1	2	12	Матрена Шувалова.
Ист.-Залипяжский	1716	1	4	366	
Песочинский-Верхний	1745	1	4	924	Гончаров.
Песочинский-Нижний	1752	—	4		
Песочинский	1748	1	—	—	
Серенский	1756	—	10	108	Баташевы.
Дубенский	1740	1	2	15	Масаловы.
Гусевский	1759	1	9	435	Баташевы.
Черепецкий	1757	1	4	—	Попов.
Соловский	1763	1	2	20	Сатин.
Нижегородская губерния.					
Выксунский	1766	2	8	300	Баташевы.
Велетьминский	1773	—			

противность показывали, приказчика нашего до смерти убили; а в нынешнем апреле месяце, с третьего числа, та же Ромодановская волость самовольно от нас отложилась, воду из заводского пруда крестьяне всю выпустили, держащиеся в огне угольные дровяные кучи оставили, все люди разошлись, заводские работы остановились и крестьяне посланных к себе в деревни не пускают. Услыхав об этом самовольстве, крестьяне той же волости, обученные разным мастерствам и находящиеся на наших Брынских и Дугненских заводах, многие, покинув работы, ушли в свою Ромодановскую волость, а от этого многие работы остановились".

Между возмущением крестьян Репнинского имения и Ромодановской волости была непосредственная связь. Репнинские крестьяне говорили ромодановским: „Мы в челобитных писали, что Демидов грозил нас размучить и тем от него отошли, — и вы пишите, что знаете". Местный солдат обучал возмутившихся крестьян воинским приемам, и из Калуги видно было, как они упражнялись. Вооружались не только мужчины, но и женщины, переодевшись в мужское платье. Отряд в 500 солдат был разбит,— а его полковник взят в плен; многие из отряда умерли от ран, среди крестьян было 59 убитых. Тогда прибыл бригадир Хомяков, который подавил несколько ранее волнения в Малоярославском уезде среди фабричных крестьян. Ему было велено действовать против крестьян так, как против неприятеля — жилища их выжечь и стрелять из пушек и, „всею командою наступая, бить и разбирать по рукам всех без остатку, чтобы то их зло как наискорее искоренить, и поступить с ними без всякого послабления". Крестьяне вышли против него, крича, что они не противятся государыне и что если их не отдадут Демидову, то станут спокойными. Хомяков поджег некоторые деревни и пошел на село Ромодановское. Двести крестьян были захвачены, а остальные разбежались и образовали вооруженные шайки. За слабые действия Хомякова отдали под суд, а присланный на его место генерал Опочинин схватил 674 человека. Восемь человек зачинщиков были отосланы на уральские заводы Демидова для самых тяжелых работ. Жалобы крестьян на мучительства со стороны Демидова были признаны лживыми, так как 257 мастеровых и рабочих опровергли их.

Пять лет спустя крестьяне Евдокима Демидова в Алексинском и Лихвинском уездах хотели отложиться от него, и опять пришлось прибегнуть к вооруженной силе, чтобы их усмирить [1]).

В Воронежской губернии имелось три казенных завода (единственные в Московском округе) — Липский, Боренский и Козьминский. Заводские мастеровые происходили из мещан и однодворцев, а часть их была взята с Тульского и олонецких заводов. Для вспомогательных работ и для копания руды было приписано около 8000 однодворцев и почти тысяча каких-то помещичьих крестьян и дворовых людей, вероятно, откупленных у частного лица. В 1755 г. завод был передан князю П. И. Репнину с мастеровыми, рабочими и их детьми в вечное потомственное

[1]) *Соловьев*, История России с древнейших времен, кн. 5 (издание третье), стр. 686—88, 1025.— Записка *Крамаренкова*.

владение, кроме однодворцев, помещичьих крестьян и дворовых, а также рабочих с олонецкого завода. Рабочие и мастеровые, в числе 928 душ, должны были работать только на этих же заводах. В случае недостатка Репнин мог пользоваться трудом своих крепостных и вольнонаемных. С переходом заводов к Репнину положение мастеровых ухудшилось. Плата была уменьшена, ее часто выдавали не деньгами, а изделиями. Мастеровых заставляли копать руду, лишали свободного времени, которым они пользовались при казенном управлении, заставляли дважды уплачивать подушную подать, растраченную приказчиками, неугодных рабочих сдавали в рекруты и т. д.

Уже в 1760 г. поверенный мастеровых Куприянов подал жалобу, прося вернуть их в казенное ведомство, но это привело к тому, что на заводы прибыла военная команда для экзекуции. В 1762 г. тот же Куприянов возобновил жалобу, но власти не взяли мастеровых под свою защиту, и тогда в Петербург отправился новый поверенный. Однако, и это закончилось присылкой военной команды. Тогда около ста рабочих явились в Воронежскую губернскую канцелярию и заявили, что не будут работать у Репнина. В апреле 1766 г. сенат представил Екатерине II доклад о том, чтобы Куприянова и других зачинщиков наказать плетьми и сослать с семьями на Нерчинские заводы, каковая кара, по словам сената, применялась на уральских заводах, а скопом пришедших в Воронежскую губернию наказать плетьми. Екатерина признала, что вообще Куприянова с товарищами следует наказать, а прочих увещеванием привести в послушание, в случае же неуспеха — наказать. Но при этом она приказала новому губернатору расследовать причины возмущения, не нарушены ли в отношении мастеровых законы, „понеже без крайности люди до крайности редко доходят“.

Хотя Куприянов доказал правдивость своей жалобы, его с товарищами подвергли публичной каре и отправили с семьями в Сибирь (45 взрослых и 19 детей). Рабочие продолжали упорствовать. Были вызваны войска. Но дело до кровопролития не дошло. В августе 1768 г. выяснилось, что непослушание было вызвано, главным образом, притеснениями со стороны заводских приказчиков и благодаря им волнение продолжалось. Поэтому Репнину секретно дали знать, чтобы он „без нарушения собственной пользы постарался принять заблаговременно такие меры, благодаря которым рабочие не имели бы прямых причин к жалобам, а для большего успокоения отрешил бы нынешних своих управителей и определил других, если только от этого не произойдет заводам его какого вреда“. А вскоре затем заводы вновь перешли в казенное управление, чего так добивались рабочие [1]).

Путешественник Паллас оставил описание работы на Вежонском руднике, расположенном на дачах Выксунского завода Баташева (в Ардатовском уезде, Нижегородской губернии). „Холмистое место, в кото-

---

[1]) *Соловьев,* кн. 6, стр. 292 и 405.— *Семевский.* Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 1 (2 издание 1903 г.), стр. 487—496.

ром ныне добывают железную руду, вблизи речки Вежонки, находится в средине леса, который рубят на дрова для пережигания руды, почему и нарочито вокруг опустошен. При оном месте построены жилые связи для надзирателя и работных людей. Работа производится совсем непорядочно. Для снискания железной руды везде копают наудачу иловатую, светлосерую и желтоватую с вохрою смешанную землю, и находят руды в глубине от пяти до семи сажен, и тогда идут во все стороны, не обивая стен у ямы досками и не ставя подпор под висящую подрытую землю, почему нередко давит работников обрушившаяся земля... На том же месте валят руду на складенный из сосновых плах костер, и так оную пережигают, причем, конечно, не имеют помышления о сбережении дров. Пережженую руду отчасти отвозят в находящийся по близости, а отчасти в отдаленные плавильные заводы. Впрочем, кажется вся сия страна рудою богата, и прежде, нежели нашли сей богатый рудник, добывали руду за 20 верст выше к Оке и еще версты на четыре от реки, при деревнях Черной и Песочной, и сказывают, что прежнего гораздо хуже была“ [1]).

В дальнейшие десятилетия численный состав рабочей силы в общем мало изменился, и, вероятно, вольнонаемный труд продолжал играть прежнюю роль.

По сведениям, относящимся к 1807 г. [2]) — в районе Московского горного округа находилось следующее число чугуноплавильных и железоделательных заводов и заводских крестьян:

Губернии.	Число. заводов	Число завод. крестьян.
Калужская	9	3269
Орловская	2	505
Тульская	2	864
Вологодская	3	448
Пензенская	3	1138
Нижегородская	4	1172
Тамбовская.	4	1410
Владимирская	2	1265
Рязанская	6	1954
	35	11325

По официальным данным, собранным в 1828 г., но относящимся преимущественно к седьмой ревизии, т.-е. к 1811—15 годам [3]), кадры

[1]) *Паллас*, Путешествие по разным провинциям Рос. Империи (изд. 1809 г., ч. 1), стр. 60—61. — О Выксунском заводе см.: *Лепехин*, Дневные записки путешествия, т. 1 (2 изд. 1795 г.), стр. 48—49.

Ср.: *С. Архангельский*, Очерк социальной истории промышленного пролетариата Выксунского района (Архив истории труда в России, кн. 10).

[2]) Архив горного департамента, 2 отд., 3 ст., 1807 г., дело № 16/949 „О доставлении сведений по заводам в ведении московского горного правления“.

[3]) Архив истории труда в России, книга 2, стр. 148—149 (архив горн. департ., 1 ст., 3 отд., 1820 г., дело № 13).

принудительных рабочих в Московском горном округе представляются в следующих цифрах, впрочем, недостаточно верных — здесь не отмечены все имевшиеся заводы.

Калужская губерния.

Верхний и Нижний Песочинские (Голынских) — 775 крепостных и 25 казенных приписных.

Песочинский (купцов Масловых) мастеровых 50.

Серенский — мастеровых 154.

Дугненский (Лаврова) — мастеровых и рабочих людей 475.

Иншевский (кн. Бибарсова) — мастеровых 94.

Ханинский (купца Ивана Засыпкина) — на праве заводском крестьян 778, и них мастеровых 138.

Богдано-Петровский (его же) — крестьян 770.

Людиновский и Сукрешенский (Мальцова) — мастеровых и рабочих людей 1300.

Билибиных — по найму из соседних деревень.

Сепетско-Ивановский — мастеровых и крестьян 283.

Орловская губерния.

Любохонский — 361 крепостной.

Радицкий — 955 крепостных.

Бытошевский и Петровский (купцов Мельниковых) — 238.

Рязанская губерния.

Непложский (Масалова) — мастеровых 244.

Кирицкий (Генике)—по ревизии 274 крестьянина, на заводском праве 37, на помещичьем 5 крестьян, на заводском праве мастеровых 202.

Истьинско-Залипяжский (Полторацкой) — мастеровых 263, крестьян 316.

Сынтульский — мастеровых 96, крестьян 167.

Еремшинский — мастеровых 601, крестьян 446.

Мердушенский — мастеровых 152, крестьян 301.

Прапорщика Яблочкова — по найму из соседних деревень.

Пензенская губерния.

Ряпкинский (купца Шапкина) — мастеровых 371.

Сивинско-Авгарский (купца Манухина) — штатных мастеровых 760, не поступивших в штат 34.

Тамбовская губерния.

Виндревский (Очкиной) — 525 душ.

Унженский (Шепелева) — 323 мастеровых.

Тульская губерния.

Дубенский (Масаловых) — 29 крестьян.

Владимирская губерния.

Гусевский— „на праве заводском 967 мастеровых, на праве помещичьем 642 крестьянина, в том же заводе живущих, а по ревизии числящихся при деревне Малышевой крестьян 144“.

Верхне-Унженский — мастеровых 67, крестьян 110.

Железницкий — 938 мастеровых.

Нижегородская губерния.

Илевский — мастеровых 345, крестьян 391.

Выксунский — 1648 мастеровых.

Велетьминский — 471 мастеровой.

Снаведский — 979 мастеровых, да причисленных после ревизии из мастеровых стеклянной фабрики — 48 мастеровых.

Верхнежелезницкий — 938 мастеровых.

А к 1850 г. относятся нижеследующие данные о крепостных рабочих, распределенных по двум группам — частновладельческих предприятий и поссессионных[1]).

	На поссесс. праве.
Калужская губ.	
Купца Засыпкина	1.198
Каверииной	478
Мещ. Лаврова	711
Купч. Масловой	406
Величковской и Мергасовой	1.210
Тамбовская.	
Мещанки Очкиной	988
Пензенская.	
Купца Манухина	1.222
Шт.-кап. Селезнева	641
Рязанская.	
Надв. сов. Смольянинова	1.170
Поруч. Полторацкого	1.060
Орловская.	
Купца Мельникова	716
	9.800

	На частно-владельч. праве.
Владимирская губ.	
Насл. Ивана Баташева	3.045
Шепелевых	1.411
Калужская.	
Кн. Бибарсовой	213
Ген.-м. Мальцева	5.442
Тамбовская.	
Шепелевых	593
Насл. Силы Баташева	2.855
Петра Баташева	313
Рязанская.	
Насл. Ивана Баташева	473
Тульская.	
Мосолова	330
Нижегородская.	
Шепелевых	6.598
Петра Баташева	1.268
	22.541

Несмотря на указанное выше сравнительно небольшое число рабочих, волнения на горнозаводских предприятиях во внутренних губерниях были далеко нередки, причем они находились до известной степени в связи с ухудшавшимся положением самих предприятий.

Дурным состоянием завода было, как видно, вызвано дело о неповиновении крестьян Брынского и Есеновского заводов купца Коробова в Калужской губернии. Пока завод находился в руках Демидова, иные крестьяне получали жалованье и сдельное вознаграждение. В то время завод работал полным ходом, и крестьяне так были заняты на нем, что не имели времени для сельского хозяйства. Когда же Демидов умер, и завод, перейдя в опеку, перестал действовать, крестьяне развели сельское хозяйство, на котором их интересы и сосредоточились. Новый же владелец не имел достаточно средств, чтобы повести дело, как предшественник, а потому работа крестьян ограничилась тем, что каждое тягло было занято на заводе всего один день в неделю. Когда крестьяне (541 душа) стали требовать за эту работу деньги, заводчик возражал, что по словесному условию, заключенному в 1807 г., они обязаны работать бесплатно. Выведенные из терпения, крестьяне, как можно предположить, начали поджигать лес, чтобы остановить действие завода. Жалобы ни к чему не приводили, так как поверенных арестовывали и отправляли

[1]) Архив истории труда в России, книга 3, стр. 138—139. О разделении заводов на поссессионные (в число коих вошли заводы не дворян, пользовавшиеся принудительным трудом) и на частновладельческие с целью взыскивать с первых повышенную подать,— см. Второе собрание законов, № 5888 (5 января 1833 г.).

в суд. Особенно упорными оказались 32 крестьянина. Когда известие дошло до Александра I (1809 г.), он велел привести их в повиновение, но вместе с тем расследовать, не терпят ли они притеснений. Но это распоряжение не помогло: зачинщики были наказаны, на дурное состояние завода было обращено внимание государственного казначея. Однако никакого улучшения в положении крестьян не наступило [1]).

С расстройством предприятия было связано и возмущение в 1822 г. мастеровых Гусевского завода Баташева, наследники которого долго тянули с разделом. Заработок мастеровых сократился вдвое. Вообще их стали наряжать на непривычные им работы и задерживали выплату вознаграждения. На этой же почве происходили волнения на Еремшинском и Мордушинском заводах того же Баташева [2]).

Волнения, как кажется, особенно усилились в 30-х годах 19-го века. Например, мы находим жалобу мастеровых Ряпкинского завода на притеснения [3]), сообщение о возмущении крестьян Унженского завода [4]). Вновь „оказали неповиновение и буйство“ мастеровые Гусевского завода Баташевых [5]). А Непложский завод Мосолова пришел в такое критическое состояние, что был поднят вопрос о продаже его за неплатеж недоимки, и тогда обнаружилось „стеснительное“ положение рабочих [6]).

Когда в 1822 году на Гусевском, Ермешинском и Мордушинском заводах произошли беспорядки, комитет министров нашел, что виною всему было расстройство в деятельности, наступившее со смертью Баташева, и наследникам было тогда предложено возможно скорее произвести раздел. Однако, и раздел не привел к восстановлению прежней деятельности Гусевского завода. Мы видели, что в 1832 году на нем возникли новые волнения. Это повторилось и в 1839 году. Так как заводы не могли работать в прежнем масштабе, то 126 мастеровых были обращены на добычу руды, дабы, оставаясь на заводе в бездействии, они не удорожили своим жалованием изделия. Им дали по 96 коп. путевых без вычета из жалованья, аванс рабочим по 2 рубля на неделю, а членам их семей — от 40 до 70 коп. каждому, в зависимости от возраста. Но некоторые мастеровые остались этим недовольны и требовали, чтоб им выдавали столько, сколько нужно на жизнь, какое бы количество руды они не добыли: если они меньше выработают — пусть завод понесет убыток, если больше — тогда они потерпят ущерб. Завод на это не согласился. Возникло замешательство, быстро прекратившееся. Мастеровые отправились на рудники. Но делу о неповиновении был дан ход. Местный уездный суд и московское горное правление, по указанию заводских приказчиков, присудили четверых мастеровых к наказанию плетьми и

---

1) Архив министерства внутр. дел, департамент полиции исполнительной, 1809 г., дело № 43/231.

2) Архив истории труда в России, кн. 9, стр. 155—157.

3) Архив горного департамента (опись 117), 1 ст., 1830 г., дело № 131/818.

4) Там же, 1831 г., дело № 134/837.

5) Там же, 1832 г., дело № 137/856.

6) Горный департамент, 3 отд, 1 стол, 1842 г., дело № 3.

к ссылке, но двое из них, как убедился горный суд, совершенно не были в числе зачинщиков, и таким образом жертвами описанного „неповиновения“ явились: двое главных зачинщиков, подвергнутые десяти ударам через палача и сосланные на поселение, и пять человек, подвергнутые десяти ударам через полицейских служителей [1]).

ДОНЕЦКИЙ БАССЕЙН.

Первые безрезультатные меры к разработке каменноугольных копей и железной руды. — Возобновление этих попыток в конце 18-го века. — Луганский завод и каменноугольные разработки в Екатеринославской губ. — Рабочая сила. — Положение приписных. — Замена их непременными работниками. — Безуспешные ходатайства непременных работников об освобождении их от горнозаводского труда. — Каменноугольное дело в Области Войска Донского. — Дальнейшее развитие каменноугольной промышленности. — Условия труда на Грушевском руднике.

Уже давно было известно, что территория, которую впоследствии заняли: Екатеринославская губерния своей восточной частью, Харьковская — своей южной и Область Войска Донского — своей западной частью, заключает в своих недрах каменный уголь. Но он веками лежал втуне [2]). Его промышленное значение было впервые понято лишь тогда, когда в конце 17-го века началось насаждение горного дела, которое было немыслимым без наличия горючего материала. Имеется сообщение, что увидев — по пути в Азов — кусок каменного угля, Петр I сказал: „Сей минерал, ежели не нам, то потомству нашему полезен будет“. Но Петр, как мы сейчас увидим, сам пытался использовать каменный уголь в связи с разработкой железной руды.

23 декабря 1722 г. Петр приказал: „На Дон в Казачьи городки, в Оленьи горы, да в Воронежскую губернию, под село Белогорье, для копания каменного угля и руд, которые об‘явил под‘ячий Копустин, из берг-коллегии послать нарочного, и в тех местах того каменного угля и руд в глубину копать сажени на три и более, и, накопав пуд по пяти, привезть в берг-коллегию и опробовать, и в оном копании руды и угля о вспоможении к губернатору Измайлову послать указ“. А 11 сентября 1723 г., находясь в доме своего наиболее образованного сподвижника

---

[1]) Архив горного департамента (опись № 117), 1 ст., 1839 г., дело № 169/404; там же, судное отделение, 1840 г., дело № 177/167 „О неповиновении мастеровых Гусевского завода — Муркина и проч. начальству при назначении их в работу на Карповские рудники“.

[2]) В настоящей главе использованы следующие исследования: *А. Скальковский* Каменноугольная промышленность в Новороссийском крае (1847 г. Оттиск из журнала минист. внут. дел.) — *И. Фелькнер.* Взгляд на состояние каменноугольной промышленности в земле Войска Донского и об антрацитовом Грушевском месторождении (Горный журнал, 1861 г. кн. 1). — *П. Фомин.* Горная и горнозаводская промышленность юга России, т. I (1915 г.). Ср. также: *А. Антипов.* Историч. очерк развития на Дону горного промысла (Труды Донского войскового статистич. комитета, вып. I, 1867 г.).

Якова Брюса, стоявшего во главе берг-коллегии, Петр отдал распоряжение послать из берг-коллегии нарочных на реку Днепр и его притоки „для осмотру и сыску каменного угля“ [1]). Вслед затем 9 ноября 1723 г. было отдано распоряжение — вызвать из Англии мастера Никсона с четырьмя помощниками. Англичане уже вскоре прибыли в Россию, и они вместе с Копустиным, который обнаружил руду, отправились в указанные им места. Они должны были „буравами щупать глубину“ и выяснить, „годно ли то уголье будет к кузнечным и прочим делам, против английского“. Для производства разведок должны были быть наняты работники [2]). Однако, эти ранние попытки не привели к каким-либо практическим результатам.

Только в 1790 году вновь заговорили о разработке каменного угля, когда начальник олонецких заводов Гаскоин, по инициативе Потемкина и местного помещика Штерича, ознакомившись с месторождением каменного угля у речки Белой, убедился в существовании не только угольных пластов, но и железной руды, годной для литейного дела. Гаскоин подал мысль устроить поблизости казенный завод, который работал бы на местном угле. Открытие угля и железной руды побудило Потемкина продолжать изыскания, в результате чего были обнаружены богатые каменноугольные копи в урочище Лисичьем Буераке (где в 40-х годах 19-го века добыча приняла громадные размеры).

Со смертью Потемкина дело остановилось, но в 1794 г. Гаскоин и Штерич вновь подняли вопрос о литейном заводе, и в 1795 г. состоялось повеление — основать в Донецком (Славяносербском) уезде Екатеринославский литейный завод и начать добычу каменного угля, причем тогда же указаны были источники рабочей силы. Наиболее квалифицированные мастера ожидались из Англии. Прочую массу мастеровых должны были составить 300 человек с липецких заводов и 100 с олонецких. Для добычи каменного угля и для работ при „огненных“ (паровых) машинах, для укрепления штолен и галлерей, для кладки каменного угля к обжигу и для других таких работ предназначались преступники и шатающиеся люди, между прочим, из рядов бывших польских войск. А для подсобных работ имелись в виду крестьяне из числа тех, которых предполагалось купить у однодворцев в Тульской и Курской губерниях для поселения у Ингула,—2000 человек из этих крестьян подлежали поселению при заводе. Кроме того, 300 человек было велено купить у тех помещиков, коих мельницы в виду постройки завода должны были быть снесены — покупка крестьян являлась своего рода компенсацией [3]).

---

[1]) *Герман*. Историч. начертание горного производства, ч. I, стр. 86—87. — См. также Записки Одесского Общества истории и древностей, т. I (1844 г.), стр. 372 и след.

[2]) Записки Одесск. Общества истории и древностей, т. I, стр. 372—4.

[3]) Первое собрание законов, № 17408 (14 ноября 1795 г.) — В 1797 г. завод был переименован в Луганский, так как Павел I старался вытравить память о своей матери Екатерине II.

Указанное выше количество рабочих фактически не было полностью мобилизовано — пришлось ограничиться меньшим числом, но и при этих условиях снабжение их продовольствием представляло известные затруднения. В целях обеспечения 200 мастеровых, взятых с олонецких и липецких заводов, а также „для самой угольной ломки", было велено наделить каждого из них землею при казенном имении „Третья Рота" в размере 15 десятин, но уже после удовлетворения тамошних жителей стольким же количеством десятин [1]).

Заработная плата мастеровых первоначально не была точно установлена в виде жалованья. Гаскоин ввел ту же систему сдельной оплаты „по способности и искусству", какой он придерживался на олонецких заводах. Что касается приписных поселян, то они должны были, по завершении сельско-хозяйственных работ, отрабатывать при заводе подушную подать. Но к ним нельзя было применить обычную оплату труда приписных. И вот почему. На юге нет зимних дорог, которыми приписные пользовались в других горных районах, да и рубка дров и жжение угля, составлявшие самую трудную обязанность в других горных районах, должны были быть здесь заменены другими работами; наконец, возка материалов производилась не на лошадях, как повсюду, а на волах. И было постановлено платить приписным к Луганскому заводу за воз в 60 пудов, при паре волов, по копейке за версту (30 верст в сутки), а за прочие работы — согласно общему плакату. Указанная плата за возку была ниже той, которую брали вольнонаемные (по копейке с пуда на каждые 40 верст), но последние приходили издалека и жизнь им обходилась дороже, чем местным поселянам [2]).

К 1807 г. имелось уж пять казенных рудников, давших в общей сложности за 1796—1806 годы около 2.500.000 пудов каменного угля, из коих 2.200.000 пудов выпали на долю старейшего рудника при Лисичьем (Лисичанске). И в связи с этим упрочением угольного дела, служившего основой для литейного завода, положение рабочих было более точно урегулировано.

Мастеровые, получавшие жалованье, работали 12 часов в сутки. Их годовой оклад был трожкий: 24 р., 20 р. и 16 р., а малолетних — 8 р.; исправным выдавались еще наградные в размере полумесячного оклада; жалованье и наградные уплачивались ежемесячно; сверх того, на основании закона 1799 г., мастеровые получали провиант [3]). Сдельное вознаграждение обычно составляло двойной оклад или около того. Подсобным занятием для мастеровых являлось огородничество, а для их жен — рукоделие; особые скупщики возами забирали у них эти изделия для продажи в городах.

---

[1]) Первое собрание законов, № 18350 (27 января 1798 г.).

[2]) Первое собрание законов, № 18492 (21 апреля 1798 г.).

[3]) См выше, стр. 141.

В 1815 г. состояло мастеровых:

	Угольные ломки.	Луганский завод.
Стариков	37	83
Полных работников	291	493
Малолетних	267	489

Приписные стали работать с 1799 г. Урок выражался в возке 120 пудов материалов,— за это уплачивалось 1 р. 70 к. да за проезд, в зависимости от расстояния, от $1^3/_4$ коп. до $17^1/_2$ коп. Вплоть до 1811 г. приписные исправно исполняли свои обязанности. С этого времени они неоднократно жалуются на свое тяжелое положение, возбуждают просьбы об освобождении их от обязанностей по отношению к заводу, а вместе с тем нарастает их долг казне, вызывавшийся тем, что в случае неявки приписного в срок заводское управление обращалось к вольнонаемному труду, оплачивавшемуся дороже. То, что при этом переплачивалось относилось на счет приписных. Так как вольнонаемные возчики брали по $6^1/_2$ коп. с пуда, т.-е. за урок — 120 пудов — 7 р. 80 к., то на каждого приписного насчитывалось, за вычетом 1 р. 70 к.,— всего по 6 р. $10^1/_2$ к., что составило с 1812 г. по 1817 г. недоимку в 108.000 руб.

В 1817 г. приписные подали жалобу государю. Он велел обратить внимание на их положение. Вследствие этого комитет министров постановил рассрочить долг на 12 лет, от заводских же работ их не освободил. Однако, приписные продолжали уклоняться от явки и местное горное начальство поддержало их просьбу об освобождении от работ. Оно мотивировало это тем, что было предположено перевозить грузы на волах, между тем к заводу оказались приписанными не малороссы, имеющие волов, а русские крестьяне, которые пользовались лошадьми, жили далеко от завода и которым, благодаря этому, перевозка обходилась дороже. Вообще горное начальство предложило заменить русских крестьян малороссами, жившими в Славяносербском и Бахмутском уездах, как раз по пути от Луганского завода к угольной ломке. Это были однодворцы, выходцы из соседних государств, некогда составлявшие пограничные военные поселения, но с течением времени обратившиеся в обычных поселян. При этом, ввиду вздорожания жизни, горнозаводское начальство указывало на необходимость или увеличить размер вознаграждения, или приписать втрое больше крестьян, чтобы работа каждого сократилась в три раза, или же, наконец, как на Урале, назначить 432 непременных работника [1]).

Последнее предложение было признано наиболее целесообразным. Быть может, потому, что в то время усилились поиски руды в окрестностях завода [2]), и потребность в постоянных работниках должна была

---

[1]) Архив горного департамента, 2 отд., 3 ст. (опись № 65), 1818 г. дело № 131/1035 „Улучшение положения заводских людей Луганского завода и укомплектование его непременными работниками“.

[2]) Архив горного департамента, 2 отд., 3 ст. (опись № 65) 1819 г. дело № 145/981 «О поиске руд в окрестностях Луганского завода».

возрасти. В 1820 году состоялось постановление о снабжении заводов непременными работниками, причем оно было об'яснено, с одной стороны, тяжелым состоянием приписных, а с другой — необходимостью, чтобы литейный завод работал и чтобы добывался каменный уголь. Третья Рота и Каменный Брод, населенные однодворцами, были зачислены в 1821 г. целыми селениями в непременные работники на том же основании, как это было проведено за пятнадцать лет до того на Урале [1]).

Новые горнозаводские рабочие, по их словам, „безропотно приняли звание работников". Но уже вскоре они почувствовали, как печально их положение в сравнении с другими казенными крестьянами. Они стали претерпевать самые различные притеснения со стороны маркшейдера Козина, представленного незадолго до того к награде за поиски руды. Чувствуя себя полновластным перед лицом непременных работников, он не только наносил им материальный ущерб путем вымогательства, но и приводил их в убожество тем, что заставлял работать и в праздничные дни, и в страдную пору, причем порою вынуждал их работать для него лично и для других чинов заводского управления. Наиболее сильных работников он отправлял на добывание угля, где они попадали в общество преступников.

Непременные работники недолго покорно мирились со своей новой участью. Они подали государю жалобу на Козина и стали просить освободить их от заводской работы, заранее соглашаясь даже на то, чтобы их переселили в другие места, если их земля, лежащая у завода, нужна казне. Жалобе был дан ход. Луганское заводское правление признало, что Козин в некоторых случаях поступал противозаконно, но другие его действия оправдывались заводскими интересами. Непременных работников, предназначенных для подсобных работ, Козин, действительно, отправлял на угольные шахты. Там они работали в три смены [2]) и получали сдельную плату, далеко превышавшую оклад жалованья, — но иначе он не мог поступить, так как работа в этом случае остановилась бы, и тогда штольни оказались бы залитыми водою, что угрожало обвалом. С той же целью, т. е. чтобы не остановилась добыча каменного угля, непременные работники брались к заводу в страдную пору, но не все сразу, а частями. Наконец, было признано правильным и то, что Козин переселил 60 работников в местность, где происходила добыча угля. В виду того, что Козин допустил противозаконные действия, было велено передать дело в военный суд, но исполнение этого распоряжения затянулось, несмотря на напоминание, что разбор дела военным судом необходим, чтобы отвратить повод к новым жалобам со стороны непременных работников „на невнимание к их положению". Конечно, непременных работников больше интересовало полное освобождение от

[1]) Первое собрание законов, № 28515 (10 января 1821 г.).

[2]) Вероятно, каждая смена по 12 часов: попеременно одна партия работала днем, другая ночью, третья отдыхала.

заводских работ. Они неоднократно возбуждали соответствующие ходатайства, но в 1835 г. их домогательство было решительным образом отклонено [1]).

В двадцатых годах 19-го века разрабатывались в Донецком бассейне 23 „прииска каменного угля“, преимущественно в Бахмутском и Славяносербском уездах. Кроме казны, каменноугольным делом занимались помещики и „казенные поселяне“. Впрочем, их было немного, так как они не обладали ни познаниями, ни денежными средствами; наконец, уголь еще не успел к тому времени вытеснить другие местные виды топлива (бурьян, кизяк, камыш).

Кроме Екатеринославской губернии, о которой мы до сих пор говорили, каменноугольные рудники имелись и в соседней Области Войска Донского. Но так как в области права на недра принадлежали только местным уроженцам, да и то размер отводимых участков земли для разработки не превышал сперва 1500 квадратных саженей, а потом (с 1856 года) 5000, то каменноугольное дело здесь стало развиваться позже и медленнее. Однако, в 30-х годах уже были известны Грушевские разработки. Казаки дер. Поповской закладывали на правом берегу р. Грушевки шахты в 5 — 7 саж. глубины и отдавали их „посторонним работникам“ на условиях испольной разработки, т. е. часть добычи поступала в распоряжение владельца шахты. Испольный работник зарабатывал 1 — $1^1/_2$ руб. сер. в день.

В дальнейшем крестьяне Екатеринославской губернии продолжали заниматься угольным делом, но с упехом разработка производилась ими только в Бахмутском уезде — в Никито-Зайцевском месторождении (220.000 пудов в год) и на Железной Балке. Поселяне добывали уголь особыми артелями, но случалось, что они отдавали разработку угля промышленникам на откуп [2]), хотя еще в 1827 г. министр финансов запретил отдачу на откуп, дозволив крестьянам добывать уголь только на собственную потребность.

С конца тридцатых годов каменный уголь начинает выходить за пределы местного рынка. Вместе с тем расширяется местное потребление его. Из 876 тысяч пудов, добытых в 1839 г., только 47% идет на Луганский завод, а ведь в 1806 г. завод поглощал 73% добычи. В связи с этим разработка угольных месторождений все расширяется, и техника кое-где прогрессирует. В Лисичанском руднике шахты дошли до 47 саженей глубины, а потому для под‘ема угля и отливки воды работали три паровых машины. Постоянных горнорабочих при этом руднике насчитывалось до 500 человек, а в двух селениях, устроенных для горнорабочих и их семей, проживало всего до 2400 душ.

---

[1]) Архив горного департамента, 2 отд., 3 ст. (опись № 65), 1821 г. дело № 185/767 „По жалобе непременных работников“. Архив министерства внутрен. дел, департамент госуд. хозяйства, 1821 г. дело № 326 „По просьбе однодворцев Екатеринославской губ., села Каменного об избавлении их от заводских работ“ (группа однодворцев, которые, по их словам, были дворянского происхождения).

[2]) *Скальковский.* (1847 г.).

Десять лет спустя общая производительность каменноугольных и антрацитовых копей достигла в Екатеринославской губернии 1.270.000 пудов, в Области Войска Донского — 1.450.000 (кроме Грушевских рудников, где разработка угля была частным лицам в 1841 г. запрещена).

Во второй половине сороковых годов вольнонаемным работникам на Грушевских рудниках платили за выбитие и выемку пуда антрацита из шахты наверх и складку его при шахте, с их освещением рудника: высшая цена — 12½ коп., средняя — 9½ коп., низшая — 7 коп. ассигн. Неустойчивость заработной платы вызывалась неустойчивым предложением рабочих рук не только по годам, но и по временам года: весенний и особенно летний уходы рабочих на полевые работы влекли за собой повышение заработной платы, а поздней осенью и особенно зимой заработная плата падала в виду прилива свободных рабочих рук. Кроме того, размер заработной платы менялся по рудникам, в зависимости от технических условий работы — „в рудниках безопасных, сухих, более развитых штреками, имеющих свободный текучий воздух, необходимый для дыхания людей и горения огня, работники нанимаются охотнее и берут цены с понижением против цены в тех рудниках, где менее одобств“ [1]).

К 1850 году, как это видно из нижеприводимых цифр о добыче каменного угля и антрацита (в тысячах пудов), казенная разработка (пользовавшаяся принудительным трудом) и крестьянская упали, а вместе с тем сильно возросло значение войсковых месторождений.

Разработка.	40-е годы.	1850 г.
Казенная	710	600
Помещичья	342	310
Крестьянская	220	150
Войсковая	1.450	2.200

В связи с последним обстоятельством стали поступать ходатайства об отмене монопольного права казаков. И расширение частной инициативы представлялось тем более необходимым, что старый Грушевский рудник стал истощаться, и многие шахты были затоплены благодаря тому, что из за недостатка рабочих рук и „негорения свечей в руднике“ работы приостанавливались. И вот, постепенно правила, стеснявшие разработку угля в Области Войска Донского, были смягчены. К 1860 году было 33 месторождения, вымежеванных в войсковую собственность, но Грушевское оставалось наиболее значительным.

Грушевский рудник внешне представлял собою грустную картину. Если хозяева шахт жили в домиках или палатках, то рабочие помещались в землянках, а бараки были отведены для лавок, в которых глав-

---

1) *Фомин.* стр. 93.

ным предметом торговли служила водка. И в техническом отношении Грушевский рудник являл собою пример самого элементарного способа разработки.

Рабочие на Грушевку приходили из внутренних губерний: Воронежской, Тамбовской и Тульской, преимущественно зимою. Они работали артелями и договаривались с шахтовладельцами, за известную плату с пуда годного в продажу антрацита, добыть его, закрепить и заложить выработанное пространство, доставить к шахте, поднять на поверхность, а, кроме того, чинить инструменты. Шахтовладелец, со своей стороны, брал на себя заботу об отливке воды и ремонте орудий и каната. К 1860 году за указанную работу артель получала по $2^1/_2$ копейки с пуда антрацита — в те дни, когда рабочих было много, а требование на уголь понижалось; при наличии же меньшего числа рабочих и при большем количестве действовавших шахт цена поднималась до $4^1/_2$ и 5 коп. сер. Некоторые шахтовладельцы повышали цену, чтобы привлечь рабочих, но вместе с тем они отпускали из лавок товары и особенно водку по таким ценам, что не только весь заработок рабочих оставался в руках хозяина, но рабочие, не умеренные в потреблении водки, впадали в долги. Озлобленные, они нередко пользовались затруднительным положением шахтовладельца, чтобы, нарушая договор, повысить заработную плату. Они также порою бросали работу, когда забой удалялся от шахты и доставка антрацита по узкому ходу становилась крайне утомительной. При благоприятных условиях член артели в день вырабатывал до 50 пудов антрацита, так что сдельная плата могла достигать 2 рублей сер., но в среднем ее следует считать в 1 р. 50 к. сер.

Смертные случаи на рудниках не были редким явлением. Разрыв каната и употреблявшиеся при порохострельной работе железные приспособления вместо медных неоднократно влекли за собою человеческие жертвы.

Особенно трудно приходилось рабочим зимою, когда устья шахты, слабо защищенные узким навесом, подвергались влиянию морозов. При отливке воды бадейщики находились в самых тяжелых условиях. „Сырость, ветер и мороз — вот три элемента, с которыми — говорил в 1860 году один исследователь — приходится бороться их закаленному здоровью. Поистине, должно признаться, что только одна русская натура без стона и упрека, без жалобы и ропота в состоянии переносить эти невзгоды“. Летом работа в шахтах затруднялась, и даже приостанавливалась в виду того, что свечи не могли гореть. Этим об‘яснялся уход рабочих весною на другие заработки. И неустойчивость рабочей силы привела к мысли о необходимости создать в окрестностях Грушевки постоянное „сословие горнорабочих“, так как перерывы в рудничной работе являлись одной из главнейших причин неудовлетворительного состояния Грушевского рудника [1]).

---

[1]) *Фелькнер*, названное сочинение.

КАВКАЗ.

Зарождение горнозаводского промысла. — Переход Грузии к России. — Попытки организовать в Грузии горное дело. — Рабочая сила. — Добыча нефти. — Слабое развитие нефтяного промысла.

Сохранились древнейшие сказания о различных металлах, таящихся в недрах Кавказа. Знаменитый греческий географ Страбон, при жизни которого началось исчисление нашей эры, сообщает о богатстве Колхиды, лежавшей у Черного моря, обильной золотом, серебром и железом. А остатки старых выработок свидетельствуют, что некогда здесь добывались медь, свинец, нефть и минеральный уголь. Но помимо примитивности способов разработки, развитию горной промышленности мешали междуусобия отдельных владетелей и хищнические набеги горцев. И вот почему в течение столетий горной промышленности на Кавказе почти не существовало [1]).

В середине 18-го века начало было упрочиваться горное дело в Грузии. Грузинский царь Ираклий II, зная, что когда-то добывалась серебряная руда у Ахтальского монастыря, несколько южнее позже возникшего Алавердского горного завода, долго безуспешно старался привлечь к горному промыслу греков, занимавшихся горным делом в Турции,— те отказывались приехать в виду тревожной жизни в Грузии. Наконец, ему все же удалось склонить одного грека с несколькими товарищами приняться за работу в окрестностях Ахтальского монастыря; вскоре поблизости была открыта медная руда. Этот успех привлек многих греков. Сперва был основан серебряный Ахтальский (Ахталинский) завод, а в 1770 г. в горе Ляльвар (по-татарски — драгоценные камни) — медный Ляльварский завод, позже переименованные в Алавердский и Шамблугский заводы. Серебра добывалось в год от 90 до 150 пуд., а меди — от 5 до 15 тысяч пудов.

В 1785 г. Омар-хан Аварский разорил рудник, частью перебил, частью забрал в плен рудокопов. Два года спустя работы на рудниках возобновились, хотя с меньшим успехом. Но в 1795 г. рудники вновь подверглись разрушению при вторжении персов — 700 греческих рудопромышленников были убиты и 836 уведены в плен. Эти рудопромышленники с членами своих семей сами добывали руду, отдавая известную часть добычи царю, который, с своей стороны, доставлял им до тысячи людей для рубки дров и жжения угля. После персидского нашествия горное дело до того сократилось, что рудники были отданы за самую скромную плату в аренду двум армянам, которые, впрочем, извлекли из нее большую выгоду благодаря тому, что „притесняли работавших рудопромышленников“. т.-е. горнорабочих.

---

[1]) Исторический очерк развития горного дела на Кавказе. Под редакцией М. Шостака (Тифлис, 1901 г.). Очерк написан по материалам местных архиво-хранилищ. — Обзор Бакинской нефтяной промышленности за два года национализации 1920—22 гг. — *С. Гулишамбаров.* Очерк развития и современное состояние нефтяной промышленности (Тифлис, 1879 г.).

Ища защиты от враждебных соседей, цари Иверии (так прежде называлась большая часть Грузии) прибегали к покровительству России и, между прочим, просили о содействии в целях разработки горных богатств. Начиная с 1767 г., неоднократно снаряжались экспедиции для исследования кавказских недр, но воинственно настроенное население мешало экспедициям и делало их работу безуспешной. Положение изменилось, когда в 1801 г. Грузия была присоединена к России. Член берг-коллегии граф. Аполлос Мусин-Пушкин разработал план организации горного дела, сводившийся к тому, чтобы выгодами его пользовались не откупщики, а возможно большие круги местного населения и чтобы для правильной постановки горных работ и для приискания каменного угля были командированы горные и заводские мастера с сибирских и алтайских заводов, а также двое англичан с Луганского завода [1]) под начальством известного горнозаводского деятеля Гаскоина. Этот проект был утвержден, и Мусин-Пушкин, снабженный широкими полномочиями, отправился на Кавказ во главе специальной горной экспедиции.

Однако, надежды на большую добычу не оправдались; недра не представляли собою того богатства, которое рисовалось в воображении благодаря древним преданиям, об'ясняющимся, вероятно, тем, что некогда металл добывался без труда, с поверхности земли, золото встречалось самородками, и потому все это действительно составляло ценность. Но, не говоря о разочаровании, дело тормозилось реальной опасностью со стороны воинственных горцев и отсутствием необходимого числа вольнонаемных рабочих и лошадей. Для годового действия медноплавильного Алавердского и серебряного Ахтальского заводов нужен был 3661 рабочий, а на лицо находилось всего 2256. Поэтому было велено преступников, приговариваемых местной властью к наказанию плетьми и к ссылке, наказывать шпицрутенами и сдавать на горные заводы в работу [2]). Вместе с тем были об'явлены льготы для переселенцев. Их освободили от повинностей и податей, а также предоставили права и преимущества наравне с коренными жителями, лишь бы привлечь новые силы к горному делу. Хотя управление заводами принадлежало казне, все же приходилось пользоваться услугами греков. Последние утверждали, что при новых порядках добываемая медь не обладает достаточной ковкостью, и действительно, цена на медь стала падать, угрожая заводам большими убытками. На ходе дела отразилось и то, что от чумных эпидемий погибло много казенных работников — из числа поселенных 200 русских в живых осталось всего 71, а из среды греков-рудокопов чума вырвала несколько сот греков. Некому было работать.

Вскоре горное начальство убедилось в убыточности казенного управления, и было решено в целях развития горного дела передать существующие заводы и рудники в руки частных лиц, преимущественно гре-

---

[1]) Первое собрание законов, № 20277 (20 мая 1802 г.)—о командировании англичан.

[2]) Первое собрание законов, № 20742 (1 мая 1803 г.).

ков, и предоставить всем и каждому свободно заниматься добыванием руды. При таких обстоятельствах вопрос о рабочей силе должен был приобрести особое значение. И он был разрешен следующим образом: давать горнопромышленникам на рудники и заводы крестьян из ближайших селений за определенную сдельную плату по условию. Каждый такой крестьянин работает на горнозаводском предприятии в году не более двух месяцев, и за это он освобождается от шестой доли подати. Это были приписные, которые, однако, проводили на горных работах меньше времени, чем приписные в других горных районах.

Работы на Алавердских и Ахтальских рудниках возобновились, но новая руда оказалась уже значительно обедневшей. И тогда внимание сосредоточилось на разработке Дамблудского серебряного рудника, вблизи которого виднелись обвалившиеся шахты и развалины завода, вероятно, брошенного греками при нападении в 1793 году лезгин. Но рудник оказался мало пригодным. И другие многочисленные поиски чаще всего оставались безрезультатными, или вновь открытые рудники быстро истощались.

Между тем старые—Алавердский и Шамблугский заводы влачили жалкое существование, что, конечно, отражалось на положении рабочих. Рудопромышленники жаловались в 1829 г., что из-за недостатка рабочих рук производство останавливается, и они впали в такое состояние, что не имеют средств к пропитанию, а крестьяне Борчалинской и Казахской дистанции указывали, что вследствие частых набегов неприятеля им приходится сверх горнозаводских работ нести повинности военного времени, благодаря чему они разорены.

Это привело к тому, что правительство выдало ссуду рудопромышленникам [1]), а вместе с тем подняло вопрос о положении крестьян, обремененных горнозаводской работой. Было велено, вместо высылавшихся на заводы 165 крестьян, впредь отправлять из Борчалинской дистанции—30 человек, а из Казахской—70, да и то лишь по окончании войны с Турцией. Для того же, чтобы не остановить производства, тифлисский губернатор должен был высылать по 50 человек [2]).

Отметим, что при Алагирском заводе была учреждена в 1853 г. „сберегательно-заемная касса" для горных нижних чинов завода. Первоначально, получив тысячу рублей из строительно-заводской суммы, касса уже вскоре вернула долг и стала существовать на сбережения, вносившиеся участниками кассы. Сперва дозволенная лишь для опыта, она в 1857 году была окончательно санкционирована [3]).

Частые волнения и малонаселенность края, а также трудности передвижения парализовали горное дело. До 70-х годов 19-го века горная

---

[1]) Ср.: Архив горного департамента, 3 отд., 1 стол, 1829 г., дело № 11 „О бедственном положении работающих на Алавердском и Шамблугском заводах, о выдаче рудопромышленникам в Грузии ссуды и пр."

[2]) Ср.: Архив горного департамента, 3 отд., 1 стол, 1833 г., дело № 4 „По указу правит. сената касательно назначения для работ на Алав. и Шамбл. заводах крестьян".

[3]) Второе собрание законов, № 31613.

промышленность, проявляясь лишь в небольших районах, не страдавших от набегов горцев, ограничивалась выплавкою меди в Тифлисской и Елизаветпольской губерниях, серебра и свинца на Алагирском заводе и незначительной разработкой угля в Кубанской области.

В таком же зачаточном состоянии в ту пору находилась и добыча нефти в Бакинской и Тифлисской губерниях, позже столь мощно развившаяся. Нефть издавна была известна в [качестве лечебного средства, а в 18-м веке кое-где в сыром виде служила для освещения улиц. Но как горючий и топливный материал, пригодный для разнообразного и широкого употребления, она приобрела значение лишь во второй половине девятнадцатого века.]

Нефтяная область Кавказа начинается с Керченского полуострова и продолжается на Тамани и северном склоне западного Кавказа; далее нефть встречается на Кавказе в разных местах, напр., в окрестностях Тифлиса, у Владикавказа, Грозного, Дербента, Петровска. Но наибольшее нефтяное богатство скопилось в окрестностях Баку. Эти нефтяные месторождения на Апшеронском полуострове (у восточного склона Кавказского хребта) занимают небольшую площадь — в окрестностях селений Балаханы, Сабунчи и Биби-Эйбат, но они чрезвычайно обильны в недрах. Апшеронские месторождения были издавна известны благодаря тому, что газы, выделяющиеся там из-под земли сквозь трещины, легко загораются на поверхности, и эти огни считались священными. На поклонение им в особых капищах стекались толпы последователей учения Зороастра (Заратустры), основателя персидской религии, в которой огонь служил очистительным средством.

В течение веков нефтяной промысел был крайне ограниченным, так как нефть применялась лишь в сыром виде для сжигания в особых глиняных горшках или в качестве грубого смазочного, а также лечебного средства. В связи с этим нефть добывалась элементарным способом — ее черпали из колодцев кожаными мешками (бурдюками) посредством веревки, перекинутой через блок. Она вывозилась преимущественно в Персию, где употреблялась, как осветительный материал.

Когда в 1723 г. Бакинское ханство перешло к России, Петр I приказал генералу Матюшкину „белой нефти тысячу пудов или сколько возможно прислать и поискать мастера", но 13 лет спустя ханство вышло из-под русского владения. Лишь в 1813 году Бакинское, Кубинское и Дербентское ханства были окончательно присоединены к России, и нефтяные источники, принадлежавшие ранее хану, стали государственной собственностью. Первоначально на них почти не обращалось внимания — нефти добывалось мало, к тому же она была дурного качества. В 1820 г. колодцы были отданы в частное арендное содержание — сперва за 140 тысяч рублей в год, а затем арендная плата уменьшилась до 67 тысяч рублей, так как охотников на это дело было весьма мало. В 1834 г. желающих взять в аренду колодцы не оказалось. В заведывание колодцами вновь вступила казна. Но потом опять появились арендаторы, платившие,

впрочем, незначительную сумму денег. И благодаря такому переходу месторождений из рук в руки дело ни в техническом, ни в коммерческом отношении не прогрессировало.

В 1823 г. была сделана первая попытка обработки нефти. Два брата Дубинины, крестьяне Владимирской губернии, крепостные графини Паниной, построили в Моздоке завод „для превращения черной нефти в белую“ посредством ее перегонки. Полученный таким способом „фотоген“ они стали возить в Москву и Н.-Новгород, но, не встретив поддержки, Дубинины не могли развить дела. Дальнейшие подобные попытки также оказывались безрезультатными в практическом отношении, вследствие чего потребление бакинской нефти не увеличивалось. В 1845—47 годах добыча на бакинских промыслах не превышала 250 тысяч пудов в год, и в ближайшие годы не замечалось ее роста.

Само собою разумеется, что при описанных условиях рабочие на нефтяных промыслах ни в количественном, ни в отношении квалификации не представляли собою в ту пору сколько-нибудь значительной силы. Нефтепромышленным рабочим надо было прождать еще несколько десятилетий, чтобы иметь возможность заявить о себе.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

